

Е.Г.Гимпельсон

НЭП И СОВЕТСКАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
20-е годы

МОСКВА 2000

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Е.Г.Гимпельсон

**НЭП И СОВЕТСКАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
20-е годы**

Москва 2000

042(02)1

Основная задача монографии - ответить на вопросы о причинах отказа правящей Коммунистической партии от новой экономической политики и установления в СССР диктатуры Сталина. Исследуются состояние советской политической системы, взаимодействие ее с политикой партии, экономикой, властными структурами, общественными организациями, а также объективные и субъективные обстоятельства, предопределявшие судьбу нэпа; прослеживается процесс его свертывания. Анализируется путь восхождения Сталина к абсолютной власти, создание им опоры из многочисленного чиновничье-бюрократического партийного и государственного аппарата.

В книге широко использованы ранее недоступные ученым документы архивных фондов государственных и партийных ведомств, раскрывающие методы функционирования «диктатуры пролетариата», осуществления Коммунистической партией функций государственной власти, роли репрессивных органов в обеспечении устойчивости советской политической системы.

Для ученых-обществоведов, аспирантов, студентов и всех интересующихся отечественной историей.

Работа подготовлена в центре «Россия, СССР в истории XX века»
ИРИ РАН

ISBN 5-8055-0044-0

© Институт российской
истории РАН, 2000 г.

«История - не ремесло часовщика или краснодеревщика. Она - стремление к лучшему пониманию, следовательно, - нечто, пребывающее в движении».

Блок М. Апология истории или ремесло историка.
М., 1986. С. 11.

ВВЕДЕНИЕ

20-е годы в советской истории – период новой экономической политики, когда решался вопрос о выборе между альтернативными путями развития страны: товарно-рыночным, демократическим и монополично-государственным, тоталитарным, полностью подчиненном Коммунистической партии. Это время, когда Сталин, будучи Генеральным Секретарем партии, утверждал свою абсолютную власть над ней и государством, устранял оппозиции «слева» и «справа». К концу периода политические споры, дискуссии, аргументы уступили место сакральному слову Сталина; государство стало инструментом личной тирании вождя, его всеохватывающего контроля во всех сферах общественной и частной жизни граждан.

Почему это произошло? Почему потерпела неудачу новая экономическая политика? Существуют различные ответы на эти взаимосвязанные вопросы. Один из них: нэповский процесс свернул Сталин. Этот ответ, особенно часто повторявшийся в первые годы т.н. «перестройки»,

не раскрывает всех обстоятельств — объективных и субъективных — предопределивших конец нэпа и полную победу Сталина. Другой: нэп к концу 20-х годов себя исчерпал экономически. При этом как бы игнорируется роль в этом политики, в основе которой были доктринальные идеи партии. Ныне в ряде работ эта проблема рассматривается более углубленно, с учетом экономических и политических обстоятельств 20-х годов. Предлагается учитывать также исторические традиции российской государственности, менталитет населения и, конечно же, характер большевистской партии, установившей в ходе гражданской войны свою монопольную власть в стране. Однако в историографии отсутствует, на мой взгляд, один из важнейших компонентов, именно: нэповская экономическая реформа не сопровождалась соответствующим реформированием сложившейся в годы гражданской войны советской «военно-пролетарской» политической системы — механизма утверждения и осуществления политики правящей партии, не произошло ее подлинной демократизации, Коммунистическая партия по-прежнему властвовала методами командования, продолжая курс на осуществление ее доктринальных идей. Писатель А. Рыбаков в «Романе-воспоминании», размышляя о причинах неудачи попыток Н. Хрущева «спасти Революцию от сталинской продажной бюрократии», пишет об их обреченности вследствие непоследовательности его «реформ». «Истинные реформы общества несовместимы с полумерами. Полумеры ведут либо к реставрации (Хрущев — Брежнев), либо к изменению общественного строя (Горбачев — Ельцин)»¹. Справедливость мысли автора об обреченности «полуреформ» подтверждается и анализом причин ликвидации нэпа. Непоследовательность, противоречивость нэповских реформ, их несовместимость с сохранившейся от периода «военного коммунизма» авторитарной однопартийной советской политической системой привели к параличу новую экономическую политику, оставляли почву для «перерождения»

диктатуры партийной в диктатуру «вождя» и самовластного использования им государственного механизма. Советская политическая система обескровливала экономические (нэповские) предпосылки, которые могли бы привести к иному исходу, обеспечив переход к рыночному и демократическому обществу.

К этому выводу автор данной монографии пришел уже в результате работы над книгой «Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг.», изданной в 1995 году. Логично возникла потребность в продолжении темы в хронологических рамках 20-х годов* Ставится задача исследовать состояние политической системы, сформированной в годы гражданской войны, в условиях проводимой новой экономической политики, ее взаимодействие с процессами, протекавшими в различных сферах жизни общества — экономической, политической, социальной.

20-е годы — время крайне противоречивое. Здесь — борьба противоположных тенденций: в экономике — рыночной и антирыночной, в политике — к либерализации и к ужесточению режима, переплетение усиливающегося партийно-государственного диктата и революционного пафоса значительных масс народа, считавших, что они строят прекрасное будущее — социализм. Здесь — теоретико-идеологическая борьба по вопросам толкования ленинизма и в известной мере отход от него — становление «сталинизма» как продолжение ленинизма.

С учетом особенности, противоречивости десятилетия предложена структура книги. Она предусматривает рассмотрение всех вопросов по двум периодам в соответствии с ведущими тенденциями их экономического и политического развития. Первый — 1921–1925 годы. В это время экономическая реформа, хотя очень противо-

---

* И в предлагаемой книге под политической системой (или политической организацией) общества имеются в виду совокупность политических институтов и общественных организаций, их взаимодействие в осуществлении ими функций и требований, диктуемых политическими, социальными и идеологическими установками режима.

речиво, развивалась и достигла своего пика в середине десятилетия. А политическая система реформировалась лишь частично, партийно-государственное руководство стремилось сохранить ее такой, какой она сформировалась в годы «военного коммунизма», что определяло непоследовательность и экономической реформы. Второй период — 1926—1929 гг., когда шло затухание нэпа и под конец — полное его свертывание. Взаимодействие политической и экономической систем продолжалось, но уже в виде контрреформ, способствовавших установлению сталинской диктатуры. Если в первой половине десятилетия экономическая реформа подталкивала политическую систему к реформированию, то во второй половине — политическая система стала тянуть экономическую к усилению «военно-коммунистических» тенденций, а партийная диктатура на рубеже 20-х — 30-х годов сменилась единоличной диктатурой Сталина, ставшей основой и характерной чертой советской политической системы на протяжении полстолетия.

Одна из важнейших составных частей истории советской политической системы в годы нэпа — проблема власти. Каковы были пути и рычаги реализации власти над людьми и в целом над народом; как власть диктовала образ жизни и мысли людей; как механизм власти определял развитие страны по пути к социализму, являясь орудием большевистского эксперимента, и, в свою очередь, претерпевая изменения на различных стадиях реализации этого эксперимента? Все эти и многие другие вопросы ныне в центре исследований исторической науки, переосмысления всей советской истории и ее историографии. Все более очевидным становится, что крушение советской политической системы в начале 90-х годов произошло не случайно. Уже в годы нэпа выкристаллизовались и в конечном итоге сложились элементы этой системы, которые, с одной стороны, ее цементировали, позволили существовать длительное время, с другой — явились источниками неизбежного ее краха.

В соответствии с задачами монографии в ней освещаются вопросы строительства и функционирования государственных институтов, общественных организаций, их взаимодействие в осуществлении ими объективных требований, диктуемых пришедшими на смену «военному коммунизму» товарно-денежными отношениями и в еще большей степени политическими и идеологическими установками правящей партии. Показано, как власть после некоторой ее либерализации в первые годы нэпа под воздействием экономических реформ затем перешла к контрреформам. Особо подчеркивается роль в этом идеологии Коммунистической партии, нацеленной на «строительство социализма». Добиваясь осуществления своей «сверхзадачи», верхи партии, используя партийно-государственный аппарат в качестве своего орудия, сочетая методы репрессий, социальной демагогии и идеологического воздействия на народ, сумели реализовать свою первоочередную цель — поставить под свой контроль все сферы общественной жизни, для чего необходимо было свернуть нэп.

Изучение темы позволяет глубже понять причины неудачи новой экономической политики в конце 20-х годов. К этому направлена сама постановка проблемы «нэп и советская политическая система», предполагающая освещение процессов взаимодействия экономики, политики, властных структур, партии, общественных организаций в ходе движения страны в направлении вектора, заданного победившей Октябрьской революцией и получившего развитие в период гражданской войны и «военного коммунизма». К числу исследуемых вопросов относятся и такие, как путь восхождения к власти Сталина и появление его культа, создание им опоры из многочисленного чиновничье-бюрократического партийного и государственного аппарата.

Освещение взаимодействия экономических и политических реформ 20-х годов важно для понимания не толь-

ко их судьбы, но и значения для дальнейшего политического курса развития страны.

Во все времена экономика и политика находились в постоянном взаимодействии, взаимовлиянии. В тоталитарных государствах все это сводится к полному подчинению экономики политике правящих сил, использующих для этого соответствующие политические системы. В демократических, где господствуют рыночные отношения, вмешательство государственной политики в экономические процессы, как правило, ограничивается законами, допускающими вмешательство в большей или меньшей степени. Независимо от того, признается ли официально такое вмешательство («регулирование»), его влияние на экономику неизбежно. Оно может быть негативным или целесообразным — в зависимости от соотношения экономики и политики, характера и меры их взаимодействия. Как во всем в жизни, за крайности обществу приходится дорого расплачиваться. История СССР и постсоветской России дает наглядный пример тяжелых последствий этого. 70-летнее господство политики над экономикой, несмотря на временные крупные достижения советского народного хозяйства, в конечном счете загнало его в тупик, привело страну к резкому научно-техническому отставанию от передовых стран. Другая крайность — отсутствие у правящих кругов России при переходе к рынку в конце 80-х — начале 90-х годов какого-либо разработанного курса в отношении экономики, их представления будто полная свобода «плаванья по бурным волнам» рыночной стихии даст быстрые желаемые результаты. Получилось другое: рынок оказался бессильным предотвратить «кораблекрушение». Экономика оказалась в состоянии хаоса². Думается, что предлагаемое исследование, обращенное к истории нэповских реформ, будет способствовать изучению и сложных экономических процессов постсоветского десятилетия.

По вопросам, рассматриваемым в монографии, обществоведы и публицисты ведут острые дискуссии, причем

нередко без всестороннего учета и анализа многообразной и противоречивой исторической конкретики 20-х годов. В историографии «советского времени» нэповская тематика широко освещалась. Ей были посвящены крупные работы Ю.А.Полякова, Э.Б.Генкиной, В.П.Дмитренко³, огромное количество диссертаций и статей. Исследовались причины перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике, ее сущность и практика реализации. После перехода страны к новым общественно-политическим и рыночным экономическим отношениям интерес к проблеме приобрел «второе дыхание». Авторы получили возможность использовать много ранее недоступных архивных документов, освободиться от догм и стереотипов, сковывавших мысль ученых.

Традиционная советская историография, если и обращалась к сюжетам политической системы, то главным образом в плане исследования ее отдельных институтов и проводимой ими политики и, как было принято, не выходя за пределы партийных идеологических схем и оценок. По существу не уделялось внимания объективному освещению механизмов управления, взаимоотношениям государственных, партийных и общественных организаций, да и политической системы в целом, в комплексе хотя бы основных составляющих ее частей.

Наличие обширной литературы по многим вопросам нэпа, состояние его изученности позволяют в предлагаемой работе касаться их лишь в той мере, в какой необходимо для полноты освещения процессов становления и развития в 20-е годы советской политической системы, находившейся в неразрывной «связке» с ходом экономической реформы. В частности, имеются в виду такие вопросы, как осмысление сущности власти того времени, так называемой «диктатуры пролетариата», роли партийной идеологии, взаимодействия экономики и политики, их соотношения, в какой мере вынужденные уступки, компромиссы властей в экономике распространялись на функционирование политической системы.

Конечно, в той или иной степени эти вопросы освещались в многочисленных трудах, посвященных истории СССР (новой экономической политике, строительству Советского государства, внутривнутрипартийной борьбе). В них немало фактических данных, которые используются и в новейшей литературе. Она пока насчитывает сравнительно немного работ, отражающих наиболее существенные вопросы монографии. Начало их появления относится ко второй половине 80-х годов, когда в обстановке «горбачевской перестройки» обществоведы стали пересматривать официальные партийные взгляды на нэп и его перспективы. Но пересмотр еще не выходил за рамки его понимания как переходного этапа к социализму. А совершенно очевидные негативные явления, сопровождавшие нэп, все еще объяснялись отходом от ленинизма. К годам нэпа историки, экономисты, политологи проявили особый интерес. С надеждами, возлагавшимися на развитие рыночных отношений, были связаны излишне оптимистические оценки этой политики и ее результатов авторами, увидевшими в нэпе своего рода «золотой век» в истории страны. Так, экономисты В.Попов и Н.Шмелев писали о 20-х годах, что это «без всякого преувеличения одна из ярчайших страниц отечественной, да и всей мировой истории, период блестящего развития нового общества и первой в мире рыночной социалистической экономики»; «по любым историческим меркам, 20-е годы были и остаются до сих пор периодом самого полнокровного экономического развития»⁴. В дальнейшем некоторые историки и экономисты в трудах, посвященных 20-м годам, достаточно убедительно показали иллюзорность подобных представлений. Об этом, в частности, статья Р.У.Дэвиса, в которой рассматриваются существовавшие в 80-х годах различные точки зрения по вопросу о том, возможно ли было преодолеть экономические кризисы и «спасти» нэп⁵.

Уже в конце 80-х годов появляются работы, в которых авторы стали учитывать противоречивость, неоднозначность

новой экономической политики. Так Г.Ханин и Ю.Голанд⁶ показали, что нэп в экономическом плане вовсе не был периодом бескризисного развития и сплошных успехов. По расчетам Г.Ханина национальный доход в СССР в 1928 г. не только не превышал уровень 1913 г., как было принято считать, но на 12% был ниже его. По новому начали осмысливать нэп Г.А.Бордюгов и В.А.Козлов, Ю.П.Бокарев⁷

Одна из первых работ, относящихся непосредственно к кардинальным проблемам советской политической системы 20-х годов, — книга О.Р.Лациса «Перелом. Опыт прочтения несекретных документов», вышедшая в 1990 г. Уже из названия книги видно, что она написана до того, как исследователи получили возможность ознакомиться с секретными фондами партийных и государственных архивов. Она основана на доступных тогда автору материалах и на принципе: «О Сталине говорит прежде всего Сталин, о Бухарине — Бухарин, о Каменеве — Каменев, О Серго — сам Серго и так далее». Так он пытается решить три взаимосвязанные вопроса: первый — «Как Сталин в конце 20-х годов сломал ленинский план общественного развития и что из этого вышло. Второй — почему это ему удалось. Третий — соотношение между сталинизмом и марксизмом, ленинским наследием»⁸. Сопоставляя высказывания вождей, автор пришел к выводу: политический выбор Сталина и его окружения определялся стремлением к безграничной единоличной власти Генерального секретаря. Этот, на мой взгляд, излишне категоричный вывод совпадал с позицией Д.А.Волкогонова в его фундаментальной политической биографии И.В.Сталина⁹.

Попытку раскрыть механизм возникновения диктаторского режима, массового политического террора, обрушившегося против миллионов людей и самой большевистской партии, предпринял В.З.Роговин в монографии. «Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы». Это одна из первых работ, появившихся в постсоветской России, раскрывающих суть внутрипартийной борьбы в 20-х годах. Автор считает, что «левая» оппозиция 20-х

годов могла привести к альтернативе сталинизму. Он еще продолжает традицию апологетики Ленина, большевизма. Ленин во всем прав, происходившее перерождение партии никакого отношения к большевистским основам не имеет — это все от Сталина¹⁰.

Новые подходы к изучению нэпа предложил В.П.Дмитренко, в течение многих лет занимавшийся этой проблемой, «Заявка нэпа, — читаем в его статье, опубликованной в 1993 г., — не смогла воплотиться в достаточном объеме. Она указывает, вопреки историографической традиции и некоторым нашим собственным представлениям, что не существовало нэпа как целой, системной, достаточно оформленной концепции. В политике это была, хотя и очень важная, но лишь одна из тенденций, а в экономике — один из элементов»¹¹.

Новый взгляд на нэп, складывавшийся в начале 90-х годов, отчетливо виден в статье историков А.Ф.Киселева и Д.О.Чуракова. «Нэп, — по их мнению, — вызванный к жизни коренными потребностями развития общества, вскоре захлебнулся, стал осуществляться с такими извращениями, которые лишь усугубили имевшиеся в обществе противоречия»; в нэповской России не сложились ни рыночные, ни плановые механизмы регулирования экономики, «в этих условиях масштабное вмешательство государства в экономическую жизнь носило характер грубого нажима и администрирования, что рождало острые противоречия» и в результате военно-коммунистическая система власти не была серьезно перестроена, более того — сопровождалась усилением тенденций к тоталитаризму¹². С таких же позиций рассматривается нэп в статьях Л.Н.Суворовой, И.В.Быстровой¹³ и других авторов. Вышедший в 1994 г. сборник статей «Нэп: приобретения и потери»¹⁴ продолжил научную разработку ряда экономических проблем нэпа, разрушая сложившиеся ранее стереотипы. В центре внимания авторов: эволюция хозяйственной системы¹⁵, финансовая реформа 1922—1924 г.¹⁶, нэп и мелкое хозяйство¹⁷

В этом же сборнике статья А.К.Соколова «Политическая система и нэп», носящая постановочный характер. В ней автор высказал ряд положений о политической системе 20-х годов, анализируемых и получивших подтверждение в предлагаемом мною исследовании: при нэпе, как и при «военном коммунизме», проводимая политика руководствовалась идеологией партии, до середины 20-х годов прослеживаются процессы либерализации; «вождей» разделяли не вопросы стратегии, а тактические (о темпах и методах движения к социализму), демонтаж нэпа фактически начался в 1926 г.

Дальнейшее освещение отдельных важных вопросов нэпа с позиций нового его видения получило в вышедшем в 1998 г. сборнике статей «Нэп: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики». Его авторы¹⁸ рассматривают влияние экономических мероприятий государства на процессы свертывания нэпа, высказывают различные точки зрения на возможности продолжения нэповского курса, причин отказа от него.

Отдельные вопросы, относящиеся к советской политической системе 20-х годов, освещаются с использованием документов ранее закрытых архивных фондов в статьях Н.С.Симонова (об эволюции сталинского режима власти, попытках реформирования политического строя), И.В.Павловой (о механизме политической власти в СССР в 20-30-е годы)¹⁹, О.Ю.Васильевой (советский режим и православная церковь)²⁰. Увидели свет и монографии. В книге «Сталинизм: становление механизма власти» И.В.Павлова формулирует важное для понимания истории нэпа положение: «Процессы в политике и экономике России в этот период развивались одновременно; их невозможно изолировать друг от друга. Причем в России традиционно не экономические процессы определяли направление и содержание процессов политических, а наоборот, что, конечно, не отрицает базисности экономики»²¹. Несколько монографий содержат крупные разделы об отдельных звеньях политической системы 20-х годов²².

Все что пока достигнуто российской историографией изучаемой проблемы в постсоветские годы венчает исследование В.А.Шишкина «Власть, политика, экономика» (1997 г.). По замыслу, решаемым вопросам, концепционному осмыслению нэповских реформ, их соотношению с политическими проблемами нэпа оно наиболее близко к предлагаемой мною читателю книге. Лейтмотив книги В.А.Шишкина — полного отказа от военнo-коммунистической системы власти не было; администрирование государства в экономике продолжалось. Смягченное в первые годы нэпа, в дальнейшем оно расширялось, сопровождаясь усилением тенденции к всеобщей государственной монополизации, что открывало Сталину путь к единоличной власти. В этом же ключе и книга И.Б.Орлова «Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы» (1999 г.)²³.

Западные историки проявляли большой интерес к политической истории СССР периода нэпа. В советской историографии они неизменно «награждались» ярлыком «фальсификаторов». В отличие от советских ученых они не были связаны большевистскими постулатами и цензурными запретами. На деле они более объективно осмысливали экономические и политические процессы, протекавшие в Советском Союзе. Ряд работ зарубежных авторов, в которых много внимания уделяется проблемам 20-х годов, опубликован на русском языке в России. Остановлюсь лишь на нескольких наиболее близких к тематике моего исследования. В первую очередь отмечу крупную монографию американского ученого С.Коэна «Бухарин. Политическая биография 1888—1938», впервые опубликованную в 1973 г. в США²⁴. Хотя книга написана в жанре биографии, в ней освещаются и вопросы советской политической истории, в частности, периода нэпа. Один из них — была ли альтернатива сталинизму. Позиция Коэна — альтернативой ему был «бухаринизм». Книга вызвала полемику среди западных историков, неоднозначно к ней отнеслись и российские авторы. Этому

чрезвычайно важному вопросу для осмысления пути к «сталинщине» уделяется внимание и в моем труде, в нем я обосновываю свое видение проблемы, несколько отличное от имеющегося в историографии.

Английский ученый Роберт Такер в книге «Сталин. Путь к власти. 1879-1929. История и личность» причины триумфа диктатора видит как в характере Сталина (деспотизм), так и в характере большевизма, как политического движения, также в исторической ситуации, в которой оказалась советская власть в 20-е годы, в характере самой России — страны с «традицией самодержавного правления и примирением народа с фактом такого правления»²⁵. Автор отмечает, что переплетение этих факторов определило не только личностную политическую историческую значимость Сталина, его «нацеленность на диктаторство», но и становление советской политической системы как самодержавно-диктаторской.

Следует отметить книгу французского политолога и философа Э.Морена «О природе СССР: тоталитарный комплекс и новая империя», посвященную тоталитарной сущности Советского Союза. Она содержит глубокие размышления о корнях и процессе формирования советской (сталинской) системы. Автор намечает ряд закономерностей становления этой системы, но не считает, что все в ней было неизбежно и предсказуемо: «Маловероятной в 1914 г. была революция 1917 г. Маловероятным в 1914 г. было то, что Сталин станет преемником Ленина. Маловероятным в 1924 г. было то, что Сталин уничтожит всех соратников Ленина и установит свой собственный культ»²⁶. Однако, не будучи историком, он не анализирует конкретно-исторический процесс превращения «маловероятного» в совершившееся. Он как бы обобщает уже довольно давно утвердившиеся в западной историографии взгляды на 20-е годы, как первый период сталинизма, период продолжения курса Ленина, превращения Советского Союза в партийное государство, изолированное от мировой цивилизации.

К историко-мемуарным произведениям относится книга Н.Валентинова (Н.Вольского) «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина — годы работы и ВСНХ во время нэпа. Воспоминания»²⁷. Автор в течение восьми лет был заместителем руководителя органа ВСНХ «Торгово-промышленной газеты», по своей должности и дружбе с влиятельными большевиками он нередко располагал конфиденциальной информацией о происходившем внутри высшего партийно-государственного руководства. В книге много внимания уделяется имевшимся надеждам на нэп, как на путь к возрождению России и созданию демократического строя, краху этих надежд, связанного с антинэповской политикой Сталина.

Информацию о путях и методах «восхождения» Сталина содержит книга А.Автарханова «Технология власти»²⁸. По личным воспоминаниям автор воссоздает обстановку в партии после XV съезда ВКП(б), когда осуществлялся курс на отмену нэпа и расправу с правой оппозицией. Приведено много отсутствующих в литературе фактов, показывающих роль Сталина и его союзников в борьбе за единоличную власть. Не все приводимые в книге сведения поддаются проверке, достоверность некоторых сомнительна, но не вызывает сомнения общее направление развития событий, протекавших в соответствии с курсом на достижение Сталиным власти.

Написание более или менее крупного научного труда — дело не только его непосредственного автора, ибо в успехе работы участвуют многие предшественники, разрабатывавшие отдельные вопросы исследуемой темы. Это справедливо и к данной моей книге. Она вобрала в себя немало разработок и материалов как прошлой (советской), так и новейшей историографии. И хотя «возраст» последней невелик, все же ее достижения немалы, особенно в переосмыслении прошлого.

Документальную основу книги составляют три группы источников. Первая из них — труды лидеров партии и Советского государства — Ленина, Сталина, Троцкого, Буха-

рина, Рыкова и других, в которых отражено отношение руководства к решению вопросов экономической политики, строительства и функционирования государственных органов и общественных организаций. Вторая – советское законодательство, публиковавшиеся материалы партийных, советских, профсоюзных съездов, отчеты различных уровней партийных, государственных органов и общественных организаций, правоохранительных учреждений, содержащие информацию о ходе реформ, политических дискуссиях, внутрипартийной борьбе. Третья группа – не публиковавшиеся архивные документы партийных, государственных органов и ответственных работников. Значительная и наиболее важная часть этих источников вследствие их засекреченности до недавнего времени была исследователям недоступна. Это прежде всего материалы Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). В фонде 17 (ЦК ВКП(б) использована разнообразная информация о процессах как на «Олимпе», в верхах партии, так и происходивших в стране, о взаимоотношениях государственных, партийных и общественных структур разных уровней. Особый интерес представляют протоколы заседаний Политбюро, Оргбюро, Центрального Комитета партии – подлинной высшей власти в стране. Отсюда шли директивы партийным, законодательным, исполнительным и судебным органам по важнейшим экономическим, политическим и административно-правовым вопросам жизни страны. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) использованы материалы фондов Совнаркома (ф. 130), НКВД (ф. 393), профсоюзов (ф. 5451) и других центральных и местных ведомств, раскрывающие методы функционирования «диктатуры пролетариата», взаимоотношения Советов, партии, профсоюзов и других общественных организаций, роль репрессивных органов в обеспечении устойчивости советской политической системы.

Глава I.

РЕФОРМЫ В ЭКОНОМИКЕ И В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ. 1921–1925

1. Переход к нэпу

В ходе гражданской войны 1918–1920 гг. сформировалась советская «военно-коммунистическая» политическая система, ставшая основой провозглашенной правящей партией диктатуры пролетариата. Была национализирована почти вся промышленность, утвердилось монопольное господство государственной собственности. Произошло сращивание аппарата Коммунистической партии с государственными органами. «Диктатура пролетариата» реализовалась в виде власти партии по иерархическим ступеням от верхней — Политбюро РКП(б) — до нижних — местные партийные комитеты. Партийно-государственные структуры осуществляли диктатуру от имени пролетариата, который в действительности был отделен от власти и собственности, превратившейся в результате национализации крупной, средней и отчасти мелкой промышленности в монопольно-государственную. Такая направленность процесса формирования советской политической системы изначально определялась идеологическими постулатами большевиков («строительство социализма», «диктатура пролетариата», монопольная государственная собственность, «руководящая роль партии»). Созданный отлаженный механизм управления и принуждения, беспощадный в осуществлении целей партии, помог ей победить в гражданской войне. Но цена победы была огромной. Советская страна оказалась в тяжелейшем экономическом, социальном и политическом кризисе. Людские потери составили примерно

25 млн. человек. Экономика находилась в катастрофическом состоянии. Была потеряна четвертая часть довоенного богатства страны (свыше 40 млрд. золотых рублей). По сравнению с 1913 г. промышленное производство в 1920 г. сократилось в 7 раз, угля добыто всего 30%, объем железнодорожных перевозок упал до уровня 90-х гг. XIX в. Резко сократились посевные площади. Производительные силы были подорваны.

«Диктатура пролетариата» всей своей тяжестью ударила по еще недавно господствовавшим буржуазно-помещичьим классам, лишив их не только власти и позиций в экономике, но и имущества, средств к существованию. Но и рабочий класс, вынесший на своих плечах основную тяжесть революции и гражданской войны, вышел из них обескровленным, в значительной степени деклассированным. Он понес большие потери не только на фронтах, но и от голода. Сотни тысяч рабочих, бросив останавливавшиеся или разрушенные заводы и фабрики, ушли в деревню, переставая быть рабочими. Осталось примерно 1.5 млн. промышленных рабочих (в 1913 г. — свыше 3 млн.), из них менее половины кадровых. «Диктатура пролетариата» с ее политикой «военного коммунизма» ударила по самому рабочему классу, вызвав его недовольство.

Особенно велико было недовольство крестьянства. Оно оказалось обманутым Советской властью. Получив после Октябрьского переворота дополнительные наделы земли, крестьяне затем по продразверстке вынуждены были отдавать государству по существу без вознаграждения полученный своим трудом на этой земле хлеб. Возмущение крестьян вылилось в массовые восстания в конце 1920 — начале 1921 г.

В глубоком кризисе оказалась и сама правящая Коммунистическая партия. Проявлением его были усилившаяся внутривнутрипартийная борьба, разложение в ее рядах, охватившее даже «старую партийную гвардию», не выдержавшую «испытания властью». Неуклонно шла бюрократизация ее аппарата, все зримей проявлялось высо-

комерное отношение «верхов» к рядовым членам партии и к беспартийным трудящимся, злоупотребление ими своим привилегированным положением. Всеобщий политический и экономический кризис охватил государственную власть и управление, взаимоотношения партии и Советского государства с рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией. Все требовали перемен, и прежде всего — отмены «военного коммунизма». Не случайно дискуссия о профсоюзах вышла далеко за рамки роли этих организаций. По существу были подняты вопросы о сути Советской власти, о путях движения к социализму, о государстве «диктатуры пролетариата».

Поиски выхода из тупика, в котором оказалась страна, увенчались переходом к новой экономической политике, провозглашенным X съездом РКП(б) в марте 1921 г. Концепция нэпа развивалась в работах Ленина 1921—1923 гг. Осенью 1921 г. в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» сформулирована первоначальная ленинская идея перехода к нэпу. Констатируя, что конечная цель партии остается прежней — социализм, Ленин обосновывает необходимость, учитывая положение страны после гражданской войны, прибегнуть к «реформистскому», постепенному, осторожно — обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства». Вместо «прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом», проводившейся в годы «военного коммунизма», предпринят «совершенно иной» подход «типа реформистского: не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления». Тут же Ленин ставит вопрос о пределе реформирования: «отступить

так, чтобы вовремя приостановить отступление и перейти опять в наступление.

Мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступим в меру. Есть уже признаки, что виднеется конец этого отступления, виднеется не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление», после чего будет «наше победоносное движение вперед»¹.

Развитая в последующих работах Ленина, особенно в последних его статьях, концепция нэпа включала идеи об использовании товарно-денежных отношений, всех форм собственности — государственной, кооперативной, частной, смешанной — хозрасчета, о социализме как обществе «цивилизованных кооператоров». Предполагалось временно отступить от достигнутых «военно-коммунистических» завоеваний социализма, сделать шаг назад с тем, чтобы набраться сил для скачка к той же стратегической цели — социализму. Позже, в июне 1924 г., выступая с докладом на пятом Конгрессе Коминтерна, Н.И.Бухарин говорил о взглядах руководства партии на переход к нэпу: «Мы новую экономическую политику рассматривали исключительно с точки зрения ее политической целесообразности, как политическую уступку мелкой буржуазии. Мы не думали, что новая экономическая политика сама по себе целесообразна и рациональна, но считали, что мы должны были ее ввести из политических соображений»².

Нэповские реформы имели спонтанный, эмпирический характер (впрочем, как и предшествующие преобразования послеоктябрьского периода). Они являлись своего рода тактикой, рассчитанной на преодоление всеобъемлющего, тотального (экономического, политического, социального, внутрипартийного) кризиса, в котором оказалась страна. Главное их значение — сохранить Советскую власть, а точнее — власть Коммунистической партии и в конечном счете решить стратегическую задачу

построения социализма. Поэтому изначально рамки преобразований определялись руководством партии тем, в какой мере реформы укрепляли ее монополию на власть.

Процесс введения нэпа широко освещается в литературе, поэтому ограничусь констатацией основных мер, проведенных в рамках этой политики. Замена продразверстки продналогом повлекла за собой новые и новые меры экономического характера, призванные заинтересовать довольно широкие социальные слои в результатах своей хозяйственной деятельности. Легализовалась свободная торговля, становившаяся важным звеном хозяйственных связей между городом и деревней. Частные лица получили право свободно заниматься кустарными промыслами и открывать промышленные предприятия с числом рабочих до 100. Мелкие национализированные предприятия возвращались прежним владельцам. В 1922 г. по существу было признано право на аренду земли и использование наемного труда. Отменена система трудовых повинностей, трудовых мобилизаций. Натуральная оплата труда заменена денежной. Учреждены новый Государственный банк, Торгово-промышленный банк, восстановлен Всероссийский кооперативный банк, появились Российский коммерческий, Московский городской и муниципальный банки и т.д.

Все перечисленные изменения правящая партия проводила по мере осознания ею необходимости их для восстановления и оздоровления сельского хозяйства, промышленности, финансов, но не отказываясь от своих идеологических постулатов и командно-волюнтаристских методов руководства социальными и экономическими процессами. «Военный коммунизм» сдавал свои позиции постепенно. Связанные с ним экономические представления давили над партийным руководством, оно с трудом от них отказывалось. Достаточно сослаться на идею Ленина о местном продуктообмене, сохранявшемся до осени 1921 г., причем крестьяне могли в нем участвовать своими излишками лишь после сдачи продналога. Толь-

ко к осени 1921 г. выяснилась несостоятельность продуктообмена³. В течение двух лет продолжалось натуральное обложение деревни налогами. После года нэпа, на XI съезде РКП(б) (27 марта – 2 апреля 1922 г.), нарком финансов Г.Я.Сокольников привел пример сохранившихся «остатков» «военного коммунизма»: «у нас – система бесплатности коммунальных услуг, которая является величайшим издевательством. Если вы пройдете вечером по улицам Москвы и заглянете в окна, везде горят люстры, дома освещены великолепно... кто платит? Платит при системе бесплатности государство»⁴. Видный экономист и государственный деятель Е.А.Преображенский заострил внимание на сложившейся порочной практике, когда хозяйственными органами руководят партийные работники некомпетентные в экономических вопросах. «Я должен сказать, – говорил он, – что руководство хозяйственной работой должно производиться теми товарищами, которые сведущи в этом деле. Не может быть ничего более бесхозяйственного и убыточного, когда на самом верху руководящего центрального органа имеются товарищи, которые не хотят, не могут или не имеют ни малейшего желания посвящать себя вопросам хозяйства». В качестве примера он привел И.В.Сталина, который, будучи членом Политбюро в то же время являлся наркомом двух наркоматов. «Мыслимо ли, чтобы человек был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов и, кроме того, за работу в Политбюро, и Оргбюро и десятке чекистских комиссий»⁵. 24 марта 1923 г., накануне XII съезда РКП(б) (17-25 апреля 1923 г.), нарком внешней торговли Л.Б.Красин опубликовал в «Правде» статью «Контроль или производство? (по поводу статьи тов. Ленина «Лучше меньше, да лучше»». Автор писал, что «пережитая эпоха оборонительной войны привила нам многие качества, от которых надо теперь отучаться. Одним из таких навыков является всезнайство и презрение к какому-либо вообще знанию и в еще большей степени специальному знанию... Войну мы выиграли с колос-

сальной растратой средств и сил, и эти методы работы для теперешнего нашего строительства в значительной степени не пригодны»⁶. Непригодность ранее приобретенных «многих качеств и навыков» для работы в новых условиях постепенно осознавалась и некоторыми другими хозяйственными руководителями.

По своему социально-экономическому содержанию и для своего развития, углубления нэп нуждался в децентрализации хозяйственного управления. 12 августа 1921 г. Совет Труда и Оборона (СТО) принял постановление о реорганизации главкистской системы⁷. Количество отраслевых главков сократилось с 52 до 16. В руках государства оставались крупная промышленность, базовые отрасли хозяйства, которые рассматривались в качестве «командных позиций» для строительства социализма. Оставление в руках государства крупной промышленности, всего железнодорожного, морского и речного транспорта, всей банковской системы, оптовой торговли, земли, леса и пр. требовало сохранения экономической власти центра и являлось преградой для свободного развития рыночных отношений. Частичное разгосударствление собственности, приватизация многих ранее национализированных предприятий, созданная система хозяйствования на основе хозрасчета, конкуренции, внедрение практики аренды, совместных предприятий — все это характерные черты нэпа. Но характерно для него и другое: при внедрении этих «капиталистических» элементов уповали не столько на экономические методы, сколько на хорошо усвоенные силовые, карательные меры. Это видно из телеграммы Ленина Г.Я.Сокольникову. «Я думаю, — писал он в феврале 1922 г., — что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безупречность своих предприятий. Если это оказывается ими не достигнуто, то, по-моему, они должны быть привлекаемы к суду и караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы (может

быть, с применением по истечении известного срока условного освобождения), с конфискацией всего имущества и т.д.»⁸. В письме к Сокольникову 11 февраля: «Обдуманы ли формы и способы ответственности членов правлений трестов за неправильную отчетность и за *убыточное* ведение дела? Не спит ли у нас НКЮст? Тут нужен ряд *образцовых* процессов с применением *жесточайших* кар. НКЮст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует *новых* способов *новой* жестокости и кар»⁹

Тем не менее вводимые элементы новой экономической политики вели к быстрому оживлению экономики. Пробивали себе дорогу объективные экономические законы, требовавшие в условиях послевоенной разрухи и недовольства масс удовлетворения прежде всего потребностей населения в предметах потребления. Вследствие засухи 1921 г. в стране разразился страшный голод. В 1921–1922 гг. от голода и его последствий умерло до 5 млн. человек. Хороший урожай 1922 г. и появившаяся у крестьян экономическая заинтересованность в производстве сельскохозяйственной продукции позволили быстро насытить рынок продовольствием. Крестьянское хозяйство восстанавливалось и расширялось¹⁰. И как только железные цепи, стягивавшие и умертвлявшие товарно-рыночные отношения, были ослаблены, сразу стала оживать экономическая жизнь. Приведу яркую зарисовку из книги английского историка Э.Карра: «По мере развития и процветания торговли в преуспевающие кварталы столицы вернулось благополучие. Многие характерные особенности прошлой жизни, уничтоженные революцией, появились вновь. Л.Б.Красин, посетив Москву в сентябре 1922 года, писал жене, что «Москва выглядит хорошо, иногда в точности как до войны». Иностранцы, приезжавшие в Москву, с горечью и торжеством, в зависимости от своих взглядов, отмечали возрождение таких «капиталистических явлений», как проститутки на улицах, рабелепные официанты и извозчики, выпраши-

вающие чаевые у тех, кто процветал при нэпе, перспективы были самые радужные. Самое страшное казалось, было позади. Нехватки и трудности военного коммунизма закончились. Жизнь возрождалась»¹¹.

Сохранение в руках государства крупной промышленности в условиях введенных рыночных отношений вынудило перевести на хозрасчет и предприятия государственного сектора. Управление ими стало осуществляться через систему трестов — объединений предприятий в рамках одной отрасли. Для управления промышленностью характерны те же противоречия, что для нэпа в целом: с одной стороны, отход от жестких командных методов «военного коммунизма» и попытки «вживания» в рыночные отношения, с другой, — сохранение вертикальных бюрократических способов руководства, отвергающих эти отношения и связанные с ними убыточность и нерентабельность крупных предприятий. В резолюции XII съезда партии «О промышленности» подчеркивалось, что главные средства промышленности и транспорта принадлежат одному владельцу — государству, а потому «его активное вмешательство в хозяйственную жизнь должно, по необходимости, получить плановый характер, и ввиду господствующей роли государства, как собственника и хозяина, плановое начало приобретает тем самым уже на первых порах исключительное значение». И далее: «в своем окончательном развитии плановые методы могут и должны подготовить себе рынок и тем самым упразднить его»¹². Итак, уже на этом раннем этапе нэпа — своеобразное признание рынка (подготовка его «плановыми методами») и заявление о цели — «упразднение его» (т.е. нэпа).

Нэп не был законченной системой хозяйствования. В нем — пережитки «военного коммунизма», непоследовательность, противоречивость, соединение экономических и административных методов управления. Для Ленина — «архитектора» нэпа свобода торговли была одним из ключевых элементов новой экономической политики.

Однако, говоря о ней, он тут же подчеркивал ее ограниченность и необходимость принуждения, чтобы не дать частнику выиграть конкуренцию с государственным сектором. Он не устал предостерегать об опасности им же введенной свободы торговли, так как она означает рост капитализма. Надо принимать все меры для преимущественного развития государственной торговли. В записке Г.Я.Сокольникову 15 февраля 1922 г. он предлагал: «на 99/100 следует оценивать успех работы всего Нкфина *развитием государственной торговли и торгового отдела Госбанка* (по кредитованию частной торговли). Остальное — 1/100»¹³. Через неделю, 22 февраля, он снова пишет Г.Я.Сокольникову: «...весь гвоздь теперь в быстром развитии госторговли во всех ее видах: кооперация, клиенты Госбанка, смешанные общества, комиссионеры, агенты...»¹⁴.

Уже на XII съезде РКП(б) ряд ораторов выражали тревогу в связи с быстрым усилением частника в торговле. Так, Е.А.Преображенский, заявив, что именно от торговли наметилась опасность «вытеснения нас частным капиталом», считал необходимым «стать на твердую почву и задушить зародыши частного капитала. Мы в опасности от этого частного капитала. Его аппарат дешевле, нежели наш. Он обращается удобнее и быстрее»¹⁵.

Нэп вызвал соответствующие сдвиги в советской внешней политике, в частности, в ее экономических аспектах. В годы гражданской войны мирное сосуществование пролетарского и капиталистических государств считалось невозможным. Исходя из большевистского понимания интернационализма и идеи, что интересы «мирового социализма» выше национальных, внешняя политика должна была подчиняться задачам мировой революции. После перехода к нэпу внешняя политика стала руководствоваться идеей мирного сосуществования, она прагматически связывалась с эволюцией нэпа, с интересами экономическими и защиты государства. Однако идеологическая ее основа — оказание помощи пролетариату капиталистических стран — оставалась. Больше-

вистское руководство не давало и внешней политике выйти за опасные для стратегической цели (социализма) пределы. Отсюда ее противоречивость, переплетение в ней противоположных тенденций, а также особенности взаимовлияния нэпа и внешней политики. С самого начала проведения новой экономической политики, в соответствии с ее объективными требованиями, правительство предприняло шаги к нормализации отношений с капиталистическими странами. В частности, оно сделало крутой поворот по вопросам о долгах царского и Временного правительства. 28 октября 1921 г. Наркоминдел сообщил правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США о согласии Советского правительства пойти на ряд уступок в интересах мелких держателей русских государственных займов, оно выразило готовность вести переговоры об уплате части довоенных долгов при условии предоставления Советской России кредитов и ее дипломатического признания. Это открывало путь к расширению торговых отношений, в чем экономика страны крайне нуждалась.

Девятый Всероссийский съезд Советов (декабрь 1921 г.) в постановлении по вопросам новой экономической политики признал, что «дальнейшее развитие торговых сношений с границей требует более прямых и непосредственных связей промышленности с международным рынком... В тех же целях должно быть разрешено образование — при обязательном участии Народного Комиссариата Внешней Торговли — смешанных обществ для заготовки экспортных товаров внутри страны, сбыта их за границей и ввоза в Советскую Россию необходимых ей продуктов, с установлением таможенных пошлин-ввозных и вывозных»¹⁶. Это были «рыночные» элементы во внешнеэкономических отношениях. В то же время остававшиеся идеологические «военно-коммунистические» стереотипы в нэповской экономике не давали им развиваться, создавали препятствия для достижения нужных результатов. Это, в частности, прослеживается по

вопросам о концессиях и государственной монополии на внешнюю торговлю. Еще в 1920 г., в конце гражданской войны, правительство признало возможность и экономическую целесообразность сдачи концессий иностранцам. 23 ноября 1920 г. Совнарком утвердил «Общие экономические и юридические торговые условия концессий»¹⁷, содержавшие принципы привлечения иностранного капитала. Новая экономическая политика, казалось, открывала широкие перспективы в использовании концессий для восстановления народного хозяйства. Шли оживленные переговоры с западными предпринимателями (Уркартом и др.) о заключении концессионных соглашений. Результаты их были невелики: по имеющимся сведениям, правительство приняло всего 7% предложений. Обычно оно их отклоняло, мотивируя экономической невыгодностью, в ряде случаев согласие увязывалось с вопросами дипломатического признания СССР западными странами, что приводило к срыву переговоров. Однако в большинстве случаев оказывала влияние идеология: опасение как бы концессии не ослабили государственный («социалистический») сектор народного хозяйства и не способствовали подчинению экономики иностранному капиталу. В ноябре 1922 г. Ленин с сожалением констатировал, что «введение государственного капитализма у нас не идет так быстро, как бы нам этого хотелось. До сих пор, например, мы фактически не имеем ни одной серьезной концессии, а без участия иностранного капитала в развитии нашего хозяйства быстрое восстановление его немыслимо»¹⁸.

Государственная монополия на внешнюю торговлю рассматривалась партийно-государственным руководством страны в качестве одной из важнейших «командных высот», обеспечивающих социалистическую направленность развития экономики. Она была воплощена в закон декретом Совнаркома от 22 апреля 1918 г. «О национализации внешней торговли»¹⁹. Скоро этот декрет как бы вписался в политику «военного коммунизма», он

стал трактоваться в историографии как одна из характерных черт этой политики. В годы гражданской войны особых споров по поводу монополизации внешней торговли не было и не в последнюю очередь потому, что сама эта торговля была крайне незначительна. В 1920 г., когда возникли перспективы установления дипломатических и торговых отношений с рядом буржуазных стран, эта проблема начала приобретать большую актуальность, а после перехода к нэпу уже прямо связывалась с новыми экономическими отношениями. Политика нэпа предполагала возможность получения кредитов, займов у западных стран, сдачу концессий, налаживание торговли. Что все это необходимо для восстановления народного хозяйства, кажется, особых разногласий не вызывало. А вот нужна ли монополия внешней торговли — на этот вопрос ответы были разные. Нарком внешней торговли Л.Б.Красин, Ленин и другие были не только за сохранение, но и ужесточение монополии, видя в ней одну из «командных высот» государства в экономике. Однако нэповские начала требовали другого... Многие руководители промышленности и экономических учреждений, связанные бюрократическими препонами, создаваемыми монополизацией внешней торговли, хотели от них освободиться и торговать с зарубежными предприятиями непосредственно. Они доказывали, что этот путь более эффективен и экономичен, что монополия внешней торговли тормозит заключение торговых сделок с иностранцами. Но для Ленина, для руководства партии экономическая эффективность монополии отходила на второй план перед, как они считали, угрозой, исходившей от «экономического империализма» западных стран. Характерны рассуждения Л.Б.Красина. Государственная монополия внешней торговли, по его мнению, служит экономическому возрождению и модернизации промышленности, поддержке советских предприятий, чтобы они могли выдержать конкуренцию с иностранными товарами. При свободной внешней торговле предприниматели будут вывозить про-

дукцию, не заботясь об интересах страны. В результате страна окажется зависимой от западного импорта потребительских товаров и не сможет развивать собственную промышленность. Отстаивая государственную монополию, Л.Б.Красин в то же время был сторонником получения западных кредитов, займов, расширения внешней торговли, хотя монополия как раз препятствовала всему этому. Многие обвиняли Красина в приверженности восстановлению капитализма. Отвергая эти обвинения, он подчеркивал, что монополизация внешней торговли важна для укрепления социалистических позиций в стране.

При всей жесткости проводимой государственной монополии на внешнюю торговлю она все же оставляла какие-то «лазейки» для обхода ее. Девятый Всероссийский съезд Советов в уже упомянутом постановлении записал, что в интересах наиболее выгодной реализации на зарубежных рынках производимых в стране продуктов «всероссийским и областным кооперативным объединениям всех видов, государственным промышленным объединениям, областным и губернским экономическим совещаниям и прочим крупным хозяйственным образованиям должно быть разрешено непосредственное производство экспортных и импортных операций, однако на основании соглашений с Наркоматом Внешней Торговли и под его контролем»²⁰.

Атаки на монополию в конце 1921 и в 1922 г. усилились особенно со стороны Г.Л.Пятакова, Н.И.Бухарина и Г.Я.Сокольников. Вопрос обсуждался в прессе, в партийных кругах. Сторонники «свободной торговли», исходя из практической целесообразности, несколько обходили ее идеологические стороны, но считали, что в конце-концов она будет на пользу конечной цели — социализму.

Рассуждая ныне, в конце 90-х годов о дискуссиях начала 20-х годов и видя реалии постсоветской экономики, разрушению которой в немалой степени способствовала по существу полная отмена в условиях хаотичного перехода к рыночным отношениям государственного регулиро-

вания внешней торговли, невольно приходишь к мысли, что и в условиях начального периода нэпа «свобода внешней торговли» вряд ли способствовала бы развитию нормальных рыночных отношений и была бы «во благо». Чем кончилась борьба по вопросу государственной монополии на внешнюю торговлю, хорошо известно. Многие авторы писали о драматической ситуации, когда в отсутствие по болезни Ленина ЦК РКП(б) 6 октября 1922 г. принял резолюцию подрывавшую незыблемость монополии. В результате энергичного вмешательства Ленина Пленум ЦК 18 декабря 1922 г. отменил резолюцию от 6 октября и подтвердил необходимость сохранения монополии²¹.

Для Ленина НЭП – политика временная, это отступление после неудачного «военно-коммунистического» штурма, он отказался только от ошибочного, как он признал, непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению. Уже в начале марта 1922 г. он заявил: мы «можем сказать с полной твердостью, что отступление, которое мы начали, мы уже можем приостановить и приостанавливаем. Достаточно²². Это он подтвердил на XI съезде партии. Чем были вызваны заявления Ленина об окончании отступления всего год спустя после перехода к нэпу? На мой взгляд, правильно отвечает на этот вопрос В.А.Шишкин: среди ряда причин «главной все же была мощная оппозиция открытых и явных или же скрытых левокоммунистических течений в партии, которые сохраняли верность идеалам «военного коммунизма». В подтверждение этого он ссылается на выступления на съезде крупных партийных работников, одоббивших лозунг Ленина о приостановке наступления (Е.А.Преображенский, Н.Осинский, В.П.Милютин, А.Г.Шляпников, И.Н.Стуков, Ю.Ларин, А.Ломов, Л.Д.Троцкий). Не было ни одного голоса против. Вслед за Н.Валентиновым (Н.Вольским) автор полагает, что ленинский лозунг был вызван прежде всего прагматическими и тактическими соображениями, попыткой удовлетворить словесными уступками многочисленных сто-

ронников «военного коммунизма»²³. Но следует иметь в виду, что к этому времени и сам Ленин еще не полностью отрешился от «военно-коммунистической» психологии, тем более, что поворот к нэпу был вынужденным компромиссом.

Однако вскоре Ленин скажет другое: нэп — это «всерьез и надолго». Законы нэпа, рыночных отношений требовали не прекращения «отступления», а его продолжения. И сам Ленин все больше постигал логику и законы экономической политики, которую он провозгласил без достаточного осмысления ее противоречий и перспектив. Как пример того, как взгляды Ленина все больше учитывали экономическую целесообразность, «настраивались» на рыночный лад, приведу его мысли по вопросам финансовой политики в условиях нэпа, высказанные в конце ноября 1922 г. (до второго удара) Владимиру (тогда заместитель наркома финансов), который был у него. Смысл разговора передал в своих воспоминаниях Н.Валентинов (Н.Вольский) со слов Владимира. Ленин как бы давал напутствие: «без твердой валюты нэп летит к черту... у нас во время военного коммунизма люди развратились, привыкли без счета, без отдачи залезать за деньгами в казну. Эта привычка не изжита, охотников «давай деньгу» у нас десятки тысяч. При напоре таких людей инфляция неизбежна... Когда наши хозяйственники будут налегать на вас, требуя из казны всяких дополнительных сумм, всяких субсидий, отвечайте им, что для ведения дела, начальные средства у них есть, а все что нужно сверх того, пусть постараются заработать. Капиталисты пускали в обращение некую сумму денег и умели сделать так, что в процессе производства, торговли, реализации товаров эта сумма денег увеличивалась, приносила прибавочную стоимость. Пусть наши хозяйственники эту прибавочную стоимость научатся создавать, тогда им не придется бегать к казне, попрошайничать. Во всем соблюдайте строжайшую экономию. Из государственного бюджета не выпускайте ни одну лишнюю копейку. Лишь

в одном случае не будьте скопидомом, это в вопросе о вознаграждении, о жаловании народных учителей»²⁴.

Привожу эту длинную цитату не только потому, что в ней выражен смысл нэповской финансовой политики, которую вскоре стали проводить власти, но и учитывая ее созвучие с реалиями постсоветских лет, когда вследствие хозяйственного развала казалось, что галлопирующая инфляция стремится догнать обесцененные деньги периода «военного коммунизма».

Большинство соратников и преемников Ленина нэп не воспринимали «всерьез», считая, что эта политика «не надолго». На XII съезде РКП(б) в 1923 г. в выступлении Сталина не случайно прозвучало: «так называемый нэп»²⁵. К нэпу относились как неизбежному злу. Опасались, что нэп приведет к термидору, к реставрации капитализма, победе контрреволюции. У многих еще долго сохранялись «военно-коммунистические» иллюзии: уничтожение частной собственности, торговли, денег, равенство в распределении материальных благ ведут к коммунизму. Нэп же – измена коммунизму.

Н.Валентинов (Н.Вольский) в своих воспоминаниях передает ответ А.И.Свидерского (член коллегии Наркомпрода) на его замечание о том, что в партии не все идут за Лениным в вопросе о нэпе: с Лениным мало кто согласен, «полностью согласен с ним, может быть, только Красин и Цюрупа, все другие или молчат или упираются. На одном совещании (Свидерский не указал на каком, а я о том не спросил) Ленин говорил: «Когда я вам в глаза смотрю, вы все как будто согласны со мной и говорите да, а отвернусь, вы говорите нет»²⁶.

Впрочем, ни Лениным, ни его соратниками и преемниками потенциал нэпа полностью не был раскрыт. Идеологические тиски не позволяли это сделать. Все рассматривалось сквозь призмы идеологических категорий. Продолжая курс на социализм, новая экономическая политика была рассчитана на то, чтобы путем лавирования, социального компромисса с большинством населе-

ния двигаться к намеченной цели партии — социализму, хотя и более медленно, но зато с меньшим риском. Вот почему они не давали нэпу выйти за определенные пределы. Считалось, что и в рыночных отношениях роль государства прежняя, как и при «военном коммунизме», а экономическую реформу оно должно проводить в рамках «социалистичности». Все это учитывалось в принятых в 1922 г. кодексах законов — они отражали, с одной стороны, развитие рыночных частно-правовых отношений, с другой — позволяли советским органам жестко их контролировать. Пример тому — земельный кодекс РСФСР. Он исходил из того, что земля является государственной собственностью, крестьянин же владеет ею на правах пользователя, при жизни может передавать это право другим, допускалась аренда, но с ограничениями. Характерно, что при обсуждении проекта кодекса некоторые высказывали опасение, что в нем — тенденция к частной собственности²⁷, хотя на самом деле закон не допускал превращения права «пользователя» в право «собственника».

И в промышленности, согласно законам, за государством сохранилась властно-регулирующая роль. В 1922 г. 16% владельцев обследованных частных предприятий были привлечены к судебной ответственности, в 1923 г. — почти 40%²⁸.

Оставалось представление о социализме, как «государственно-капиталистической монополии, обращенной на пользу всего народа». Правда, на X съезде РКП(б) Ленин заметит: «Теоретически не обязательно принимать, что государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма»²⁹. Но это сделанное мимоходом замечание не получило разъяснения. Только в январе 1923 г. в статье «О кооперации» оно было как бы дополнено также мимоходом: «...Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»³⁰.

Непреложным оставалось убеждение о командной роли государства в экономике. Сошлюсь лишь на некоторые ленинские письма, записки февраля 1922 г.:

– «арендуемое у Соввласти предприятие – есть *тоже советское предприятие*»³¹.

– «...Именно теперь надо спешно выработать ясный и точный закон о распространении на все и всякие (и частные, и кооперативные и концессионные и т.п.) учреждения и предприятия права РаКрина ревизовать и осведомляться»³².

В письме наркому юстиции Д.И.Курскому Ленин 20 февраля 1922 г. наряду с установкой на «усиление репрессий против политических врагов и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров)» выражал недовольство тем, что в деятельности наркомата «не видно понимания того, что мы признаем и будем признавать лишь *государственный капитализм*» Он призывал расширить вмешательство государства в частноправовые отношения. «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»³³ В день написания этого письма управляющий делами Совнаркома Н.П.Горбунов довел устно до сведения Курского предложения Ленина о работе наркомата, сообщив и детали, не содержащиеся в письме: «НКюст должен быть ударным органом для травли частной торговли. НКюст должен ставить образцовые процессы и на этих процессах травить до конца, не ограничиваясь штрафами в сотни миллионов, брать до 90% прибыли, а то и пустить по миру, чтобы до смерти помнили. Ловить, выслеживать, устраивать западни и ловушки»³⁴.

Важнейший аспект противоречий нэпа – противоречие между политикой и экономикой. Рынок расширял сферу своего воздействия, государство же, руководствуясь идеологическими постулатами, стремилось усиливать свое влияние на экономику. Изначальная нацеленность на временный характер нэпа создавала препятствия для его развития, убежденность большевистских лидеров в примате политических интересов над экономической целесообразностью определяла направленность движения, но приходилось хотя бы временно считаться с эко-

номической необходимостью, отсюда маневрирование, то отступление от «курса», то переход в наступление. Все это вызывало споры внутри правящей верхушки, часть которой была за продолжение новой экономической политики, часть — за немедленное устранение рынка из хозяйственной практики. Сказывались различные толкования нэпа. Против него были те, кто оценивал эту политику как реставрацию капитализма, капитуляцию, признание собственного банкротства (Ю.Ларин и др.). Предубеждения были у самых близких к Ленину — Л.Д.Троцкого, Г.Е.Зиновьева, Л.Б.Каменева.

Противники нэпа как бы имели известную поддержку в довольно широких массах населения, недовольных негативными явлениями, которыми сопровождалась эта политика. Одно из них — волна взяточничества, захлестнувшая государственный аппарат и ставшая элементом его функционирования. ЦК РКП(б) посчитал необходимым направить губкомам, обкомам и национальным ЦК РКП(б) циркулярное письмо «О борьбе со взяточничеством» за подписью секретаря ЦК В.М.Молотова (30 ноября 1922 г.). В нем говорилось, что «громадное распространение взяточничества... грозит развращением и разрушением аппарата рабочего государства». Партийным организациям предлагалось оказывать содействие специальным комиссиям по борьбе со взяточничеством, созданным при ГПУ, Совете Труда и Оборона, наркоматах. Карательным органам предлагалось беспощадно наказывать взяточников. «Ввиду того, что наблюдается целый ряд случаев, когда ответственные руководители учреждений смотрят сквозь пальцы на взятку, прикрывая ее якобы интересами предприятий, ЦК сугубо подчеркивает, что такого рода действия должны рассматриваться как замена нормальных взаимоотношений между органами — отношениями взаимной купли»³⁵. Конечно, это письмо ЦК, как и многочисленные «специальные комиссии» по борьбе со взяточничеством не могли остановить распространение и углубление болезни, корни которой

были в характере социально-экономических отношений нэповского общества. Как бы то ни было, попытки, хотя и безуспешные, «побороть взятку» предпринимались. Невольно возникает ассоциация с «постсоветским» временем, когда «взятка» снова стала чуть ли не основой экономических взаимоотношений в стране, а власть оказалась бессильной бороться с ней.

Неоднозначным было отношение к нэпу и со стороны противников большевиков. Меньшевики после перехода к нэпу, приветствовали этот переход, считая, что большевики стали осуществлять то, к чему они призывали в годы гражданской войны, но критиковали за половинчатость проводимых мер, выступали за углубление экономических реформ. Ю.О.Мартов, хорошо зная своих большевистских противников, предсказывал неизбежный крах нэпа, он был уверен, что они неспособны отказаться от своей «военно-коммунистической» идеологии, ее принципов. Эсеры критиковали нэп, видя в этой политике продолжение большевистской тотальной монополизации экономики и командные методы регулирования экономики, подчинение экономики ее правящей партии.

«Сменовеховцы» оценивали нэп как попытку большевиков удержать в своих руках власть любой ценой, даже путем «экономического Бреста». Н.В.Устрялов писал: «Чтобы спасти Советы, Москва жертвует коммунизмом. Жертвует со своей точки зрения, лишь на время, лишь — тактически, но факт остается фактом»³⁶. Модным стало характеризовать нэп как «путь термидора». Экономисты, публицисты в эмиграции рассчитывали, что большевистская власть вскоре рухнет под экономическим давлением, создаваемым новой экономической политикой. Это были иллюзии, возникшие вследствие недооценки возможностей режима поддерживать и укреплять свои позиции, опираясь на репрессивный и идеологический аппараты, на которых зиждилась сформированная в годы гражданской войны советская политическая система.

2. Реформы в политической системе

Принято считать нэп чисто экономической политикой. В действительности это явление более широкое, в той или иной мере охватившее все сферы государственной жизни, включая политическую систему в целом. Верно, однако, что, начиная реформу, ее инициатор Ленин, большевистское руководство имели в виду только экономические отношения. О том, что в общеполитической области никаких компромиссов не предусматривалось, свидетельствует «настрой» X съезда РКП(б), принявший решение о переходе к нэпу: ряд делегатов заострили внимание на недопустимости политических уступок. Так, К.Г.Завьялова говорила, что такие уступки «нарушают саму, так сказать, суть принципов Коммунистической партии. Таких уступок и не должно делать. Здесь Коммунистическая партия должна быть тем, что она есть, и только оставаясь на этой почве, она будет сильна»³⁷.

С трудом, постепенно приходило осознание того, что ограничиться только экономикой жизнь не позволит, что переход к экономическим отношениям требует каких-то реформ и в политической и в административной сферах. После X съезда партии прошло полгода, и в августе 1921 г. Ленин, заметит: «... кто не понимает смены лозунга «гражданской войны» лозунгом «гражданский мир», тот смешон, если не хуже»³⁸. В провозглашении смены лозунгов явно выражена мысль о необходимости реформирования и политических отношений. Однако эта мысль не была развита ни Лениным, ни его соратниками. Она не была воспринята руководством партии, да и сам Ленин на практике продолжал придерживаться прежнего лозунга. Первоначально в политическом руководстве преобладало мнение, что сложившиеся и устоявшиеся политические структуры менять не нужно, они вполне отвечают задаче нэпа: держать развитие элементов капитализма в границах не опасных для стратеги-

ческой цели — победе социализма. Более того, считалось, что уступки в экономике требуют даже ужесточения в политической области. Реформы и в политической сфере стали проводиться прагматически, нерешительно. Не было последовательного отказа от «военно-коммунистических» чрезвычайных мер, оказавшихся весьма эффективными в условиях войны.

Суть отношения руководства к политической стороне нэпа хорошо передает письмо Ленину недавнего лидера оппозиционной группы «демократического централизма» Т.В.Сапронова. К этому письму от 2 декабря 1921 г. Ленин, как свидетельствуют его подчеркивания и пометки по тексту, отнесся со всей серьезностью, посчитав его очень «важным». Содержание письма с подробным цитированием текста мною уже было опубликовано³⁹ Повторю и в этой работе, учитывая его «важность» для темы монографии. Если нэп «всерьез и надолго», писал Сапронов, то необходимо приспособить советскую систему «к новому курсу», привлекая больше крестьян в органы власти. «Ведь ни для кого не секрет, что с новой экономической политикой мужичок крепнет. И в случае два три года хорошего урожая (даже один год поднимет мужичка) мужик как следует встанет на ноги и неизбежно будет требовать свои права в вопросах государственного строительства, постепенно будет пытаться захватить советы в свои руки, или же будет выдвигать лозунг Учредилки... Каковы бы не были наши экономические уступки, до тех пор пока наша партия будет у власти советская система должна быть незыблемой. А раз так, то необходимо советский аппарат сделать таким гибким, чтобы он при всяких уступках был бы незыблемо в наших руках». Далее автор разъясняет, как он понимает «уступки»: «В экономическом вопросе мы сделали реальные уступки, в политике мы этой роскоши позволить не можем, но *видимость уступок создать необходимо* (подчеркнуто Лениным — Е.Г.). Эти уступки могут выразиться в игре (если хотите) (ремарка Ленина: «не хочу» — Е.Г.) в парламента-

ризм, куда должна быть допущена мелкая буржуазия, не в лице, конечно, меньшевиков и эсеров (это хорошая была бы для них трибуна), но *десяток другой*, а может быть и три десятка... бородатых мужиков мы бы могли посадить во ВЦИК». По паре-тройке «бородачей» посадить и в губисполкомы. «Это и было бы представительство мелкой буржуазии, деревни». Но даже «игра» в уступки, считает автор, небезопасна. Мужик, «вкусивши сладкого, будет дальше лезть. Но это *не страшно*, если ЦК создаст *руководящую коллегию* во ВЦИК... с целью овладения всем советским аппаратом»⁴⁰ (всюду подчеркнуто Лениным – Е.Г.).

В приведенном письме четко выражена мысль (впрочем, для Ленина не новая, она прослеживается и в практике нэпа с начала его введения): при любых уступках советский аппарат, государственная власть должны остаться в руках РКП(б). Уже в мае 1921 г. на X Всероссийской конференции РКП(б) Ленин заявил: «...мы на всякие уступки пойдем в пределах того, что поддерживает и укрепляет власть пролетариата, который неуклонно несмотря на трудности и препятствия, идет к уничтожению классов и коммунизму»⁴¹. Одним словом, уступки возможны, если они способствуют монопольной власти партии.

В это же время среди рядовых коммунистов и в среде «верхов» раздавались голоса недовольных всевластием партии, выдвигались требования ее демократизации, высказывалось недовольство вседозволенностью партийных начальников, что ведет к дискредитации РКП(б) в глазах населения. Что касается критически настроенных рядовых коммунистов, то наиболее известна «фронда» рабочего-коммуниста с 15-летним партстажем Г.И.Мясникова. Повторю ее историю в том виде, в каком она уже мною публиковалась⁴². В начале мая 1921 г. Г.И.Мясников направил в ЦК РКП(б) докладную записку о своих впечатлениях от «Красного Петрограда». В ней он касался ряда важных политических вопросов. В частности, он предложил предоставить крестьянам больше самостоятельности.

Писал он и о взаимоотношениях партии с рабочим классом, о ее отрыве от рабочих, о волнениях рабочих в Петрограде. Они, утверждал он, «чувствовали, что власть есть, но чужая и далекая». Во всех забастовках и «итальянках» власти «винили меньшевиков и эсеров, их зловредных агитаторов, и, желая избавиться себя от крамолы, их арестовывали. Но несмотря на спасительные меры забастовки не прекращались, а наоборот, обострялись, а меньшевики и эсеры из людей без всякого влияния репрессиями превращались в героев». «Полнейшая безответственность перед массой партийной и беспартийной потому, что она безмолвна». «За разговор наверняка или вышлют или посадят. Партийной массе, середняку разрешается говорить о маленьких грешках и только о маленьких, а если покрупнее, надо молчать». «Всякая попытка сказать критическое слово ведет к зачислению смельчака по штату меньшевиков и эсеров со всеми вытекающими отсюда последствиями». «Если кто и дерзнет сметь свое суждение иметь — он или шкурник, еще хуже контрреволюционер-меньшевик или эсер». «После того, как мы подавили сопротивление эксплуататоров и конституировались как единственная власть в стране, мы должны, как после подавления Колчака отменили смертную казнь, провозгласить свободу слова и печати... от меньшевиков до анархистов включительно»⁴³.

27 июля Г.И.Мясников передал Н.И.Бухарину для публикации в «Правде» статью «Больные вопросы». В ней он развивал доводы докладной записки, настаивал на «гражданском мире». Особый упор он делал на необходимости свободы слова и печати, которые будут способствовать активизации рабочих и крестьян в хозяйственной жизни. «Если бояться свободы слова и печати, — писал он, — то только потому, что у нас очень много непорядков, то ведь от того, что свободы слова не будет их не уменьшится. У нас свобода слова на рынке, на вокзале, в вагоне, на пристани существует, но на фабрике и заводе

и в деревне ее нет. Там чека зорко досматривает через коммунистов на благонравие рабочих и крестьян»⁴⁴.

Оргбюро ЦК создало специальную комиссию (Н.И.Бухарин, П.А.Залуцкий, А.А.Сольц) для рассмотрения материалов Г.И.Мясникова, а также его выступлений по тем же вопросам в петроградской и пермской организациях РКП(б). Комиссия 21 июля 1921 г. предложила исключить Г.Мясникова из партии⁴⁵.

Ленин, ознакомившись со статьей и докладной запиской Г.Мясникова, ответил ему 5 августа. Согласившись с тем, что необходимо сменить лозунг «гражданская война» на лозунг «гражданский мир», он осудил требования «свободы печати от монархистов до анархистов». «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода *политической организации* и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров.

Это факт неопровержимый, — писал Ленин. — Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во много раз. Дать ей *еще* такое оружие, как свобода политической организации (свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации) значит облегчать дело врагу, помогать классовому врагу. Мы самоубийством кончать не желаем и потому это и не сделаем»⁴⁶.

Г.И.Мясников, в свою очередь, ответил Ленину на его письмо. Он продолжал настаивать на гласности в критике недостатков, считая вместе с тем, что гласность надо ввести в определенные рамки законом о свободе слова и печати. Здесь же Мясников уточнял: свобода слова должна распространяться только на рабочий класс и крестьянство, среди которых существуют взгляды от «монархиста до анархиста». «Когда дробите скулы мировой буржуазии, это хорошо, но вот беда: Вы замахиваетесь на буржуа, а бьете рабочего. Кто больше всего арестовывается за контрреволюцию теперь везде? Рабочие и крестьяне». Что же касается интеллигенции, то «никаких рассуждений с кадетом, буржуа, адвокатом, доктором, профессором, — здесь одно лекарство: «мор-

добитие»⁴⁷ Как видим, демократические взгляды Г.И.Мясникова не выходили за пределы утвердившихся представлений: демократия только для трудящихся.

12 августа Ленин телеграфировал Пермскому губкому: «Прошу прочесть на заседании губкома обе статьи Мясникова и мое ответное письмо ему. Тоже на Мотовилихинском райкоме»⁴⁸. Материал для проработки «диссидента» был дан. Ему было запрещено выступать в организациях губернии. О последовавших вскоре мерах губкома и реакции на них членов Мотовилихинской партийной организации, где на учете состоял Мясников, мы узнаем из заявления их делегатов на Пермской городской конференции РКП(б). Губернский комитет, говорилось в нем, запретил Мотовилихинской организации выбирать Мясникова в райком, мотивируя это тем, что у него «есть какие-то нехорошие мысли, причем общему собранию было запрещено узнать эти преступные мысли и определить, насколько они преступны. Неоднократные протесты со стороны общего собрания против зажимания рта тов. Мясникову и против недоверия общему собранию привели к тому, что губком кроме репрессивных не знает никаких средств борьбы с инакомыслием, если не считать ложь, клевету, шельмование... Последним мудрым решением губкома тов. Мясников был лишен мандата на общегородскую конференцию, потому что губком где-то слышал, что у какой-то комиссии при ЦК есть какой-то проект насчет исключения тов. Мясникова из партии». В знак протеста 31 делегат конференции покинул ее заседания⁴⁹.

Фронда Мясникова по решению Политбюро окончилась для него исключением из партии. Его упорства еще хватило на то, чтобы в июне 1922 г. обратиться с жалобой в Исполком Коминтерна. Но ИККИ ограничился пересылкой его письма в ЦК РКП⁵⁰.

Примечательна также история с коллективным заявлением в ЦК (начало 1922 г.), подписанном 22-мя бывшими членами «рабочей оппозиции». Она показала наличие критических настроений не только среди рядовых

коммунистов. Письмо резко осуждало партийное руководство за репрессивные меры против тех, кто позволял себе иметь свои политические суждения. «Заявление 22-х» обсуждалось на закрытом заседании XI партийного съезда. Предварительно комиссия съезда осудила этот документ. На самом съезде за решение комиссии проголосовало 227 делегатов. Лишь немного меньше — 215 голосов получил проект резолюции, предложенный В.А.Антоновым-Овсеенко, — он оправдывал «заявление» и предлагал в корне изменить отношение к инакомыслящим. В своем выступлении Антонов-Овсеенко заявил, что если непримиримость к инакомыслию прежде оправдывалась обостренностью фракционной борьбы, то сейчас мы «вышли из этого периода и можем решать вопросы с гораздо большей терпимостью»⁵¹. Итоги голосования — свидетельство недовольства «директивным единомыслием» значительной части активных членов партии.

Однако и критиковавшие нетерпимость к инакомыслию и применение репрессий по отношению к инакомыслящим не посягали на главное: политическую монополию РКП(б) в государстве, фактическую диктатуру партии, сложившуюся в годы гражданской войны. Между тем диктатура партии являлась главным препятствием реформирования советской политической системы, без чего невозможно было последовательное проведение экономических реформ. Отношения партии и государственных структур — отношения диктата и беспрекословного исполнения партийных директив и связанные с ними методы деятельности вполне устраивали партаппарат, уже привыкший пользоваться властью и проистекавшими от нее льготами, материальными преимуществами. Сказывалась и боязнь как бы нэп, оживление мелкобуржуазной стихии и деклассирование рабочего класса не подорвали «диктатуру пролетариата». Считалось, что в этих условиях речь должна идти не об ослаблении, а об усилении диктатуры партии. Ситуация создавалась противоречивая. Нэп, сама жизнь требовали политических преобразо-

ваний, руководство не могло этого не понимать, но ограничивалось приспособлением «военно-коммунистической» унаследованной от периода гражданской войны политической системы к новым экономическим реалиям, не подвергая ее существенному реформированию. Все же какие-то изменения, направленные к ее смягчению проводились. Существует мнение, что «хозяйственная либерализация сопровождалась ужесточением политического режима»⁵². Рассмотрение параллельных хозяйственных и политических процессов говорит о другом.

Высоко оценивая упоминавшуюся монографию В.А.Шишкина, я все же не могу согласиться с его утверждением, что «переход к новой экономической политике не дал ни одного примера политического «отступления», что новая экономическая политика «ровным счетом ничего не изменила в политическом и правовом положении народа». Автор, однако, прав когда пишет, что всякий шаг по пути развития нэповских реформ «неизбежно упирался в политические тупики», «в годы нэпа именно политика создавала все новые и новые ловушки и завалы для развития экономики», «именно политический режим явился тем тормозом развития нэпа, который в конечном итоге привел к его общему кризису»⁵³.

Попытки некоторых преобразований (реформ) в политической области предпринимались, в частности в вопросах, относившихся к Советам – основе (по Конституции) политической системы. В советской историографии эта тема присутствует, но идеологические шоры не позволяли освещать ее объективно, без преувеличения значения проводимых мер. На Советах сказался груз последствий гражданской войны. Они были оттеснены чрезвычайными и ведомственными органами. Их аппараты были громоздкими, крайне централизованными и бюрократическими. Не хватало средств на содержание исполкомов, административного персонала местных органов. Приспособленные к выполнению чрезвычайных задач военного времени, они не отвечали хозяйственным и

административным потребностям мирных условий. Недовольство населения «военным коммунизмом» было направлено и против Советов, являвшихся государственными органами по проведению этой ненавистной политики. Находило это выражение в лозунге восставших крестьян «Советы без коммунистов!» Переход к новым, «мирным» взаимоотношениям с трудящимися вызвал настоятельную потребность политического руководства в их массовой поддержке. Оно понимало, что классовый, преимущественно крестьянский состав населения не позволял правящей партии иметь значительную социальную базу. Недовольство населения усиливалось на почве голода 1921–1922 гг.

Среди мер, имевших своей целью смягчить недовольство властью, особое значение придавалось принятию законодательных актов, направленных к усилению роли Советов, повышению заинтересованности в них широких масс. Этому должна была служить целая серия законодательных актов. Еще 8 февраля 1921 г., накануне перехода к нэпу, ВЦИК принял постановления «О регулярных пере выборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов» и «Об организации городских Советов рабочих и красноармейских депутатов»⁵⁴. Предписывалось восстановить городские Советы в уездных центрах, где они бездействовали в годы гражданской войны. Власть исполкома уездного города распространялась на территорию уезда. Принимавшиеся меры более определенно увязывались с новыми экономическими реалиями. Так, постановление Девятого съезда Советов РСФСР указывало на необходимость перестройки местных советских аппаратов с учетом возникших условий их работы, невозможностью содержать на государственном снабжении местные Советы и их исполкомы. В одной из принятых резолюций съезд записал: «Расходы Советской республики и всех ее центральных и местных учреждений должны быть сведены к минимуму, приведены в связь с ее ресурсами и производиться в порядке строжайшего

соблюдения утверждаемого ВЦИК государственного бюджета, с предоставлением соответствующим государственным органам большей свободы в распоряжении отпущенными по бюджету денежными и материальными средствами»⁵⁵. 26 января 1922 г. были приняты положения «О Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа», «О сельских Советах», «Об уездных съездах Советов и их исполкомах», «О волостных съездах Советов и волостных исполкомах»⁵⁶. Эти и другие законодательные акты уточняли компетенцию отдельных звеньев Советов, предусматривали восстановление их полномочий, перешедших в годы гражданской войны к чрезвычайным органам – ревкомам. Положением ВЦИК от 31 октября 1922 г. «О губернских съездах Советов и губернских исполкомах»⁵⁷ была сделана попытка кодификации законов, определявших структуры и функции губернского аппарата. Это способствовало единству в понимании его задач.

Новые законы о Советах расширяли компетенцию их низовых звеньев (волостных, сельских). Особенно это было важно в части, касавшейся материального содержания сельских Советов и волостных исполкомов. Типичным для их положения являются Советы Уфимской губернии, о которых сообщал журнал «Власть Советов»: сельсоветы уже больше года фактически не получают ничего из касс финотделов; волисполкомы хотя и получают, но крайне нерегулярно и недостаточно; «служащие из волисполкомов разбегаются и волисполкомы фактически разрушаются»⁵⁸. В 1922 г. низовые Советы получили возможность в известных границах облагать население налогами, им передавалась часть государственных налогов. Переход на местный бюджет способствовал частичному сокращению аппаратов управления. Исполкомы могли использовать находящиеся на их территории имущества (за исключением переданных центральным органам и предприятиям) в интересах своих бюджетов и на началах хозрасчета. Все это создавало некоторые предпо-

сылки для «раскрепощения» инициативы местных Советов, придушенной в годы гражданской войны, учитывали новые экономические реальности.

Однако в целом созданная после революции система управления оставалась без изменений. Советы не освободились от партийного диктата, низовой аппарат оставался пассивным исполнителем указаний свыше. Не была реформирована система выборов в Советы и на их съезды — она оставалась многоступенчатой, с открытым голосованием. Партийное руководство не склонно было отказаться от политических ограничений избирательной системы, так как они позволяли манипулировать составом Советов, формировать его из удобных партаппарату людей. Во многих местах появлялись свои избирательные инструкции с демократическими элементами. Характерна реакция на них официоза НКВД журнала «Власть Советов»: «Необходимо определенно установить, что советское избирательное право полностью, начисто отменяет всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, как одно из «красивых» орудий капиталистического закабаления масс, по своей буржуазно-индивидуалистической сущности резко противоположное советскому избирательному праву»⁵⁹. Сохранялось положение Конституции 1918 г. о лишении политических прав — права участия в выборах частных собственников, торговцев — так называемых «нэпманов». Но ведь именно они, согласно смысла экономической реформы, должны были вдохнуть жизнь в хозяйственную сферу страны. Вызванное политико-идеологическими установками РКП, лишение политических прав хозяйственно-активной части населения противоречило самому смыслу нэпа. Такая непоследовательность вытекала из понимания роли пролетарского государства не как инструмента уравнивания различных классовых сил, а их противопоставления и разжигания классовой борьбы. Сохранилась утвердившаяся в годы гражданской войны практика подмены партийными органами Советских органов, вмешательства в их

деятельность. Правда, XI съезд РКП(б) постановил «разгрузить партию от ряда вопросов чисто советского характера, которые ей пришлось брать на себя в предшествовавший период»⁶⁰. Председатель ВЦИК М.И.Калинин на комфракции этого официального высшего органа власти страны рисовал радужные перспективы ослабления вмешательства ЦК партии в его работу: «В ближайшее время на сессии будет внесен вопрос о разграничении работы СНК, ЦИК, между партийными и советскими органами. Сейчас же ЦК провел постановление, что все законопроекты... не передаются на предварительное рассмотрение ЦК, а прямо вносятся сюда, обсуждаются... и принимаются сессией. После первого принятия сессией они передаются на окончательное редактирование в Комиссию». Но тут же оговорился: как это пройдет в жизнь — неизвестно»⁶¹. «В жизнь» это так и не прошло. Партийное руководство не намерено было соглашаться на ограничение «своих прав». К Десятому съезду Советов (декабрь 1922 г.) были подготовлены тезисы доклада по советскому строительству, предусматривавшие разграничение полномочий Советов всех уровней и партийных органов. Но такая постановка вопроса не устраивала партийные «верхи». Политбюро сняло с повестки дня съезда вопрос о советском строительстве.

На XI съезде РКП(б) Н.Осинский резко критиковал сложившуюся практику диктата Политбюро, когда оно является «решающей инстанцией... Если имеется директива Политбюро решить вопрос так, то стоп машина: комиссары смолкают. Если надо пересмотреть (вопрос) по существу, попробуйте пересмотреть, — наркомы спускают, потому что имеются особые директивы. Такое положение невозможно: не может учреждение, состоящее из 16 безответственных или малоответственных людей, представителей своих ведомств, писать и решать законы... Надо отнять у СНК законодательные функции и сосредоточить их исключительно у ВЦИКа. СНК должен быть исключительным органом ВЦИКа»⁶². Л.Д.Троцкий

обращался в Политбюро с критикой множественности руководящих учреждений, созданных для решения текущих вопросов, без четких разграничений полномочий, мешавших друг другу, насаждавших хаос, безответственность и плодивших бюрократизм. О необходимости упорядочения работы и взаимоотношения высших и центральных органов государственной власти писал Ленин. Накануне XI съезда РКП(б) в письме секретарю ЦК В.М.Молотову (23 марта 1922 г.) он сообщал о предполагаемых предложениях в его докладе ЦК на предстоящем съезде:

- освободить СНК от мелочей, разграничить его функции от функций СТО и Малого СНК. Поднять авторитет СНК привлечением к участию в нем наркомов, а не только их заместителей;

- созывать ВЦИК на более длительные сессии для разработки основных вопросов законодательства и для систематического контролирования работы наркоматов и Совнаркома;

- «разграничить гораздо точнее функции партии (и ЦК ее) и Соввласти; повысить ответственность и самостоятельность соработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частого, нерегулярного, часто мелкого вмешательства»⁶³.

На XI съезде РКП(б) в отчетном докладе ЦК Ленин говорил: «Надо добиться, чтобы ВЦИК работал более энергично и правильно собирался на сессиях, которые должны быть более длительными Сессии должны обсуждать проекты законов, которые иногда наспех вносятся в Совнарком без обязательной надобности. Лучше отложить и дать местным работникам внимательно обсудить и строже требовать от составителей законов, чего у нас не делается»⁶⁴.

Предложения Ленина были включены в резолюции XI съезда РКП(б). Однако все осталось без изменений.

Новая экономическая политика, призванная возродить товарно-рыночные отношения, потребовала соот-

ветствующего юридического обеспечения и прежде всего изменения отношения к законности. Суть этого сформулирована была в решении XI Всероссийской конференции РКП(б) в декабре 1921 г. В нем подчеркивалась первоочередность задачи водворения «во всех областях жизни строгих начал революционной законности»; «Новые формы отношения, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке»⁶⁵. Зрело понимание необходимости нормативно-правовых основ функционирования власти и экономических отношений. Характерно выступление М.И.Калинина на Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в январе 1922 г. «В первые моменты революции, — говорил он, — решающим моментом права, разумеется, являлась прямая, непосредственная вооруженная борьба. Вооруженная сила определяла право. Следующая стадия — это чрезвычайные органы, которые выступают вслед за военной силой и начинают внедрять и укреплять те права которые завоеваны... И, наконец, последней стадией являются органы юстиции», которые внедряют законность и «вырабатывают новое право»⁶⁶. Все больше осознавалось, что законность — необходимое условие хозяйственной деятельности. Однако сложившееся в ходе гражданской войны представление о «революционной законности» не претерпело изменения. Впрочем, оно вытекало и из идеи о «диктатуре пролетариата», функционирующей не по общечеловеческим, а по своим особым законам и в соответствии с «революционным правосознанием». Последнее же определялось тем, отвечают ли юридические акты идеологии партии и взгляду на юстицию, как на классовую. Вот почему над принявшимися (в целях «укрепления законности») юридическими актами продолжало тяготеть «революционное правосознание». В статье «Ежегодника советской юстиции» (начало 1922 г.) читаем: «Значит ли, что изданием писанных законов революционное правосознание, как база

решений и приговоров, сдается в архив? Отнюдь нет. Революцию в архив еще никто не сдал, и революционное правосознание должно проходить красной нитью в каждом приговоре или решении: оно лишь ограничено писанными нормами, но оно не упразднено»⁶⁷

Сейчас, при нэпе, трактовка «революционной законности» связывалась с вводимым государственным капитализмом, «ведущем к социализму». Велась разработка гражданского кодекса РСФСР, и Ленин в письме наркому юстиции Д.И.Курскому «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» дает наставления: он обязан бороться «против течения. Не перенимать (вернее, не дать себя надуть тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое». Это новое гражданское право должно исходить из принципа: «Мы ничего «частного» не признаем... Мы допускаем капитализм только государственный, а государство, — это мы». Поэтому в «гражданских правоотношениях» следует руководствоваться революционным правосознанием. А это значит, надо «показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов», за отступление от «наших законов» — «*карать* не позорно-глупым, «коммунистически-тупоумным» штрафом в 100-200 миллионов, а расстрелом»⁶⁸. «Революционная законность» предполагала защиту имущественных прав лишь в случае их «соответствия социально-хозяйственному назначению», а это соответствие определялось классовым судом.

Все же роль суда после перехода к нэпу резко повысилась. Декретом ВЦИК и СНК от 23 июня 1921 г. «О порядке наложения административных взысканий» было установлено, что все дела о преступлениях рассматриваются судебными органами, а органы управления налагают на граждан только административные взыскания. Этим устранялась прежняя практика, когда исполкомы Советов (их президиумы, отделы управления) приговаривали виновных к тюремному заключению или направле-

нию в «трудовые лагеря». Советское законодательство 1918—1920 гг. не давало четких ответов на многообразие юридических вопросов, возникавших в жизни. Вскоре после окончания гражданской войны «Известия ВЦИК» констатировали: нет разграничения между ЧК и чисто судебными учреждениями; нет точных указаний о подсудности дел тем или иным судебным учреждениям, отсутствуют специальные законы с определением наказания за данное преступление, суды и ревтрибуналы выносят приговоры «по своей совести»⁶⁹. После перехода к нэпу судебные органы приспособлялись к требованиям новых экономических и политических обстоятельств. В 1921 — начале 1922 г. издан ряд декретов и нормативно-уголовных актов. В мае 1922 г. принят первый уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Готовилась судебная реформа. Она началась принятием 31 октября 1922 г. ВЦИКом Положения о судеустройстве РСФСР⁷⁰. Упразднились территориальные революционные трибуналы. Сам же суд состоял из трех звеньев: народный суд, губернский и Верховный суд РСФСР. К вновь образованным губернским судам перешли функции управления народными судами. Верховный суд осуществлял надзор за деятельностью всех судов Республики, он являлся кассационным по делам, рассматриваемым губернскими судами. Председатель и члены Верховного суда назначались Президиумом ВЦИК. Усиливалась независимость судов от местных властей. Органам управления запрещалось вмешиваться в судебные дела; отзыв судей до окончания срока полномочий возможен был только с санкции наркома юстиции или по решению суда за преступления. Были учреждены адвокатура и прокуратура⁷¹, в функции которой входило наблюдение за тем, чтобы соблюдалась законность. Однако Положение ВЦИК о прокурорском надзоре (28 мая 1922 г.) фактически лишало прокуратуру права опротестовывать перед судом постановления местных властей с точки зрения их законности, что ослабляло возможности этого органа отстаивать закон-

ность⁷². К тому же сохранялся контроль над прокуратурой партийных органов, считавших себя вправе вмешиваться в ее деятельность. 5 декабря 1922 г. за подписью секретаря ЦК В.М.Молотова всем губкомам и обкомам послан циркуляр, определявший взаимоотношения прокуратуры и партийных организаций. ЦК предлагал руководствоваться правилами: «Назначения, перемещения и отзывы губернских прокуроров производятся прокурором Республики по согласованию с ЦК ВКП(б), причем губкомы должны сообщать в ЦК о выдвигаемых ими кандидатах... В порядке осуществления партийного контроля над деятельностью прокуратуры губком ежемесячно заслушивает на своих заседаниях доклады губернского прокурора... В тех случаях, когда по мнению губкома необходимо принять те или иные меры по отдельному делу и меры эти вызывают разногласия с прокуратурой, губкомы, не вмешиваясь в действия прокурора непосредственно, обращаются для разрешения спорных вопросов в ЦК ВКП(б)»⁷³. Где уж тут независимость прокуратуры!

Новым экономическим отношениям должно было способствовать законодательство и в других областях. В 1922 г. приняты новые кодексы законов: о труде, земельный, гражданский; законы о трудовом землепользовании, об основных частных имущественных правах и др. Все эти законодательные акты отражали социально-экономическую сущность и пределы новой экономической политики. Так, в нормах Гражданского кодекса провозглашалось господствующее положение государственной социалистической собственности на орудия и средства производства. В то же время Гражданский кодекс допускал в ограниченных пределах частнохозяйственную деятельность при регулирующей роли государства, усиливал защиту имущественных прав граждан. Была узаконена возможность стачечной борьбы трудящихся за свои экономические интересы.

Изменения экономических отношений отразились на характере преступности и на вердиктах судебных органов.

Преобладающими стали преступления на экономической почве. Процент осужденных за контрреволюционные преступления с 0,7% во втором полугодии 1922 г. снизился до 0,3% в первом полугодии 1923 г. В этот же период процент осужденных за хозяйственные преступления возрос с 7,3% до 32,4%, причем в 1923 г. усилена была суровость наказаний за хозяйственные и имущественные преступления⁷⁴.

В общем ряду реформирования некоторых государственных учреждений были попытки пересмотра статуса и компетенции ВЧК и ее местных чрезвычайных комиссий. В ходе гражданской войны их полномочия, обширные с самого начала, расширялись, они не только вели расследования контрреволюционных преступлений, но и внесудебные расправы. Их власть над людьми была беспредельна, что вело к многочисленным злоупотреблениям. В этих органах оказалось немало карьеристов, криминальных элементов, использовавших звание «коммунист» для занятия в ЧК постов, дававших им возможность быть над законами. Да и многие идейные коммунисты, попадая в среду этих карательных органов, превращались в автоматы по осуществлению репрессий.

Характерен документ – заявление, поступившее в начале 1921 г. в ЦК РКП(б) от сотрудников Особого отдела Туркестанского фронта, сообщавшее о положении дел в чекистской среде. «Как это ни печально, – говорилось в заявлении, – но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в движение механически... Если мы посмотрим на коммунистов, находящихся в пролетарских карательных органах, то мы увидим, что они стоят вне политической жизни Республики, так благодаря долгому пребыванию в карательных органах, благодаря однообразной, черствой, механической работе, которая только заключается в поисках преступников и в уничтожении, то они постепенно против своей воли становятся индивидами, живущими об-

особленной жизнью. В них развиваются дурные склонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм и т.д., и они постепенно, для себя незаметно, откальваются от нашей партийной семьи, образуя свою особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних жандармов»⁷⁵.

Еще в годы гражданской войны ставился вопрос о необходимости ограничить всевластие чрезвычайных комиссий, но их насилия и террор оправдывались жестокостью борьбы с контрреволюцией. В январе 1921 г. Ф.Э.Дзержинский писал в ЦК РКП(б), что применение высшей меры наказания — расстрела «можно сейчас отменить по всем политическим преступлениям, за исключением террористических актов и открытых восстаний», а также наиболее опасным должностным преступлениям⁷⁶. В приказе своим местным органам Ф.Э.Дзержинский указывал, что в новых условиях нельзя действовать прежними методами: «грубые признаки различия на своего или не своего по классовому признаку — кулак, бывший офицер, дворянин и прочее — можно было применять, когда Советская власть была слаба, когда Деникин подходил к Орлу... Нужно иметь в руках точные улики, конкретные данные», но «само собой понятно, что расправа с пойманными, уличенными саботажниками должна быть беспощадна»⁷⁷. Тем не менее ВЧК продолжала действовать прежними методами — «по классовому признаку», творя расправы даже не имея «в руках точные улики, конкретные данные» о виновности арестованных. Все же необходимость ограничения полномочий ВЧК и сужения рамок ее деятельности осознавалась партийно-государственным руководством. Согласно положению ВЦИК о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях от 28 октября 1918 г. ВЧК должна была работать в тесном контакте с народными комиссариатами внутренних дел и юстиции⁷⁸. Предполагалось, что это создаст известный контроль над ЧК. На деле их деятельность была бесконтрольна. И после окончания гражданской

войны бесконтрольность и всевластие чекистских органов продолжались. Так, ВЧК издавала приказы, расширявшие их контроль над населением. 12 мая 1921 г. приказом всем местным ЧК она предлагала использовать информационные аппараты гражданских и военных учреждений для получения каждые три дня сведения по разнообразным вопросам: от губкомов партии их было 16, губернских земельных отделов – 15, губернских СНХ – 11, губпродкомов – 14, губернских профсоюзных советов – 18, губернских военкоматов – 9. Вопросы касались политических настроений населения, общественных организаций, оппозиций. ВЧК создала густую сеть секретных осведомителей, дававших нужные ей сведения. С этой же целью практиковалась перлюстрация писем⁷⁹.

Поток жалоб на незаконные действия ЧК не иссякал. 10 октября 1921 г. на заседании СНК Ленин задал вопросы члену коллегии Наркомата юстиции А.А.Саврасову: когда и по каким делам он, как представитель НКЮ опротестовал те или иные незаконные действия ВЧК, кому он протесты и жалобы писал? Совнарком поручил наркому юстиции Д.И.Курскому представить общий доклад о взаимоотношениях ВЧК и Наркомата юстиции. Через пять дней, 15 октября, Совнарком вернулся к этому вопросу и создал комиссию под председательством Д.И.Курского (вскоре под председательством Ф.Э.Дзержинского) для рассмотрения взаимоотношений ВЧК с органами юстиции⁸⁰. В результате обсуждения вопроса было признано необходимым сузить круг деятельности ВЧК и ее органов. За это высказался и Девятый Всероссийский съезд Советов, он поручил Президиуму ВЦИК в кратчайший срок пересмотреть «Положение о ВЧК и ее органах» «в направлении их реорганизации, сужения их компетенции и усиления начал революционной законности»⁸¹. Имелись даже предположения урезать ассигнования ВЧК. Однажды в разговоре с Ф.Э.Дзержинским нарком финансов Г.Я.Сокольников, говоря о необходимости экономить народные деньги, высказался так:

«Спрос рождает предложения. Чем больше средств получают ваши работники, тем больше будет дутых дел. Такова специфика вашего весьма важного и опасного учреждения»⁸². Нельзя отказать ему в здравом взгляде на это учреждение⁸³. К реорганизации ВЧК подталкивал и «внешний фактор». Репрессивная деятельность ВЧК за годы ее существования настолько дискредитировала советский режим, что она мешала налаживанию экономических отношений с зарубежными странами и дипломатическому признанию РСФСР. В расчет советским руководством принималась и предстоящая Генуэзская конференция.

6 февраля 1922 г. ВЦИК принял декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов». На ее базе было создано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД⁸⁴. На местах вместо ЧК его органами были «политические отделы» при губисполкомах. В полномочия ГПУ не входили судебно-следственные функции, его задачи были ограничены областью «политической охраны» и охраны границ государства. Согласно декрету, любой человек, арестованный ГПУ, либо через два месяца должен быть освобожден, либо дело его передается в суд. Свыше двух месяцев без передачи в суд можно было держать под арестом только по особому разрешению Президиума ВЦИК. По Уголовно-процессуальному кодексу и «Положению о прокурорском надзоре» 1922 г. ГПУ – орган, поднадзорный прокурору.

Хотя и суженные полномочия ГПУ оставались обширными, все же появилась надежда, что с сокращением его прерогатив власть «органов» не будет беспредельна. Однако уже в конце сентября Политбюро постановило расширить права ГПУ 16 октября ВЦИК предоставил ГПУ право «внесудебной расправы вплоть до расстрела в отношении лиц, взятых с поличными на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях»⁸⁵. Тем самым ВЦИК снова отступил от принципа осуждения только через суд, положенный в основу реор-

ганизации ВЧК. Руководителем ГПУ оставался Ф.Э.Дзержинский. Имеются свидетельства, что осенью 1923 г. он однажды сказал К.Радеку: «Святые или негодяи могут служить в ГПУ, но святые теперь уходят от меня, и я остаюсь с негодяями»⁸⁶. В свете последующих незаконных репрессий эти слова не лишены глубокого смысла. Восприняв от ВЧК ее кадры и карательные методы, ГПУ в дальнейшем было послушным бесконтрольным орудием сталинских массовых расправ с негодными. ГПУ размещалось на Лубянке, ставшей символом трагедий сотен тысяч безвинных жертв. Страх населения, насаждавшийся ГПУ и его местными органами, оставался постоянным подспорьем политического режима.

Итак, замена вывески «ВЧК» на «ГПУ» не привела к коренному изменению характера и существа деятельности репрессивных органов. Да и само партийное руководство на это не рассчитывало, к этому не стремилось, так как продолжало придерживаться взгляда, что основой функционирования системы «диктатуры пролетариата» являются насильственные методы подавления всех, кто с ней не согласен. На «диктатуру пролетариата» Ленин и его соратники уповали в поисках выхода из повседневно возникавших экономических тупиков. В марте 1922 г. Ленин направил секретное письмо членам Политбюро, в котором указывал: «... если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок»⁸⁷. Тогда же он писал Л.Б.Каменеву: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому»⁸⁸. Подобными указаниями и руководствовалось ГПУ в своей деятельности. Нэп и ЧК – ГПУ были неразрывны.

Карательную политику осуществляли также Народный Комиссариат Юстиции и НКВД, в состав которого входили Главное управление принудительных работ и Главное управление милиции. В декабре 1922 г. в сорока ки-

лометрах от Архангельска на берегу Северного моря был учрежден специальный лагерь для политических заключенных. В 1923 г. открыт лагерь «особого назначения» на Соловках, более полувека являвшийся каторгой для десятков тысяч человек неудобных советским властям.

Все же с переходом к нэпу масштабы террора были значительно сужены, что сказалось на резком сокращении числа осужденных «за контрреволюционные и особо опасные государственные преступления»: с 35829 в 1921 г. до 6003 в 1922 г. и 4794 в 1923 г. Приговоров к смертной казни сократилось с 9701 в 1921 г. до 1962 в 1922 г. и 414 в 1923 г.⁸⁹

К некоторой политической либерализации относятся и новые подходы к внешней политике, о чем уже говорилось в связи с ее экономическими аспектами (торговля, концессии). Официальная установка о переходе от отношений войны с капиталистическими странами к отношениям мирным означала признание возможности мирного сосуществования с ними, что создавало известные дополнительные предпосылки для ослабления политической напряженности внутри страны (другой вопрос, как правящая партия их использовала!). В то же время наряду с официальной внешней политикой проводилась неофициальная внешняя политика, направленная по существу к вмешательству во внутренние дела других государств и являвшаяся одной из причин обострявшихся с ними отношений: это советская антиимпериалистическая пропаганда, использование Коминтерна в качестве инструмента РКП(б) на международной арене. Для иллюстрации сошлюсь на один эпизод из деятельности ИККИ. Пытаясь сбить волну возмущения в Западной Европе процессом в России над руководством правых эсеров, Исполком Коминтерна решил подготовить материалы о терроре в отношении коммунистов в буржуазных странах. 6 мая 1922 г. Президиум ИККИ постановил: «добиться того, чтобы каждый член ИККИ дал в письменном виде подробнейший материал о своей стра-

не, указывающий на гонения коммунистов, аресты, убийства, проявления белого террора и главную роль социалистов 2 и 2 1/2 Интернационала во всем этом»⁹⁰.

Конечно, периодически создававшиеся серьезные осложнения для СССР на международной арене вызывались и не прекращавшейся антисоветской направленностью политики капиталистических стран. Политические, экономические и идеологические противоречия СССР и буржуазных государств оставались постоянным фактором их взаимоотношений. Все же взаимные экономические интересы позволяли, вопреки противоречиям, добиваться известных внешнеполитических результатов. Этому способствовала «нэповская» смешанная экономика с ее казавшимися перспективами: надежды российских «сменовеховцев» на эволюцию советского строя в буржуазно-капиталистический разделялись и многими западными политиками.

Функционирование нэпа, экономический плюрализм открыли дорогу плюрализму общественной мысли, оживлению разномыслия в идеологической области, особенно среди интеллигенции. Широко распространялись «сменовеховские» идеи. Раздавались требования свободы слова и печати. Даже сам Ленин сначала высказывался за расширение этих свобод, но «в известных пределах». В 1936 г. Е.Д.Кускова в письме В.Л.Бурцеву между прочим писала: Ленин «в 1921 г. хотел устроить банкет со старыми общественными деятелями. Просили (жив В.М.Свердлов, через которого шли переговоры) передать ему: банкеты мы будем совместно устраивать тогда, когда выйдем из состояния рабов, рот которых связан и которые чувствуют себя пленниками диктатуры, т.е., когда рядом с нэпом будут возвращены русскому народу свободы»⁹¹. Автор не располагает данными, подтверждающими это любопытное сообщение. Думается, что нечто подобное могло быть. Не исключено, что после перехода к нэпу Ленин негласно пытался «прощупать почву» для каких-то примирительных контактов «со старыми общественными

деятелями». Но длилось это недолго. Испугавшись проникновения «буржуазных идей», руководство большевиков объявляет им войну. Вместе с тем ему пришлось пойти на известное признание свободы суждений хотя бы беспартийной печати. С осени 1921 г. были расширены возможности издательской деятельности, появилось много частных изданий: в Москве в 1922 г. их было 337, в Петрограде — 83⁹². Появились журналы критически настроенной по отношению к советской власти интеллигенции: «Экономист», «Новая жизнь» и др. В них либерально-мыслящие ученые, философы, экономисты, публицисты выражали надежду, что новые экономические реалии побудят власти отказаться от преследования инакомыслящих, создадут условия для свободного обмена идей. В книгах и статьях критиковалась официальная идеология и хозяйственная практика. Беспартийная интеллигенция переживала эйфорию ожидания подлинной либерализации и даже коренного изменения политического режима. Все это воспринималось партийными вождями как идеологическая подготовка контрреволюционного переворота. 15 марта 1922 г. Ленин в письме Н.П.Горбунову охарактеризовал вышедший сборник статей Н.А.Бердяева, Я.М.Букшпана, Ф.А.Степуна, С.Л.Франка «Освальд Шпенглер и закат Европы» как «литературное прикрытие белогвардейской организации». А в статье «О значении воинствующего материализма» назвал журнал «Экономист» «органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т.д.»⁹³. В июне многие журналы, в том числе «Экономист», были закрыты. Это соответствовало уставке большевиков: партия руководит не только экономикой и политикой, но и идеологией, культурой, всеми ее формами и проявлениями. Неподчиняющихся ее руководству и указаниям не должно быть. Государственным органом осуществления партийного руководства идеологией и культурой оставался Наркомпрос, возглавляемый А.В.Луначарским. Но посчитали, что этого органа недо-

статочно, чтобы создать непроходимый барьер на пути распространения некоммунистической идеологии. Таким барьером по решению Совнаркома от 8 июня 1922 г. должен был стать специальный комитет по делам печати «в целях объединения всех родов цензуры, существующих в России». Было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), в обязанности которого входил «предварительный просмотр всех предназначенных для печатания и распространения литературных произведений, периодических и непериодических изданий, карт и т.п. Кроме того, Главлит выдает разрешения на издание всех родов печатных произведений, составляет списки запрещенных книг. вырабатывает постановления касательно типографий, библиотек, книжной торговли»⁹⁴. Вскоре последовали первые списки запрещенных книг. При Главлите создан и комитет по контролю за репертуаром, без разрешения которого ни одно произведение не могло быть допущено к постановке⁹⁵.

Непоследовательность, расхождение между словом и делом проявлялись в отношении к интеллигенции в целом. В советской историографии много сказано о «бережном» отношении Ленина к специалистам как в годы гражданской войны, так в особенности после перехода к нэпу. На этот счет приводится множество цитат из его работ, различных выступлений на партийных и советских форумах. Да, Ленин прекрасно понимал, что без интеллигенции, специалистов науки и техники, социализм не построить. Сошлюсь только на два его документа, относящиеся к 1921–1922 годам. Девятый Всероссийский съезд Советов принял написанный Лениным Наказ о хозяйственной работе, указывавший на «безусловную необходимость еще более настойчивой работы по привлечению к делу хозяйственного строительства специалистов, понимая под таковыми как представителей науки и техники, так и людей, которые практической деятельностью приобрели опыт и знания в деле торговли, в деле организации крупных предприятий, контроля за хозяй-

ственными операциями и т.п.»⁹⁶. В 1922 г. в «Проекте тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» Ленин писал: «Если все наши руководящие учреждения, т.е. и компартия, и соввласть, и профсоюзы, не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи»⁹⁷. В это же время, в полном противоречии с высказываниями и призывами беречь специалистов, независимо от их идейных взглядов, Ленин ратовал за применение суровых мер к «чуждым коммунизму» специалистам.

Еще весной 1922 г. началась подготовка высылки из страны инакомыслящих ученых, представителей интеллигенции. В письме Ф.Э.Дзержинскому от 19 мая 1922 г. Ленин предлагал ряд конкретных мер по составлению списка «кандидатов на высылку за границу». В качестве «законнейших кандидатов на высылку» он, в частности, назвал сотрудников журнала «Экономист». «Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу»⁹⁸. А в письме, направленном в ГПУ 17 июля 1922 г., Ленин конкретно называл некоторых «кандидатов на высылку» и заключил: «Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и *без объявления* мотивов — выезжайте, господа!»⁹⁹.

Резолюция XII Всероссийской конференции РКП(б) (4-7 августа 1922 г.) «Об антисоветских партиях и течениях», в частности, гласила: «...Нельзя отказаться от применения репрессий не только по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции...»¹⁰⁰. Оставалось только

подвести «правовую основу» для готовящейся акции. 10 августа ВЦИК принял декрет «Об административной высылке лиц, признаваемых социально опасными». При НКВД была создана особая комиссия, получившая право без суда высылать и заключать в лагеря принудительных работ «им подобных лиц»¹⁰¹. В ходе операции по высылке деятелей науки и культуры посылались рапорты Ленину. Обычные его пометки на них: «в архив», «секретно»¹⁰². Точных данных о численности депортированных в 1922 г. нет. Имеются сведения, что только с августа по декабрь выслано в несколько приемов 300-400 представителей отечественной интеллигенции.

Интересно объяснение Л.Д.Троцкого причин депортации интеллигенции, высказанное в августе 1922 г. в беседе с американской журналисткой Луизой Брайант (женой Джона Рида, автора книги «10 дней, которые потрясли мир»). По его словам, все высылаемые «являются потенциальным оружием в руках наших возможных врагов. В случае военного осложнения они станут их агентурой, и мы будем вынуждены их расстреливать.

А сейчас, в спокойный период, мы предпочитаем их депортировать»¹⁰³. Конечно, высылали их не из гуманных соображений, а из неприятия малейшего инакомыслия. Как бы то ни было, большинство, доживи они до периода массовых сталинских репрессий, вряд ли избежали бы их.

С начала 1921 г. резко усилились репрессии против оставшихся еще на легальном положении остатков небольшевистских партий. История их ликвидации, находившаяся под запретом, в советской историографии по существу замалчивалась, в постсоветское время стала часто освещаемой темой. Поскольку этот сюжет важен для темы данной монографии, коснусь его по возможности кратко. При этом необходимо ответить на вопрос: почему сразу после перехода к нэпу большевистское руководство откровенно взяло курс на немедленную ликвидацию последних элементов чуть теплившейся многопар-

тийности? Вспомним, с каким ожесточением обрушились большевики против меньшевиков и эсеров, обвиняя их в том, что они — организаторы и виновники массовых восстаний конца 20-го — начала 1921 года. Связано это было с тем, что руководство РКП(б) боялось усиления влияния социалистических партий, когда недовольство рабочих и крестьян «военным коммунизмом» достигло критической точки. С переходом к нэпу возможности легальной критики Советской власти расширились, и в этой обстановке усилились опасения растущей угрозы со стороны этих партий большевистской власти. Меньшевики и эсеры трактовали нэп как отступление к капитализму, предлагали изменить политическую систему, отказаться от «диктатуры пролетариата», расширить демократию, критиковали непоследовательность властей в проведении экономической политики. В результате предшествующих репрессий организации меньшевиков и эсеров были очень немногочисленны и слабы, тем не менее наметилась тенденция к усилению их влияния среди рабочих и крестьян, о чем докладывали руководству чекистские органы. Тревожило и то, что в самой РКП(б), даже в ее руководящих кругах, высказывались мнения, что в условиях нэпа можно допустить «ослабления» небольшевистским партиям. В этом отношении показательна была докладная записка (11 апреля 1921 г.) работника агитпропа ЦК и референта ВЧК И.В.Вардина (Мгеладзе). Он предложил предоставить меньшевикам, эсерам, анархистам, по крайней мере левым их группам, возможность вести легальную политическую деятельность. В связи с выборами в Московский Совет, писал он, встает общий вопрос: «должны ли мы предоставить нашим политическим врагам известную «свободу выборов». Я полагаю, что на эти вопросы следует ответить *утвердительно*... По моему мнению, крайне важно, чтобы в выборах в Совет участвовали «все партии», а не «одна партия». В Советах нам *необходима* оппозиция. Когда беспартийный рабочий

протестует против партийной диктатуры, он имеет в виду отсутствие в Советах тех партий, которые часто отражают не классовые, а его профессиональные и бытовые интересы и нужды».

Предоставление меньшевикам и эсерам некоторых «свобод», считал И.В.Вардин, в интересах советской власти: ««Свободные выборы», «Конституция», когда мы это проводим в жизнь, это усиливает нашу позицию, это ослабляет шансы нового Кронштадта». К тому же «оппозиция нам нужна для того, чтобы усилить тенденции расколов и расхождений в рядах враждебных нам партий».

Вместе с тем Вардин полагал, что «легализуя, вожжи, понятно, мы должны держать натянутыми. Нашим врагам мы должны сказать: »Господа, в пределах наших законов вы свободны. За всякую попытку призыва к гражданской войне, к забастовкам, к нарушению наших законов мы вас будем привлекать к трибуналу»¹⁰⁴. 17 апреля Ленин написал на докладной Вардина резолюцию: «Молотову для Политбюро: По-моему, автор неправ. Он формалистичен... предложение автора не годится. Он не вник в дело как следует»¹⁰⁵.

В статье «О продовольственном» налоге Ленин изложил свою позицию по отношению к так называемым «мелкобуржуазным» партиям. Суть ее: «Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно как открытых, так и перекрашенных в «беспартийных» в тюрьме»¹⁰⁶. Характерно заявление К.Радека на X партийной конференции (май 1921 г.): партии эсеров и меньшевиков, «оформляя движение мелкобуржуазных масс», «сумеют настолько ослабить советскую власть, что она свалится в самой России», «по отношению к меньшевикам и эсерам есть одна тактика — тактика беспощадной борьбы»¹⁰⁷

21 апреля 1921 г. на имя Дзержинского в ВЧК была передана выписка из записки Ленина Молотову следующего содержания: «Поручить ВЧК выработать систематический план:

- а) на лето и осень 1921 года,
б) на январь (вообще начало) 1922 г. и доложить через 1-2 недели в Политбюро. Примерный план их (т.е. ВЧК) мер:
1. Ликвидация с-р и усиление надзора;
  2. То же меньшевиков;
  3. Чистка партии: долой нестойких коммунистов;
  4. Чистка Саратова и Самарской губернии;
  5. Отряды особого назначения;
  6. Курсанты в провинции;
  7. Чистка аппарата государственной власти в деревне...»¹⁰⁸.

Поручение Ленина было выполнено, 4 июня 1921 г. ему был представлен проект плана, адресованный также Политбюро¹⁰⁹. Он состоял из разделов в соответствии с предложенным сценарием. Документ предусматривал «доликвидацию» партий меньшевиков и эсеров. Тщательно, детально в нем указано как это будет сделано, намечен даже график проведения «массовых операций». Речь в нем также идет об «операциях» против остатков других небольшевистских партий, о мерах борьбы с «черносотенным духовенством», подавления рабочих и крестьянских волнений, о «чистке» ответственных работников милиции, кооперации, аппарата государственной власти в деревне и аппарата управления экономикой. Даны рекомендации ЦК РКП(б) как подключить к проведению этих репрессивных «мероприятий» партийные организации.

Пометки Ленина на проекте плана ВЧК: «*секретно*», «в архив». В Политбюро проект не был представлен и, следовательно, официального его одобрения не получил. Но важно другое: по существу этот план, пусть не точно «по графику» и по всем пунктам, осуществлялся чекистскими органами.

Между тем партия меньшевиков придерживалась легальности и отказа от вооруженной борьбы. В конце ноября 1921 г. Бюро ЦК РСДРП приняло циркуляр для партийных организаций о задачах партии и методах борьбы, подчеркивавший, что партия — легальная, к по-

пыткам уйти в подполье ЦК относится отрицательно. «Вы должны рассматривать себя, как партию, стоящую на почве советской конституции, партию легальной рабочей социалистической оппозиции, относящуюся совершенно отрицательно к методам вооруженной борьбы и вооруженным восстаниям, которые в настоящих условиях неизбежно повлекли бы к торжеству реакции»¹¹⁰. В отличие от меньшевиков правые эсеры в принципе допускали вооруженную борьбу, а многие из них принимали активное участие в организации антисоветских восстаний. Партия считала своей задачей готовиться к свержению большевистской власти вооруженным путем, что было подтверждено состоявшимся в августе 1921 г. очередным (10-м) Советом партии правых эсеров. Однако партийно-государственные органы не делали различия между меньшевиками и эсерами, одинаково наносили удары по тем и другим. Во второй половине 1921 г. участились случаи арестов меньшевиков и эсеров (в первые месяцы 1922 г. они стали массовыми). 28 декабря 1921 г. по докладу Ф.Э.Дзержинского о меньшевиках и эсерах ЦК РКП(б) постановил: «а) предрешить вопрос о предании суду Верховного трибунала ЦК партии социалистов-революционеров, б) поручить комиссии в составе тт. Дзержинского, Каменева и Сталина определить момент опубликования»¹¹¹. В письме в Политбюро 17 марта 1922 г. Ленин требовал «самой беспощадной борьбы с меньшевиками и эсерами и самого максимального недоверия к ним (как к опаснейшим *фактическим* пособникам белогвардейщины»¹¹². ВЦИК 12-26 мая 1922 г. обсудил разработанный Наркоматом юстиции проект Уголовного кодекса РСФСР. 15 мая в записке Д.И.Курскому Ленин предлагал добавить к проекту УК статьи, суть которых расширение применения расстрела как высшей меры наказания с правом замены расстрела высылкой за границу «по решению Президиума ВЦИК (на срок или бессрочно)». Относилось это, в частности, «ко всем видам деятельности меньшевиков, с-р. и т.п.» Предлагалось

«найти формулировку, ставящую эти деяния *в связь с международной буржуазией* и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т.п.)». Через день, 17 мая, вторая записка. В ней набросок дополнительного параграфа к проекту Уголовного кодекса. Его основная мысль: «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее *суть и оправдание террора*, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого»¹¹³.

В первые месяцы 1922 г. были произведены массовые аресты и высылки меньшевиков в отдаленные районы страны, часть видных меньшевиков получила разрешение эмигрировать за границу. За рубежом распространялись слухи о казнях меньшевиков. Опровергая эти слухи, «Правда» сообщала, что на самом деле их «все-го-то — навсего высылают (и дают даже денег на дорогу) к... приятелям — Мартову и К°»¹¹⁴. Тезисы ЦК РКП(б) к XI съезду партии «Об укреплении и новых задачах партии» констатировали, что партии «пришлось лишить свободы» все политические группировки, враждебные Советской власти, РКП «осталась единственной легальной политической партией в стране»¹¹⁵. Участь остававшихся еще на свободе остатков небольшевистских партий была предрешена.

7-8 августа 1922 г. состоялся процесс Верховного трибунала ВЦИК над руководством правых эсеров. Он явился одним из звеньев осуществлявшегося курса на окончательную ликвидацию всех небольшевистских партий, причем в «сравнительно короткий срок», как гласила резолюция XII партийной конференции, принятая накануне открытия процесса над правыми эсерами¹¹⁶.

Убедившись в бесперспективности борьбы, правые эсеры в 1923 г. приняли решение о самороспуске своей партии в Советской республике. Оставшиеся на свободе лидеры перебрались на Запад. На этом закончилась история самой крупной в 1917 г. партии России.

Приближался конец и партии меньшевиков. Во второй половине 1922 г. остатки ее в виде немногих меньшевистских групп перешли на нелегальное положение, но партия фактически перестала существовать. Оказавшиеся за рубежом меньшевики пытались издавать «признаки жизни», издавая свой орган – «Социалистический вестник».

К середине 20-х годов прекратили существование многочисленные группы других мелких российских социалистических партий – анархистов, левых эсеров, максималистов. Их члены или порывали со своими организациями, или переходили в РКП(б). В августе 1923 г. Центральное бюро объединенных организаций левых эсеров и максималистов в письме «К психологии переходящих» выражало недоумение по поводу причин перехода: «Для многих, даже не социалистов, даже не революционеров, вопрос о продолжающемся переходе членов разных партий в РКП(б) так и остается вопросом нерешенным, неясным, необъяснимым... Слишком сложны мотивы, побуждающие человека отказать от того, во что верил полтора-два десятка лет»¹¹⁷

Каковы бы ни были личные мотивы прекращения членства в организациях социалистических партий, главную роль в этом сыграли репрессии, преследования властей. Такой результат репрессий стал возможен вследствие осознания этими партиями бесперспективности борьбы, потери ими связей с массами, изоляции от них, постоянных колебаний, смены тактических установок, попыток играть роль «третьей» – промежуточной силы в обстановке ожесточенной классовой борьбы.

В стране окончательно осталась одна правящая Коммунистическая партия. Однопартийность явилась определяющей особенностью советской политической системы.

Таким образом, хотя после поворота к новой экономической политике наметились сдвиги в политической системе в сторону некоторой ее либерализации, полного отказа от «военно-коммунистических» методов диктата и террора не было. Возможности большевистского реформирования были ограничены идеологическими догмами «строительства социализма», «диктатуры пролетариата», партийно-государственной политической опекой. Реальная власть осталась в руках партии. Остались незывлемыми чрезмерная вера в государственное начало, убеждение в превосходстве Советов над парламентскими учреждениями. На этом этапе окончательно сходят с политической арены последние демократические оппозиционные партии — в результате политического прессинга коммунистов и репрессий государства, что способствовало безраздельной монополизации государственной политики Коммунистической партией и блокировке ею едва наметившегося процесса демократизации советской политической системы.

В последних своих работах конца 1922 — начала 1923 г. «Лучше меньше да лучше», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «О нашей революции» творец и идеолог советской политической системы Ленин продолжал поиск новой концепции социализма, начатый с переходом к нэпу. Уже тяжело больной, он выскажется за «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Однако сделано это было мельком, пояснить свою мысль он не успел, предоставив тем самым историкам, политологам, публицистам самим решать о сути ее. Все же конкретные предложения содержащиеся в этих статьях, позволяют судить о ходе мыслей Ленина, в каком направлении они эволюционизировали. Имеются в виду его предложения отказаться от командования в экономике, использовать в ней «оборот», «соревнование», т.е. по сути рыночные

начала, отказаться от попыток перехода к социализму путем «революционного» скачка, добиться демократизации партии, покончить с бесконтрольностью и безответностью Политбюро, ограничить власть Генерального секретаря партии, провести разделение функций партийных и государственных органов, и в этом же ряду — мысль о социализме как «строе цивилизованных кооператоров». Все это вписывается в ленинское заявление о необходимости «изменений в нашем политическом строе». Эти работы дают основание полагать, что Ленин осознал (или начал осознавать) несостоятельность расчетов на возможность быстрого движения к социализму в России и на европейскую революцию, с которой были связаны планы большевиков, он убедился в том, что созданный государственный аппарат «хуже некуда». Критически он был настроен и по отношению к самой партии.

Однако и в своих последних работах Ленин в основополагающих вопросах остался на старых позициях: о «диктатуре пролетариата», «руководящей и направляющей роли» Коммунистической партии, о государстве, как властной силе, преобразующей общество, монополисте, владеющем средствами производства, о «классовом подходе» к решению вопросов экономики, политики и культуры. Другими словами, глава партии и государства не посягал на основы сформированной советской политической системы. Не удивительно поэтому, что видя необходимость коренного улучшения управления страной, он кроме бесплодных рецептов для этого ничего предложить не смог.

В самом деле, что могло изменить увеличение численности Центрального Комитета правящей партии до сотни членов за счет рабочих-коммунистов от станка, как советовал Ленин? Видимо, он забыл свои же слова, сказанные раньше, в конце января 1921 г.: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практически люди знают, что это сказки»¹¹⁸. В качестве меры обновления и улучшения государственного аппарата Ленин предложил создать единый орган — Центральную Кон-

трольную Комиссию — Рабоче-Крестьянскую инспекцию (ЦКК-РКИ), в которой соединились бы функции партийного и государственного контроля. Это была мертворожденная затея, ничего путного она дать не могла. Это сразу понял Л.Б.Красин, раскритиковавший ленинскую рекомендацию в «Правде»¹¹⁹. На XII съезде партии он выступил против слияния ЦКК и РКИ, что привело бы, по его словам, к созданию «сверх-Рабкрина». По решению съезда он был создан, но его деятельность лишь подтвердила бесполезность этого органа.

3. Продолжение реформ

В конце 1922 г. смертельно больной Ленин оказался неспособным заниматься делами партии и государства. Они были сосредоточены в руках трех членов Политбюро Г.Е.Зиновьева, Л.Б.Каменева и И.В.Сталина. Этот «триумvirат», «мотором» которого был Сталин, фактически предreshал принятие всех важнейших решений. Ему прежде всего пришлось определять отношение партии к противоречивым установкам Ленина по вопросам новой экономической политики: только что подтвержденной XI съездом РКП(б) — «отступление кончилось» или что нэп — «всерьез и надолго», его надо продолжать и углублять, о чем Ленин писал в своих последних статьях (декабрь 1922 г. — январь 1923 г.).

Первоначальные идеи Ленина о нэпе не могли давать ответы на новые и новые вопросы, возникавшие в ходе осуществления этой политики в связи с изменениями политической и экономической ситуации в стране. Уже на XII съезде партии «наследники» Ленина, еще при живом, но беспомощном вожде, давали свои оценки нэпу во многом отличные от ленинских. Сошлюсь только на политический отчет ЦК, сделанный Зиновьевым. Заявив, что «новых отступлений в связи с нэпом не будет»; он

уже говорит о задаче «победы над нэпом». В том же «ключе», подчеркивая несостоятельность нэпа, говорили Каменев, Троцкий, Ларин. Х.Г.Раковский отметил наличие двух «уклонов» на нэп: первый считает нэп злом, тоскует по «военному коммунизму», второй за нэп в ожидании мировой революции и лишь до ее победы. Между тем только что, 20 ноября 1922 г., на пленуме Московского Совета в своем последнем публичном выступлении Ленин подчеркнул:»...Нэп продолжает быть главным, очередным, все исчерпывающим лозунгом сегодняшнего дня»¹²⁰.

Возникавшие в 20-е годы одна за другой оппозиции в правящей партии, проходившие ожесточенные дискуссии были вызваны трудностями поисков путей к социализму в рамках нэпа. Концепции противников всех дискуссий не выходили за пределы «заколдованного» круга ортодоксальных марксистских догм. Все диспутанты были их пленниками. Отсюда их балансирование между «Сциллой и Харибдой», между нэпом и его неприятием. Это определяло то общее, что объединяло их, независимо от казалось бы непримиримых «платформ».

В центре дискуссий и их инициаторами были сами члены высшего партийно-государственного руководства — Политбюро. Занимая различные позиции по важнейшим вопросам нэпа, они вместе со своими сторонниками составляли оппозиции, взгляды которых противопоставлялись взглядам тех, которые в данный момент являлись большинством в Политбюро. Однако, будучи едины в главном — нэп — политика временная, переходная к социализму, — они в ходе идейных столкновений меняли свои «платформы», переходили из одной оппозиции в другую. Все (и «левые» и «правые») исходили из необходимости преодоления рынка — «опасности сползания к капитализму», — но по-разному понимали этот процесс. Об этих дискуссиях имеется обширная литература, в данной работе о них приходится напомнить читателю, поскольку они играли большую роль в опреде-

лении темпов, масштабов реформ и в конечном счете политики партии и государства.

Уже во время болезни Ленина, в 1923 г., развернулась полемика между Л.Д.Троцким, его сторонниками («левая оппозиция») и большинством Политбюро — Г.Е.Зиновьевым, Л.Б.Каменевым, И.В.Сталиным и др. Суть экономической концепции Троцкого: форсировать индустриализацию за счет накопления средств, извлекаемых из крестьянского хозяйства, при этом он делал упор не столько на развитие рыночной экономики, сколько на необходимости подчинить хозяйство плановому руководству. Высказываясь за нэп, он в то же время против крепнущих позиций кулаков и торговцев. Кулак, утверждал он, основная классовая угроза в деревне, чреватая возникновением «частного торгового капитала». Но он не призывал к административным мерам против кулака, ограничиваясь экономическими. Таким образом, в «платформе» «левой оппозиции» противоречиво переплетались нэповские и антинэповские положения. Для Троцкого, в полном согласии с взглядами Ленина, нэп призван упрочить положение советской страны, чтобы продержаться до победы революции на западе. Вместе с тем в нэпе он видел громадную опасность. На XII съезде РКП(б) он говорил: «Мы сами для того, чтобы возможно было возрождение государственного хозяйства, дали волю и торговцу, и кустарю, и хлебному рынку, и должны были дать. Но если не сумеем овладеть этим процессом, то из него может вырасти опасный противник»¹²¹. По выражению его сторонника Г.Л.Пятакова, занимавшего пост заместителя председателя ВСНХ, нэп — это зверь, поедающий социалистическую экономику. Теоретически концепцию «левой оппозиции» обосновал Е.А.Преображенский¹²². Он сформулировал «основной закон социалистического накопления», согласно которому в экономически отсталой стране «социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства»¹²³, т.е. мелких сельских производителей. По Троц-

кому и Преображенскому, «социалистическое накопление» должно сопровождаться борьбой с «нэповским накоплением», т.е. с нэповской буржуазией.

Противники «левой оппозиции», критикуя ее «платформу», квалифицировали «основной закон социалистического накопления» как «экономическое обоснование троцкизма» (Н.И.Бухарин). Сталин и его сторонники (Зиновьев, Каменев, Бухарин и др.) на этом этапе против форсирования развития промышленности, за проведение политики, считающейся с нуждами крестьянства. Впрочем, в вопросе об отношении к кулаку, они были близки к позиции их противника – Троцкого, видевшего главную опасность в растущей деревенской буржуазии. Это выразил на XIII съезде партии (май 1924 г.) председатель Совнаркома А.И.Рыков: «Поскольку кулачество при помощи всяческих связей сможет опираться на среднее крестьянство и бедноту, постольку получается общественная база для захвата власти вырастающей из деревни буржуазией»¹²⁴. Да и в вопросе об отношении к нэпу в целом непреходимой стены между «левой оппозицией» и ее противниками не было. Последние (Каменев, Зиновьев и др.), говоря о постепенном ограничении и вытеснении капиталистических элементов из народного хозяйства, по существу также были за «победу над нэпом». В этом отношении характерен доклад на съезде Председателя ЦКК РКП(б) В.В.Куйбышева. «У многих создалось впечатление, – говорил он, – что ЦКК, выступая по вопросу о торговле, занимает позицию чуть ли не ликвидации нэпа. Наше предложение о борьбе с частным капиталом часто трактуется и изображается как попытка задушения частного капитала или немедленного перехода к такому задушению в ближайший срок». Речь не идет, продолжал он, о возврате к «военному коммунизму», «об изничтожении частного капитала, речь идет об уменьшении его влияния и об усилении роли влияния государственной и кооперативной торговли в стране»; соотношение борющихся сил – социалистических и частнока-

питалистических — «должно быть во что бы то ни стало изменено в пользу роста влияния в торговом обороте государственного и кооперативного капитала»¹²⁵. Одним словом, спешить с ликвидацией нэпа не надо. Об этом говорил и А.И.Рыков, назвав встречавшиеся в газетах статьи на тему «конец нэпа» глупостью. Без сельского частного торговца, который пока еще снабжает деревню, «учитель умрет с голоду, больше половины деревень не имеют лавки». «При таком положении писать о конце нэпа — это значит не понимать решительно ничего. Ведь нэп кончится тогда, когда мы достигнем высшей стадии развития хозяйства. А когда мы еще не достигли с вами еще и довоенной стадии, кончать нэп — это значит сделать огромную ошибку. Конец нэпа будет тогда, когда мы превзойдем и по количеству рабочих, и по количеству товарных связей с деревней то, что было до войны»¹²⁶.

«Левая оппозиция» конца 1923 — начала 1924 г., хотя и потерпела поражение, но суть ее продолжалась в делах Сталина, повлияла на политический курс партии. Существует даже мнение, что на базе идей троцкистской оппозиции «вырос сталинизм»¹²⁷. Это, конечно, преувеличение, сталинизм «вырос» из переплетения ряда факторов, но несомненно, что Сталин не только «перехватил» идеи Троцкого, но претворял их в жизнь.

В результате внутривнутрипартийных баталий Троцкий оказался в изоляции. Сказался и страх перед ним его «соратников», поскольку были известны его жесткость, даже жестокость, которые он проявлял в годы гражданской войны, цементируя Красную Армию. Все — Сталин, Зиновьев, Каменев — стремились к личному лидерству, но хорошо понимали превосходство Троцкого над каждым из них интеллектом, организаторскими способностями. Он, однако, вследствие высокомерия, заносчивости недооценивал своих противников, сумевших интригами оставить его в меньшинстве.

Зиновьев и Каменев, освободившись от страха перед Троцким, начали выступать против Сталина, с которым

до того были в едином блоке. Они опасались нарастающей его политической силы. (В то же время их общие атаки против Троцкого продолжались. Взрыв ненависти к нему вызвали появившиеся в 1924 г. его статьи, объединенные вскоре в брошюру «Уроки Октября»). Они возглавили «новую оппозицию» и как бы оказались на «платформе» Троцкого: они уже делают упор на развитие промышленности — это в интересах пролетариата, нэп оценивали только как отступление, государственный сектор относили к госкапитализму, а не к социализму. Из приверженцев политики в интересах крестьян они стали решительными ее противниками.

На почве различного понимания нэпа и ее перспектив начались распри между Зиновьевым и Каменевым («новой оппозицией»), с одной стороны, и Бухариным и его сторонниками, — с другой. Бухарин выступал против форсирования индустриализации, ссылаясь при этом, в частности, на «заветы» Ленина — «двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали». Он активный защитник нэпа. По его идее, экономика должна развиваться на основе смычки рабочих и крестьян, обеспечения крестьянам возможности поднимать хозяйство, в том числе путем рыночного обмена. В работе «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925 г.) Н.И.Бухарин писал, что этот путь лежит через рыночные отношения, которые «будут уничтожены в результате своего собственного развития», ибо все заменится государственно-кооперативным распределением производимых продуктов; ...Необходимо дальнейшее развязывание товарооборота в нашей стране, а для этого, в свою очередь, необходима некоторая большая хозяйственная свобода и для сельскохозяйственной буржуазии, т.е. перенесение новой экономической политики на деревню¹²⁸. Призыв Н.И.Бухарина к крестьянам «обогащаться» не был случайным, он логично вытекал из его «нэповских» позиций.

Этот взгляд разделял А.И.Рыков. Выступая в конце августа 1924 г. в пораженном засухой Поволжье, он гово-

рил: «... Крестьянский труд определяет благополучие всего народа, рост нашего хозяйства, всю устойчивость государства и богатство всего населения. Необходимо, чтобы крестьяне стали более богатыми, более зажиточными, чтобы у них нужды не было, чтобы они стали покупать больше городских товаров, сельскохозяйственных машин»¹²⁹. Он предлагал крестьянина, сумевшего с десятины вместо 30-35 пудов собрать 90-100 пудов, считать «революционером — большевиком» в сельском хозяйстве¹³⁰. На XIV партконференции (апрель 1925 г.) он утверждал: «Административными мерами с частным капиталом мы теперь не должны бороться. Взаимоотношения между государством и частным капиталом складываются на основе экономического соревнования, конкуренции... И если мы хотим обеспечить дальнейший экономический рост деревни, нужно создать условия для вполне легально найма батраков и облегчить аренду земли...»¹³¹.

Сталин пока маневрирует. Он почти «либерал», даже осуждал разжигание классовой борьбы. Выступая 9 мая 1925 г. с докладом активу московской организации РКП(б) «К итогам работ XIV конференции РКП(б)», он говорил: «Главное теперь вовсе не в том, чтобы разжечь классовую борьбу в деревне», ошибаются те, кто считает, что «наша задача состоит в том, чтобы провести политику максимального зажима как в партии, так и в государственном аппарате, так, чтобы все скрипело вокруг», «необходимо, чтобы коммунисты в деревне отказались от уродливых форм администрирования», «чтобы руководить нынче, надо уметь хозяйничать, надо знать и понимать хозяйство. На одной лишь трескотне о «мировой политике», о Чемберлене и Макдональде теперь далеко не уедешь»¹³².

«Центризм» Сталина вызывался стремлением быть до поры до времени «между крайностями» с тем, чтобы в нужный момент извлечь для себя максимум политических выгод. Выступая против «новой оппозиции», он все же время от времени «поправлял» и поддерживаемого им Бухарина. Так, в июне 1925 г. И.В.Сталин, В.М.Молотов и

А.А.Андреев осудили лозунг «Обогащайтесь!». «Лозунг этот не наш, — писали они, — он неправилен, он вызывает целый ряд сомнений и недоразумений»¹³³. Противоречия нэпа и связанные с ними трудности, поиски путей, методов их преодоления обостряли разногласия.

Едва появились первые положительные результаты новой экономической политики как обнаружились сопровождавшие их негативные явления. Резко дорожали промышленные товары, что, с одной стороны, обуславливалось заложенными в цены монопольной прибыли, возраставшими издержками производства, торговыми наценками, с другой — тем, что, стремясь быстрее укрепить государственный уклад, добиться подъема промышленности, власти поднимали цены на ее товары, сохраняя низкие цены на сельскохозяйственную продукцию. Создались так называемые «ножницы цен». В 1923 г. их «раствор» достиг 300%. Если в 1913 г. крестьянин мог за один пуд ржи приобрести 5,7 аршин ситца, то сейчас только 1,5 аршина. Для покупки плуга в 1913 г. ему требовалось 10 пудов ржи, в 1923 г. уже 36. На расхождении цен деревня теряла половину своего платежеспособного спроса. Крестьяне не имели возможности удовлетворять даже минимальные потребности в промышленных товарах.

Большинство крестьян требовали повысить цены на хлеб. (Но при этом следует иметь в виду, что треть крестьянских хозяйств не имели товарного хлеба или сами его докупали, следовательно, не были заинтересованы в высоких заготовительных ценах, что создавало определенную базу в деревне для поддержки антикулацкой политики властей). Нарастало их недовольство. «Ножницы цен» ударили и по самой промышленности. Во второй половине года начался кризис сбыта ее продукции. Этому способствовало и неумение торговать в условиях хозрасчета. На XII съезде партии Троцкий назвал в качестве причин «ножниц» злоупотребления бюрократии, плохое управление, организация производства «с партийным режимом»¹³⁴.

«Кризис перепроизводства» ударил и по рабочему классу. Росла безработица (в 1923 г. насчитывалось до 1 млн. безработных). В информации ГПУ, направленной в ЦК в ноябре 1923 г., говорилось о некоторых причинах, вызывавших недовольство рабочих: «чрезмерная обеспеченность по сравнению с рабочими «начальников», задержка жалования «в центре на недели, в провинции — на 2-3 недели», выплата жалования «крупными червонцами, за размен которых приходится платить спекулянтам по 100-200 рублей», и такие случаи, как на государственной табачной фабрике г. Умани, где «директор начинает смотреть на фабрику как на свою собственность и грубо обращаться с рабочими»¹³⁵. В 1926 г. проведенный ГПУ анализ причин 841 случая забастовок выделил следующие: недовольство уровнем зарплаты — 27,7%, недовольство расценками — 23,8%, задержки, неполная выдача зарплаты — 19,3%, недовольство нормами — 8,1%¹³⁶. На фоне тяжелого материального положения большинства вызывающе выглядело появление богатой прослойки так называемых «нэпманов», наживавшихся на спекулятивных операциях. Аббревиатура «нэп» расшифровывалась многими «новая эксплуатация пролетариата».

XII съезд РКП(б), продолжая линию X-XI съездов, принял решения, ориентированные на развертывание товарно-денежных отношений, хозрасчета, упрочения «смычки» между городом и деревней. В соответствии с этими решениями был принят ряд мер, улучшавших экономическую ситуацию. Так, декрет Совета Труда и Оборона от 11 января 1924 г. способствовал снижению цен на сельскохозяйственные орудия¹³⁷. Большим облегчением для крестьян был переход от натурального налога к денежному. С 1924/25 года начисление налога производилось только в деньгах. Законы о налогах предусматривали предоставление крестьянам различных льгот, если они расширяли посевные площади, налаживали правильный севооборот, осуществляли мелиоративные работы, разводили породистый скот и т.д. Были растянуты сроки

уплаты сельскохозяйственного налога, предоставлены льготы деревенским ремесленникам и кустарям, снижены банковские ставки по сельскохозяйственному кредиту, в пользу крестьян изменено соотношение цен на городскую и деревенскую продукцию, снят ряд помех свободной торговле.

Крестьян больше устраивал введенный единый налог вместо существовавших многочисленных налогов. В 1925–1926 гг. средняя тяжесть обложения крестьян налогом по сравнению с 1924 г. снизилась на одно хозяйство на 42% (на едока на 36%)¹³⁸. Тем не менее и уменьшенный единый налог тяжелым бременем ложился на крестьянское хозяйство. В информации ГПУ в ЦК партии в ноябре 1923 г. сообщалось: введенный единый налог во многих губерниях крестьяне считают чрезмерным, он создает острое недовольство, беднота не в состоянии его выполнить, в ряде губерний «тяжелое материальное положение крестьянства переходит в голод»¹³⁹. Еще больше недовольство крестьян вызывали методы взимания налога, сопровождавшиеся арестами и конфискациями. В 1924 г. только в органы прокурорского надзора по 41 губернии поступило 234122 жалобы — налоговые, земельные — на неправильные действия должностных лиц, должностные преступления и пр.¹⁴⁰ На совещании по работе в деревне при ЦК РКП(б) 21 февраля 1925 г. секретарь ЦК А.А.Андреев в докладе о поездке в Сибирь, Закавказье и на Урал делился впечатлениями о многих советских работниках — коммунистах: одни выделяют «себя из крестьянской среды, занимают несколько должностей, командуют из нежелания толково разъяснить или не будучи в состоянии разъяснить»; «крестьянин его, с одной стороны, не любит, а с другой — побаивается и поэтому всегда выбирает такого коммуниста председателем разных собраний; другие из категории «отрицательных коммунистов» — это те, которые себя не выделяют из крестьянской массы, а сливаются с ней: вместе пьянствуют, гонят потихоньку самогон, совершенно

обезличивают себя...»¹⁴¹. На почве насилий в отношении крестьян возникали конфликты — партийные органы их рассматривали как проявления классовой борьбы в рамках нэпа, усиление «кулацкой опасности». Но вместе с тем они отдавали себе отчет в том, что недовольство крестьян, грозившее вылиться в восстания, вызвано экономическими и политическими причинами. В этой связи Сталин неоднократно ссылаясь на крестьянское восстание в Грузии в августе-сентябре 1924 года. Так, на заседании Оргбюро ЦК 26 января 1925 г. он говорил: «Вы имейте в виду, что на основе новых условий, при нэпе, новый Тамбов или новый Кронштадт вовсе не исключены. Большое предостережение дало закавказское, грузинское восстание. Такие восстания возможны в будущем, если мы не научимся преодолевать и вскрывать наши язвы...»¹⁴². В то же время он назвал «пустяками» разговоры о «политическом нэпе»¹⁴³, имея в виду невозможность политических уступок крестьянству.

XIV конференция РКП(б), состоявшаяся в апреле 1925 г., продолжала линию на расширение нэпа, ликвидацию остатков «военного коммунизма». Выступая на конференции, секретарь ЦК Молотов заявил: «Курс на развертывание рыночных отношений, на развертывание товарооборота по всей стране, и в частности в деревне, является, для настоящего времени основной линией партии в деле поднятия сельского хозяйства»¹⁴⁴. Конференция в своем решении подчеркнула необходимость прекращения административных мер против частника, кулака¹⁴⁵. В соответствии с «курсом на развертывание рыночных отношений» принимались законодательные акты, расширявшие права частника. Так, Президиум ЦИК СССР разрешил кустарям иметь подсобные предприятия (мельницы, просорушки, маслобойки и т.п.), причем их владельцы не лишались избирательных прав. Правда, применение «подсобного» труда ограничивалось одним рабочим и двумя учениками¹⁴⁶. Сезонных рабочих можно было нанимать без ограничений. «Строжайше» запрещалось

лось создавать препятствия крестьянской торговле на базарах. Особенно быстро развивалась частная, преимущественно розничная, торговля, оставляя далеко позади государственную и кооперативную. По данным наркома РКИ СССР В.В.Куйбышева, весной 1924 г. государственная торговля в общем обороте составляла лишь 26%, кооперативная — 10%, тогда как частная — 64%. В розничном же обороте частный капитал достиг 83%, на долю кооперативной торговли приходилось 10%, а государственной — только 6,6%¹⁴⁷ (Оптовая торговля в основном была государственной — до 80%).

Успехи частной торговли вызывали у партийного руководства глубокое беспокойство. Оно с трудом мирилось с частником, в нем виделась опасность для «социалистической» перспективы. По этому поводу нарком финансов Г.Я.Сокольников на заседании коллегии наркомата говорил: «Нужно покончить с панической боязнью перед любой частной лавчонкой, нужно вплотную подойти к вопросу о частном капитале с правильным сознанием нашей собственной хозяйственной силы», частник не опасен, ибо экономические высоты в руках социалистического государства¹⁴⁸. Пройдет немного времени и власти начнут форсированное наступление против частной торговли, что было составной частью свертывания нэпа. В условиях развивавшихся рыночных отношений менялась экономическая и политическая ситуация в деревне. Крестьянское хозяйство к середине 20-х годов приближалось к довоенному уровню. Деревня как бы смирилась с Советской властью. Проявлявшееся ее недовольство по характеру, требованиям крестьян по сравнению с предыдущими годами существенно изменилось. В обширном докладе в ЦК Информационный отдел ОГПУ в июне 1926 г. сопоставлял требования крестьян в избирательных кампаниях 1924/25 г. и 1925/26 г. Раньше превалировали политические требования над экономическими, да и экономические имели политическую окраску. Популярны были высказывания за организацию «крестьянских сою-

зов», «Советы без коммунистов», нередко были резкие антисоветские выступления. Сейчас, в 1925/26 г., информирует ОГПУ, в результате снижения налогов, разрешения аренды, применявшихся мер против произвола местных властей антисоветские лозунги, призывы стали редки, а если случаются, то не в столь откровенной форме. Превалируют чисто экономические требования. Влияние кулаков остается, но они вынуждены считаться с новой обстановкой. Лозунги «крестьянских союзов» имеют в основном экономические оттенки, а не политические, лозунг «Советы без коммунистов» заменяется лозунгом «долой чужаков, приезжих», в Советы «надо выбирать хозяйственных мужиков». Сейчас главное что волнует крестьян — это высокие цены на промтовары (раньше — низкие цены на сельскохозяйственные продукты), товарный голод и местные вопросы: недостаток школ, учителей, учебных пособий, кооперация, землеустройство, лесоустройство. В качестве примера соотношения вопросов, волновавших крестьян, приведены данные по трем губерниям (Орловской, Тульской, Тамбовской). Требования и жалобы их крестьян находятся в таком соотношении: 58% экономического характера (цены, землеустройство, кредиты, семенные ссуды и др.), 27% — благоустройство, школы, здравоохранение, 15% — политические вопросы. Типичный довод крестьян в вопросе о ценах: «сапоги стоят 25 рублей, а пуд хлеба — 1 рубль 50 копеек; чтобы купить пару сапог нужно продать 17 пудов хлеба». Крестьяне говорили: получается не «смычка» деревни и города, а «размычка», так как «Советская власть хлеб берет дешево, а город за товары дорого»; «Советская власть, уменьшив налог, взимает его путем накидки высоких цен на городские товары»¹⁴⁹.

Рыночная «отдушина» продолжала благотворно влиять на восстановление промышленности, была реорганизована система управления государственными предприятиями на основе двух принципов: централизации и децентрализации. Предприятия одной отрасли объединялись в

тресты. Начало их создания берет от постановления Совнаркома РСФСР, принятого 12 августа 1921 г.» «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства»¹⁵⁰. Согласно декрету ВЦИК и Совнаркома от 10 апреля 1923 г.¹⁵¹, государственные тресты и их предприятия самостоятельны в своих операциях, действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли. В сфере гражданско-правовых отношений тресты приравнивались к частным предприятиям. Законодательство о трестах закрепляло их двойственное положение: экономические принципы функционирования предприятий сочетались с административными «плановыми» началами. Право распоряжаться имуществом треста предоставлялось одновременно ему и ВСНХ. В трестах не допускался частный и кооперативный капитал. Законодательство предусматривало также организацию синдикатов. Они объединяли и монополизировали весь торговый аппарат каждой отрасли промышленности, заготавливали необходимые производству материалы, сбывали продукцию трестов, распределяли заказы между предприятиями. По существу тресты и синдикаты заняли место главков периода «военного коммунизма».

Совмещение централизованного управления с частичной децентрализацией было половинчатым решением, все же оно создавало некоторые возможности для приспособления государственной промышленности к рыночным условиям. Валовая ее продукция, составлявшая в 1920–1921 гг. лишь 18% от уровня 1913 г., к концу 1924 г. возросла до 60%, а заработная плата — с 13 до 71%. Этому способствовали расширения права аренды предприятий и найма рабочей силы, предоставление льгот по налогообложению. Все это поощряло частную инициативу. В 1924/25 г. в составе частной ценовой промышленности было 442 собственных предприятий и больше 1000 арендованных (из них 32% предприятий арендовано бывшими владельцами)¹⁵². Частный сектор

промышленности работал более эффективно, чем государственный, в котором, в отличие от частного, сворачивалась самостоятельность предприятий, укреплялось централизованное управление. Бичом государственной промышленности была низкая трудовая дисциплина. Широкое обследование предприятий Наркоматом РКИ показало, что в 1925/26 году прогулы на одного человека составляли почти 11 дней (против 4,6 дней в 1913 г.), при этом отмечалось: Москва — «главными причинами неуважительных прогулов являются: водка, празднование церковных праздников и поездки в деревню»; Ленинград — «прогулы по преимуществу вызываются пьянством»; Урал — «основная причина прогулов — пьянство и необходимость выполнения хозяйственных обязанностей»¹⁵³.

Особенно быстро восстанавливалась и расширялась мелкая промышленность, она не требовала особых капиталовложений. Крупная же нуждалась в значительных инвестициях. У государства средств для этого не было, частники, неуверенные в долговременности политики, не вкладывали свои капиталы в крупное производство. Основания для этого у них были: враждебность властей к «нэпманам», официальные декларации правящей партии о конечной цели — построении социализма с ликвидацией частной собственности.

Хотя доля частной промышленности в валовой продукции всей промышленности была незначительна (в 1925 г. всего 3,8%), именно она в наибольшей степени делала потребительские товары доступными населению.

Финансовое оздоровление, достигнутое в результате денежной реформы 1922–1924 гг., стимулировало общий рост производства. Постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. были прекращены казначейская эмиссия бумажных денег и система покрытия ею расходов по бюджету¹⁵⁴. Была сбита инфляция, ликвидирован огромный бюджетный дефицит¹⁵⁵. Все это позволило перейти к твердой валюте — конвертируемому червонцу. Нарком финансов Г.Я.Сокольников, один из авторов денежной

реформы, после ее проведения писал, что во время войны судьба государства решается его армией, во время мирной эпохи судьба государства решается его валютой¹⁵⁶. И тут же, как бы полемизируя с Троцким и его последователями, считавшими что приоритет должен быть отдан промышленности, он продолжает обосновывать необходимость ориентации на крестьянское хозяйство. «Наша задача, задача финансового аппарата — оберегать, сохранить возможность развития крестьянского хозяйства. Именно на основе этого роста крестьянского хозяйства в дальнейшем может развиваться рынок для нашей промышленности и на основе роста крестьянского хозяйства сможет развиваться и государственный бюджет. Говорят, что это есть «аграрный» уклон, нужно иметь в виду возможность, что такого рода обвинения в дальнейшем будут предъявляться нам со стороны тех, кто увлекался перспективой развития нашей крупной государственной промышленности, забывая необходимость сочетания ее интересов с интересами мелкого крестьянского хозяйства»¹⁵⁷

Денежная реформа способствовала выходу страны из экономического кризиса, в основе которого были «ножницы цен» между промышленными и сельскохозяйственными товарами. Она благоприятствовала включению хозяйства в мировой рынок. Шагом к расширению рыночных отношений было постановление Президиума ЦИК СССР «О товарных и фондовых биржах и фондовых отделах при товарных биржах» (2 октября 1925 г.). Могли состоять членами товарных бирж государственные предприятия, кооперативные организации и их объединения, физические и юридические лица — владельцы частных торговых и промышленных предприятий. На биржах совершались сделки по покупке и продаже предприятий, иностранной валюты, векселей, золота и серебра в слитках, государственных ценных бумаг, облигаций предприятий и т.д.¹⁵⁸ Товарные биржи способствовали возрождению местных ярмарок.

1925 и 1926 — наилучшие годы в сельском хозяйстве и в промышленности. Экономика в основном была восстановлена вопреки остававшимся пережиткам «военного коммунизма», непоследовательности экономической политики государственной власти. Не случайно полоса признания СССР и установления с ним дипломатических отношений Англией, Италией, Норвегией, Швецией, Австрией, Францией, Японией приходится на годы расширения нэповских реформ. Этот процесс сопровождался заключением торговых договоров, которые стимулировались нэповскими началами и, в свою очередь, содействовали их углублению.

Однако в эти же годы, когда проводилась линия на расширение нэпа, экономическая и политическая ситуация в стране не была стабильной. Прежде всего это касалось деревни. Крестьянское хозяйство функционировало в противоречивых административно-рыночных условиях. Как и в промышленности, в сельском хозяйстве государственная политика базировалась на признании временно-го характера товарно-денежных отношений, многоукладности экономики и допуска «эксплуататорских классов». Отсюда неуверенность крестьян, особенно зажиточных, в стабильности своего хозяйства, в его завтрашний день. Все это сказывалось на хлебозаготовках.

Собранный к концу 1924 г. урожай оказался неплохим. Посевные площади достигли 80%. Был преодолен кризис «ножниц». Но тут же выяснилась неоправданность расчетов на то, что крестьяне сдадут государству достаточно зерна. Свободный рынок сам диктовал цены, они росли, и крестьяне отказывались сдавать хлеб по низким государственным расценкам. Особенно выгадали зажиточные крестьяне, имевшие излишки, выросшие цены ударили по бедноте, городскому населению. В 1925 г. — тот же процесс: у богатых крестьян большие запасы хлеба, но они не хотели продавать его по фиксированным ценам. Государственные заготовки опять про-

валились. Вместо запланированного экспорта хлеба пришлось его ввозить.

Хлебозаготовительные кризисы были следствием не только низких государственных цен на зерно. Немалую роль играли нарушения со стороны властей законности, элементарных прав граждан, вызывавшие возмущение крестьян. Нежелание продавать хлеб было одним из проявлений их протеста. О состоянии «революционной законности» на местах пусть говорят официальные документы правоохранительных органов, поступавшие в ЦК партии. Один из них – докладная записка, составленная по материалам Информационного отдела ОГПУ за год с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. «Несмотря на ряд мероприятий Соввласти и партии по укреплению революционной законности в Республике, – говорится в ней, – ...приходится констатировать, что состояние низового соаппарата в этом отношении, в сравнении с предыдущим годом, нисколько не улучшилось. Нарушения революционной законности со стороны соворганов идет по следующим главнейшим руслам: растраты, извращения партийной линии... произвол, бюрократизм и волокита, взятки и другие злоупотребления, пьянство, дебоши и дискредитирование власти в глазах населения. Перечисленные отрицательные явления присущи решительно всем советским и общественным организациям и учреждениям деревни: сельсоветам, РИКа́м (райисполко́мам – Е.Г.), ВИКа́м (волостным исполко́мам – Е.Г.), финорганам, лесничествам, кооперации и судебным органам», «для органов власти особенно характерны: произвол, незаконные поборы, пьянство»¹⁵⁹ Далее констатируется: «Атмосфера безнаказанности и привычки к злоупотреблениям властью приводят местами к таким явлениям, которые свидетельствуют о частичном разложении соаппарата, превращающемся иногда в соучастника уголовников и бандитов»¹⁶⁰ (в подтверждение сказанного приводится многостраничный список примеров, взятых из различных районов страны). Документ заканчи-

вается оценкой судебно-следственных органов: «...чуть ли не поголовное пьянство низового судебно-следственного аппарата (нарследователей, нарсудей, а нередко и прокурорского состава, сильно распространенное взяточничество («подкармливание»), яхшание с кулаками, местами — полный произвол, — вот основные недостатки личного состава судебно-следственных органов (не говоря уже о бюрократизме и грубом обращении с крестьянами)»¹⁶¹.

Из письма помощника прокурора РСФСР на имя секретаря ЦК Молотова (август 1925 г.): «Нарушения закона со стороны работников советского аппарата совершаются не исключительно в силу их преступной воли, а чаще всего либо по незнанию на местах закона, или распоряжения вышестоящего органа власти, либо в силу сохранившейся от периода военного коммунизма привычки игнорирования требования закона и относиться с пренебрежением к правам граждан, охраняемым этим законом, либо в силу столь удачно отмеченной Владимиром Ильичем в его письме о прокуратуре «привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличии от законности казанской и непонимающих поэтому, что в Советском государстве «законность должна быть одна»¹⁶². Из Справки Наркомата юстиции, направленной в ЦК в ноябре 1925 г.: по сообщениям из многих губерний, «все еще продолжают существовать произвол в самых разнообразных формах: незаконные поборы, аресты, запреты, нарушения элементарных прав граждан, запугивание и т.д.»¹⁶³.

Чтобы в какой-то мере ослабить массовый произвол, совершаемый местными властями, Третий съезд Советов СССР в мае 1925 г. поручил Президиуму ЦИК СССР принять законодательный акт, ограничивающий штрафы в городах и селениях только определенными мерами и случаями, установленными в законодательном порядке, а также постановления об ограничении конфискации имущества по суду, продаж имущества за неуплату налогов и т.д.¹⁶⁴ Такие юридические акты принимались, но их эф-

факт был невелик. Не оправдывались и надежды, что Наркомат Рабоче-Крестьянской инспекции обуздает произвол государственных учреждений. Согласно Положению ЦИК о НК РКИ СССР от 12 ноября 1923 г., ему поручалось изучать причины преступлений и бесхозяйственности государственных органов, вести борьбу с системой подкупов, взяточничеством, преследовать в административном и судебном порядке должностных лиц всех центральных и местных учреждений¹⁶⁵. Единичные случаи привлечения к ответственности руководителей государственных учреждений не могли существенно влиять на состояние «революционной законности».

Между тем продолжавшееся «отступление» по пути нэпа углубляло разногласия в партии. Оппозиция расценивала его как противоречившее социалистической перспективе, ведущее к «термидорианскому перерождению». Не случайно именно в этой обстановке Сталин выдвинул теорию строительства социализма «в одной, отдельно взятой стране».

До и после Октябрьской революции большевики исходили из невозможности построения социализма в одной стране — такое общество может одержать победу только в международном масштабе. Это считалось непоколебимой истиной. Новый нюанс в эту теорию внесла статья Ленина «О кооперации» (январь 1923 г.). В явном противоречии с тем, что он же писал ранее, в статье утверждалось, что в СССР есть «все необходимое и достаточное» для построения социалистического общества. Есть диктатура пролетариата, есть социализация средств производства, есть союз с крестьянством и руководство им пролетариатом, не хватает только кооперирования, вовлечения в кооперацию всего населения, но «на хороший конец» достигнуть этого можно «в одно-два десятилетия»¹⁶⁶. Однако вопрос о необходимости для победы социализма в одной стране пролетарской революции в Европе был обойден.

В 1924 г. Сталин прочел в Свердловском университете шесть лекций на тему «Об основах ленинизма». Здесь общепринятое большевиками положение: Для окончательной победы социализма усилий одной страны, особенно такой крестьянской, как Россия, недостаточно, «для этого необходима победа революции по крайней мере в нескольких странах»¹⁶⁷ Это лишь перефраз общепартийного постулата. Однако вскоре Сталин выступил с «новым словом» — «теорией» о возможности построения социализма и в одной стране, официально закрепленной резолюцией XIV партийной конференции в апреле 1925 г. В ней отмечалось, что с точки зрения внутренних условий есть все необходимое для построения полного социалистического общества, победить капитализм внутри страны не только политически, но и экономически. Окончательная же победа социализма с точки зрения международной возможна только в условиях мировой революции, или революции в нескольких странах¹⁶⁸. Троцкий и его сторонники с этим не соглашались. Без помощи победившего мирового пролетариата, повторяли они, упрочить победу пролетариата России и построить социализм невозможно. Получалось, что все усилия и жертвы во имя революции и социализма могут быть напрасны. Позиция Сталина была явно выигрышной, она как бы указала выход из тупика, давала перспективу: движение к социализму и при отсутствии революции в Европе. Авторы коллективной монографии «Власть и реформы. От самодержавной к Советской России» с новой сталинской теорией связывают будущий переход власти на позиции «условного» «изоляционизма или автаркии во внешнеэкономической политике»¹⁶⁹. Да, такую связь можно усмотреть. К этому следует добавить, что «новая теория» Сталина укрепляла имевшиеся в партии национал-большевистские настроения, давала политический и идеологический импульс их развитию и превращению в одну из характерных черт партии. Троцкий попытался воспользоваться полемикой для подкрепления

своего требования преимущественного развития промышленности. Если допустить, рассуждал он, возможность построения социалистического общества в одном СССР, то нужно форсировать индустриализацию, стремиться в короткие сроки догнать и превзойти уровень индустриального развития передовых стран.

В историографии враждебные отношения Сталина и Троцкого нередко сводятся к их взаимной неприязни, соперничеству, к стремлению заполучить власть. Но дело не только в личностных взаимоотношениях. К ним добавлялись расхождения в вопросах о путях и темпах «строительства социализма». Троцкий придерживался радикальных левых взглядов, связывал судьбу российской революции с ходом международного революционного процесса, считал, что во имя убыстрения темпов следует форсировать индустриализацию (за счет средств, извлекаемых из крестьянского хозяйства). Сталин же исходил из возможности построения социализма в одной стране, невзирая на отсутствие революционных предпосылок в Европе, он (пока!) против форсирования развития промышленности.

Партийно-государственное руководство с удовлетворением отмечало успехи быстрого восстановления хозяйства. Оно отдавало себе отчет, что успехи одержаны благодаря рыночным отношениям, в то же время было озабочено тем, что частный сектор явно доказывал преимущества перед государственным, расширяясь и увеличивая производство продукции в деревне и в городе. Верхушка партийного аппарата, охваченная боязнью нэпа, принимала меры по его дискредитации. Пропаганда всячески третировала частника, в общественном сознании формировался образ «нэпмана», как эксплуататора, классового врага. Критика нэпа, частной собственности, призывы к борьбе с «излишествами» нэпа встречали сочувствие и даже одобрение в широких кругах населения. Для этого были объективные причины. Возмущение вызывали рост безработицы, коррупция государственного и партийного аппарата, спекуляция, обогащение «нэпма-

нов». На XIII съезде РКП(б) председатель ЦКК-РКИ В.В.Куйбышев привел много примеров злоупотреблений, по которым были возбуждены судебные процессы. Один из них «дело Краснощекова – дело Промбанка». Глава банка коммунист Краснощеков за счет государственных средств создал условия для обогащения своего брата, а сам вел разгульный образ жизни¹⁷⁰. Типичным было дело Материальной службы Северо-Западной железной дороги, по которому к суду было привлечено 118 человек. За взятки руководители давали подряды по повышенным ценам, с подрядчиками заключались выгодные для них договоры, а дорога несла большие убытки, в представляемых счетах указывались увеличенные денежные суммы, через подставных лиц руководители поставляли дороге ненужные ей или негодные материалы¹⁷¹. Нарком юстиции Д.И.Курский летом 1925 г. направил областным и губернским судам и прокурорам циркулярное письмо, в котором говорилось: «Массовые растраты, как крупные, так и мелкие, приняли эпидемический характер. Из государственных, главным образом хозяйственных органов, растрата перебросилась в большом масштабе в органы общественные: отделы профсоюзов, месткомы, фабзавкомы, кооперацию, вплоть до первичных деревенских кооперативов, издательств, отделы Авиахима, благотворительные общества и т.д. и т.д.»¹⁷².

Эпидемия коррупции, распространившаяся на все сферы государственной жизни, не могла не вызывать негативную реакцию на нэп – тем более, что психология «штурма и натиска» периода гражданской войны не была изжита партией, закомплексованной ею же насаждаемой ненавистью к «эксплуататорам», особенно к кулакам. На XIV съезде ВКП(б) (декабрь 1925 г.) Сталин заявил: «Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия – к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего

больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только — и мигом разденут кулака»¹⁷³.

Партийное руководство было обречено на лавирование между объективными требованиями экономики и идеологическими соображениями. Расценивая нэп как «временное отступление ради наступления» на пути к социалистической перспективе, оно отвергало коренные изменения, которые были бы для нее опасны. Продолжавшиеся колебания, балансирование, отсутствие в верхах единства в определении пути развития вели к раздвоенности, противоречивости экономической политики, переплетению в ней противоположных тенденций. В то время, когда в отношении деревни еще оставалась направленность, связанная с политикой предоставления частному сектору возможности рыночного развития, в отношении частного сектора города стала преобладать политика, ориентированная на преимущественное развитие крупной, т.е. государственной, промышленности, шло наступление против частника, особенно путем высокого налогового обложения. В партийном руководстве к середине 20-х годов явно наметился сдвиг в пользу промышленности, а с этим были связаны новые вопросы. Восстановление ее основывалось на возрождении старых предприятий с устаревшим оборудованием. Этот резерв был исчерпан. Потенциал восстановительного процесса иссяк. Где взять ресурсы для нового строительства? Предложение Е.А.Преображенского (троцкисты) извлекать их за счет крестьян встречало резкие возражения Н.И.Бухарина и его сторонников. Да и сама экономическая ситуация как бы свидетельствовала о том, что рыночная экономика, ориентированная на крестьянство, несовместима с задачами индустриализации. К тому же вопреки теоретическому постулату о большей эффективности государственной крупной промышленности («командных высот») на деле она уступала частной, не выдерживала конкуренции на рынке.

В какой-то мере раздвоенность политики проявлялась в деятельности Ф.Э.Дзержинского. После перехода к нэпу, учитывая складывающиеся новые общественные отношения, он склонялся к некоторому смягчению репрессий. Об этом, в частности, говорит его записка от 16 августа 1923 г. своему заместителю по ГПУ И.С.Уншлихту по вопросу о применении смертной казни. «Мне кажется, — писал он, — что размеры применения высшей меры наказания в настоящее время (как по суду, так и по нашим решениям) не отвечают интересам дела и сложившейся обстановке при нэпе и мирной полосе развития. Высшая мера наказания — это исключительная мера, а потому введение ее как постоянный институт для пролетарского государства вредно и даже пагубно. Поэтому я хочу перед ЦК поставить этот вопрос.

Я думаю, что высшую меру следует оставить исключительно для государственных изменников (шпионов) и бандитов и поднимающих восстание. По отношению к ним — этого требует наша самозащита в окружении врагов. Но все остальные преступления должны караться изоляцией и принудительными работами... Я уверен, что будь Владимир Ильич у руля, он был бы за это предложение, а может быть, пошел бы еще дальше. Пришло время, когда мы можем вести борьбу и без высшей меры»¹⁷⁴.

Мне не известно, поставил ли Дзержинский этот вопрос перед ЦК. Во всяком случае влияние на судебную практику он не оказал. Раздвоенность сказалась и на деятельности его в качестве председателя ВСНХ в 1924—1926 годах (одновременно он оставался председателем ОГПУ). При назначении в ВСНХ Дзержинский, как позже вспоминал Н.Валентинов (Н.Вольский), хорошо его знавший по работе в этом ведомстве, заявил: «...буду проводить плановое начало железной рукой. Кое-кому хорошо известно, что рука у меня тяжелая, может наносить крепкие удары. Я не позволю вести работу так, как ее до сих пор вели, то есть анархически»¹⁷⁵. Однако на новом посту Дзержинский, по словам Н.Валентинова (Н.Вольско-

го), «почувствовал, что не может этим учреждением управлять с помощью методов, опирающихся на чекистское устрашение»¹⁷⁶. В отличие от многих руководителей, продолжавших с недоверием и свысока относиться к специалистам, он их ценил, хорошо понимая, что без них поднимать экономику невозможно. Для Дзержинского этого времени характерно его выступление на XIV партийной конференции. Чтобы работать хорошо, говорил он, надо покончить с комчванством, «будто бы нам, коммунистам, море по колению... Я должен сказать, что без знаний, без учебы нашей собственной, без уважения к людям, которые знают, без поддержки технического персонала, без поддержки науки... мы без этого не сможем выполнить задачи по поднятию производительности труда... Как же мы подходим еще сейчас к техническому персоналу? Я должен сказать, что у нас очень много пережитков в этой области». Имея в виду недоверие к специалистам и применявшиеся к ним в годы гражданской войны методы расправ, он предлагал «уничтожить остатки той психологии, которых еще очень много и может быть, — продолжал он, — вам несколько странно, что я, председатель ГПУ такие речи говорю. Но вы тем более должны прислушаться к тому, что говорит в этой области председатель ГПУ Я должен прямо сказать: мы рассматриваем их часто, как изменников, как наемников... Я думаю, неправилен такой подход... мы можем их завоевать, как коллег, как тех товарищей, с которыми мы вместе работаем»¹⁷⁷

После смерти Дзержинского, вспоминал Н.Валентинов, «можно было часто услышать: «Жаль, умер Дзержинский! С ним было хорошо работать. Нас, специалистов, он ценил и защищал. При нем мы могли спокойно спать. Не боялись, что придет «черный ворон» (фургон ГПУ, перевозивший арестованных)»¹⁷⁸. Как пишет мемуарист, «в 1924–1925 гг. преследования и аресты совершались по всей стране, однако в ВСНХ и в промышленности их почти не было... В благожелательности к техническому персоналу у него явно преобладали утилитарно-практические соображения. Дзерж-

жинского, кажется, не очень страшило, что в голове человека бродили антисоветские идеи, по его мнению, гораздо важнее, как он работает, полезен ли он для «ведомства ВСНХ», для промышленности»¹⁷⁹.

Деятельность Дзержинского как бы символизировала смешение «термидора» и террора в политике власти этого времени.

Автор рассказывает о небольшом кружке бывших общественных деятелей (среди его участников и министр юстиции Временного правительства) — он условно называл себя «Лигой наблюдателей», — собиравшемся в 1923—1927 гг. для обсуждения текущих политико-экономических событий и «судьбы основных идей Октябрьской революции». Одна из обсуждавшихся тем — почему значительная часть российской интеллигенции стала в «эпоху нэпа с большим рвением участвовать в хозяйственном строительстве Советской власти и в этом отношении резко разошлась со взглядами эмиграции... и другое: подчиняясь каким мотивам, эта интеллигенция была против появившейся в 1923 г. троцкистской оппозиции, склоняясь к позиции Центрального Комитета партии, потом к политике правых коммунистов, но всегда отталкиваясь от Сталина, даже тогда, когда он защищал нэп»¹⁸⁰. Ответы на эти вопросы основывались на том, что эта часть интеллигенции, разделявшая «нововеховские» взгляды, поверила, что нэп введен «всерьез», поставила ставку на «благостную эволюцию власти», надеялась, что Советская страна, «уйдя от военного коммунизма, но не возвращаясь к коммунизму, сможет при самоотверженной работе интеллигенции построить “дом”, удобный для всех классов общества». Особенно это относится к 1925 году — году «максимального расширения нэпа»¹⁸¹. Н.Валентинов употребляет термин «сознание 1925 г.», имея в виду укрепившуюся веру представителей демократической интеллигенции в перспективу нэпа, в либеральное развитие экономики и политики. «Мы, в особенности в 1925 году... — писал он, — были до слепо-

ты оптимистичны, были полны иллюзий: все идет прекрасно, страна медленно, но без больших противоречий, но все-таки катится по рельсам эволюции. Мы даже предполагали, что на базе развивающейся советской экономики сравнительно скоро появятся какие-то, пусть небольшие, ростки свободы. Зачатки ее мы видели, например, в издававшейся художественной литературе (вспомним произведения Пильняка), в эпоху нэпа пользовавшейся относительной свободой и позднее ее абсолютно потерявшей»¹⁸².

Оживавшая экономика, продолжавшееся ее реформирование требовали дальнейших, более решительных перемен в политической системе. Можно было ожидать, что какие-то серьезные перемены внесет готовившаяся Конституция СССР. Этого не произошло. Вынужденное делать новые шаги к рынку, партийно-советское руководство не шло дальше мер, ограниченных рамками политической системы, сформировавшейся в годы гражданской войны, чуть тронутой реформированием, но не поколебленной. Принятая Конституция лишь надстроила над республиканскими съездами Советов и ЦИКаами еще один уровень — съезды Советов СССР и ЦИК СССР. На Совнарком СССР возлагалось «осуществление мероприятий в области общего управления Союзом СССР». Он имел право издавать декреты и постановления, обязательные для исполнения на всей территории Союза. Его полномочия сочетали законодательство и исполнение законов («соединение властей»). Президиум ЦИКа Союза имел право приостанавливать и отменять постановления ЦИКов и Совнаркомов союзных республик, а также приостанавливать постановления съездов Советов союзных республик с последующим внесением этих постановлений на рассмотрение и утверждение ЦИКа Союза. Последний имел право отменять все декреты и постановления съездов Советов союзных республик. Учреждался Верховный суд СССР, полномочный решать все вопросы, представленные судами республик. Он наделен пол-

номочиями рассматривать и опротестовывать перед ЦИК Союза решения верховных судов республик, давать заключения о законности постановлений верховных судов союзных республик. В 1924 г. были опубликованы Основы уголовного законодательства СССР. Республики получили указание привести свои уголовные кодексы в соответствие с ними. Фактически Конституция была Основным законом не федеративного, а унитарного государства, хотя декларативно провозглашалось свободное, добровольное и равноправное объединение независимых советских республик, право свободного выхода из Союза¹⁸³. Конституция не имела специальных разделов о диктатуре пролетариата, ее целях и задачах, о принципах организации Советов и избирательной системе по выборам в Советы. Эти вопросы включались в республиканские конституции, построенные по образцу Конституции РСФСР 1918 г. В них повторялись меры, обеспечивающие «демократию», но только для трудящихся (свобода выражения своих мнений, свобода собраний, митингов, шествий, союзов, свобода совести, для чего церковь отделяется от государства и школа — от церкви, равные права всех граждан независимо от расовой и национальной принадлежности и пр.). Однако декларативные заявления о «демократии», правах граждан перечеркивались другими пунктами Конституции СССР и союзных республик, устанавливавшими принципы, по которым отдельные лица и целые группы населения лишались политических прав. Объявляя диктатуру пролетариата социально-классовой сущностью государства, конституции как бы освещали, делали «законной» возможность применения по отношению к лишенным политических прав гражданам методов диктатуры — насилия. Не случайно в этих конституциях нет таких понятий, как неприкосновенность личности, имущества, жилища, право граждан на защиту от государства — это вытекало из убеждения, что интересы рабочих и крестьян совпадают с интересами «рабоче-крестьянского государства». В кон-

ституциях нет понятий «права человека и гражданина», «правовое государство», вместо них — «права трудящихся и эксплуатируемого народа». Права отдельного человека не выделялись, они лишь косвенно просматривались сквозь призму его классовой принадлежности. Республиканские конституции закрепляли практику многостепенных выборов с открытым голосованием. Непосредственно на собраниях избирателей выбирались только городские и сельские Советы. Вышестоящие органы — их съезды формировались путем не прямых выборов, причем создавались преимущественно рабочим: в процентном отношении они избирали больше представителей в Советы, чем крестьяне. Тем самым закреплялось политическое неравенство рабочих и крестьян.

Еще до утверждения Конституции СССР Вторым Всесоюзным съездом Советов (26 января — 2 февраля 1924 г.) сессия ЦИК СССР в июле 1923 г. утвердила первое союзное правительство — Совет Народных Комиссаров СССР во главе с Лениным. Назначение на этот пост смертельно больного Ленина было чисто формальным актом. Заместителями председателя Совнаркома СССР стали А.И.Рыков (одновременно председатель ВСНХ), А.Д.Цюрупа, Л.Б.Каменев (он же — председатель Совета Труда и Оборона), В.Я.Чубарь (одновременно председатель Совнаркома Украины), М.Д.Орахелашвили (он же — председатель Совнаркома ЗСФСР). В состав Совнаркома СССР вошли и наркомы 10 общесоюзных наркоматов* Все члены правительства являлись членами ЦК РКП(б) и ЦИК.

Конституция СССР 1924 г. и принимавшиеся на ее основе республиканские конституции практически не оказали влияния на политические процессы в стране, не

---

* Наркомы: иностранных дел — Г.В.Чичерин, по военным и морским делам — Л.Д.Троцкий, внешней торговли — Л.Б.Красин, путей сообщения — Ф.Э.Дзержинский (он же — председатель ОГПУ), почт и телеграфов — И.Н.Смирнов, РКИ — В.В.Куйбышев, труда — В.В.Шмидт, продовольствия — Н.П.Брюханов (с введением натуралога, а затем и денежного отпала необходимость в этом наркомате, 15 апреля 1924 г. он был ликвидирован), финансов — Г.Я.Сокольников.

изменили политическую систему страны. Она оставалась однопартийной, всецело подчиненной ЦК РКП(б), партийным аппаратам. Советы и их съезды продолжали оставаться декоративными собраниями, штамповавшими государственные акты по заготовливаемым партийной властью клише.

Все же в обстановке, когда еще сохранялись и даже углублялись принципы нэпа, руководству пришлось учитывать их требования и провести ряд мер административно-политического характера, продолжавшие начатое ранее реформирование и в этой области. Так, в 1924–1925 гг. была проведена частичная перестройка структуры государственного аппарата, позволившая несколько сократить его разбухшие штаты. Развернулась работа по районированию страны с учетом новых экономических связей территорий. Проведена крупная военная реформа, в результате которой численность Красной Армии сократилась почти в 10 раз – до 560 тыс. человек. Переход на территориальный принцип ее формирования и реорганизация аппаратов центральных и местных военных ведомств снизили государственные расходы на содержание вооруженных сил. Еще до этого в 1923 г. была отменена паспортная система: взамен паспортов в РСФСР введены удостоверения личности, заполнявшиеся местными органами власти со слов гражданина¹⁸⁴.

В условиях продолжавшейся тенденции к либерализации партийно-государственному руководству пришлось повернуться, как тогда говорилось, «лицом к деревне», управление которой со времени гражданской войны мало изменилось, вызывая недовольство крестьян административно-политическими путями. Характерны наблюдения председателя Совнаркома А.И.Рыкова о поездке летом 1924 г. по приволжским районам: «Никакой выборности в управлении деревней нет, начальство все приезжее, назначенное; по приезде обзаводятся первым делом хорошей квартирой, хозяйством, коровами, свинками и прочими прелестями. Живет начальство обособленно от

населения, обставляет себя всеми атрибутами, так что простому смертному без рекомендации и не узреть начальства»¹⁸⁵ Можно констатировать такую закономерность. Обновляемость членов сельских Советов усилилась, тогда как председателей этих Советов, а также волостных и районных снизилась. Эта категория «ответственных работников», обрастая хозяйством и имея некоторую материальную выгоду от должностей стремилась сохранить свои посты. На заседании Оргбюро ЦК 8 декабря 1924 г. был заслушан доклад секретаря Пензенского губкома партии Орлова. Он говорил: «Советский аппарат, несомненно, связи с населением не имеет, или имеет очень незначительную связь, творчество его чрезвычайно ничтожно, но крестьяне требуют, чтобы все было по закону... Пьянство представителей Советской власти, особенно в низах, явление не единичное, а, пожалуй, повсеместное...»¹⁸⁶. В 1925 г. членами ЦКК-РКИ была проведена проверка работы низового аппарата в деревне. В итоговом документе, составленном по результатам проверки, говорилось: «...вопросы, которыми живет крестьянство и которые являются важнейшими для крестьян, а именно: землеустройство, лес, переселения, школа, агрономия, ветеринария — этими вопросами советские работники не занимаются... Связи у советских организаций с населением почти никакой нет»¹⁸⁷

Сельские Советы и волостные исполкомы в основном занимались сбором налогов и выполнением распоряжений вышестоящих органов.

Между тем, хозяйственный подъем деревни сопровождался ростом политической активности крестьян. Одним из показателей этого был рост тиражей крестьянских газет — с 1922 г. по 1924 г. — в 4 раза¹⁸⁸. В секретных сводках ГПУ за 1924 г. отмечалось повсеместное оживление политических настроений в крестьянстве, выражавшееся, в частности, в требовании установления общественного контроля над деятельностью исполкомов Советов. В сводном докладе для Политбюро о политическом

положении в стране за 1924 г. Ф.Э.Дзержинский отмечал, что «если в первые годы после введения нэпа уставшее от гражданской войны крестьянство погрузилось в политическое оцепенение, то теперь, к концу 3-го года нэпа, наметилась тенденция к быстрому пробуждению общественной жизни в деревне. Крестьянство приобрело способность к ясному пониманию и учету своих интересов, сознательной постановке вытекающих отсюда задач и к резкой критике экономических мероприятий Соввласти». Наблюдавшиеся в ряде губерний попытки крестьян-середняков вступать в Коммунистическую партию Дзержинский расценивал как «стремление среднего крестьянства через единственную легальную партию провести защиту своих политических интересов»¹⁸⁹

Сообщения о положительных сдвигах в настроениях населения «в сторону активного приближения к советской власти» содержались в отчетах многих местных советских органов, поступавших в центр. Довольно типично закрытое письмо председателя Новгородского губисполкома: «...из произведенных массовых обследований... выяснилось, что политическое состояние губернии укрепляется», хотя «перебои в снабжении мануфактурой и другими фабрично-заводскими товарами вызывает недовольство враждебных групп, а иногда и некоторой части бессознательного крестьянства»¹⁹⁰.

Еще с весны 1921 г. в ряде мест начали стихийно возникать «крестьянские союзы», в связи с чем Оргбюро ЦК 31 марта 1921 г. приняло решение «признать недопустимым и нецелесообразным легализацию крестьянских союзов»¹⁹¹. В 1924–1927 гг. идея создания «крестьянского союза», независимого от Коммунистической партии, в деревне приобрела большую популярность. По имеющимся данным, в 1924 г. в стране было зарегистрировано 139 случаев агитации за такую организацию, в 1925 г. — 543, в 1926 г. — 1662, за восемь месяцев 1927 г. — 1565. Была даже попытка создать «Всероссийский крестьянский союз»¹⁹². Руководство партии видело в этом опас-

ность для однопартийной политической системы. Выступая в июне 1925 г. в Свердловском университете, Сталин в ответ на вопросы студентов сказал: «Опасность начинается с того времени, когда объединение беспартийных начинает подумывать о том, чтобы заменить собою партию»¹⁹³. В вопросе о недопустимости еще одной партии со Сталиным полностью были солидарны оппозиционеры. В своем заявлении от 8 августа 1927 г. лидеры Объединенной оппозиции Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев, Г.Л.Пятаков, Х.Г.Раковский, Л.Д.Троцкий и др. осудили «какие бы то ни было попытки создания второй партии. Путь «второй партии» в СССР считаем безусловно гибельным для революции. Будем бороться всеми силами, всеми мерами против всяких тенденций к двум партиям. Столь же решительно и категорически мы осуждаем политику раскола»¹⁹⁴.

Будучи решительно против создания каких-то новых крестьянских организаций, тем более партии, партийные верхи, однако, хотели использовать активность крестьян в интересах власти. В докладе на X Московской партийной конференции Л.Б.Каменев об этом говорил: «Для нас выгоднее, чтобы политическое брожение и политическая активность шли по легальному каналу Советской власти, а не мимо него... Надо действительно зарубить себе на носу: или мы, оживляя деревню экономически, оформляем ее и политически в нашем стиле, или это экономическое оживление и политическая активность будут использованы против нас»¹⁹⁵. Политический капитал, полученный от замены разверстки налогом, был исчерпан. «Мы должны заново завоевывать крестьянство», — заявил Сталин о ближайшей цели в октябре 1924 г. на пленуме ЦК РКП(б)¹⁹⁶.

В июне 1924 г. пленум ЦК РКП(б) выдвинул лозунг «Лицом к деревне!» В октябре пленум ЦК принял решение организовать кампанию по «оживлению Советов», при этом подчеркнул, что задача оживления Советов в деревне, «связанная с общим вопросом об оживлении работы Советов, является одной из основных и наиболее

острых задач момента». Отмечалась также необходимость строгого соблюдения революционной законности, борьбы против всех видов административного произвола, бюрократизма, взяточничества¹⁹⁷. Предполагалось, что «оживление Советов» послужит поддержке крестьянством Советской власти. Этим руководствовался и ВЦИК РСФСР, принявший тогда же, в октябре, новое положение о сельских, волостных и уездных Советах, расширявшее их административно-хозяйственную сферу деятельности и укреплявшее их финансовую базу; здесь же указывалось, что сельский Совет «содействует организации и развитию коллективных хозяйств, оказывает помощь и поддержку органам, ведущим эту работу»¹⁹⁸.

Вскоре оказалось, что местные партийные и советские руководители не были заинтересованы в «оживлении Советов», что потребовало бы от них отказа от привычных методов руководства. В чем заключались эти методы уже говорилось. Дополнительное представление о них можно получить из различных материалов самих партийных и советских органов. Так, в «закрытом» письме Вологодского губкома партии в ЦК РКП(б) с информацией за декабрь 1924г. сообщалось, что местные советские власти допускают «вопиющие поступки, раздражающие крестьянство», «излишний административный нажим и необоснованный штраф», есть случаи рукоприкладства, избиения крестьян милиционерами, взяточничества, особенно среди судебных и административных работников¹⁹⁹. Характерны наблюдения представителей городских «шефских обществ», приехавших в одну волость для ознакомления с работой властей и оказания им помощи. Впечатления от пребывания в деревнях волости (1925 г.) были изложены в книге Я.Бурова «Деревня на переломе». «Шефам» бросилось в глаза, что в волости «идет командование населением со стороны волкома и вика, населению не дают свободно высказываться, на крестьян в вике стучат по столу кулаком». Вывод от впечатлений: «Сейчас в деревне с Советами плохо. Плохие пока

наши деревенские Советы». В беседе с волостным начальством автор предположил, что через два-три года должен наметиться серьезный сдвиг в деле «оживления Советов». Ему возразили: «Не через два-три года, а лет пятнадцать, да и без денег не проведешь оживления Советов». В этом ответе, писал автор, «мне послышалось полное равнодушие ко всему делу оживления Советов»²⁰⁰.

Ожидалось, что в новых выборах в Советы, проводимых в обстановке курса «лицом к деревне» и «оживления Советов», примет участие большинство избирателей. Но уже в ходе избирательной кампании эти ожидания рассеивались. Председатель «Комиссии Оргбюро ЦК по укреплению работы Советов» Л.М.Каганович на заседании Оргбюро 24 ноября 1924 г. вынужден был констатировать: «Абсентеизм в настоящее время очень велик. Нынешние выборы дают меньший процент участников, чем выборы прошлогодние. Абсентеизм в деревне чрезвычайно велик... Крестьяне в выборах принимают незначительное участие, потому что у них скептическое отношение к выборам. Сегодня выберут, а завтра все равно назначат другого. Конечно, есть еще и другие причины. На сходы обычно ходит хозяин дома, а женщины принимают участие в ничтожном проценте...»²⁰¹.

Итак, ожидания не оправдались. В выборах в сельские Советы в 1924 г. участвовало менее 37% избирателей, во многих местах около 35%²⁰². Нередко крестьяне проваливали списки кандидатов, в которых были коммунисты, в ряде мест на избирательных собраниях раздавались выкрики: «Советы без коммунистов»²⁰³.

Не лучше обстояло с выборами в городские Советы. Авторы аналитического доклада, представленного в ноябре 1924 г. в Комиссию Оргбюро ЦК, на основе большого фактического материала пришли к выводу: население весьма безучастно относится к выборам в городские Советы, абсентизмом избиратели проявляют «глубокий протест населения против той роли, которая предоставлена городским Советам в деле управления местной

жизнью». «Городские Советы в настоящем их виде представляют собою малодетельные органы Советской власти, они далеки от практических запросов жизни данного города. Редкий созыв заседаний, крайне слабая работа секций, низкая посещаемость заседаний членами Советов — ярко характеризует развал городских Советов»²⁰⁴.

Таким же был вывод инструкторов ЦК, обследовавших в январе 1925 г. пять городских Советов различных регионов страны (Смоленск, Ижевск, Ковров, Севастополь, Батуми). В отчете, представленном в ЦК, они писали, что интерес к выборной кампании всюду незначительный и давали этому объяснение: «Опыт существования Горсоветов за последние годы показывает, что особой заинтересованности в направлении их деятельности у широких масс не имеется; не видно прямой творческой работы Совета, чтобы масса непосредственно почувствовала какое-либо улучшение или ухудшение в своем положении в связи с его деятельностью... представление о Совете имеется как об учреждении, существующем только для торжественных заседаний или для механического голосования за какие угодно предложения исполкома или его президиума»²⁰⁵.

Президиум ВЦИК 29 декабря 1924 г. признал выборы недействительными в областях, где участвовало менее 35% избирателей, или были нарушения порядка выборов. Это касалось 40% всех сельских и волостных Советов. В этих областях было решено провести повторные выборы.

12 января 1925 г. Оргбюро ЦК утвердило циркулярное письмо партийным организациям о их задачах в предстоящей перевыборной кампании. Предлагалось, в частности, значительно шире, чем в прошлом, выдвигать беспартийных, в том числе женщин, разъяснить недопустимость отвода кандидатур беспартийных за их деловую критику Советской власти, добиваться, чтобы в Советы избирались рядовые коммунисты, до включения в списки для голосования кандидатов проверять на собраниях рабочих и крестьян, но «нельзя навязывать обязательного

голосования по списку», вызывающее недовольство крестьян-избирателей; в избирательных комиссиях внимательно рассматривать жалобы на нарушения избирательных прав; недопустимо устранение от выборов рабочих, крестьян или трудовых казаков «из-за их участия ранее в войне с нами»²⁰⁶. С учетом содержания циркулярного письма Оргбюро ЦИК СССР 16 января 1925 г. утвердил новую инструкцию о выборах в Советы²⁰⁷, а 8 апреля принял постановление, направленное против «расширительного толкования» статей Конституции о категориях лиц, лишаемых избирательных прав. Запрещалось лишать избирательных прав кустарей, имевших подсобные предприятия, — мельницу, просорушку, маслобойку и т.д., ряд категорий служителей храмов и домов культа, а также лиц, которых относили к «лишенцам» на основании «наложения на них» некоторых налогов²⁰⁸. С начала 1925 г. по май проходили повторные выборы. В них участвовало несколько больше избирателей — до 41% в сельские Советы²⁰⁹. Несмотря на политическое заигрывание с крестьянством и призывы выбирать коммунистов их численность в сельских Советах снизилась с 11,3 до 5,9%, в горсоветах — с 63,8 до 40,7%²¹⁰. Являлось ли это показателем снижения влияния коммунистов, как принято было историками считать? Нет, сказалось другое: в обстановке относительно свободных выборов население могло более адекватно выразить свое отношение к предлагаемым кандидатам — членам партии, чем это было в предыдущих избирательных кампаниях, когда искусственно завышалась численность коммунистов в Советах. Руководство же ВКП(б) давало свое, нужное ему объяснение итогов выборов 1925 г. Так, Молотов на XIV съезде партии в организационном докладе ЦК привел данные об уменьшении процента коммунистов в исполкомах (в уездных — с 88% до 73%, в губернских — с 90% до 79%), заявив при этом, что это результат «сознательной», «совершенно правильной» «политики на созда-

ние беспартийного крестьянского и рабочего актива вокруг нашей партии в Советах»²¹¹.

Как бы то ни было, возможности крестьян оказывать влияние на состав депутатов Советов и выразить свое отношение к ним были несколько расширены. Однако проходившая кампания по «оживлению Советов» видимых результатов по улучшению их работы не давала. На Третьем съезде Советов СССР (май 1925 г.) делегаты снова говорили о серьезных ее недостатках, а резолюция съезда констатировала: в Советах «в значительной мере сохранились остатки старой дореволюционной бюрократической системы управления (бюрократизм, административный произвол, взяточничество, хищения, бесхозяйственность и т.д.». Основными недостатками местного советского аппарата являются: «а) оторванность Советов от широких масс и недостаточное участие последних в выборах в Советы; б) умаление роли Советов, как коллективной организации... в) отсутствие связи депутатов и избирателей... недостаточно внимательное удовлетворение запросов местного населения и, наконец, г) громоздкая и технически нерациональная постановка работы в советских учреждениях»²¹².

Кампания по «оживлению Советов» продолжалась и во второй половине 1925 — начале 1926 г. Новое постановление ЦИК СССР о порядке выборов в Советы и на съезды Советов (22 октября 1925 г.) увеличило представительность сельских Советов в малонаселенных районах: один член Совета избирался от 100 жителей, а не от 200, как было раньше²¹³. Впрочем, выборы в Советы для большевистских руководителей имели чисто формальный характер, что прослеживается с первых месяцев их прихода к власти. Еще в январе 1918 г. на Третьем Всероссийском съезде Советов Сталин об этом говорил: «Властвуют не те, кто выбирают и голосуют, а те, кто правит». В конце гражданской войны он развил этот тезис: «Страной управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов... Нет, страной управляют фактически те,

которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят аппаратами»²¹⁴. В октябре 1923 г. Политбюро в ответе на письмо Троцкого отмечало, что источником правительственной власти являлись не выборы, а съезд РКП²¹⁵

В выборах 1925–1926 г., проходивших по сравнению со всеми предшествующими в более свободных условиях, возросла активность избирателей, особенно крестьянства. Процент их участия в выборах по РСФСР достиг 47,5%²¹⁶, в выборах в городские Советы участвовало до 52% горожан, имевших избирательные права (в 1924 г. — 40%)²¹⁷ Особенно показательны данные о лишенных избирательных прав. Основаниями для лишения этих прав были наличие кулацкого хозяйства, антисоветские высказывания, в одном селе, например, смех над советскими плакатами, в другом крестьянина отрешили от выборов за то, что при объявлении надбавки к сельскохозяйственному налогу он сказал, что она пойдет «на галифе и пиво». Подобное «творчество» местных властей наблюдалось повсюду. Тем не менее, если в 1924 г. по сравнению с 1923 г. численность «лишенцев» возросла на 14,9% и достигла в сельских местностях в среднем 2,1%, то в 1925–1926 г. общая их численность снизилась по РСФСР с 1,3% в начале 1925 г. до 1,1% в начале 1926 г.²¹⁸

Вследствие предоставления избирательных прав некоторым категориям крестьян, ранее их лишенных, также торговцам, торгующим в разнос, в Советах повысился процент беспартийных, в ряде мест из зажиточных слоев деревни. Это вызвало недовольство низовых руководящих работников (секретарей партийных организаций, председателей сельских Советов и волостных исполкомов), опасавшихся, что не удержат в своих руках местную власть и могут лишиться своих должностей, дававших им средства к безбедному существованию. Еще в мае 1923 г. секретарь ЦК Молотов послал губкомам и обкомам циркуляр: на почве новой экономической политики среди коммунистов наблюдается стремление к «хозяйственному обрас-

танию»: в городе — приобретение в собственность домов, участие в торгово-промышленных предприятиях и т.д., в деревне — тяга к обзаведению усадьбами, рабочим скотом, инвентарем переходит за пределы трудового хозяйства. «Все это сопровождается закреплением мелкобуржуазной, собственнической психологии и отходом от партийной работы и партийной дисциплины, что вносит в партию элементы разложения». Местным партийным организациям предложено вести борьбу с этими явлениями²¹⁹. Однако борьба с ними видимых результатов не давала.

В обстановке кампании «лицом к деревне» наметилось увеличение количества заявлений в сельские партийные ячейки (были указания ЦК не «мариновать» прием крестьян в партию). В печати сообщались преувеличенные сведения о тяге крестьян в партию. Не столь оптимистичные оценки мы находим в материалах заседания совещания по работе в деревне при ЦК РКП(б), состоявшегося 17 февраля 1925 г. В этих материалах, не предназначенных для печати, указывалось, что тенденция к увеличению приема крестьян в партию действительно наблюдается, но тут же сообщается от каких категорий сельского населения преимущественно поступают заявления о приеме в партию: «а) от крестьян, уже находящихся на советской или другой (выборной) работе...б) от служивого элемента (служащих ВИКов и других волостных и районных органов), сельской интеллигенции и в) от демобилизованных красноармейцев, главным образом, маломощных хозяев... Из среды середняцкой массы, занятой исключительно своим хозяйством, не замечается совершенно почти никакой тяги в партию»²²⁰.

Авторы, писавшие о современной им деревне, неизменно отмечали: крестьяне-коммунисты «поднимают свое хозяйство непосредственно в связи с должностью»²²¹. Это по существу подтвердил Молотов, заявив на XIV партийной конференции, что огромное большинство деревенских коммунистов иначе и не смотрят на себя, как на людей, которые должны занять долж-

ность²²². Расчетами «получить должность» руководствовались многие крестьяне, подававшие заявления о приеме в партию. Пусть в карикатурной форме, но довольно точно говорит об этом разговор с крестьянином поселка Боголепово Усманского уезда Воронежской губернии: «Тереха! Ты что же в партию — то не вступаешь, на собрания зря ходишь?

— Да, подожду маненько, может кто умрет, а может проворуется. Как ослобонится должность какая, так и подам заявление. А покада нет должности, курям на смех — не подаю»²²³.

В упомянутой книге «Деревня на переломе» автор рассказывает о разговоре приехавших представителей «шефов» с секретарем волостного комитета партии. Сославшись на «новый курс» в деревне и желательность вовлечения в работу Советов активных сознательных крестьян, они, как первый шаг к этому, предложили ввести в волостной исполнительный комитет Совета одного беспартийного крестьянина, чтобы в составе исполкома было два коммуниста и один беспартийный. И хотя большинство осталось бы у коммунистов (2 из 3-х членов волостного исполкома) резкая негативная реакция секретаря последовала немедленно: «Ну нет! Этого мы вам не дадим. Вы хотите снять коммунистическую головку в ВИКе и отдать власть крестьянам? Этого никогда не будет. Этого мы вам не позволим. Мы вам покажем, на что мы имеем право, и какие здесь у вас права»²²⁴.

При всей в общем незначительности либерализации Советов, а также «уступок» крестьянам у многих коммунистов они вызвали боязнь, как бы власть не потеряла «пролетарский характер» и в конечном счете не произошли «мелкобуржуазные сдвиги» в советской государственности, в политической системе. Возникновение такой угрозы они объясняли и тем, что советские аппараты заполнены интеллигенцией, «спецами», пропитанными мелкобуржуазной психологией. Иначе в это время оценивал «уступки» крестьянству Сталин. Отвечая на вопро-

сы в Свердловском университете 9 июня 1925 г., он говорил: уступка «не менее нужна пролетариату, ибо она усиливает пролетариат, в этом основное назначение уступок и компромиссов»; «вносил ли какие-либо ухудшения в систему диктатуры пролетариата новый курс партии по линии советской демократии? Нет, не вносил. Наоборот. Новый курс только улучшает дело, укрепляя диктатуру пролетариата»; «уступки крестьянству в данной обстановке усиливают пролетариат и упрочивают его диктатуру, не меняя ни на йоту характера власти в стране»²²⁵. Так что беспокойство по поводу «уступок» было напрасным. Они не изменили характер власти. Советы оставались органами классовой борьбы, послушным орудием партии, а вскоре — орудием партийных верхов по свертыванию нэпа.

Вопреки оптимистичным реляциям партийно-государственных властей (некритично воспринятым историографией «советского времени») «оживление Советов» не «оживило» их функционирование и политическую значимость. Они продолжали работать по указкам партийных органов. При внешнем демократизме и парадности деятельности эти органы не создавали гражданам возможность свободного волеизъявления. Громоздкость, непомерная численность членов Советов (так, в 1927 г. в Моссовет избрано 2283 человека), съездов Советов трактовались как элемент их демократичности, поскольку «к управлению государством» привлекалось много рабочих крестьян. На самом же деле громоздкость Советов мешала им проявлять какую-нибудь самостоятельность, они лишь штамповали решения, заранее заготовленные партийными функционерами. А исполнение принимаемых решений принадлежало узкому кругу чиновников исполнительных органов.

«Оживление» Советов не оправдывало надежд партийных верхов, что оно существенно улучшит политические настроения населения, прежде всего крестьян. Поэтому было решено подкрепить меры законодательные

усилением агитационно-политической работы в деревне. Согласно постановлению XIV партконференции, в 1925 г. из промышленных районов и городов на места направлялись 3000 пропагандистов, в первую очередь для школ политграмоты²²⁶. Оргбюро ЦК 30 октября 1925 г. рассмотрело предварительные итоги, проведенных для этого партийных мобилизаций, были приведены суммарные данные, характеризующие состав посланных на работу в деревни. Из их общего количества партийные работники составляли 28,9%, кооперативные — 4,5, хозяйственные — 3,8, учащиеся — 6, «с производства» — 14%. Больше половины — 52,5% являлись работниками волостного масштаба, 29,8% — уездного, 1,8% губернского и 15,6% — рядовые коммунисты. Уровень их политической подготовки определялся знаниями, полученными в школах политграмоты (48,5%), в марксистских кружках (25,5%), совпартшколах и курсах (13,5%)²²⁷. Большинство из них на местах оценивались отрицательно. Так, Вятский губком партии и ЦК Белоруссии писали в ЦК, что «прибывающие товарищи не подготовлены, или не желают работать непосредственно в деревне». Тамбовский губком: «присылаемые к нам... работники оказались непригодными для этой работы, так как они работники преимущественно города, совершенно не знают деревни, не знакомы с партийно-организационной жизнью деревенских организаций, политически неграмотные и претендующие исключительно на руководящую работу... Присылка таких работников засоряет нашу организацию неработоспособными элементами». Сибирский крайком обращал внимание ЦК, что «целый ряд прибывающих в счет указанных мобилизаций работников совершенно не пригодны для использования на ответственной, инструкторской или пропагандистской работе в деревне. Присылка таких товарищей сводит на нет значение указанных мобилизаций для укрепления кадра ответственных и активных работников в деревне»²²⁸.

Представивший эти материалы заседанию Оргбюро заместитель заведующего Орграспредотдела ЦК Козлов довольно неожиданно заключает: «подавляющее большинство посланных работников использованы на определенных ответственных работах так, как мыслил ЦК (все они занимают должности секретарей, зав.орг., зав. АПО укомов, руководителей школ, заведующих политико-просветительными учреждениями)²²⁹. Можно лишь предположить почему при негативных качествах направляемые на низовую работу в деревню оказывались на ответственных должностях уездного масштаба — они считали себя предназначенными «руководить» и добивались признания этого. Но это частично объясняет, почему затея с посылкой на места пропагандистов не оказала влияния на настроение деревни.

В целом в годы «углублявшегося» нэпа новые политические «уступки» власти были невелики, они мало задели советскую политическую систему. Партийно-государственное руководство, несколько расслабив скреплявшие ее обручи, не намерено было допускать, чтобы нэп подорвал ее. «Корневая» основа политической системы не затрагивалась. Контроль за настроениями населения не ослабевал. Административная психология властей подерживалась возможностью по любому поводу использовать карательные органы. После образования СССР, 19 марта 1923 г. был учрежден общесоюзный орган — Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совнаркоме СССР на правах общесоюзного наркомата. Оно контролировало и направляло ГПУ республик. Прошло немного времени с тех пор, как после ликвидации ВЧК было отменено право внесудебного рассмотрения дел органами государственной безопасности, и уже 28 марта 1924 г. ЦИК СССР утвердил «Положение ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь»²³⁰. Соответствующие решения принимались Особым совещанием при ОГПУ в составе трех членов коллегии при

участии Прокурора СССР. Особое совещание обладало правом внесудебного преследования и вынесения окончательного приговора. Возглавил ОГПУ Ф.Э.Дзержинский. Повсеместно внедрялись, в основном из членов ВКП(б), тайные информаторы ОГПУ К концу 1924 г. только на учете Секретного отдела ОГПУ состояло 99080 человек²³¹. 30 марта 1924 г. Дзержинский в записке своему заместителю В.Р.Менжинскому указывал: «при помощи обысков, высылки, арестов можно получить и информацию, и осведомителей»²³².

Итак, хотя и был сделан шаг к «нэпу политическому», перехода к нему, соответствующего экономическому нэпу, не было. Ф.Дан в 1924 г. писал в «Социалистическом вестнике» о Троцком, что он «не мог не понимать, что единственная возможность спасения — в переходе от нэпа экономического к нэпу политическому, к ликвидации диктатуры. Но он не посмел не только сказать, но и додумать этой мысли до конца»²³³. Это же можно сказать о всем руководстве партии.

Все же реформы, проведенные в первые пять лет нэпа, создавали возможность дальнейшего движения по пути новой экономической политики: либерализации экономики, демократизации политической системы. Состоявшаяся в апреле 1925 г. XIV партийная конференция РКП(б) приняла решения, в общем следовавшие этому курсу: она ставила вопрос «о дальнейшем облегчении налоговой тяжести некоторых категорий плательщиков государственных налогов», стимулировании процесса накопления в сельском хозяйстве, укреплении революционной законности. Проходит полгода и октябрьский пленум ЦК констатирует наличие двух «уклонов» в вопросе о нэпе. Первый проявляется в «недооценке отрицательных сторон нэпа», второй — в «непонимании значения нэпа как необходимого этапа к социализму»²³⁴. Противоборство двух «уклонов» отчетливо проявилось на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г., на котором произошла полемика между сторонниками свертывания нэпа

или дальнейшего его поступательного функционирования, между Г.Е.Зиновьевым и Н.И.Бухариным. Зиновьев в содокладе по политическому отчету ЦК, сделанном Сталиным, говорил, что имеются попытки объявить «нэп социализмом. Такая точка зрения, такая позиция представляет собою идеализацию нэпа, идеализацию капитализма». В экономической структуре страны преобладает система госкапитализма, в которой действует ленинская формула «кто кого». Основную опасность представляет недооценка кулака. «Кулак растет». «Его экономическая мощь и политический вес громадны. Кулак имеет дополнение в городе»²³⁵, Бухарин резко критиковал Зиновьева, обвиняя его в недооценке крестьянства и в неверии в возможность построения социализма в стране. Он утверждал, что можно строить социализм даже на наличной отсталой технической базе, что этот рост социализма будет во много раз медленнее, что мы будем плестись «черепашьим шагом», но что все-таки мы социализм строим и мы его построим²³⁶. Выступивший затем Л.Б.Каменев призвал: «Назад к Ленину!», бороться против «школы» Бухарина.

Позиция Сталина пока близка к позиции Бухарина. Главное в его докладе на съезде (и в принятой резолюции) удар по «новой оппозиции» группы Зиновьева-Каменева. Вышедшую вскоре свою работу «К вопросам ленинизма» (начало 1926 г.) он закончил словами: «Историческое значение XIV съезда ВКП(б) состоит в том, что он сумел вскрыть до корней ошибки «новой оппозиции», отбросил прочь ее неверие и хныканье, ясно и четко наметил путь дальнейшей борьбы за социализм, дал партии перспективу победы и вооружил тем самым пролетариат несокрушимой верой в победу социалистического строительства»²³⁷

Взяв курс на развертывание промышленности, съезд, однако, указал, что экономическое наступление будет идти на базе новой экономической политики. Вместе с тем решения съезда подтачивали ее. Его «индустриальный уклон» повлек за собой ужесточение волевых анти-

рыночных методов, усиление административного вмешательства в экономику, «зажим» частного сектора в городском хозяйстве. Если весной 1925 г. на XIV партконференции о кулаке говорилось как о потенциальной опасности, то на XIV съезде – уже как о реальной опасности, с которой необходимо решительно бороться, но не методами раскулачивания, а экономическими, методами сочетания политической изоляции кулачества и «вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства»²³⁸.

XIV съезд партии как бы ознаменовал пик восхождения нэпа, с которого начался спуск к его отрицанию. Ограниченность политических реформ, их неадекватность экономическим оставляли возможность возврата к тому, что нэп отрицал.

4. Властвующая партия

Основой, становым хребтом нэповской советской политической системы, как и раньше в годы «военного коммунизма», была правящая Коммунистическая партия. Сыграв решающую роль в переводе страны на путь новой экономической политики, Ленин возглавлял ее всего менее двух лет. Как свидетельствует его так называемое «Завещание», он не видел среди своих ближайших соратников достойных себе преемников и предложил принцип коллективного руководства партией, а Сталина рекомендовал снять с поста ее Генерального секретаря. Документ, задевший всех членов Политбюро, был проигнорирован, даже не был доведен до сведения партии.

В передовой статье, посвященной смерти Ленина, «Социалистический вестник» писал о его «преемниках»: «Они переняли у него все формы его партийного и государственного диктаторства. Но они не могли перенять у него ни его гения, ни его редкого чутья к стихии, ни его

незыблемой, фанатичной веры в самого себя и в свое дело. Место верховного жреца, который настолько сам верил в свою помазанность духом пролетарской революции, что умел заражать этой верой и других, заняли жалкие эпигоны... для которых диктатура в партии и в государстве есть лишь средство сохранить власть и ее соблазны в своих руках, а не тот рычаг, который Ленин почти с религиозным экстазом смотрел как на орудие переворачивания всего мира»²³⁹

Эта резкая характеристика принадлежит печатному органу меньшевиков, непримиримому к большевикам, их руководству, тем не менее следует признать ее справедливость. Уже при умирающем Ленине в правящей партийной верхушке развернулась беспринципная борьба за лидерство, за власть. Главная задача фактически возглавившей Политбюро (формальным его председателем был Каменев) «тройки» его членов (И.В.Сталин, Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев) заключалась в изоляции и дискредитации члена Политбюро, председателя Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкого. Они опасались его большого авторитета и влияния в партии и стране. Каждый из «тройки» преследовал собственную цель — стать главным в руководстве. Масло в огонь подлило «Завещание» Ленина, в котором он нелестно характеризовал всех членов ЦК, все же о Троцком отозвался более похвально.

С августа 1924 г. была и конспиративная «семерка»: «тройка» плюс Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, М.П.Томский, В.В.Куйбышев. Она собиралась перед заседаниями Политбюро и решала все принципиальные вопросы. Позже в своей автобиографии Троцкий писал о развернувшейся против него закулисной интриге во главе со Сталиным: ...Это подлинный заговор. Создано было тайное Политбюро («семерка»)... Все вопросы предрешались в этом тайном центре, участники которого были связаны круговой порукой. Они обязались не полемизировать друг с другом и в то же время искать поводов для выступления против меня. В местных организациях были такого же

рода тайные центры, связанные с московской “семеркой” строгой дисциплиной»²⁴⁰. Троцкий в руководстве партии был изолирован.

Между тем Сталин, ставший в апреле 1922 г. Генеральным Секретарем РКП(б), функции которого, как предполагалось, должны были иметь чисто организационно-технический характер, начал превращать эту должность в инструмент сосредоточения власти в собственных руках. Уже на начальном этапе «генерального секретарства», в 1922 г. при живом Ленине, в центральных учреждениях из коммунистов выделялись неофициальные «тройки», которые должны были выполнять указания Генсека. 24 октября 1922 г. коллегия Наркомата иностранных дел рассматривала вопрос о компетенции «тройки», которой предоставлялось право решать персональные вопросы и назначения по НКВД и полпредства (за исключением ответственных должностей). Вскоре нарком Г.В.Чичерин писал советскому полпредству в Китае Л.М.Карахану: «Вы напрасно думаете, что какие-то “представители НКВД” входят в Комиссию. Тройка “от Сталина” решает все». В одном из писем тому же адресату Чичерин сообщал: «В центре всего чистка. Рабочие тройки чистят нерабочие ячейки. Происходят ужасные вещи. Все это расстраивает до крайности»²⁴¹.

Став Генеральным секретарем партии, Сталин превратил эту должность в важнейший пост в политической системе государства, подчинял себе Политбюро и Оргбюро ЦК, занимавшееся выдвижением и распределением руководящих кадров основных партийных и государственных звеньев, превратил Секретариат ЦК из технического аппарата в политический, хотя до поры до времени это отрицалось. (Так, на XIV съезде партии, К.Е.Ворошилов на требование сделать Секретариат техническим, подчиненным Политбюро органом, заявил, что Секретариат таковым и является, «никакой политической не занимается») ²⁴². Сталин сам подбирал сотрудников по принципу преданности ему, увольнял тех, в ком

сомневался, особенно заподозренных в симпатиях оппозиционером. Соратники Сталина, конечно, понимали его намерения в отношении Секретариата. Возникло беспокойство за собственную судьбу.

Позиции Сталина в схватках за лидерство укреплялись и с помощью селекции секретарских кадров губернских, уездных и городских партийных комитетов. Результаты выборов секретарей все больше зависели от «рекомендации» ЦК. На XII съезде РКП(б) Е.А.Преображенский говорил, что 30% всех секретарей губернских комитетов были «рекомендованы» ЦК»²⁴³. А на наиболее крупные командные должности назначения производились непосредственно Политбюро и Оргбюро. Таких в 1924 г. было 3500. А всего в это время в ЦК (его Учетно-распределительном Отделе) были зарегистрированы 14800 руководящих работников²⁴⁴ (по другим данным до 20 000).

Л.Д.Троцкий считал, что «не Сталин создал аппарат, а аппарат Сталина». Это так и не так. Партийный аппарат, как сила, цементирующая и сплачивавшая партию, возник уже при Ленине. Сталин же превратил его в многочисленный бюрократический монстр, подчиненный лично ему, в орудие укрепления собственной власти. В дальнейшем партийный аппарат охватил своими щупальцами всю страну. Любая критика аппарата выдавалась им как направленная к подрыву партии и Советской власти.

Партийным аппаратом осуществлялся подбор делегатов на съезды и конференции РКП(б), принимавшие основные партийные решения. Из его представителей преимущественно и состояли эти высшие форумы партии. Например, работниками партийного аппарата были 55% делегатов XII съезда партии²⁴⁵. Во время партийной дискуссии 1923 г. Зиновьев на конференции петроградской губернской организации РКП(б) 1 декабря был откровенен: «Нам могли сказать: ЦК партии перед самым съездом, на котором его будут критиковать, переизбирать, подбирает себе делегатов, урезывает избирательные права членов партии. С точки зрения отвлеченной рабо-

чей демократии это издевательство над “демократией” Но нам это нужно было с точки зрения коренных интересов революции, с точки зрения пользы революции, — дать избирать только тем, которые являются настоящей партийной гвардией»²⁴⁶.

В поступившем 15 октября 1923 г. в Политбюро «Заявлении 46-ти», подписанном видными партийными и государственными деятелями*, говорится: «...Мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и “мирян”, на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни... свободная дискуссия внутри партии фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло»²⁴⁷

Чтобы понять, в чем была сила партийного аппарата, почему он мог манипулировать партийными массами и, в конечном счете, держать в своих руках всю политическую систему страны, следует обратиться к состоянию основного, рядового, состава партийцев. К концу гражданской войны в партии состояло 700 тысяч человек. Большинство вступило в ее ряды в 1918—1920 гг. В результате партийной чистки 1921 г., проведенной по решению X съезда РКП(б), было исключено 24,1% состава партии. Последующие чистки и сокращения приема привели к уменьшению численности коммунистов в 1922 г. еще на 11%, в 1923г. — на 25% по отношению к 1922 г., составив 66% от численности в 1921 г.²⁴⁸ Исключались коммунисты по причинам пассивности, злоупотребления властью, взяточничества, карьеризма, пьянства. Об одной из причин Ленин писал в мае 1922 г.: «Едва ли кто-либо не слышал о том, что чистка партии вскрыла, как преобладающий факт, в большинстве местных проверочных комиссий сведение личных и местных счетов на местах

---

* Е.А.Преображенским, Л.П.Серебряковым, А.Г.Белобородовым, А.П.Розенгольцем, В.А.Антоновым-Овсенко, И.Н.Смирновым, Г.Л.Пятаковым, Н.И.Мурановым, Т.В.Сапроновым, Л.С.Сосновским и др.

при осуществлении чистки партии. Это факт бесспорный и достаточно знаменательный»²⁴⁹.

В начале 1924 г. в партии насчитывалось 350 тысяч членов и 122 тыс. кандидатов²⁵⁰. Так называемый «ленинский призыв» сразу увеличил число членов партии на 200 тысяч, а в 1926 г. уже было свыше миллиона коммунистов и кандидатов партии. Секрет «массовости» был не только в том, что в нее хлынули карьеристы и люди, рассчитывавшие «с помощью партийного билета» улучшить свое материальное положение. (Уже тогда появилась поговорка: «хочешь жить — плати партвзносы»). В партию шли и субъективно-честные люди, стремившиеся активно участвовать в политической жизни, как-то проявить себя. Однопартийная политическая система оставляла им для этого одну только возможность — стать членом единственной партии. Об этом говорилось на XI съезде РКП (выступление Г.Е.Зиновьева): молодой крестьянин, побывавший в городе, городской мещанин, деклассированный рабочий — все такие элементы, желающие активно участвовать в политической жизни, «натываются на барьер, который называется РКП... и они начинают сначала одной ногой, а потом и обеими входить в партию; им кажется, что они коммунисты. Явление это массовое, стихийное»²⁵¹.

Одна из задач «чисток» — «улучшать» социальный состав партии за счет увеличения ее рабочей части. Формально это достигалось. Так, если в начале 1921 г. рабочих было 41% всех коммунистов, то к началу 1924 г. — 46%²⁵². Процент рабочих имел тенденцию к росту и за счет некорректности статистики: являясь рабочим при вступлении в партию, коммунист в дальнейшем считался им, какой бы пост он не занимал. Огромные массы бюрократов-партийных и государственных руководителей, да и рядовых чиновников продолжали учитываться как «рабочие», хотя они давно уже ими не были.

Образовательный уровень основной партийной массы был крайне низким и мало менялся в 20-е годы.

**Изменения в уровне образования коммунистов
в 20-е годы (в %)²⁵³**

<i>Группы</i>	<i>1922</i>	<i>1927</i>
С высшим образованием	0,68	1,06
Со средним образованием	6,99	8,22
С низшим образованием	80,11	66,56
С домашним образованием	10,46	23,49
Неграмотные	1,37	0,66

Хотя процент коммунистов с высшим и средним образованием несколько увеличивался и сокращался процент неграмотных, тем не менее, в 1927 г. коммунисты неграмотные и с низшим (в том числе домашним) образованием составляли свыше 90% состава членов партии. Большинство партийцев с низшим и домашним образованием умели только читать.

Ставка на то, чтобы коммунистами, особенно если они «рабочие», укреплять партийный и государственный аппарат давала неизбежные результаты. Прежде всего они выражались в неуклонном снижении образовательного уровня партийных функционеров местных и центральных аппаратов РКП(б) – ВКП(б). Даже составы партийных съездов, штамповавших проекты решений, в этом отношении мало чем отличались. Так по данным мандатной комиссии XIII съезда РКП(б), 66,8% делегатов были с низшим образованием (17,9% со средним, 6,5 с высшим, остальные – самоучки)²⁵⁴. Партийному руководству такой уровень образования «мирян» и функционеров не внушал опасений. Выступивший на съезде секретарь Петроградского губкома партии Н.А.Угланов говорил: партия «хотя она на 70% с низшим образованием, но она понимает политику и знает, какую политику нужно вести... Партия рабочего класса, может быть, плохо-плохо умеет читать книжки, но она имеет гигантский жизненный опыт»²⁵⁵.

Особенно низким был образовательный уровень «ленинского призыва». Приток новых членов партии, необ-

разованных, малокультурных, неспособных разбираться в острых политических вопросах и иметь о них собственное мнение, усиливал позиции верхушечных групп РКП(б). Этому служила пресловутая партийная дисциплина с ее установками на неукоснительное исполнение решений высших партийных органов. Все это облегчало партаппарату возможность воспитывать членов партии в качестве «винтиков» партийной и государственной машины.

В то же время манипуляциями Сталина «старая партийная гвардия», большевики с дореволюционным стажем оттеснялись на задний план. Да и численность их резко сокращалась. В начале 1925 г. дореволюционный стаж имели всего 1,4% партийцев²⁵⁶. В материалах Учетно-распределительного отдела ЦК РКП(б) (1923 г.) читаем: среди «старых» много с расшатанным здоровьем, инвалидов, но главное — их «оттирают» молодые, более приспособленные к «нынешним условиям». «Молодой активный работник, выбранный на какой-нибудь Всероссийский съезд, совещание, конференцию, побывавший там, почерпнувший там кое-что, уже имеет громадное преимущество перед авторитетным, уважаемым организацией старым работником, не могущим внести ни в практическую повседневную работу, ни в доклады что-либо новое»²⁵⁷.

Формировался руководящий состав частично из «старых», но в большинстве из «молодых» коммунистов, ориентированных на Сталина. Значительная часть прослойки «молодых» руководствовалась возможностью получить какие-то привилегии от членства в правящей партии. По словам одного деревенского коммуниста, приведенными в «Правде», «многие смотрят на партию, как на пирог с начинкой»²⁵⁸.

В материалах, представленных совещанию по работе в деревне 17 февраля 1925 г., говорилось о росте количества заявлений в партию и тут же: в известной части подающих заявления имеется «стремление в партию и для того, чтобы заручиться от безработицы и чтобы получить возможность быстрее продвинуться по службе и занять более неуязвимое положение и для того, чтобы

быть командированным в какой-нибудь ВУЗ или рабфак на учебу. Существование до последнего времени положения, что коммунисту значительно более чем беспартийному обеспечивалось “избрание” и назначение на всякую должность, что он как будто (несет) меньшую ответственность перед избирателями создает почву для нездоровой тяги в партию»²⁵⁹ Именно на «молодых» коммунистов и пополнение из них руководящих органов партии рассчитывал Сталин.

Наличие в составе Политбюро сторонников Сталина и явных или потенциально недовольных им очень беспокоило Ленина, опасавшегося, что это может привести к расколу партии. В «Письме к съезду» (23 декабря 1922 г.) он предложил увеличить число членов ЦК до 50-100 человек «для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии»²⁶⁰. Это предложение было реализовано: состав ЦК был расширен. Однако не это предотвратило открытый раскол. Увеличение числа членов ЦК, когда подбор их определялся самим Сталиным, не мог существенно влиять на взаимоотношения в руководящем органе. Пользуясь преимуществами, которые создавала должность Генерального секретаря, Сталин получал большинство при решении всех вопросов. Принимавшиеся «директивы» выдавались как принятые Политбюро, Оргбюро, Центральным Комитетом в целом.

Уже во время болезни Ленина Политбюро игнорировало его рекомендации. В последние месяцы его жизни Н.К.Крупская с горечью писала Г.Е.Зиновьеву: даже самые близкие к Ленину товарищи по работе мало считаются с его мнением, искажают его²⁶¹. Крайняя централизация партии создавала ее верхам исключительные возможности для руководства ею методами полновластия. На XI съезде РКП(б) В.В.Косиор констатировал: «Система управления нашей партией осталась той же бюрократической, той же приказной и до известной степени военной, какой она была во время периода войны»²⁶². Да и

Сталин признавал (декабрь 1923 г.): После двух лет нэпа сохраняются еще «пережитки военщины в партии», «когда боевые приказы имели решающее значение»²⁶³. Л.Б.Красин на XII съезде заметил: «"Верхи" партии продолжают действовать как подпольная организация»²⁶⁴. Такое впечатление создается и у историка, знакомящегося в архивах с документами «верхов». На многих из них пестрят пометки: «секретно», «строго секретно». Лишь часть решений доводилась до партийных масс. Оргбюро ЦК 30 ноября 1922 г. ограничил круг лиц, которым рассылались выписки из протоколов ЦК, партийных комитетов. Запрещались письменные ссылки в советском и профсоюзном делопроизводстве на постановления партии. 8 февраля 1923 г. это было подтверждено решением Политбюро о порядке хранения секретных постановлений ЦК РКП(б)²⁶⁵. Виновные в нарушении этого порядка несли строжайшую партийную и государственную ответственность. Усилению власти центральных партийных органов над местными способствовала обязанность секретарей партийных комитетов ежемесячно направлять личные «строго секретные» письма на имя секретаря ЦК. В свою очередь, местные партийные комитеты воспринимались рядовыми членами как органы власти, решения и указания которых обязательны для выполнения, что создавало отчужденность между ними. Об этом писал летом 1922 г. секретарь Сибирского Бюро ЦК И.И.Ходоровский в письме, разосланном губернским и районным комитетам партии: районные партийные комитеты «не являются в настоящее время теми центрами, куда члены партии, а также беспартийные приходили бы, как это было в первые два года революции, со своими нуждами и запросами или хотя бы с целью отдохнуть, узнать последние новости и т.д.»²⁶⁶.

Прогрессирующее разложение многих партийных организаций, начавшееся еще в годы гражданской войны, продолжалось и после перехода к нэпу. Поступавшие в ЦК РКП(б) сообщения о состоянии местных организа-

ций полны сведений о распространении в них пьянства, склок, конфликтов. Секретари губкомов сообщали: «самогон льется рекой» (Рязань), «усиливается пьянство среди ответственных работников», «на почве пьянства разложилась ГПУ» (Кустанай), «пьянство в организации приводит к уголовным преступлениям, растратам, взяточничеству» (Тюмень, Астрахань)²⁶⁷. Частно-хозяйственная стихия способствовала разложению коммунистов. Печать сообщала о коррумпированности, подлогах, незаконных поборах коммунистов. Пленум ЦК РКП(б) 26 апреля 1925 г. в своем постановлении констатировал: «Нахождение партии у власти порождает у многих членов ее увлечение властью и игнорирование законных прав и интересов населения, а также их безответственность и недопустимо-презрительное и незаконное отношение к беспартийным... Обнаруживается значительное количество случаев растраты коммунистами сумм тех государственных, кооперативных, профессиональных и других общественных организаций, во главе которых они стоят. Нередки случаи взяточничества. Господствует чрезвычайно легкое отношение к государственным интересам и кошельку»²⁶⁸.

Правящая партия находилась в перманентном кризисе, ее сотрясали дискуссии по важнейшим политическим и экономическим вопросам. Они вызывались отсутствием ясной перспективы путей и методов движения к «заветной цели», а также условиями внутрипартийной жизни. Отсюда — разногласия и возникновение различных оппозиционных течений. К этому добавлялся крах иллюзий на подъем европейской революции. Все оппозиционеры и партийное руководство, возглавляемое Сталиным, были едины в вопросе о неизбежности диктатуры партии, отождествляемой с диктатурой пролетариата. Глубочайший же смысл всех дискуссий — разногласия по вопросу как удержать власть партии, а точнее — ее тонкого правящего слоя в стране крестьянской стихии. Все были едины в том, что для удержания власти необходимо всемерно укреплять руководство партии. На XII съезде

РКП(б) «главный оппозиционер» Троцкий вынужден был заявить: «Поскольку мы осудили на этом съезде всякий намек на ослабление руководства партии... я заявляю, что в отношении резолюции, которая говорит о необходимости укрепления и упрочения руководства партии во всех областях, я буду не последним в нашей среде в деле ее защиты, проведения и беспощадной борьбы со всяким, кто на нее покусится»²⁶⁹. Это прозвучало неискренне, так как отстаивая требования оппозиции, Троцкий на деле сам покушался на «прочность руководства партии».

Один из вопросов критики оппозиционерами сталинского руководства были нарушения в партии «принципов демократии». Существовавшая в партии в дореволюционное время известная демократия как бы по «традиции» соблюдалась и в первые послереволюционные годы. Членам партии позволялось иметь «свое мнение» даже отличное от мнения руководства. В партии шла внутрипартийная борьба, и это считалось нормальным. По мере же укрепления власти Сталина и расширения полномочий аппарата все меньше оставалось от «внутрипартийной демократии». Любое высказывание не совпадавшее с позицией сталинского большинства попадало в разряд «уклонов». Реже стали созываться съезды и конференции партии, превращавшиеся в парадные. Увеличивалось значение пленумов — более узких центральных партийных органов. Эти и другие нарушения «внутрипартийной демократии» вызывались не только целенаправленной волей руководства, но и самим характером партии, относившейся к демократии с точки зрения ее «классового содержания», т.е. ее приемлемости для партии. Конечно, о необходимости соблюдения демократии говорилось много, соответствующие положения содержались в постановлениях партийных съездов, конференций, но практика находилась в постоянном противоречии с этими официальными документами.

Еще на X съезде РКП(б) Н.И.Бухарин, выступая с докладом о партийном строительстве, говорил: «Там, где

пролетариат представляет из себя элемент в процентном отношении не особенно большой, там, конечно, должно быть меньше демократизма», в самой большой степени демократия допустима для передовых организаций пролетариата, дальше в зависимости от обстоятельств, дальше идет нисходящая линия демократии²⁷⁰. «Вожди», рекламировавшие свою приверженность демократии, в действительности опасались ее. Каменев на XI Московской партконференции в январе 1924 г. говорил об этом откровенно: «Сегодня говорят: демократия в партии; завтра скажут: демократия в профсоюзах; послезавтра беспартийные рабочие могут сказать: дайте нам такую же демократию, какую вы вызвали у себя. А разве крестьянское море не может сказать нам: дайте демократию. Поэтому я не желаю сие припечатывать»²⁷¹. Существовавшие в партии представления о демократии выразил на XIII съезде РКП(б) делегат Захаров, касаясь требования Троцкого расширить внутрипартийную демократию: «...Когда мы дадим возможность всем голосовать, разведем демократию, то наша партия начнет разлагаться, как разлагались когда-то эсеры. Там была полнейшая демократия: кто ни захочет, — вали, вступай, и в результате от эсеров ничего не осталось»²⁷².

Не в малой степени углублению антидемократизма партии способствовало принятое ее X съездом решение «О единстве партии», запрещавшее образование оппозиционных фракций и предлагавшее исключить оппозиционеров из партии. Переход к нэпу вызвал оживление экономических, политических и социальных интересов различных слоев населения, сказывавшихся на состоянии партии и создававших опасность ее единству. Съезд, принимая решение «О единстве», имел в виду конкретную ситуацию начала 1921 г. Это видно, в частности, из выступления Ленина на X съезде РКП(б), где он по поводу пункта решения, допускавшего исключение из партии членов ЦК Пленумом ЦК и ЦКК, заметил: «Это — крайняя мера, которая принимается специально в сознании опасности обстановки»²⁷³. Однако текст решения

оставлял возможность толковать его расширительно и во времени, и в отношении справедливых требований меньшинства. Не случайно К. Радек при обсуждении проекта резолюции многозначительно заметил: «Здесь устанавливается правило, которое неизвестно еще против кого может обернуться»²⁷⁴. Он как в воду глядел. Решение X съезда РКП, предусматривавшее меру чрезвычайную, обусловленную обстоятельствами времени, сделалось абсолютным законом партии. Оно использовалось для подавления инакомыслия в партии, а Сталин на него опирался в борьбе со всеми, кто в чем-либо не был с ним согласен, для концентрации в своих руках власти. Следует учесть, что решение запрещало пропаганду взглядов оппозиций, но не означало отречение от них, как это было истолковано в дальнейшем Сталиным в борьбе против своих оппонентов.

X съезд РКП(б) явился поворотным моментом в истории оппозиций в партии. До этого наличие оппозиции не считалось чем-то незаконным, враждебным. На VIII съезде партии Г.Е. Зиновьев говорил: «Оппозиция – вещь законная. Никто против этого ничего не имеет. Съезд для того и созывается, чтобы каждая группа нашей партии сказала свое мнение»²⁷⁵. Правом на оппозицию неоднократно пользовались. Достаточно вспомнить оппозицию «левых» коммунистов, особую позицию Троцкого и Бухарина в период Бреста, «военную оппозицию» – об исключении даже речи не было. На X съезде партии Ленин поддержал деловые предложения «рабочей оппозиции», направленные на улучшение материального положения рабочих, на борьбу с бюрократизмом и развитие демократизма. Активисты «рабочей оппозиции» А.Г. Шляпников, И.И. Кутузов были избраны членами ЦК, а А.С. Киселев – кандидатом в члены ЦК РКП(б). Примечательно: платформа «рабочей оппозиции» собрала на съезде всего 18 голосов, тем не менее ее лидер А.Г. Шляпников получил 354 голоса из 479²⁷⁶.

Но... «у страха глаза велики». Боязнь раскола, о возможности которого предупреждал съезд, вопреки официальной точке зрения о допустимости различных мнений, дискуссий, оборачивалась против инакомыслия — оно стало рассматриваться как подрыв «единства» и даже использоваться против оппонентов по чисто практическим вопросам. Все это объясняет то, что некоторая либерализация политической системы не коснулась ее стержневой основы — самой партии. Более того, внутривнутрипартийная жизнь ужесточалась. Обвинения в «уклоне», во фракционности стало той дубинкой, которой можно было бить по инакомыслящим. Борьба, как правило, начиналась в немногочисленной группе «вождей», от единства которой в огромной мере зависело единство партии. В письме Молотову от 26 марта 1922 г. Ленин писал: «В настоящее время пролетарская политика нашей партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в том слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»²⁷⁷.

Хотя с «рабочей оппозицией» было покончено, в руководстве партии оставалось немало недовольных его политикой. Открытым проявлением этого недовольства явилось уже упоминавшееся «Заявление 22-х», среди которых были и участники бывшей «рабочей оппозиции». Приведу выдержки из «Заявления», характеризующие методы, применявшиеся руководством против «инакомыслия» в партии. «...Наши руководящие центры ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры.

Стремление приблизить пролетарские массы к государству объявляется «анархо-синдикализмом», а сторонники его подвергаются преследованиям и дискредитиро-

ванию... Объединенные силы партийной и профессиональной бюрократии, пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения наших съездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии»²⁷⁸.

8 октября 1923 г. Троцкий направил письмо членам ЦК и ЦКК РКП(б), которым по существу сделал вызов Политбюро, Центральному Комитету, обвинив их в бюрократизации партийного аппарата, применении метода «секретарского отбора» кадров. Политбюро руководит хозяйством некомпетентно. Стало правилом назначать секретарей губкомов, секретарь же, став по существу независимым от местной партийной организации, в свою очередь проводит в пределах губерний все назначения, «секретарская иерархия» исключает откровенный обмен мнениями»²⁷⁹. 15 октября 1923 г. в Политбюро поступило «Заявление 46-ти», о котором уже говорилось. Письмо Троцкого в ЦК и «Заявление 46-ти» послужили толчком к ожесточенной внутрипартийной дискуссии, продолжавшейся два месяца в конце 1923 г. и начале 1924 г. Оба документа обсуждались 25-27 октября на расширенном заседании Объединенного пленума ЦК и Президиума Контрольной комиссии. Выступление Троцкого было признано глубокой политической ошибкой. Вскоре ЦК с участием Троцкого принял ряд решений, развитых 5 декабря в резолюции Политбюро и ЦКК о партийном строительстве: признано необходимым вести борьбу с излишествами, нэповским перерождением части партийных работников, с «мелкобуржуазным и сменовеховским обволакиванием» партии, говорилось о вербовке в партию «рабочих от станка», об укреплении и развитии внутрипартийной демократии, выборности снизу доверху всех должностных лиц, особенно секретарей. Резолюция требовала, чтобы руководящие органы прислушивались к голосу масс и не считали всякую критику проявлением фракционности. В какой-то степени резолюция шла в русле критических выступлений Троцкого, однако он не был удовлетворен ею и в декабре 1923 г. обратился к пар-

тийным организациям с письмом «Новый курс» — о политике внутрипартийной демократии. Письмо Троцкого и некоторые другие его статьи в «Правде» вышли отдельной брошюрой под заголовком «Новый курс». Основная мысль брошюры — при проведении в партийном строительстве «старого курса» центр тяжести передвинут в сторону аппарата, ныне же он «должен быть передвинут в сторону активности, критической самостоятельности, самоуправления партии как организованного авангарда пролетариата... Партия должна подчинить себе свой аппарат, ни на минуту не переставая быть централизованной организацией»²⁸⁰. Сам не в малой степени повинный в формировании командных методов управления, в создании властного «директивного» партийного аппарата, теперь он за то, чтобы этот аппарат был не над партией, а под ее контролем. Одна из предлагаемых им для этого мер — привлечение к руководству партийной молодежи, ориентироваться на нее. Молодежь — «вернейший барометр партии», она остро реагирует на бюрократизм. XIII партийная конференция, (16-18 января 1924 г.), заслушав доклад Сталина и в соответствии с ним, своей резолюцией закрепила позицию Троцкого и его сторонников как «явно выраженный мелкобуржуазный уклон», «прямой отход от ленинизма»²⁸¹. Новый еще более сильный вал критики Троцкого был вызван публикацией его очерка «Уроки Октября». Сложившийся в годы гражданской войны легендарный образ «создателя Красной Армии» в сознании многих размывался, ореол сник. Приближалось поражение Троцкого.

Особенно Троцкий был возмущен обвинениями в том, что он за свободу партийных группировок, нарушая тем самым постановление X съезда РКП(б) о запрещении фракций. На XIII съезде партии он попытался оправдаться: «Я никогда не признавал и не признаю свободы партийных группировок, ибо группировка есть в данных исторических условиях только другое наименование фракции». «Партия в последнем счете всегда права, потому

что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату... Я знаю, что быть правым против партии нельзя»²⁸². Кто-кто, но Троцкий прекрасно знал, что партию олицетворяет ее правящая верхушка, выходило, что несогласие с ней – это отрицание правоты партии, этим он подтвердил непогрешимость партии, точнее ее руководства и сам же осудил, не желая того, все оппозиции, всех их участников и самого себя.

В неопубликованной статье «Наши разногласия» Троцкий в ноябре 1924 г. решительно опровергал обвинения его (в частности Зиновьевым), будто бы он стремился ослабить руководящую роль партии в государстве, напротив, он за ее усиление, для чего, по его мнению, необходимо устранить нарушения внутрипартийной демократии²⁸³.

Требования демократизации партии раздавались и раньше. Так, накануне XII съезда РКП(б) полулегально распространялся проект реформы партии, не ограничивавшийся общими призывами к демократизации, в отличие от критических выступлений Троцкого, предъявлявший радикальные конкретные требования. Основные из них: «а) самостоятельность членов партии (свобода выбора занятий членами партии, свобода передвижения с места на место, прекращение перебросок и мобилизаций, ликвидация контрольных комиссий и т.п.); б) повсеместное сужение полномочий всех и всяческих узких исполнительных коллективов, передача их полномочий пленумам комитетов, общим собраниям, конференциям; в) строгое расчленение партийной и советской работы: партийные комитеты дают только основные директивы советским фракциям; г) центр тяжести работы партии в партийных учреждениях должен быть перенесен из госорганов в самостоятельные организации трудящихся (профсоюзы, кооперативы, культурно-просветительные кружки и т.д.); необходимо открыть действительно широкий беспрепятственный доступ беспартийным на все советские должности, в том числе выборные (речь идет о том, чтобы уничтожить монополии коммунистов на ответствен-

ные места, лишить партбилет значения патента и тем ослабить засорение партии карьеристами и развитие карьеризма, прислужничества, обывательщины в рядах партии); отказ от повторения “чистки партии”, как приема демагогического, не достигающего цели – механическая чистка должна быть заменена оздоровлением атмосферы партии: воссоздание в ней коллективной жизни и партийного мнения»²⁸⁴.

Критика руководства за нарушения «внутрипартийной демократии» и даже официальные решения партийных органов по этому вопросу реальных результатов не давали, да и не могли дать вследствие крайней централизации и полновластная системы управления партией. Провозглашавшийся организационный принцип построения партии – «демократический централизм» – звучал привлекательно, на деле же, как мы видели, о демократии шли только разговоры, на практике ее не было, был только централизм, при котором вся власть в партии сосредоточилась в узкой группе «вождей». Организационное построение партии исключало возможность существенных перестроек, реформ, которые могли оказаться опасными для власти этой группы²⁸⁵. На XIII партийной конференции Сталин неодобрительно сказал о «некоторых товарищах и некоторых организациях», которые «фетишизируют вопрос о демократии»²⁸⁶ (позже, на XIV съезде ВКП(б), он подчеркнул: «Разве товарищам из оппозиции не известно, что для нас, для большевиков, формальный демократизм – пустышка, а реальные интересы партии – все»²⁸⁷

Демократически ориентированные коммунисты под предлогом идейно-политического единства «выдавливались» из руководящих органов. Это вызвало у них беспокойство, настроения неуверенности. Характерно письмо А.В.Луначарского Л.Б.Красину, посланное 10 мая 1924 г. после ознакомления с письмом Красина в ЦК, в котором автор высказал крайнюю обеспокоенность положением в партии. А.В.Луначарский ответил ему, что

разделяет его беспокойство. «Я должен сказать, — писал он, — что большего распада я от нашей великой партии никак не ожидал. Люди начинают бояться друг друга, боятся высказать какую-нибудь новую свежую мысль, судорожно цепляются за ортодоксию... судорожно стараются заявить о своей политической благонадежности, а часто подтвердить ее бешеными нападениями на соседей». «Партия, как бы внезапно испугавшись соблазна нэпа для некоторых, решила свернуться, как свертывается молоко, сжаться в какие-то почти не соприкасающиеся с действительностью сгустки»²⁸⁸.

Образовавшаяся после XIV съезда ВКП(б) Объединенная «левая» оппозиция (Троцкий, Зиновьев, Каменев и их сторонники) продолжала резко критиковать «партийный режим». В июне 1926 г. Троцкий, откликаясь на статью Н.А.Угланова в «Правде», в которой автор рассуждал о сущности внутрипартийной демократии, писал в Политбюро, что со времени окончания гражданской войны и «военного коммунизма» прошло более 5 лет, в начале этого периода ЦК провозгласил курс на внутрипартийную демократию, затем этот курс неоднократно подтверждался. На самом деле в жизни он не проводился, «наоборот никогда еще режим партии не был пропитан в такой степени назначенством, командованием, подозрительностью, зажимом, т.е. всеохватывающим аппаратным началом, как теперь». «Несмотря на благоприятное изменение хозяйственной обстановки... партийный режим непрерывно менялся за последний период в сторону бюрократизации». «Сосредоточение полномочного партийного аппарата в руках все более суженного руководящего ядра порождает новое и чрезвычайно острое противоречие между ростом аппаратного могущества и ослаблением идейной силы руководящего центра. При этих условиях страх перед уклонами должен прогрессивно возрастать, с вытекающими отсюда последствиями, в виде так называемых организационных выводов, которые еще более сужают круг призванных к руководству и еще

более толкают их на путь бюрократизации партийного режима»²⁸⁹. Троцкий предупреждал: бюрократический режим неотвратимо ведет «к единоначалию». Да, все им сказанное соответствовало действительности, отражало самую суть внутрипартийного режима.

XV конференция ВКП(б) (26 октября – 3 ноября 1926 г.) объявила Объединенную «левую» оппозицию социал-демократическим уклоном в партии. Ее лидеры обвинялись в стремлении подорвать единство партии, что грозило ей расколом. Диссонансом прозвучала статья в теоретическом журнале партии «Большевик». Ее автор Я.А.Оссовский резонно ставил вопрос: возможно ли абсолютное единство Коммунистической партии, «которая одновременно является единственной легальной в Советском Союзе в то время, когда в экономике страны единство совершенно отсутствует»²⁹⁰. (Автор статьи был исключен из партии).

После XV конференции лидеры оппозиции обратились к своим сторонникам с письмом о внутрипартийном положении, в котором обвиняли ЦК, высших партийных чиновников в отсутствии какой-либо ответственности перед партийными массами, предупреждали об опасности «термидорианского» перерождения ВКП(б). В июне 1927 г. нелегально распространялось написанное К.Радеком воззвание «Термидорианская опасность и оппозиция». Первым признаком термидорианских тенденций, говорилось в нем, является стремление поощрять развитие производительных сил, независимо от их характера: социалистического или капиталистического. Основой развития капиталистических элементов является кулак. «Ему навстречу растет в городе нэпман, буржуазная интеллигенция, враждебная социализму». Кто в партии недооценивает их опасность – те являются представителями термидорианских тенденций, также как и те, кто, стремясь к развитию государственной промышленности, не заботится об участии пролетариата в руководстве ею и об улучшении положения рабочих, кто допускает в орга-

ны власти представителей кулака, нэпмана, сменовеховской интеллигенции, кто «уничтожает внутрипартийную демократию внутри ВКП(б)», «ставит партийные учреждения выше партии»²⁹¹. Воззвание, таким образом, обвиняет руководство в «термидорианском перерождении» с позиции «левых», четко выраженной в документе.

В отличие от лидеров «Объединенной оппозиции», твердивших об опасности «термидора», бывшие децисты (Т.В.Сапронов, В.М.Смирнов и др.) считали, что «термидор» уже произошел. Они критиковали «платформу» «Объединенной оппозиции» как примиренческую по отношению к сталинско-бухаринскому большинству ЦК. Летом 1927 г. они выступили с «Заявлением 15-ти», в котором утверждали, что уже нет ни власти Советов, ни диктатуры пролетариата, ни настоящей Коммунистической партии, власть в руках мелкобуржуазной бюрократии, превратившей рабочий класс в объект государственно-капиталистической эксплуатации. И приходили к выводу: нужно создавать новую рабочую партию.

Резко критически откликнувшись на тезисы ЦК ВКП(б) о готовившемся пятилетнем плане, группа «15-ти» 4 ноября 1927 г. дополнила свою платформу «контр-тезисами», излагавшими ее требования в вопросах экономического строительства, в частности: «В области сельского хозяйства обеспечить с помощью государственных средств такой рост производственного кооперирования деревни, при котором коллективные хозяйства (коммуны, артели, товарищества и пр.) совместно с совхозами могли быть крупным фактором нашего земледелия, сравнить свой удельный вес в сельскохозяйственной продукции и в товарообороте страны с весом помещичьих хозяйств в дореволюционной России. Одновременно с этим принять меры к очистке сельскохозяйственной кооперации в целом от кулацких элементов». Далее предлагалось пополнить ресурсы для «нашего экономического развития по социалистическому пути... за счет сокращения доходов потребления и накопления трех

основных слоев, враждебных пролетарской диктатуре — нэпмана, кулака, бюрократа...»²⁹². В общем это то, что вскоре будет осуществлять Сталин, но пока считалось «ультралевизной» даже Объединенной «левой» оппозицией: она обвиняла сторонников группы «15-ти» в сектантстве, авантюризме, особенно она акцентировала несогласие с требованием создания параллельной партии, в чем она сама обвинялась сталинским руководством. Тем самым она как бы подчеркивала несправедливость этого обвинения. Желая оправдаться, лидеры Объединенной оппозиции в «Заявлении» от 8 августа 1927 г. писали: «Мы будем выполнять все решения ВКП(б) и ее ЦК. Мы готовы сделать решительно все для ликвидации всех элементов фракции, образовавшихся в силу того, что в условиях извращения внутрипартийного режима мы были вынуждены бороться за доведение до партии наших действительных взглядов, совершенно неправильно излагавшихся в печати, читаемой всей страной»²⁹³.

«Оправдательные» доводы «левых» оппозиционеров их противники пропускали «мимо ушей». На объединенном пленуме ЦК и ЦКК (29 июля — 9 августа 1927 г.) Н.И. Бухарин, выступая против Троцкого и Зиновьева, «подрывавших монолитное единство» партии, восклицал: «Что если бы одна миллионная таких обвинений были предъявлены при Владимире Ильиче, потерпел бы Ильич хоть одну минуту? Мы начинаем привыкать к таким постановкам вопроса, к которым привыкать не имеем права, потому что это совершенно нетерпимые вещи. Они спекулируют этим, они занимаются политическим шантажем на этих лозунгах... чтобы сколотить себе политический капитал, не замечая того, что этим они сколачивают против партии и против диктатуры пролетариата в нашей стране такие силы, которые ничего общего не имеют и не будут иметь с действительно пролетарскими интересами»²⁹⁴.

4 ноября 1927 г. в Московском Высшем Техническом Училище состоялось собрание оппозиции — «большевиков-ленинцев». Троцкий здесь заявил: «На нас клеве-

шут, будто мы за две партии. Вторую партию создает Сталин — партию аппаратчиков и свистунов. Из этой партии он пытается удалить большевиков-ленинцев. Это он — раскольник», «мы за “реформы” внутри партии, но против “революции”, т.е. против раскола». Далее он обвинял «фракцию Сталина» в том, что она «постоянно действует под ударами двух кнутов. Удар кнута со стороны кулака — избирательная инструкция меняется в его пользу. Удар кнута со стороны оппозиции — инструкции отменяются. Но кулак не очень тревожится, ибо он уже фактически “врастает” — не в социализм, как об этом мечтал Бухарин, а в Советы, в кооперацию и т.д.»²⁹⁵.

Еще в 1926 г. Троцкий, Зиновьев и Каменев были выведены из Политбюро. Вместо Троцкого и Зиновьева в Политбюро введены В.В.Куйбышев и Я.Э.Рудзутак. В ноябре 1927 г. Троцкий и Зиновьев, организовавшие демонстрацию в Москве и Ленинграде по случаю празднования 10-й годовщины Октябрьской революции, исключены из ВКП(б), а их единомышленники — члены и кандидаты ЦК и ЦКК — из этих партийных органов²⁹⁶.

XV съезд ВКП(б) закрепил победу над Объединенным блоком, подтвердив, что принадлежность к оппозиции и пропаганда ее взглядов несовместимы с принадлежностью к ВКП(б). Сталин потребовал от оппозиционеров, чтобы они полностью «разоружились» идейно и организационно: «Либо так, либо пусть уходят из партии. А не уйдут — вышибем»²⁹⁷. И съезд «вышиб» 75 активных членов оппозиции и 23 членов группы Сапронова²⁹⁸.

К концу съезда Каменев и Зиновьев, уже исключенные, обратились к нему с просьбой вернуть их в партию, так как признают свои ошибки. Вскоре, в январе 1928 г., они заявили, что «разошлись с группой Троцкого непосредственно по вопросу о полном и действительном подчинении партии»²⁹⁹. Троцкий в книге «Моя жизнь» писал о своих временных единомышленниках Каменеве и Зиновьеве, что после демонстрации в Москве и Ленинграде их единственной заботой стало своевременно капи-

тулировать. «Они надеялись если не заслужить благоволение, то купить прощение демонстративным разрывом со мной в момент XV съезда. Они не рассчитывали, что двойной изменой политически ликвидируют себя. Если нашу группу они своим ударом в спину временно осложнили, то себя они обрекли на политическую смерть»³⁰⁰. Действительно, этой новой изменой они себя окончательно дискредитировали и объективно помогли властям развернуть преследование членов оппозиции. Сторонник Троцкого Х.Г.Раковский, сосланный в г. Астрахань, в письме «товарищу» 6 августа 1928 г. о причинах перерождения партийного и советского аппарата, отмечал, что «против оппозиции пускались в ход главным образом аргументы неудержимой демагогии. Агенты партии не стеснялись здесь выезжать и на антисемитизме и на ксенофобии и на ненависти к интеллигенции и т.д.»³⁰¹.

В разгроме Объединенной оппозиции, как до этого «новой оппозиции», вместе со Сталиным активное участие принимали Бухарин, Рыков и Томский, невольно создавая ему условия для уничтожения их самих и их единомышленников. Подробнее об этом – в разделе «От диктатуры партии – к диктатуре Сталина».

Так на протяжении 20-х годов усиливалось диктаторство ЦК ВКП(б), Политбюро в отношении внутрипартийной жизни. Оно шло под лозунгами борьбы с оппозициями, укрепления партийной дисциплины, необходимости преодоления колебаний, «неверия в возможность победоносного строительства социализма в СССР».

Таково было состояние Коммунистической партии с точки зрения ее внутрипартийной жизни, раздиравших ее нескончаемых политических баталий. К этому добавлялись происходившие в ней процессы разложения, о которых уже говорилось. К концу десятилетия, они достигли масштабов, давших оппозиционерам достаточные основания для утверждений о «перерождении партии». В упомянутом письме из ссылки «троцкист» Х.Г.Раковский заметил: «Я думаю, что не очень преувеличиваю, если

скажу, что партиец 1917 года вряд ли узнал бы себя в лице партийца 1928 года»³⁰². Конечно, в основе этого замечания автора письма – закономерность всех революций: «яд власти» меняет людей, борющихся за власть. Объективные причины «перерождения» сочетались с субъективными: «...Что случилось, – в форме вопросов констатирует автор, – с активностью партии и нашего рабочего класса, куда делись идейные интересы, революционное мужество... почему столь много подлости, трусости, малодушия, карьеризма... Как получается, что люди с богатым революционным прошлым, лично несомненно честные, дававшие неоднократно примеры революционной самоотверженности, превратились в жалких чиновников». Манипуляции партийного руководства цифрами для подтверждения успехов своих аппаратов автор называет «статистическим шарлатанством». «Откройте вы отчет XV съезда партии. Прочтите доклад Косиора об организационной работе, что вы там найдете? Я цитирую буквально: “Огромнейший рост внутрипартийной демократии... Колоссально выросла партийная и организационная работа” и т.д. Ну, конечно, в подкрепление этого цифры. И это говорилось тогда, когда в папках ЦК лежали дела, свидетельствующие о страшнейшем разложении партийного и советского аппарата, об удушении всякого контроля масс, о страшнейшем зажиме, гонениях, терроре, играющем и жизнью, и существованием партийцев и рабочих»³⁰³.

Еще в годы гражданской войны во взаимоотношениях РКП(б) и советского государства утвердилась практика подмены государственных органов партийными. VIII съезд РКП(б) в своей резолюции записал: «Свои решения партия должна проводить через советские органы в рамках Советской конституции. Партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их»³⁰⁴. Однако и после съезда вмешательство партийных комитетов в действия государственных органов, подмена их продолжались. IX съезд РКП(б) повторил решение VIII съезда по этому вопросу. Но положение не изменилось и

после перехода к нэпу. Это выражалось в монополизации партией власти, диктате партийных структур в государственных органах. В 1922 г. в руководстве РКП(б) были высказывания о ненормальности сложившихся взаимоотношений партии и государства. Они нашли отражение, в частности, в резолюции XI съезда РКП(б), где говорилось: в новый период «становится возможным и необходимым разгрузить партию от ряда вопросов чисто советского характера... партия должна провести гораздо более отчетливо разграничение между своей текущей работой и работой советских органов, между своим аппаратом и аппаратом Советов...»³⁰⁵. На деле «разграничения» не произошло. К тому же в самой резолюции повторялся тезис о «диктатуре партии».

Весной 1923 г. в ряде статей «Правды» поднимался вопрос о смешении функций партии и государства. Накануне XП съезда Т.В.Сапронов в статье «Партия и Советы» заявил: В условиях нэпа «партия может и должна отказаться от смешения функций партии и Советов... Политически Советы не только по форме, но и по сути должны остаться органами диктатуры пролетариата... Что касается партии, то она должна стать идейным вождем и политическим руководителем Советов»³⁰⁶. Л.Б.Красин в статье «Контроль или производство? (по поводу статьи тов. Ленина «Лучше меньше, да лучше») решительно возражал против гипертрофированных контрольных функций партии и утверждал, что «организация верхушки нашей партии, унаследованная нами от изжитого уже периода, не соответствует более тому громадному усложнению и количественному увеличению задач, разрешить которые приходится этим высшим органам партии». «Войну выиграла с колоссальной растратой средств и сил, и эти методы работы для теперешнего нашего строительства в значительной степени непригодны»³⁰⁷

В другой статье Л.Б.Красин писал, что политическая линия партии и государственной власти не должна мешать восстановлению производства, а для этого надо,

чтобы в государственном и руководящем партийном аппарате производственникам и хозяйственникам «была отведена по меньшей мере такая же доля влияния, как газетчикам, литераторам и чистым политикам... Верхи нашей партии до сих пор построены так, как это было два десятка лет тому назад, когда главная задача партии состояла в кидании лозунгов в массы, литературе, агитации, пропаганде»³⁰⁸.

Верхам партии, чистым политикам содержание статьи не понравилось, и они ее раскритиковали как «пораженческую» и содержащую «специальную инженерную точку зрения». Критика последовала со стороны представителей оппозиции. На XII съезде партии Преображенский, отражая настроения большинства делегатов, говорил: «если бы меня спросили, что я предпочитаю, чтобы чрезвычайно дельный и понимающий свое дело т. Красин подвергал нас опасности (в качестве, скажем, того же члена ЦК) неверного решения в самом главном и основном, или чтобы Зиновьев ошибся в том или ином хозяйственном вопросе, а в главном оказался прав, то я, ни на минуту не колеблясь, предпочту не особенно компетентное вмешательство т. Зиновьева в хозяйственные вопросы и буду против того, чтобы т. Красин подвергал нас коренной опасности»³⁰⁹. «Коренную опасность» видели в ослаблении монополии партии, в частности по руководству хозяйством. На съезде Г.Е.Зиновьев обосновывал необходимость сохранения диктатуры партии: «мы никак этой диктатуры, которую знали до сих пор, изменить не можем. И это не потому, что мы особенно ужасные диктаторы, а потому [что] все отношения сил не позволяют этого». В другом месте: «Диктатура пролетариата в форме диктатуры нашей партии есть абсолютная неизбежная необходимость, если мы не хотим, чтобы Россия пошла вспять». Вопрос о диктатуре партии не подлежит ревизии. И еще: «ЦК на то и ЦК, что он и для Советов, и для профсоюзов, и для кооперативов, и для губисполкомов, и для всего рабочего класса есть ЦК. В

этом и заключается его руководящая роль, в этом и выражается диктатура партии»³¹⁰. (Несколько позже, в вышедшей в 1925 г. книге «Ленинизм», Зиновьев писал: «Какова непосредственная пружина власти в СССР? Кто осуществляет власть рабочего класса?» Ответ однозначный: «Коммунистическая партия! В этом смысле у нас диктатура партии... диктатура партии есть фундамент диктатуры пролетариата»)»³¹¹.

Отвечая на «подкопы» под полновластие партии, Л.Б.Каменев на съезде заявил: «Тот, кто говорит против партии, кто требует разделения функции советского аппарата и партии, кто хочет нам навязать такое же разделение власти, какое в других государствах... Пускай-де советский государственный аппарат государствует, а партия пускай занимается агитацией, пропагандой, углублением коммунистического сознания и пр. Нет, товарищи, это было бы слишком большой радостью для наших врагов»³¹². Сталин в отчетном докладе ЦК на съезде дал как бы схему осуществления диктатуры партии через «щупальцев», проникающих во все сферы жизни страны через широкую сеть беспартийных массовых аппаратов»³¹³.

Троцкий предложил съезду свой проект резолюции, в котором писал: «XII съезд подтверждает резолюцию XI съезда относительно разграничения партийной и советской, в частности, хозяйственной работы, настаивает на более полном и систематическом проведении этой резолюции в центре и на местах»³¹⁴. По предложению Каменева это было вычеркнуто и в резолюцию вставлена формулировка: «партия должна отдать себе отчет, что в нынешний строительный, хозяйственный период революции руководство работой хозорганов в основных пунктах советского строительства является и должно являться основным содержанием работы партии»³¹⁵. В формулировке Троцкого его оппоненты усмотрели подкоп под руководящую роль партии в хозяйственном строительстве.

В передовой «Правды», посвященной прошедшему XII съезду РКП(б), говорилось: «...Нельзя скрывать от

себя того, что попытки через некоторое время вернуться к той же “новой” идее ослабления руководящей роли партии возможна и даже вероятна»³¹⁶.

После XIII съезда РКП(б) Сталин на курсах секретарей уездных комитетов при ЦК РКП(б) 17 июня 1924 г. неожиданно критикует «концепцию диктатуры партии»: «Нередко говорят, что у нас “диктатура партии” Видимо кое-кто из товарищей полагает, что у нас диктатура партии, а не рабочего класса. Но это же чепуха, товарищи. Если это верно, то тогда неправ Ленин, учивший нас, что Советы осуществляют диктатуру, а партия руководит Советами». Что касается того, что в резолюции XI съезда РКП(б) говорится о «диктатуре партии», то это выражение якобы в нее попало «по недосмотру»³¹⁷

Верно, конечно, что Ленин неоднократно говорил о том, что нельзя смешивать партийный аппарат с государственным. Но эта его мысль им же глушилась повторявшимися утверждениями о верховенстве партийной власти. А как понимать заявления Ленина: партия «господствует и должна господствовать над громадным государственным аппаратом», «пока управлять будет правящая партия», «мы после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую партию»³¹⁸. Или, как согласовать заявления Ленина, направленные против смешения партийного аппарата с государственным, с его предложением создать единый орган — Центральную Контрольную комиссию — Рабоче-Крестьянскую инспекцию (ЦКК-РКИ), — в котором сочетались бы функции партийного и государственного контроля? По существу это предполагало не разграничение, а еще большее слияние функций партийного и государственного аппаратов. XII съезд РКП(б), реализовавший предложение Ленина, в своем решении отметил, что это направлено к усилению роли партии в системе власти, чтобы партия «не на словах, а на деле могла осуществ-

влять направляющее руководство государственными и хозяйственными органами» путем создания «наиболее тесной организационной связи между руководящими органами государственного и партийного контроля»³¹⁹.

Можно согласиться с мнением В.А.Шишкина о том, что выпад Сталина против вчерашних союзников по поводу «диктатуры партии» был «пробным шагом», который открывал полуторагодичный период борьбы Генсека с ними, маскируемой, в частности, «теоретическими разногласиями»³²⁰.

Нападая на Зиновьева, Сталин обвинял его в том, что он – автор положения о «диктатуре партии», хотя оно присутствовало в официальных партийных документах, в том числе съездов партии, за которые он голосовал. В работе «К вопросам ленинизма» (1926 г.) он писал об опасности этого положения, так как оно ведет к беспрекословному подчинению беспартийных масс партии, к нажимному действию партийных кадров, к самодовольству партийных верхов, к диктатуре вождей³²¹. Все это уже тогда являлось не «опасностью», а реальностью. На словах отрицая «диктатуру партии», на деле Сталин ее осуществлял в своей практической партийно-государственной деятельности.

На XIV съезде ВКП(б), запутавшись в противоречиях, Сталин, с одной стороны, подтвердил тезис о руководящей роли партии в системе диктатуры пролетариата, в то же время говорил, что нельзя смешивать партийность и государственность: глупо называть Политбюро высшим органом государства, более того – такая «путаница», льет воду на мельницу наших врагов. И повторяет: «Я хочу только сказать, что во всех основных вопросах нашей внутренней и внешней политики руководящая роль принадлежит нашей партии»³²².

В действительности оставалась монополия партии на власть, РКП(б) напрямую выполняла государственные функции. Термин «партия – государство» довольно точно выражает суть дела. И партия, и Советское государство

во многом не соответствовали этим политическим категориям: власть действовала не по государственным законам, а по партийным директивам (оформлявшимся в законы), партия же являлась не общественно-политической организацией, а ядром государственной машины. Полная ликвидация всех остатков небольшевистских партий в начале 20-х годов ставила РКП(б) вне всякого контроля других политических сил, диктатура партии, отождествляемая с «диктатурой пролетариата», использовала громадный административный и репрессивный государственный аппарат в качестве орудия осуществления своей политики.

В статье «О партии», опубликованной в «Правде» 6-7 ноября 1927 г., В.М.Молотов писал о безраздельном влиянии, политическом авторитете партии в стране, а роль других и прежде всего партий мелкой буржуазии «упала настолько, что на деле ни в одном крупном политическом событии остатки и осколки этих партий никакой заметной роли давно уже не играют». А как им было играть «заметную роль», когда они уже давно были ликвидированы властью, а члены их репрессированы. Об этом в статье умалчивается. И далее: «Даже в крестьянстве при всех противоречиях его социальных прослоек роль политических течений, враждебных пролетариату, настолько к настоящему моменту слаба, что ни о каком их оформлении в масштабе страны в целом не может быть сейчас и речи». И здесь умалчивается о причинах этого: репрессиях властей при малейших попытках добиваться этого. Как выразился на ленинградской областной партийной конференции 15 ноября 1927 г. М.П.Томский, «... в обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме. Кто этого не понимает, тот ни черта не понимает в диктатуре пролетариата, тот ничего не понимает, что такое большевистская партия»³²³.

Партия осуществляла руководство, вернее властвовала, расставив коммунистов на все ключевые посты государственного аппарата, они преобладали почти на всех наиболее ответственных должностях в управлениях государственных структур. Так, коммунистами были все наркомы, почти все члены коллегий и начальники управлений наркоматов (в ряде управлений эти должности занимали только коммунисты). Также и в местных государственных органах. Приведу на этот счет выдержку из отчета Учетного подотдела Наркомата юстиции РСФСР за период с 1 января по 1 апреля 1926 г.: «Как общее правило, подведомственные Народному Комиссариату Юстиции судебные учреждения укомплектовываются работниками, выдвигаемыми местными партийными организациями (крайкомы, обкомы, губкомы, укомы ВКП(б)). Независимо от сего, местные судебные учреждения укомплектовываются также и работниками, командированными ЦК ВКП(б)»³²⁴. По официальным данным, на 1 июля 1925 г. коллегия Наркомюста РСФСР полностью состояла из коммунистов, членами партии были 87,5% заведующих отделами, их заместителей и помощников, 98,1% председателей губернских, областных и краевых судов, 97,1% их заместителей и 87,4% членов судов³²⁵. Коммунистами были все члены коллегии Наркомфина РСФСР, 84,6% начальников управлений и их заместителей наркомата³²⁶. Осенью 1929 г. ЦСУ СССР провело статистический учет личного состава государственного аппарата, охвативший 80 тыс. государственных учреждений и свыше 1 млн. человек. Среди высшего управляющего состава коммунистов было 84,4%. Этот процент убывал по мере снижения должностей: в общей администрации он составлял 53,5%, в оперативном руководстве — 47%, в контрольно-инспекторской части — 43,7%³²⁷. Коммунисты возглавляли губернский и уездный советский аппарат. Так, в 1924/1925 г. ими были 72,9% членов уездных исполкомов (беспартийных — 27,1%) и 78,9% губернских (беспартийных — 21,1%)³²⁸.

Членов партии ставили и во главе низовых органов управления, причем с каждым годом их процент в руководстве нарастал. По данным НКВД, в 1923 г. в волостных исполкомах их было 45%, в 1924 г. — уже 65,1%³²⁹, в ряде мест этот процент был еще выше: обследование 1925 г. по 11 губерниям показало, что из 30 председателей волостных исполкомов членов и кандидатов РКП(б) — 29 и только 1 беспартийный³³⁰. Фактически большинство деревенских коммунистов занимали какую-нибудь Советскую должность. На XIV партийной конференции в 1925 г. секретарь ЦК В.М.Молотов привел данные, подтверждающие это: всего в деревне 154 тыс. членов партии, из них около 100 тысяч работают в советских и других деревенских аппаратах.

По нарастающей шел процесс замещения беспартийных коммунистами и на руководящих постах промышленных предприятий. Так в 1923 г. только 29% директоров заводов были членами РКП(б), а в 1927 — 75,1%; в 1925 г. — коммунистами были 73,7% членов коллегий трестов, 81,5% членов коллегий синдикатов, в 1927 г. — соответственно 82,9 и 96,9%³³¹.

Да, Орджоникидзе имел все основания констатировать на XV съезде партии: «Соваппарат в наших руках... он — наш аппарат». Это же он повторил на XVI съезде ВКП(б)³³². В подтверждение того, что советский аппарат — «наш аппарат», Орджоникидзе на XV съезде ВКП(б) привел цифры, показывающие неуклонный рост числа партийцев в составе командиров Красной армии — с 10,5% в 1920 г. до 54% в 1927 г. Среди отдельных групп ее командного состава с 1924 по 1926 г. процент коммунистов среди командиров рот увеличился с 40,5% до 52, командиров полков — с 41 до 51,2, дивизий — с 45 до 54,7, среди командиров корпусов коммунистов было 85%³³³.

И в системе хозяйственных органов все наиболее ответственные, руководящие посты занимали коммунисты — как в ВСНХ, так и в средних и низших звеньях управления. На XVI съезде ВКП(б) Орджоникидзе при-

вел такую цифру: коммунистов в оперативно-руководящем персонале и промышленности 76%³³⁴. Предприятия вынуждены были нести расходы по содержанию разраставшегося партийного аппарата. Это обеспечивалось коммунистами – управленцами. 13 апреля 1924 г. председатель ВСНХ СССР Ф.Э.Дзержинский писал в секретариат ЦК РКП(б): «Наши хозяйственные органы несут значительные расходы по требованию и на нужды парторганизаций. Заводы и хозорганы должны платить по самым разнообразным титулам: 1. Оплата партработников жалованием, хотя в производстве они не участвуют (секретари ячеек РКП, секретари ячеек РКСМ, женские организаторы и пр.). 2. Оплата партийных командировок. 3. Сохранение полного содержания за откомандированными в совпарткомы. 4. Бесплатный отпуск парторганам различных материалов. 5. На партийные культурные и пр. и пр. Считая такое положение абсолютно ненормальным и вредным и для партии и для хозорганов, прошу об издании соответствующего циркуляра»³³⁵. «Соответствующего циркуляра» не последовало.

В тех случаях, когда приходилось ставить во главе хозяйственного ведомства беспартийного специалиста, при нем в качестве заместителя назначался член партии, который должен был контролировать действия руководителя или даже заменять его, другими словами, «руководить руководителем». Как уже отмечалось, на XIII съезде партии секретарь РКП(б) Молотов сообщил, что около 40% членов партии работали в государственном, хозяйственном, профессиональном и кооперативном аппаратах³³⁶. Они занимали руководящие должности.

Еще в мае 1924 г. А.В.Луначарский в письме Л.Б.Красину с беспокойством отметил, что в связи с проведением «Ленинского призыва» в партии благоприятное соотношение в ней пролетариев и непролетариев достигается «одновременным разгромом интеллигентской части партии»³³⁷. Это отразилось и на руководящем составе государственного аппарата. Курс на замену беспартийных спе-

циалистов коммунистами на управленческих должностях, вытеснение сторонников оппозиций, многие из которых имели высшее и среднее образование, негативно отражался на интеллектуальном уровне управленческих кадров. В целом он был низким. Так, в 1928 г. в Наркомфине среди членов партии, а именно они составляли руководство наркомата, — с высшим образованием было всего 17,6%, между тем среди беспартийных их было 67,8%³³⁸. По данным 1924–1925 гг., 75,4% членов уездных и 67,8% губернских исполкомов имели низшее образование³³⁹.

Академик В.И.Вернадский в июле 1929 г. в письме сыну на примере Академии Наук, где шла травля влиятельных беспартийных с целью замены их коммунистами, передавал свои наблюдения о моральной обстановке в правящей партии: в учреждения вносится сеть интриг, «прежде всего для жадной и нищей коммунистической толпы, живущей буквально одним днем, открывается место наживы: занятие мест. Начинаются доносы политического, идеологического происхождения и знакомств — и начинается чистка. На старые места садятся новые. И старые часто были плохие работники — уровень новых понижается, и для ведущих дело нет опоры»³⁴⁰. О том же писал Г.В.Чичерин в июле 1930 г. в записке В.В.Куйбышеву: «Чистка означает удаление хороших работников и замену их куда не годными»³⁴¹.

Не только руководители, но и рядовые члены партии в порядке строгой партийной дисциплины обязаны были поддерживать администрацию государственных ведомств. Беспартийные поэтому нередко относились к ним с опаской. Даже в органе ЦК «Правде» появлялись заметки с констатацией, что «ячейки и отдельные партийцы в глазах рабочих всегда выступают, как защитники администрации, увеличения норм выработки, всякого рода отчислений. Каждый коммунист считает своей обязанностью во что бы то ни стало оправдать в глазах рабочего всякую, даже явную несправедливость»³⁴².

Коммунистам предлагалось оказывать содействие органам ОГПУ в их репрессивной деятельности по отношению подозреваемых в нелояльности к Советской власти. В первые годы нэпа, когда еще ощущалось противостояние с меньшевиками и эсерами, на этот счет партийное руководство принимало специальные постановления, превращавшие партийные ячейки чуть ли не в придаток аппарата ГПУ 22 марта 1922 г. Политбюро утвердило постановление «О бюро содействия ГПУ при кооперативных и хозяйственных организациях». Они создавались в учреждениях Наркомата труда, кооперативных и хозяйственных органах «в целях отстранения из них эсеров и меньшевиков». Они должны были брать их на учет и оказывать «полное содействие органам ГПУ» в даче им нужных справок, указаний и т.д. по всем вопросам, содействие поступлению на службу секретных сотрудников ГПУ, по указанию и под руководством органов ГПУ проводить наблюдение за подозрительными эсеров-меньшевицкими элементами, предоставлять секретным отделам ГПУ систематическую информацию об «эсеров-меньшевицких проявлениях в вышеуказанных учреждениях». 4 июня 1922 г. за подписью секретаря ЦК Молотова губкомам и обкомам направлен циркуляр «О мерах борьбы с меньшевизмом». Подтверждалась обязанность всех членов партии немедленно давать органам ГПУ сведения об известной им работе эсеров и меньшевиков, приступить «в порядке партийного руководства профессиональными, кооперативными, советскими и хозяйственными органами к систематическому снятию их из профсоюзов, потребительской кооперации, трестов, страховых органов, ВТУзов и органов НКПС, Наркомпочтеля, НКВТ, НК труда, НКИД»³⁴³. Вскоре последовало циркулярное письмо всем местным партийным организациям фактически запрещавшее прием в партию выходцев из других партий: «Заявления не принимать, не рассматривать»³⁴⁴.

Политбюро ЦК манипулировало государственными структурами вплоть до высших, не только определяло их

государственную политику, но и регламентировало повседневную работу. Так, 2 февраля 1922 г. Политбюро постановило, что наркомы могут передавать дела во ВЦИК лишь после предшествующего решения ЦК, «для того, чтобы ВЦИКу не приходилось менять своих решений»³⁴⁵. 15 марта того же года Политбюро приняло постановление, установившее порядок прохождения законопроектов через Президиум ВЦИК и Совнарком³⁴⁶. Народные комиссариаты давали ЦК отчеты о своей деятельности³⁴⁷.

На XIII съезде партии Г.Е.Зиновьев заявил: «Всякий понимает, что наше Политбюро есть основной орган государства» и как бы в качестве иллюстрации этого привел статистику рассмотренных вопросов на пленумах ЦК и Политбюро в период с 25 апреля 1923 г. по 1 мая 1924 г. Из всех вопросов (всего 3923) чисто политические составляли 7,3%, большинство остальных относились к компетенции государственных органов (хозяйственные — 26,8%, советского строительства — 13,5, Наркомата иностранных дел — 17,2, должностные назначения — 9,7%)³⁴⁸.

В период с XIII по XIV съезды партии из 920 вопросов, рассмотренных Оргбюро ЦК, организационно-партийные составляли всего 18,2%, остальные относились к распределению и перемещению работников партийного и советского аппаратов (33,2%), вопросам профсоюзов (2,5%) и кооперации (0,9) и прочим. В тот же период Секретариат ЦК рассмотрел 4941 вопрос, из них организационных всего 8,1%. Основная масса вопросов относилась к перемещениям и распределению партийных и советских работников (45,4%), остальные к работе советских органов, профсоюзов, кооперации и проч.³⁴⁹

В повестке дня Политбюро включались десятки вопросов, наряду с крупными внутривластными и внешнеполитического характера — мелкие и даже случайные. Принятие любого решения государственными, хозяйственными, профсоюзными органами требовало предварительной партийной санкции. Все законы, принятые высшими органами власти страны, являлись по

существованию юридическим оформлением постановлений партийного руководства. На XVI съезде партии Н.В.Крыленко об этом сказал так: «Наши законы, — это форма, в которую партия облакает свою волю. Все акты нашей партии... все основные лозунги нашей партии немедленно находили отражение в советских законах. Эти законы есть не что иное, как указания партии»³⁵⁰. Все правительственные ведомства, начиная с Совнаркома СССР, а также ВЦСПС обязаны были регулярно высылать в Бюро Секретариата ЦК краткие отчеты заседаний коллегий, президиумов, отчеты о деятельности за определенный отрезок времени. На всякой случай следовали «напоминания». В качестве примеров приведу несколько циркуляров, исходивших из Бюро Секретариата ЦК. 15 июня 1923 г. «по поручению т. Сталина» (и, конечно, «совершенно секретно») с нарочным послано всем наркомам требование «не позже 4-х часов следующего дня прислать краткий отчет... о важнейших явлениях (успехах и недостатках) в деятельности Вашего ведомства за май-июнь 1923 г.». По этому же трафарету послано требование 17 сентября: прислать отчет «не позже 4-х часов дня 18-го за июнь-август и половину сентября»³⁵¹. Вот некоторые факты, на первый взгляд незначительные, но они высвечивают соотношение власти государственной и партийной. 13 марта 1925 г. на Секретариате ЦК стоял вопрос: «Просьба Совнаркома СССР о выдаче разрешения на выписку в 1 экземпляре белогвардейских изданий: “Социалистический Вестник”; 2. “Архив русской революции”; 3. “Руль”; 4. “Последние Новости”». Постановление Секретариата: «Разрешить Совнаркому СССР получать в 1 экземпляре перечисленные издания»³⁵².

Документ, думаю, не требует комментариев.

В ЦК шли запросы редакций газет с просьбами дать указания в отношении поступавших материалов, по которым имеются сомнения политического характера. Из ЦК поступали «директивы»: от напечатания такой-то

статьи воздержаться, такой-то материал опубликовать срочно, «в первоочередном порядке» и т.д.³⁵³

Созданная система секретности охватила чуть ли не все вопросы, касавшиеся деятельности как партийных, так и государственных, и хозяйственных органов. Оградив себя завесой секретности, власть, прежде всего партийная, делала малодоступными народу сведения об истинном положении в партии, государстве и в мире. С середины 20-х годов партийные, государственные и другие учреждения, не говоря уже о «простых» гражданах, были лишены возможности знакомиться с зарубежной, особенно белоэмигрантской, печатью. Выборочные сводки из нее подготавливались в Секретариате ЦК и по особым спискам направлялись в ведомства. Секретариат ЦК решал, каким государственным учреждениям и партийным организациям можно и каким нельзя пользоваться материалами, на которых устанавливался гриф секретности, причем доступ к ним, как правило, получал узкий круг партийных верхов. Рассмотрев 27 февраля 1928 г. список руководителей областей Украины, которым ЦК КП(б)У просил посылать «сводки белоэмигрантской прессы», Секретариат ЦК удовлетворил просьбу только частично, вычеркнув половину списка³⁵⁴. На просьбу бюро партийной ячейки и Правления Академии Коммунистического воспитания присылать «сводки белогвардейской прессы» 20 апреля последовало постановление Секретариата: «Отклонить»³⁵⁵.

Откровенное провозглашение диктатуры партии, диктаторство РКП(б) в отношении государства, всех его структур и общественных организаций порою порождало у некоторых руководителей сомнения, насколько это правильно. В феврале 1924 г. А.И.Рыков при вступлении на должность председателя Совнаркома СССР осторожно сказал о верховенстве государственных органов. Ф.Э.Дзержинский на XIV партийной конференции говорил о вреде, который вносит вмешательство партийных организаций в деятельность администраций предприятий. Ему

была подана записка: «Как быть с теми председателями треста или директорами заводов, у которых парторганизации требуют удаления того или другого специалиста, который не приносит пользы делу, а представитель треста упирается?». «Мне кажется, — отвечал Дзержинский, — что эта записка попала на один из самых больных вопросов. Действительно, нередко заводоуправления и директора заводов слишком зависят от наших партийных организаций. Если парторганизация слишком вмешивается, как это бывает по целому ряду случаев, во внутренние распорядки и персональный состав, то с председателя треста и директора завода снимается ответственность за это предприятие»³⁵⁶. 3 октября 1924 г. Г.В.Чичерин в записке к В.М.Молотову писал: «Вопрос о так называемом примате партии принимает настолько острый характер, что иногда серьезнейшим образом влияет на нашу работу и может повести к самым неприятным политическим последствиям»³⁵⁷

Как бы в противовес таким сомнениям, Сталин всячески подчеркивал превосходство партийного аппарата над государственным, по существу выражал недоверие последнему. В январе 1924 г. на XIII партийной конференции он утверждал, что государственный аппарат состоит «из элементов, большей частью чуждых партии», «наш партийный аппарат, имеющий не больше 20-30 тысяч человек» призван «подчинить партии государственный аппарат», призван «социализировать его. Чего стоит наш государственный аппарат без поддержки партии? Без помощи, без поддержки нашего партийного аппарата он мало чего, к сожалению, стоит»³⁵⁸. Не удивительно, что в партийной среде складывалось отношение к работе в государственном аппарате как к второразрядной по сравнению с работой в партийном.

Чтобы прочнее держать государственный аппарат в «своих руках», широко использовалось совмещение коммунистами партийных и советских должностей. Суть совмещения раскрыл Л.М.Каганович на XIV конференции РКП(б): «Секретарь губкома, член бюро губкома обычно

является членом Совета, обычно является членом президиума губисполкома. Он имеет полную возможность, присутствуя на заседаниях этих организаций, участвуя в их органической работе, осуществлять партийный контроль и руководство, и в случае, если он видит, что имеется тот или иной серьезный вопрос, требующий партийной санкции, он сговаривается с председателем Совета или исполкома, вопрос снимается и ставится на обсуждение губкома»³⁵⁹.

Дело было не в том, что государственный аппарат стремился «вырваться» из-под партийного руководства, как утверждал Сталин³⁶⁰, а в некомпетентности коммунистов, заполнивших все ответственные руководящие посты в государстве. Еще на XI съезде партии Ленин заметил: «Ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело», «мы хозяйничать не умеем», в результате чего «государственная машина вырывается из рук» и очень часто едет «совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины»³⁶¹.

В заключение необходимо подчеркнуть, что одной из причин негативного отношения партийно-государственного руководства к нэпу была объективная несовместимость новой экономической политики с всевластием партии. Руководящий состав государственного управления, состоявший в большинстве из коммунистов, волей – неволей втягивался в происходившую в ВКП(б) политическую борьбу, как правило, на стороне одерживавшей верх сталинской группировки. О том, как это сказывалось на работоспособности государственного аппарата, Г.В.Чичерин писал в июле 1930 г. в одной из своих записок В.В.Куйбышеву «С 1929 г. были открыты шлюзы для всякой демагогии и всякого хулиганства. Теперь работать не нужно, нужно “бороться на практике против правого уклона”, т.е. море склоки, подсиживания, доносов. Это ужасное ухудшение госаппарата особенно чувствительно у нас, где дела не ждут... демагогия

в наших “общественных организациях” стала совсем нетерпимой. Осуществилась диктатура языкочешущих над работающими»³⁶². К сказанному Чичериным нужно, однако, внести уточнение: «шлюзы для всякой демагогии» были открыты не с 1929 г., а гораздо раньше.

5. Общественные организации в условиях реформ

Составной частью советской политической системы являлись общественные добровольные (негосударственные) организации. В годы гражданской войны существовавшие до революции многочисленные общественные объединения под разными предложениями закрывались или становились по существу органами, подчиненными государству и выполнявшими его задания.

Либерализация политической системы после перехода к нэпу вызвала значительную социальную активность различных слоев населения. Это время поисков, новаторства, плюрализма в искусстве. Появились творческие объединения писателей, деятелей искусства, разных направлений союзы со специфическими задачами. Сохранившиеся старые организации – в основном это были научные и научно-технические общества – реорганизовывались с учетом новых экономических и политических условий, воссоздавались прежние часто под другими названиями и изменившимся характером деятельности. Возникали сотни общественных организаций, объединявших людей по их профессиональным интересам. Большинство из них состояли из небольшого количества членов, насчитывали всего сотни и даже десятки участников³⁶³.

В годовом отчете за 1922–1923 гг. Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, сохранившемся после революции, говорилось об изменениях, происходивших в это время: «В 1918 и 1919 гг. члены общества встречались в глухих закоулках и щелях

города без отопления, без света и еды, избегая передвижения по улицам. 1920 год был довольно плохим. Мы смогли сделать кое-что в 1921 г., но не очень много. В 1922 г. мы вернулись к полному размаху деятельности, и началось настоящее пробуждение. В 1923 г. наблюдался такой же прогресс»³⁶⁴.

Со временем возникли при поддержке властей политизированные объединения (Помощи политическим заключенным, Долой безграмотность, МОПР, Содействия жертвам интервенции, Союз безбожников, Друзей Воздушного флота и др.), включавшие довольно значительное количество членов. Из прежних общественных организаций, остававшихся массовыми, были профессиональные союзы, кооперация, религиозные объединения* — о них и будет идти речь в данной работе³⁶⁵.

Партийно-государственная власть искала подходы к взаимоотношениям с общественными организациями в реалиях нэпа. Принимались специальные постановления, дававшие им известную свободу деятельности и в то же время ограничивавшие ее идеологически-политическими рамками. Так, постановлением Президиума ВЦИК от 12 июня 1922 г. «О порядке созыва съездов, всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций»³⁶⁶ НКВД вменялась обязанность закрывать их в случае обнаружения в их деятельности признаков, противоречащих Советской Конституции и советским законам. Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 3 августа 1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и Союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и порядке надзора за ними»³⁶⁷ определялись требования для создания новых общественных объединений. 10 августа ВЦИК утвердил инструкцию о порядке их регистрации³⁶⁸. Согласно этим

---

* Массовой организацией был Союз Коммунистической молодежи (Российский, затем Всесоюзный), в данной работе он не рассматривается, поскольку по существу являлся молодежной частью большевистской партии.

актам, в двухнедельный срок с момента их публикации все общественные организации, кроме профсоюзов, обязаны были зарегистрироваться в органах внутренних дел и Советах. Не получившие квитанцию о благонадежности или признанные антисоветскими по своим целям и методам деятельности подлежали закрытию. Таким образом, был предусмотрен разрешительный порядок возникновения обществ (союзов) с последующим контролем за их деятельностью со стороны НКВД.

Над общественными организациями постоянно висела угроза закрытия под различными предлогами: политическая неблагонадежность учредителей, существование нескольких организаций с одинаковыми функциями, политическая деятельность, экономическое предпринимательство. ГПУ проверяло благонадежность печатных органов обществ.

Власти с открытым недоверием относились к общественным объединениям и их профессиональным съездам, состоявшим преимущественно из интеллигенции (Всероссийский съезд врачей, агрономический, съезд сельскохозяйственной кооперации, технические съезды и др.).

XII Всероссийская конференция РКП(б) в августе 1922 г. в постановлении «Об антисоветских партиях и течениях» указала, что легальные съезды и общественные организации «служат для эсеров и меньшевиков, а также для других контрреволюционных групп и течений, вплоть до конституционно-монархических, ареной для проведения этой последней тактики использования легальных советских возможностей»³⁶⁹. В постановлении конференции — прямая угроза репрессии «не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, коопера-

ции и т.д. являются только пустым словом, политическим прикрытием»³⁷⁰.

На общественные объединения партийно-государственные власти смотрели не с точки зрения их корпоративных интересов, а использования этих организаций для выполнения государственных задач. ЦК РКП(б) постоянно держал их в сфере своего внимания, навязывая им «партийное руководство». Принимались специальные постановления, определявшие порядок деятельности объединений, их цели, задачи и пр. Такими, в частности, были постановления «О характере и содержании работы МОПР'а в СССР» (7 февраля 1925 г.), «О добровольных массовых организациях» (16 февраля 1925 г.), «О помощи и руководстве организациями Общества друзей радио» (14 июня 1925 г.), «О работе добровольных обществ» (май 1927 г.).

В этих и других партийных документах об общественных организациях неизменно подчеркивались добровольность участия в обществах, необходимость развития самодеятельности, активности их членов, но наряду с этим — требования укрепления партийного руководства объединениями. Характерно постановление Оргбюро ЦК «О формах массовых организаций», принятое 16 февраля 1925 г. Оргбюро ЦК высказалось за слияние («в целях ликвидации параллелизма») и ликвидацию ряда организаций, подтверждало добровольность членства, предлагало издавать обществами преимущественно массовую дешевую литературу, доступную широким кругам трудящихся, работу проводить через существующие клубы, избы-читальни, причем она должна строиться «на началах большей самостоятельности местных организаций и отказа от стремления к излишней централизации» при обязательной отчетности выборных органов перед своими ячейками и не допуская «подмены самих общественных организаций партийными». Все перечисленное отвечало сути общественных организаций как добровольных и самостоятельных. И все же главная направленность постановления противоречила этому. Документ

пронизан мыслью о незыблемости «руководящей роли» партии в отношении этих объединений. Агитпропу ЦК совместно с Организационно-распределительным отделом поручалось производить обследования отдельных обществ, внести в Секретариат ЦК предложения о «формах дальнейшего руководства партией обществами, их организационных структурах, содержании работы, порядке возникновения новых обществ» и пр.³⁷¹

Руководство партийных органов общественными организациями преследовало цель — подчинение их деятельности задачам партии и государства, чем объяснялась оказываемая им помощь. Так, ЦК РКП(б) в связи с образованием Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции предложил в апреле 1924 г. всем партийным организациям способствовать образованию местных органов Общества и их деятельности, оказывать им материальную и техническую помощь «в пределах необходимости». Разъяснялась, в частности, такая необходимость в деятельности этого общества: «Следует иметь в виду, что наши претензии мы должны противопоставить претензиям иностранных собственников, требующих возмещения за убытки, нанесенные им революцией. Каждый “пострадавший иностранец” предъявляет нам в настоящее время требования об уплате возмещения. Необходимо, чтобы и граждане Союза СССР могли предъявить иностранным правительствам свои претензии за имущественные и личные потери, принесенные им интервенцией»³⁷².

В докладе председателя ЦК МОПР’а П.Н.Лепешинского, сделанном на заседании партийной фракции пленума этого общественного объединения 25 января 1926 г., раскрыта суть взаимоотношений МОПР’а с партией. «МОПР не мог и не должен представлять самостоятельной политической силы»; всякая «независимость» общественной организации в СССР «вредна и обречена на неудачу»; «новая общественность неудержимо влечется в сферу влияния партии и должна так или иначе обслуживать интересы партии. Всегда нужно помнить, что

МОПР есть не только выражение нашей коммунистической совести, но и нашего *коммунистического расчета*» (подчеркнуто мною — Е.Г.). В чем же этот расчет состоит? Докладчик разъясняет: Политическая работа МОПР'а «имеет международный характер и международное значение... МОПР является наилучшим способом подготовки сознания широких масс к восприятию идей коммунизма», «во многих случаях является хорошим предварительным средством для партийного работника завоевать доверие населения прежде, чем начать свою работу среди него более щекотливого свойства (например, по вопросу о налогах)». «МОПР успел уже доказать свою партийную лояльность и в более специфическом смысле этого слова. Без партийного внимания и без партийной поддержки МОПР — ничто»; «единственно на что мопровская верхушка претендует — это на своевременную дачу ей директив свыше...»³⁷³.

Эти пространные выдержки из обширного доклада руководителя МОПР'а с известными вариациями могли бы повторить и руководители многих других общественных организаций.

Поиски новых подходов властей, точнее РКП(б), в отношении общественных организаций, противоречивость их политики после перехода к нэпу наиболее наглядны на примере профессиональных союзов, насчитывавших в 1921 г. 8 млн. членов³⁷⁴. С этой массовой организацией приходилось больше считаться, чем с другими объединениями. С первых дней Советской власти шли дискуссии, споры в РКП(б), да и в самих профсоюзах: каковы их место в системе «диктатуры пролетариата», взаимоотношения с партией, государством, а нужны ли они вообще в «рабочем государстве»? Ведь само государство защищает интересы рабочих. Не останавливаясь на различных позициях диспутантов по этим и другим вопросам на протяжении 1918—1920 гг. — о них существует довольно большая литература³⁷⁵, — отмечу лишь, что кульминацией столкновения мнений была острая дискус-

сия о роли профсоюзов, развернувшаяся осенью 1920 г. К этому времени профсоюзы по существу потеряли характер добровольной общественной организации трудящихся. Ими командовала РКП(б). Идеологическим обоснованием этого был постулат Коммунистической партии: ее руководство охватывает не только государственные структуры, но и все общественные организации — они подчинены партии. Ленин отводил профсоюзам роль «помощников» партии, звена, связывающего партию с трудовой массой, «ремня», связывающего ЦК партии с членами профсоюзов. В конце гражданской войны в книге «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» Ленин констатировал: «Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую очередь, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (ВЦСПС — Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов) состоят из коммунистов и проводят все директивы партии»³⁷⁶. Профсоюзы превратились в разновидность государственных органов — как тогда говорили, они были «огосударствлены». Политика огосударствления профсоюзов подвергалась острой критике меньшевиками, вызывало разногласия среди руководства самой РКП(б), особенно проявившиеся в дискуссии конца 1920 г., когда со своими «платформами» выступили Л.Д.Троцкий, «рабочая оппозиция» (А.Г.Шляпников), «децисты» (Т.В.Сапронов, Н.Эсинский). Об этих «платформах» в историографии писалось многократно. Отмечу лишь, что при всех различиях они имели много общего, поскольку их авторы, даже те, которые выступали с противоположных позиций, все же не видели родовой связи критикуемых пороков взаимоотношений профсоюзов, государства и правящей партии со сложившейся «военно-коммунистической» политической системой, не ставили вопроса об отказе от нее. Различия в основном касались путей и форм «огосударствления». Ни одна «платформа» не посягала на «руководящую роль» Коммунистической партии, монополизм государства.

X съезд РКП(б) принял развернутую резолюцию «О роли и задачах профсоюзов». В ней в хронологическом порядке говорится о решениях, принятых по вопросу о профсоюзах Первым Всероссийским съездом профсоюзов, VIII съездом РКП(б) (в программе партии), IX съездом РКП(б), Вторым и Третьим всероссийскими съездами профсоюзов, — суть их: профессиональные союзы должны стать органами власти, должны в конечном итоге сосредоточить в своих руках управление народным хозяйством. Резолюция подчеркивала правильность задач, определенных во всех этих решениях. Считая, что государственные функции профсоюзов будут постепенно увеличиваться, съезд вместе с тем предостерегал от искусственного ускорения темпа огосударствления, «нисколько не улучшая хозяйственного положения республики». Особый упор в резолюции сделан на роль профсоюзов как «школы коммунизма». Они «должны обслуживать все стороны повседневной жизни трудящихся масс... всегда освещая им путь идеями нашей программы, ведя их от частных к общему, постепенно поднимая их от беспартийности к коммунизму»³⁷⁷ Подчеркивалась необходимость в профсоюзах «нормальных методов пролетарской демократии».

В целом съезд, оставаясь на старых позициях «огосударствления», поворачивал внимание профсоюзов к задачам восстановления народного хозяйства, но еще не связывал все это с сущностью нэпа. Это понятно, ибо идея нэпа находилась в «зародышевом» состоянии. У РКП не было концепции нэпа, поэтому не могло еще появиться понимание необходимости изменения задач профсоюзов в условиях новой экономической политики.

Понимание того, что новая экономическая политика требует от профсоюзов изменения методов деятельности, других взаимоотношений с хозяйственными организациями, прекращения непосредственного вмешательства в ход производства пришло не сразу. По мере появления частного сектора в промышленности возникали противо-

речия, конфликты между рабочими и предпринимателями. Конфликты происходили и на государственных предприятиях, переходивших на хозрасчет, что затрагивало материальные интересы рабочих. Особенно сильным оно было на транспорте. В июльской сводке (1921 г.) транспортного отдела ВЧК о положении на транспорте сообщалось: Петроградский округ: «в настроении рабочих остается прежнее недовольство и возбуждение, выливающееся в мелкие вспышки»; Юго-Восточная железная дорога: «брожение происходило по всей дороге, причем производительность пала до минимума. В мастерских невыход на работы достиг 50%»; Сызрано-Вяземская железная дорога: в июне «волнения пронесли по всей дороге»; Западная железная дорога: «отношение к РКП враждебное, можно ожидать в дальнейшем осложнений»; Южные железные дороги: в ряде мест рабочие приостанавливают работу; Владикавказская железная дорога: «возбужденные рабочие грозят бросить работы»³⁷⁸.

В связи с забастовками на транспорте фракция коммунистов Цектрана и транспортный отдел ВЧК направили секретный циркуляр комфракциям профсоюзов и руководству всех подразделений железнодорожного, водного и речного транспорта о проводимых НКПС совместно с Цектраном мерах по освобождению от «нежелательных» рабочих: сокращение штатов, «облегчение» переводов по службе. «Необходимо, — говорилось в циркуляре, — принять активное участие в проведении этих мер и воспользоваться ими для изъятия всех элементов, являющихся или могущих по своему социальному положению (крестьяне, бывшие лавочники и т.д.) явиться элементом разложения»³⁷⁹.

Приведенный документ показывает, что на транспорте и после перехода к нэпу партийные организации (комфракции), государственные органы (НКПС) и руководящий профсоюзный орган (Цектран) мыслили по-прежнему: недовольство рабочих пресекать и репрессивными методами. Так было и в других отраслях, также и в последующие годы. Вышедшее в 1998 г. коллективное

исследование «Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг.» впервые дает широкую картину разнообразных форм и методов трудовых конфликтов, рабочих волнений, в том числе забастовок, на предприятиях СССР в 20-е годы, вызванных низкой зарплатой, задержками ее выдачи, плохими условиями труда, заниженными расценками. Только в Петрограде, согласно информации Отдела Статистики труда Петроградского губпрофсовета, в период с июня по сентябрь 1922 г. на областном совете профсоюзов рассматривались около 1030 трудовых конфликтов³⁸⁰. Как видно из многочисленных архивных документов, зафиксированных в исследовании, реакция профсоюзов, как правило, была в партийно-государственных интересах.

В профсоюзах раздавались голоса о необходимости освобождения массовых организаций рабочих от полного подчинения РКП. В связи с этим М.П.Томский был смещен с поста председателя ВЦСПС за недостаточную решительность против подобных предложений. ЦК РКП(б) продолжал оставаться на прежней позиции.

Между тем знаменем времени была перестройка промышленных предприятий на основе хозрасчета. Постепенно восстанавливались системы денежной заработной платы, трудовых соглашений между рабочими и предпринимателями. В этих условиях профсоюзы стали заниматься вопросами по заключению коллективных трудовых соглашений с государственными и частными предприятиями от имени рабочих.

XI Всероссийская конференция РКП(б) (19-22 декабря 1921 г.) в резолюции «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства» отмечала, что работа профсоюзов должна целиком совпадать с новым курсом экономической политики по восстановлению и укреплению крупной промышленности, «как в направлении их широкой воспитательной массовой работы, так и в отношении участия профсоюзов в организации производства и труда на основе принципа хозяйственной целесо-

образности и расчета». Далее перечислялись конкретные вопросы хозяйственной жизни, в решении которых профсоюзам надлежало участвовать. В этой части резолюции трудно усмотреть изменение позиции партии. Однако есть в ней новый момент: подчеркнута необходимость энергичной защиты профсоюзами интересов труда в частных и арендованных предприятиях³⁸¹.

28 декабря 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) рассматривал вопрос о роли и задачах профсоюзов в связи с новой экономической политикой. Было поручено комиссии в составе Я.Э.Рудзутака, А.А.Андреева и В.И.Ленина выработать проект тезисов для внесения в Политбюро. Проект тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» в начале января 1922 г. был составлен Лениным. Один из его тезисов гласил: при государственном капитализме «противоположность классовых интересов труда и капитала остается безусловно. Поэтому одной из самых главных задач профсоюзов является отныне всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата в борьбе его с капиталом. Эта задача должна быть поставлена открыто на одно из первых мест, аппарат профсоюзов должен быть соответственно перестроен», должны быть образованы стачечные фонды. В связи с переходом государственных предприятий на хозрасчет и возникновением «известной противоположности» интересов между рабочими и администрацией, защита классовых интересов пролетариата ложится на профсоюзы и в отношении работающих на государственных предприятиях. Стаечная борьба — законное средство рабочих по защите своих интересов и может быть оправдана «исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства». Ставилась задача отмены принудительного поголовного членства всех работающих в профсоюзах. От вступающих в профсоюзы не следует требовать определенных политических взглядов — профсоюзы должны быть беспартийными. Вся полнота власти на предприятиях должна быть у заводо-

управлений, всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями недопустимо. Профсоюзы — «школа коммунизма» и как таковые участвуют в хозяйственных и государственных органах, связанных с экономикой, с совещательным голосом «через выдвинутых ими и утвержденных компартией и Соввластью» членов соответствующих управлений. Одно из противоречий положения профсоюзов при диктатуре пролетариата: «с одной стороны, их главный метод действия — убеждение, воспитание; с другой, они не могут отказаться, как участники госвласти, и от участия в принуждении». Это и другие противоречия, рассматриваемые в проекте тезисов, будут порождать конфликты, трения и т.п. Чтобы их немедленно разрешать нужна авторитетная высшая инстанция. Она названа: «Такой инстанцией является компартия и международное объединение компартий всех стран, Коминтерн»³⁸².

Тезисы Ленина — свидетельство значительного сдвига в понимании роли профсоюзов в условиях нэпа, в то же время они показывают, что полного отказа от прежних представлений (профсоюзы — участники государственной власти, верховенство компартии) не было.

Проект тезисов Ленина, в основном одобренный Политбюро, 17 января 1922 г. был опубликован в «Правде» как постановление ЦК РКП(б) к XI съезду партии, команда была дана, и 19 февраля пленум ВЦСПС принял решение о новых задачах профсоюзов в духе тезисов. В частности, в нем говорилось о переходе к индивидуальному и добровольному членству, о сокращении штатов союзных аппаратов, об отказе от государственных субсидий и о существовании за счет собственного бюджета, основанного из членских взносов³⁸³. «Новому курсу» соответствовали выступления руководителей профсоюзов с разъяснениями задач этих организаций. Так, М.П.Томский сразу же опубликовал статью, в которой писал, что важнейшая функция профсоюзов, ранее отодвинутая на задний план, — «защита экономических интересов рабо-

чих не только в отношении частного предпринимателя, но и в отношении администрации государственных предприятий». Новые задачи требуют больше чуткости к профсоюзным массам, больше знания повседневных условий их жизни и труда. Нужно перейти к новой союзной финансовой политике — от существования за счет государства к существованию за счет членских взносов, надо создавать особые фонды — стачечные, взаимопомощи, культурно-просветительные. Дискуссии, которые велись по вопросу — допустимы ли стачки на государственных предприятиях? — Томский называет талмудистскими, стачки и раньше проводились без разрешения, тем более не вызывает сомнения их допустимость теперь³⁸⁴.

Повторив все эти положения на XI съезде РКП(б), М.П. Томский обосновал также необходимость отказа профсоюзов от участия в управлении государственными предприятиями. Предоставление всем предприятиям — частным, смешанным, государственным — права маневрирования на вольном рынке безубыточно, говорил он, не допускает прежнего дуализма, когда управляли и хозяйственные органы, и профсоюзы. Двойственность управления, двойная ответственность выродились в безответственность. Главной задачей профсоюзов должна быть защита интересов работающих, причем не только на частных, но и на государственных предприятиях. Стачки нужно разрешить не только на частных предприятиях, но и на государственных. Возражая против двойственного подхода к забастовкам, М.П.Томский подчеркивал, что принцип должен быть один, и суть его в признании стачек в качестве метода борьбы за улучшение экономического положения рабочих. Однако профсоюзы должны пытаться не допустить развитие конфликтов до забастовок, разрешать их «мирным путем, т.е. посредством примирительных камер, третейского суда или еще чего-нибудь». Объяснял он это, исходя из ставшей уже стереотипом идеологемы: наша промышленность, в отличие от промышленности буржуазных стран, «рабоче-крестьян-

ская», «у власти стоит рабочий класс, он руководит этой промышленностью»³⁸⁵.

Что касается вопроса о взаимоотношениях партии и профсоюзов, — М.П.Томский его только коснулся, А.А.Андреев по нему сделал содоклад — то речь на съезде шла о необходимости укрепления всех руководящих звеньев профсоюзов коммунистами с дореволюционным стажем, что дало бы «возможность партии быть гарантированной от всяческих неверных уклонов на ответственной профессиональной работе»³⁸⁶. Практически это означало не ослабление «руководящей роли» партии, а ее усиление. Имелось в виду создать для партии «из профсоюзов твердые органы», которые в большей степени укрепили бы связь партии с широкими беспартийными массами.

XI съезд РКП(б) принял постановление о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики, в основе которого были тезисы ЦК (тезисы Ленина). Главной задачей профсоюзов отныне должна была стать «защита интересов трудящихся масс в самом непосредственном и ближайшем смысле слова», а главный метод действия — убеждение, воспитание. Вместе с тем оставалось старое представление о профсоюзах «как участниках госвласти» и об их участии в принуждении. Исключалось прямое вмешательство профсоюзов в управление производством. Устанавливались области профсоюзной компетенции: тарификация, коллективные договора, охрана труда. Допускалась забастовочная борьба рабочих, профсоюзы же должны были содействовать наиболее быстрому и безболезненному улаживанию конфликтов. Подтверждалась необходимость перехода от коллективного к добровольному индивидуальному членству. Съезд также принял постановление об укреплении руководящих органов профсоюзов опытными коммунистическими работниками³⁸⁷.

На Пятом Всероссийском съезде профсоюзов (сентябрь 1922 г.) «реабилитированный» М.П.Томский сделал доклад «Итоги новой союзной политики и очередные задачи профсоюзного движения». Он же возглавил

ВЦСПС, избранный на съезде. Доклад был в духе последних партийных решений по вопросу о профсоюзах. Подчеркивались негативные последствия забастовок. Съезд принял противоречивое решение: обязанность профсоюзов – принять меры для скорейшей ликвидации забастовок, начинающихся «стихийно или против воли союзных органов», они должны следить за повышением производительности труда и в то же время «безоговорочно защищать интересы трудящихся»³⁸⁸.

Пятый съезд профсоюзов прошел в целом в обстановке «единодушия». «Новый курс» не вызвал возражений и бывших оппонентов-оппозиционеров. «Единодушие» определилось и составом съезда: из 775 делегатов с решающим голосом присутствовало коммунистов 727, 46 беспартийных и 2 социал-демократа³⁸⁹. Диссонансом прозвучало лишь выступление в прениях левого эсера-интернационалиста Рябинина (делегат с совещательным голосом), заявившего, в частности, что «правящая Российская Коммунистическая партия разгромила революционно-социалистические партии и рабоче-крестьянскую общественность»; РКП стала «на реформистский путь» и подошла «к меньшевистской независимости профсоюзов», что прозвучало осуждением того и другого³⁹⁰.

Осенью 1922 г. ВЦИК принял новый Кодекс законов о труде. Кодекс 1918 г. уже не соответствовал условиям нэпа. За профсоюзами сохранялись функции охраны труда и защиты интересов трудящихся. На фабричные комитеты возложена обязанность «участия через посредничество соответствующих профсоюзов в регулировании и организации народного хозяйства»³⁹¹. Но все эти решения партийных и профсоюзных форумов не означали единства в руководстве по вопросу о функциях и задачах профсоюзов. На Московской губернской партийной конференции 22 ноября 1922 г. А.И.Рыков утверждал, что вопрос о профсоюзах еще не окончательно решен ЦК партии. «...В этом вопросе я стою за то, чтобы производственные союзы руководили производством, стою за пе-

редачу им власти. В этом отношении я стою на крайне левом фланге нашего ЦК». Профессиональные союзы «должны быть приспособлены к этой специфической задаче»³⁹² (т.е. осуществлению «власти», в управлении производством — Е.Г.).

«Новый курс» в отношении профсоюзов несколько оживил доверие к ним рабочих. В условиях развития частно-капиталистических отношений возникли надежды, что именно профсоюзы будут защищать экономические интересы рабочих. Эти надежды отражались во многих их резолюциях. Так, резолюция металлистов Коломенского завода гласила: «Мы, мастеровые, рабочие, работницы и служащие постановили: с появлением нового возрождающегося капитала, мы твердо и неуклонно заявляем, что профсоюз, как таковой, есть наша родная, рабочая организация, без которой при новой экономполитике обойтись не представляется возможным. Профсоюз — это единственный защитник рабочих, и посему мы все, как один человек, добровольно вступаем в члены профсоюза металлистов». Из резолюции саратовских печатников: «профсоюзы исторически являются органом защиты рабочего класса. Считаем необходимым каждому рабочему быть членом союза, ибо без профсоюзов немислимо существование рабочих и потому считаем себя всех членами союза»³⁹³.

С переходом на добровольное индивидуальное членство численность профсоюзов сокращалась, но в меньших размерах, чем можно было ожидать. Преимущественно сокращение шло за счет «чисток», исключения кустарей как «собственников орудий и средств производства». К январю 1923 г. численность профсоюзов сократилась почти в два раза — с 8 млн. в 1921 г. до 4,5 млн.³⁹⁴ Основная масса рабочих осталась в профсоюзах.

Итак, партийные решения — это шаг вперед в осознании необходимости отказа от огосударствления профсоюзов и признание за ними права на существование в качестве массовых независимых организаций трудящихся.

На практике, однако, отказа от командования профсоюзами не произошло. Руководство РКП(б) продолжало считать их «рычагами» партии. Полной свободы от опеки РКП(б) и государства профсоюзы не получили. Политбюро, ЦК партии своими решениями предваряли постановления Совнаркома, ВЦСПС, относившиеся к деятельности профессиональных союзов. Правительство возлагало на РКП(б) обязанность ревизовать денежные и другие материальные дела ВЦСПС и отраслевых союзов³⁹⁵. Оно продолжало финансировать ВЦСПС, правда, секретными своими постановлениями не в *сметном* порядке, а за счет своих резервных фондов³⁹⁶. Решения, указания центральных органов РКП(б) являлись директивами, подлежащими к неуклонному исполнению руководством всех союзных органов сверху донизу. Уже в годы гражданской войны оно в основном состояло из коммунистов. После перехода к нэпу заменялись коммунистами последние остатки беспартийных, остававшиеся еще во главе центральных и местных организаций. О «достижениях» этого целенаправленного курса говорят статистические сведения, подготовленные к XIV съезду ВКП(б): члены Президиума ВЦСПС – все коммунисты, в целом в руководстве ВЦСПС (70 человек) коммунистов 75,7%, коммунистов – членов президиумов ЦК союзов – 98,7%, а председатели и секретари – все члены партии, членов ЦК союзов (368 человек) – коммунистов 73,6%, членов советов профсоюзов (515 человек) – коммунистов 95,2%, а председатели и секретари – все партийцы³⁹⁷

В поступившем в ЦК РКП(б) «Обзоре – сводке» «об участии профсоюзов в советской, хозяйственной работе и партийном руководстве ими» с января по декабрь 1923 г. в промышленных губерниях отмечалось: «центр тяжести профсоюзной работы с момента перехода профсоюзов к новым методам работы все больше переносится в плоскость наибольшего обслуживания профсоюзами широких рабочих масс», однако финансовое состояние профсоюзов неудовлетворительное, чрезмерно раздуты штаты.

«Фабзавкомы находятся под непосредственным наблюдением партячеек... Председатели фабзавкомов в большинстве коммунисты и входят в состав бюро партячеек. На общих заседаниях бюро ячеек и на общих собраниях ячеек фабзавкомы отчитываются в своей работе и получают директивы для дальнейшей работы»³⁹⁸.

В новых, рыночных, условиях усилилось «сращивание» профсоюзных кадров с хозяйственным руководством. Многие профсоюзные руководители стремились устанавливать «хорошие» отношения с государственными и хозяйственными управленцами, рассчитывая получить более прибыльные должности. На московской конференции текстильщиков в 1925 г. один из ораторов говорил: «Уходу профработников на хозяйственную работу надо положить конец, потому что это означает бегство от профессиональной работы в погоне за чинами». Другой возмущался: «Был рабочий, стоял у станка, видел рабочую нужду и жизнь, летом пошел в завком, там еще больше приобрел опыта и потом этот опыт и знания направляет против рабочего же»³⁹⁹.

Личная заинтересованность профсоюзных руководящих кадров в участии в хозяйственной деятельности предприятий в немалой степени способствовала «хозяйственному уклону» этих общественных объединений. На XIV партийной конференции в апреле 1925 г. секретарь ЦК Молотов в своем докладе констатировал, что вся работа по улучшению организации промышленности «проводилась при ближайшем и постоянном участии профсоюзов», «в первую очередь ими, профсоюзами, вместе с хозорганами. Но партия была и оставалась в этом деле и инициатором, и руководителем, и вдохновителем...»⁴⁰⁰.

Таким образом, политика партии и в вопросе о «сращивании» профсоюзов с хозяйственным руководством была противоречива. С одной стороны, она требовала, чтобы у них не было «хозяйственного уклона», с другой, профсоюзы должны «помогать хозяйственникам», в частности, в проведении режима экономии, в органи-

зации «социалистического хозяйства». В результате профсоюзы оказались в двойственном положении: полнотью от тенденции «сращивания» с хозяйственными (государственными) органами они не освободились, в то же время принимали меры по осуществлению своих профсоюзных задач. Эта двойственность отмечалась в резолюции XIV съезда ВКП(б) «О работе профсоюзов»: «Перегруженные разнообразной хозяйственной, политической и общественной деятельностью профсоюзы часто не могли справиться со своей работой, ...порой отодвигая на второй план свою важнейшую и главнейшую задачу — защиту экономических интересов объединяемых ими масс и всемерную заботу над поднятием их материального и духовного уровня»⁴⁰¹.

Переход к нэпу положил начало новому этапу и в истории кооперации.

Главными принципами кооперации в дореволюционной России были добровольность членства, материальная заинтересованность, независимость от государства и партий, самодеятельность, выборность руководящих лиц, подконтрольность их деятельности массам кооператоров. Суммируя все это, А.В.Чаянов в изданной в 1918 г. работе писал: «Наш основной кооперативный принцип гласит, что управление каждого кооперативного аппарата ответственно перед теми, кого оно непосредственно обслуживает. В этом весь смысл, вся суть кооперативной организации, вся душа нашего дела»⁴⁰². Все это и определяло характер кооперации, как общественной организации. Вместе с тем, согласно советскому законодательству 20-х годов, запрещавшему общественным объединениям заниматься экономической деятельностью («с целью извлечения прибыли»), они не могли иметь такой статус, поскольку люди объединялись в кооперативы для совместного удовлетворения именно своих экономических интересов. Эта двойственность кооперации как массовой общественно-экономической организации населения и определила двоякое отношение к ней законода-

тельства и историков: одни рассматривают ее как чисто экономическую категорию, другие — как объединение общественного характера. На мой взгляд, правы вторые: определяющим для кооперации являются принципы организации и управления (добровольность, независимость, самоуправление), которым материальная заинтересованность ее членов не только не противоречила, но и способствовала их осуществлению. Такое понимание кооперации и позволяет рассматривать ее в качестве общественного объединения широких масс населения. Впрочем, понятие «общественные организации» в самом советском законодательстве претерпело изменение. Так постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О добровольных обществах и союзах», принятое 30 августа 1930 г., определяло их как организации общественной самодеятельности трудящихся масс города и деревни, ставившие «своей задачей активное участие в социалистическом строительстве Союза ССР, а также содействие укреплению обороны страны». В этом документе уже отсутствуют слова «не преследующие целей извлечения прибыли», вместо них — «добровольные общества». Следовательно, кооперация уже попадала в разряд общественных организаций, что подтверждено и Конституцией СССР 1936 г. — в ней она в ряду других общественных объединений⁴⁰³.

В данном труде о кооперации речь идет в основном в плане влияния на нее рыночных реформ и новых политических реалий.

В годы гражданской войны курс РКП(б) на максимальную централизацию управления и подчинение всех государственных и общественных организаций общегосударственным задачам (как они виделись партийному руководству) охватил и кооперацию. Все ее виды (сельскохозяйственная, снабженческая, потребительская и др.) были огосударствлены. Как и другими сферами жизни страны, РКП(б) руководила ею приказными, а не экономическими методами. Сращивание аппарата кооперации с государственными хозяйственными органами лишило ее

качеств общественной самодеятельной организации населения. Кооперация вписалась в сложившуюся «военно-коммунистическую» политическую систему.

Огосударствленная кооперация, выполнявшая снабженческо-распределительные задачи государства, для рыночной экономики была непригодна. На X съезде РКП(б) Ленин констатировал плачевное состояние кооперации, она находится «в состоянии чрезмерного задушения». Причина этого: военная необходимость, а также ошибки, допущенные по отношению к кооперации⁴⁰⁴. Становилось все очевидней, что кооперацию надо освободить от пут. Но как? X съезд ответа на этот вопрос не дал. Его резолюция о кооперации была краткой: необходимо выработать постановление о кооперации применительно к замене продразверстки продналогом⁴⁰⁵.

Вскоре после съезда, 7 апреля 1921 г., Совнарком принял декрет о потребительской кооперации⁴⁰⁶. Он подтверждал обязанность ее проводить свои операции под руководством и контролем государства (Наркомпрода). Но появилось и новое: потребкооперация самостоятельна в заготовительной деятельности и удовлетворении потребностей своих членов путем продажи им предметов заготовки. Вместе с тем подтверждалась введенная в годы «военного коммунизма» обязательность для всех граждан участия в потребительской кооперации, но ей уже предоставлялось право взимать с них вступительные взносы. Все граждане, кроме лишенных избирательных прав, имели право избирать и быть избранными во все органы управления потребительских обществ. Президиум ВЦИК мог вводить в состав правлений своих представителей. Вместе с тем признавалась самостоятельность кооперации в своих хозяйственных операциях, она действует на свой страх и риск и выполняет работы по обслуживанию как организованных потребителей, так и по заданиям государства, но на началах хозяйственного расчета. Декрет 7 апреля 1921 г. это только первый шаг в повороте кооперации навстречу нэпу. Она не была полностью

освобождена от вмешательства государства в свою внутреннюю жизнь. Декретировалась выборность органов управления кооперацией, однако государственные органы имели право назначать своих представителей в них.

В статье «О продовольственном налоге» Ленин пытался определить социальную сущность и положение кооперации в связи с поворотом к нэпу. Рассматривая госкапитализм как средство борьбы с мелкособственнической мелкобуржуазной стихией, он отнес к госкапитализму кооперацию (наряду с концессиями, «капиталистом-торговцем», арендой). Кооперация мелких товаропроизводителей, считал Ленин, содействует развитию капиталистических отношений, но, облегчая объединение миллионов («затем всего населения поголовно»), кооперативный капитализм «есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму»⁴⁰⁷. Собственно говоря, Ленин здесь повторяет высказанное им весной 1918 г. определение кооперации как госкапиталистической организации. Отныне у Ленина уже не встретить формулы «социализм — единый кооператив трудящихся», но повторяется мысль о необходимости кооперирования всего населения. Отмечается важная роль кооперации в регулировании частной торговли.

Между тем кооператоры, чутко уловив наступление нового, стали открыто выражать недовольство положением кооперации. Их не удовлетворял декрет от 7 апреля. Даже руководство потребительской кооперации, находившееся под диктатом коммунистов, имевших большинство в Центросоюзе⁴⁰⁸, считало, что декрет не учитывает новые обстоятельства. В апреле 1921 г. третья сессия Совета Центросоюза прошла под лозунгом «Долой унию с Наркомпродом, отжившую свой век!». В условиях развертывания «вольного» рынка кооператорам нужно было быстро перестроиться на коммерческих началах. Отмена карточной системы и прежнего порядка государственного распределения потребовала перестройки и кооперативных форм снабжения населения.

Все это вскоре стало учитываться законодательством. В апреле-мае 1921 г. Совнарком принял два декрета. Первый отменил некоторые ограничения свободы действий и полномочий кооперативов. Во втором говорилось о намерении правительства принять меры к развитию кустарной и мелкой промышленности в форме частных и кооперативных организаций⁴⁰⁹. Летом были изданы декреты, стимулирующие развитие промысловых кооперативов: они получали права юридических лиц, могли в известных пределах использовать наемный труд, при сдаче в аренду национализированных предприятий предпочтение отдавалось кооперативам⁴¹⁰. Декрет Совнаркома от 9 августа 1921 г. «Наказ Совета Народных Комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики» разрешил организацию кредитной кооперации. 16 августа 1921 г. принят декрет ВЦИК и Совнаркома «О сельскохозяйственной кооперации» — она осуществляет свои хозяйственные операции за свой счет, на свой страх и риск, она не подлежит предварительному контролю РККИ. По декрету Совнаркома от 26 октября 1921 г. потребительским кооперативам возвращено все имущество, ранее у них отнятое: дома, складские помещения, предприятия, сохранившееся сырье. Советские промышленные органы обязывались предлагать свои товары в первую очередь Центросоюзу или соответствующим местным кооперативам, и только в случае их отказа можно было направлять товары на свободный рынок⁴¹¹.

«Да, мы сейчас строим кооперацию, — говорилось в статье “Текущий момент и кооперация”, опубликованной в “Правде” 20 ноября 1921 г. — Мы много заимствуем здесь из старой кооперативной теории и практики. Кое-чему нам приходится спешно подучиваться. Мы не прочь воспользоваться дельными советами опытных кооператоров, дать им работу в строящейся кооперации. Это мы делаем потому, что того требует данная житейская обстановка Советской Республики».

XI Всероссийская конференция РКП(б) в декабре 1921 г. предлагала оказывать широкую поддержку всем видам кооперации, предоставив ей благоприятные возможности в деле заготовок и развития местной промышленности, а также обеспечить кооперации свободное распоряжение своими продуктами⁴¹². А XI съезд РКП(б) обязал коммунистов вступать в кооперацию и организовывать ее там, где она отсутствует.

Кооперация начала оживать. Приступив к организации товарооборота, она изучала рынок, рыночные цены, создавала товарообменные фонды, собственные производства, стала обеспечивать себя товарами и денежными средствами. Она упорно добивалась разрешения вести экспортно-импортную торговлю с границей, чему сопротивлялся Наркомат Внешней Торговли, утверждавший, что она будет подрывать монополию государства на внешнюю торговлю. Все же в конце 1921 г. Центросоюзу было предоставлено право вести самостоятельные внешнеторговые операции⁴¹³, а в следующем году потребительская кооперация фактически была признана международным кооперативным движением, что в немалой степени способствовало прорыву экономической блокады России и юридическому ее признанию рядом западных стран.

В декабре 1921 г. вышел сборник «Кооперация о самой себе» с итогами анкетного обследования кооперативных организаций. Автор вступительной статьи сборника Д.Климский-Кутузов писал: «После трех лет бездеятельности и выполнения только технических ролей потребительская кооперация, в сущности говоря, заново рождается к новой жизни, проходя в течение месяцев ускоренным шагом все этапы развития какие в других условиях она проходила бы в течение ряда лет»⁴¹⁴.

Однако все еще сохранялся стереотип: кооперация подчинена рабочему государству, не получили решения вопросы добровольности членства в кооперации и паевых взносов — в декрете от 7 апреля о них сказано глухо. Резолюция Совета Центросоюза, принятая 20 ноября

1921 г., отмечала нерешенные задачи: еще не удалось овладеть рынком «в целях борьбы с анархическими стремлениями в товарообороте», низовые звенья потребительской кооперации еще не вполне приспособились к новым условиям работы, в ряде мест существует антагонизм кооперации с рабочими организациями, в хозяйственной области нет еще полной ясности во взаимоотношениях кооперации и государственных органов, все еще недостаточно прочна связь центра с местами⁴¹⁵.

Плохо обстояло дело с кадрами. Опытные руководители по политическим мотивам все еще вытеснялись из правлений, вместо них вводились коммунисты, в большинстве мало знакомые с кооперативной хозяйственной деятельностью. Прокоммунистическое правление Центросоюза во главе с Л.М.Хинчуком уже само проявляло инициативу в стремлении на все руководящие посты ставить коммунистов. Так, в мае 1921 г. оно обратилось в ЦК РКП(б) с просьбой откомандировать в его распоряжение коммунистов-хозяйственников и организаторов, а в июне представило в Оргбюро ЦК список на 128 человек со сведениями о их квалификации и предполагаемой работе⁴¹⁶. Но расчеты на коммунистов себя не оправдали. Принадлежность к РКП не заменяла нужные знания и опыт в деле руководства кооперацией в рыночных условиях. Коммунисты умели «руководить» одним методом — командованием. Народный Комиссариат земледелия 25 ноября 1921 г. в циркулярном письме всем управлениям колхозов указывал: «Коммунистам раз и навсегда придется себе усвоить ту простую истину, что при той свободе, какая предоставлена законами Советской власти кооперации, никакое командование и давление невозможно»⁴¹⁷. Оказалось, возможно. Командование продолжалось.

Нуждаясь в опытных кадрах, правление Центросоюза в январе 1922 года обратилось к старому правлению, находившемуся в Берлине, с предложением участвовать в работе Центросоюза. «Буржуазные» кооператоры предложение не приняли, сделав заявление: потребительская коопера-

ция все еще не имеет существенных признаков и свойств свободной, независимой организации, хотя она формально раскрепощена, все же вся ее система в организационном отношении построена на принудительных началах; выборы лиц проводятся под гнетом правительственной партии коммунистов; управление ведется не на основе демократического принципа снизу вверх волей большинства, а сверху вниз волей правящего меньшинства; аппарат кооперации в значительной мере вынужден работать по заданиям государственных органов⁴¹⁸.

В 1922 г. страна глубже вошла в нэповскую реформу. Большой урожай улучшил положение деревни, промышленность перешла на хозрасчет и перед ней встала новая задача — найти сбыт своей продукции, сбыт через рынок. Значение кооперации в этом деле возросло, причем в ее деятельности товарообмен уступил место товарообороту. В 1922 г. потребительская кооперация перешла к открытой торговле. Жизнь вынуждала партийно-государственное руководство отказаться от некоторых идеологических стереотипов и в вопросе о кооперации.

18 марта 1922 г. Ленин подготовил для членов Политбюро записку с предложениями по важному социально-экономическому принципу кооперации: «приток средств — добровольный»; «паевые взносы добровольны. Кто сделал взнос, получит долю дохода»; торговля должна давать кооперации доход. Это — новый взгляд на кооперацию как формы хозяйствования. Вместе с тем Ленин оставался на старой позиции, считая, что членство в кооперации обязательно, «члены кооперации — все»⁴¹⁹. Он все еще придерживался идеи о всеобщем охвате населения кооперацией, связанную с представлением о социализме как едином кооперативе. Эта идея стала основой постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 12 мая 1922 г. «Об обязательном членстве, добровольности взносов и об единстве потребкооперации»⁴²⁰.

С расширением нэповских начал кооперация развивалась противоречиво: активизация ее хозяйственной

деятельности сопровождалась сокращением количества кооперативных обществ: с 25220 на 1 января 1922 г. до 22494 на 1 января 1923 г. и до 17155 на 1 ноября 1923 г.⁴²¹ Связано это было с высокими налогами на кооперацию, неустойчивостью бумажного рубля, тяжелыми условиями кредита кооперации, слабой покупательной способностью населения.

«У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию», — этими словами Ленин начал свою статью «О кооперации» (6 января 1923 г.). По Ленину, «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма». Исходя из новой роли кооперации, простой рост которой «тождественен с ростом социализма», Ленин приходит к выводу: «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную “культурную” работу»⁴²². Ленин уже не говорит о кооперации как госкапиталистической форме хозяйствования, поскольку он относит ее к «строю социализма».

Мысль о «поголовном» участии населения в кооперации остается и в этой статье, но «для этого требуется целая историческая эпоха», нужна поголовная грамотность, более высокая культура, материальная основа. Это исключало прежнее требование чуть ли немедленного объединения всего населения в кооперации. А постановление Совнаркома СССР от 28 декабря 1923 г. «О реорганизации потребительской кооперации на началах добровольного членства» отменяло обязательную приписку граждан к единым потребительским обществам. Вводилась добровольность вступления и выхода из кооперативов⁴²³. Вступительные паевые взносы стали обязательными.

С переходом на добровольность членства потребительская кооперация избавилась от множества «мертвых душ». В то же время наметился значительный рост количества ее пайщиков — с 4936255 на 1 января 1923 г. до 6907476 на 1 апреля 1924 г. и до 12461000 на 1 октября 1926 г.⁴²⁴ В сельскохозяйственной кооперации объединялось все больше крестьянских хозяйств: в 1924/1925 — 24%, 1927 г. — 32%⁴²⁵. На XIII съезде РКП(б) А.А.Андреев, отметив успехи кооперации, основное внимание уделил ее недостаткам:⁴²⁵ кооперация в целом охватила всего 7% населения, она еще недостаточно приспособилась к условиям нэпа, слаба самостоятельность ее низовых звеньев, медленно идет переход на добровольное членство, плохо организована ее торговая деятельность, что удорожает товары. Съезд поставил перед кооперацией задачу овладеть рынком, вытеснить частную торговлю, способствовать расширению базы «социалистического строительства» в деревне, предлагалось всячески не допускать захвата кооперации «кулацко-спекулятивными элементами деревни», усиления в ней их влияния⁴²⁷ По сути эти же задачи были повторены и XIV съездом партии⁴²⁸.

Таким образом, и в кооперативной политике РКП рыночные (нэповские) элементы сочетались с антирыночными. Предъявлялись требования не допускать в кооперативы «нетрудовой элемент, не имеющий права по Конституции выбирать и быть избранным в Советы». Кооперативным органам навязывалась бюрократическая задача составления планов, рассчитанных на несколько лет, исходя из необходимости «поголовного» кооперирования населения, проводить периодические кампании по вовлечению населения в кооперацию. В противоречии с уже принятыми юридическими актами руководство страны продолжало смотреть на кооперацию как на звено «в системе государственных учреждений»⁴²⁹. И в отношении кооперации государственная политика исходила от ЦК РКП(б). При нем функционировало «Кооперативное совещание — сначала под председательством секретаря ЦК

Рудзутака (1923 г.), затем секретаря ЦК А.А.Андреева. В него входили председатель потребительской кооперации (Л.М.Хинчук), заместитель председателя сельскохозяйственной (Г.Н.Каминский) кооперации, представители ВЦСПС, Рабочей кооперации, Наркомата земледелия, Наркомтруда⁴³⁰. «Кооперативное совещание» являлось органом по предварительному обсуждению вопросов, относившихся к кооперации и подготовке проектов постановлений по ним ЦК РКП(б). Так, например, 12 февраля 1924 г. «Кооперативное совещание» высказалось за возвращение сельскохозяйственной кооперации всего ранее национализированного имущества путем представления этого имущества в долгосрочное и безвозмездное пользование сельхозкооперации⁴³¹.

Постановлением Совнаркома СССР от 22 июля 1924 г. этот вопрос был решен более решительно: все имущество сельскохозяйственной, промысловой, кредитной и потребительской коопераций (предприятия, строения, склады, промыслы и пр.), отнятое в 1918–1921 гг. в порядке национализации, муниципализации и распоряжений местных властей, возвращалось прежним организациям⁴³².

Неоднократно подтверждая в своих официальных документах «самостоятельность» кооперации, ЦК РКП(б), однако, не выпускал ее из «партийных рук». Она обязана была регулярно направлять в ЦК отчеты о своей деятельности. Характерен вопросник «Кооперативного совещания» о содержании отчетов сельскохозяйственной кооперации и их периодичности: число ее союзов — 2 раза в год, балансы центров и союзов — 2 раза в год, движение задолженности центров государству — 4 раза, представлять общую сводку о хозяйственной работе сельскохозяйственной кооперации — ежемесячно, состав выборных органов местных кооперативов — 2 раза в год. Всего по 15 позициям⁴³³.

Оргбюро ЦК утверждало комиссии из видных членов партии по руководству съездами Центросоюза, собра-

ниями уполномоченных, рассматривало и одобряло их новостки дня⁴³⁴.

Согласно материалам, имевшимся в «Кооперативном совещании» ЦК, в составе правлений 53 потребительских союзов на 1 июля 1923 г. было 71% коммунистов, 28,7% беспартийных, 0,3% представителей других партий⁴³⁵. Этот партийный состав правлений союзов считался удовлетворительным. Беспокойство вызывал состав правлений низовой сети (в основном сельской) кооперативов: членов РКП(б) — всего 18,8%, беспартийных — 80,4%, других партий — 0,8%⁴³⁶. ЦК принимал специальные постановления об укреплении кооперативного аппарата партийными силами и партийного руководства кооперацией⁴³⁷. В 1925 г. почти все (95%) председатели отраслевых союзов были коммунистами⁴³⁸.

21 ноября 1924 г. Совнарком РСФСР утвердил нормальный устав потребительских обществ. Он гласил: «Общество потребителей обслуживает потребительские и хозяйственные нужды своих членов и содействует путем кооперативной взаимопомощи поднятию их материального благосостояния и культурного уровня в целях осуществления начал социалистического строительства». Итак, «поднятие материального благосостояния и культурного уровня» членов кооперации в целях «осуществления начал социалистического строительства». Тем самым явно отдавалась дань политическому стереотипу, причем совершенно не связанному с рыночно-экономическим содержанием документа. Подробно излагался широкий спектр деятельности обществ: приобретение и сбыт продуктов сельского хозяйства, кустарно-ремесленной и фабрично-заводской промышленности, организация различного рода кустарных, ремесленных производств, прокатных пунктов, заготовка и переработка сырья, осуществление торгово-посреднических и комиссионных операций, приобретение и отчуждение всякого рода имуществ. Граждане, исключенные из состава общества по причине их лишения избирательных прав в Советы, могли

обжаловать решение правления в вышестоящем органе кооперативного общества – Собрании уполномоченных⁴³⁹.

3 января 1925 г. Политбюро обсуждало вопрос «О положении кооперации». Докладчик председатель Центросоюза Л.М.Хинчук приводил цифры (на июль 1924 г.), свидетельствующие об успехах кооперации: Всего членов – пайщиков, платящих взносы, свыше 7 млн., увеличиваются оборотные средства, работа расширяется и т.д. Выступившие в прениях рисовали менее радостную картину. Один из приглашенных, заместитель председателя «Сельскохозяйственного союза»⁴⁴¹ Г.Н.Каминский критиковал вмешательство партийных организаций в работу кооперативов, нарушения принципа добровольности вступления в кооператив, приводил примеры лжевыборов в руководящие органы (вместо выборов – «сплошное назначение» коммунистов), «уставы остаются мертвой буквой», часто выгоняют кулаков из кооперации во вред ей самой. Исключая крепкие крестьянские хозяйства, говорил он, мы экономически ослабляем ее, «гораздо выгоднее нам иметь кулака в сельскохозяйственной кооперации под нашим наблюдением, нежели вне ее, распыленного, следовательно, несравненно более вредного и опасного»⁴⁴². Из других выступлений следовало, что самостоятельность низовых звеньев кооперации фиктивна, крестьяне опасаются вносить деньги в кооперацию, так как можно прослыть кулаком и попасть в разряд «лишенцев», они не довольны отсутствием выборности, пользуясь бесконтрольностью, назначаемые в кооперативную администрацию коммунисты часто проворовываются. Н.И.Бухарин говорил: Кооперация в значительной мере сохранила формы военного коммунизма, которые пришли сейчас в резкое столкновение с потребностями всей теперешней экономической политики, структуры рынка», кооперация мало отличается от государственной лавки; «в таких условиях, когда цены, по которым продается товар в кооперации, примерно такие же, как и частного торговца, да к тому же, когда нет выборности, то само собой

разумеется — нет возможности работать, нет стимула для развития кооперации»⁴⁴³. Подводя итоги дискуссии, Сталин сказал: «Кулака в кооперацию надо обязательно допустить... но не надо допускать в правление общества. В правлении общества даже один кулак будет опасен. Кулак — человек умный и опытный. В составе правления он может повести за собой десять некулаков»⁴⁴⁴. Это отражено в решении состоявшейся в апреле 1925 г. конференции РКП(б), предоставившей право участия в кооперации «всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством», но с ограничениями, чтобы «явно кулацкие элементы» не попадали в правления обществ..

На XIV партийной конференции РКП(б) председатель Совнаркома А.И.Рыков необходимость дальнейшего «раскрепощения» кооперации связал с задачами, относящимися к крестьянству. «Необходимо, — говорил он, — прекратить административный нажим по отношению к буржуазному слою деревни», нужно ликвидировать «всяческие административные безобразия в отношении зажиточных слоев деревни», допустить этот крестьянский слой в кооперативное строительство, снять прежде установленные для него ограничения⁴⁴⁵. Он призывал коренным образом изменить подход к кооперированию крестьян: обеспечить свободу выборов в кооперации, соблюдать кооперативные уставы, отказаться от методов административного вмешательства в работу кооперации со стороны советских и партийных органов⁴⁴⁶ (это вошло в резолюцию конференции). Докладчик привел конкретные цифры, свидетельствовавшие о достижениях в хозяйственной деятельности потребительской и сельскохозяйственной кооперации и подчеркнул значение ее в урегулировании рыночных цен — «без кооперации мы едва ли с таким успехом провели бы нашу кампанию за удержание цен в период проведения денежной реформы»⁴⁴⁷. Л.М.Хинчук, говоря о достижениях кооперации, заметил, что они были бы больше, если бы из нее не делали «дойную корову», а у этой коровы еще очень мало

молока — он имел в виду практику навязывания кооперации «работников для того, чтобы они получали там жалование, немножко подкормились»⁴⁴⁸.

О многочисленных бедах кооперации, вызывавших недовольство пайщиков, говорилось на заседаниях «Кооперативного совещания»: командные методы руководства кооперацией, посягательства местных партийных и государственных органов на денежные средства кооперативов — их брали якобы в долг, на текущие нужды села, волости — и не возвращали, прямые хищения, растраты средств многими руководителями, вынужденность устанавливать высокие цены на промышленную продукцию вследствие больших накладных расходов (прежде, чем попасть к потребителю, товар проходил до восьми ступеней: фабрика, трест, синдикат, центросоюз, губсоюз, райкоопсоюз, единое потребительское общество, магазин), нарушения выборности органов управления. На заседании «Кооперативного совещания» 16 июня 1925 г. докладчик по вопросам связи партийных органов с кооперативными организациями заместитель заведующего Орграспредотделом ЦК М.Хатаевич отметил: Хотя о выборности, перемещениях говорилось на XIV партконференции, а «до этого было указание ЦК партии, но факты, которые мы имеем», говорят, что перелома не достигнуто. «Имеют место перемещения, назначения работников без опыта, нет никакого стремления к тому, чтобы обеспечить выборность новых работников и т.д.»⁴⁴⁹. В другом заседании Совещания отмечалось, что факты безответственности коммунистов в руководстве рядом местных Союзов кооперации «крайне тяжело отражаются на авторитете партии перед беспартийными массами и на работе всей системы сельскохозяйственной кооперации»⁴⁵⁰.

В докладе А.Шейнмана «О роли потребительской кооперации в товарообороте», сделанном 28 июля 1925 г. на «Кооперативном совещании», особый акцент был сделан на «принимающих эпидемический характер развитие хищений, растрат, бесхозяйственности»⁴⁵¹. Этому вопросу

было посвящено специальное заседание 30 ноября 1925 г. Здесь приведены цифры, свидетельствующие о масштабах этой «эпидемии». По потребительской кооперации из 257 Союзов имелись сведения о 116, объединявших 8346 потребительских обществ. Из них хищения и растраты были в 2457, т.е. 30% общего числа кооперативов. Паевой капитал в учтенных потребительских обществах составлял 2 млн. рублей, он весь был расхищен. В среднем на одного растратчика приходилось 610 руб. в месяц. В числе растратчиков членов правлений 641, служащих 1206, совместно расхищавших – 128 человек. По первичной сети сельскохозяйственной кооперации в хищениях и растратах участвовало от 47,8 до 71,2% членов правлений и от 28,8 до 52,2% служащих. Из общего числа растратчиков членов партии 10%, в союзных правлениях – 40-50%. По всем видам кооперации имелись данные Наркомата юстиции (по 42 губерниям и автономным областям). Общее количество дел, находившихся в судопроизводстве – 10387, из них на работников низовой сети заведено 8833, губернских и областных органов – 767 дел, из привлеченных к суду членов РКП(б) – 1708, членов РКСМ – 291⁴⁵². При этом отмечалось, что растратчики – коммунисты не всегда привлекаются к ответу. Приведен пример: в одном потребительском обществе председатель – член РКП растратил 400 рублей, беспартийный приказчик – 40, первый на свободе, второй – в тюрьме. Имелись случаи, когда виновного коммуниста без взыскания просто перебрасывали на другую, причем более ответственную работу⁴⁵³.

Информационный отдел ОГПУ в секретной «докладной записке», направленной в ЦК РКП(б) в августе 1925 г., приведя подробные сведения о «вакханалии растрат и полной безответственности растратчиков» в кооперации, отмечал: «крестьяне-члены кооперации при выборах правлений кооперативов проваливают коммунистов и несостоятельных крестьян, мотивируя тем, что в случае растрат и хищений с последних нечего будет

взять. В особенности недоверчиво относятся крестьяне к коммунистам, которые часто совершенно не связаны с местным населением и часто перебрасываются в другие уезды, в силу чего отмечен целый ряд случаев, когда крестьяне соглашались выбирать в правления коммунистов только при условии, если последние внесут определенный залог, гарантирующий от хищений»⁴⁵⁴.

Распространению «эпидемий» растрат и хищений в кооперации способствовали отсутствие подготовленных работников в правлениях, особенно низовой сети, а также твердых правил (норм) получения средств и отчетности в их расходовании, частая сменяемость правлений, что усугубляло безответственность.

В докладе Информационного отдела ОГПУ в ЦК ВКП(б) (июнь 1926 г.) говорилось о жалобах крестьян на плохую работу сельскохозяйственной кооперации, злоупотребления, высокие вступительные паи. Приведено типичное заявление крестьянина Тульской губернии: «цена в кооперации и у частных торговцев одинаковы, обращение торговцев с нами более лучшее и потому мы не видим особой необходимости поддерживать кооперацию и покупать товар у нее»⁴⁵⁵.

Несмотря, однако, на многочисленные нарушения кооперативных принципов, на объективные и субъективные трудности, первая половина 20-х годов — время оживления кооперации, восстановления ее деятельности, использования ею нэповских рыночных методов функционирования. Кооперация стала играть значительную роль в экономике страны, особенно в товарообороте: к концу 1924 г. ее доля в общем товарообороте страны составила 18,5% (государства — 5%, частной торговли — 76,5%), из них 75% приходилось на потребительскую кооперацию⁴⁵⁶. Коллегия Наркомата РКИ СССР 8 мая 1925 г. отметила: «В хозяйственной области положение потребительской кооперации в целом значительно улучшилось. Возрос удельный вес в общем товарообороте и в деле удовлетворения потребительских нужд рабочих и

крестьянских масс»⁴⁵⁷ Проводившиеся в 1925 г. обследования системы сельскохозяйственной кооперации констатировали улучшение в ряде районов с ее помощью обработки полей, снабжения крестьян машинами, повышение урожайности. Из распределительного аппарата Наркомпрода, какой она была в годы «военного коммунизма», кооперация становилась организацией населения, приспособленной к рыночным отношениям. Однако кооперация находилась в состоянии постоянного балансирования между углублявшимися рыночными принципами и административным нажимом партийно-государственной власти, стремившейся держать «в узде» нэповские устремления всех форм кооперации⁴⁵⁸.

Более сложными и драматичными были коллизии, связанные с отношением партии и государства к церкви, особенно православной. Проводившийся в годы «военного коммунизма» курс на репрессии служителей церкви, религиозных организаций, проведение массовых антирелигиозных кампаний продолжался и после перехода к нэпу. Партийно-государственное руководство довольно долго не видело необходимости изменения или даже корректировки этого курса в связи с меняющимися общественными отношениями. Более того, 15 марта 1922 г. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» ставит задачу усиления атеистической пропаганды, борьбу с религией он назвал работой государственных учреждений⁴⁵⁹.

Продолжались нарушения свобод, да и элементарной законности в отношении церкви. В их ряду и события, связанные с конфискациями церковных ценностей, согласно декрету ВЦИК от 23 февраля 1922 г.⁴⁶⁰ Предполагалось на эти средства приобрести хлеб за границей (страна переживала жестокий голод). Власти попытались использовать ситуацию, нанести очередной удар по православной церкви. Была сделана ставка и на ее раскол. Из нее выделилась новая церковная организация «обновленцев», противопоставивших себя Русской православной церкви патриарха

Тихона. Уже к лету 1922 г. «обновленческое течение» подчинило себе 37 — из 74 архиереев.

Политбюро 13 марта 1922 г. постановило временно допустить «советскую часть» духовенства в органы Помгола⁴⁶¹ в связи с изъятием ценностей из церквей⁴⁶². Троцкий мотивировал это так: «Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей церквей. Так как вопрос острый, то и раскол на этой почве должен и может принять очень острый характер в той части духовенства, которая выскажется за изъятие и поможет изъятию, и уже возврата назад к клике патриарха Тихона не будет... блок с этой частью попов можно временно довести до введения и в Помгод, тем более, что нужно устранить какие бы то ни было подозрения и сомнения насчет того, что будто изъятые из церквей ценности расходуются не на нужды голодающих»⁴⁶³.

20 марта 1922 г. Комиссия по изъятию, учету и сосредоточению церковных ценностей (Троцкий, Калинин, Уншлихт, Сапронов, Яковлев, Белобородов и др.) своим постановлением предложила газетам принять меры к тому, чтобы «дать более яркое и открытое выражение голосу тех попов, которые недовольны курсом Тихона и склонны провести не за страх, а за совесть декрет Советской власти об изъятии ценностей»⁴⁵⁴. За подписями секретаря ЦК РКП(б) В.М.Молотова и председателя ВЦИК М.И.Калинина всем губкомам и губисполкомам был послан «совершенно секретный» циркуляр: «Необходимо поддержать лояльное духовенство, которое точно и прямо призывает верующих к исполнению декрета ВЦИК об изъятии ценностей»⁴⁶⁵. В тот же день Политбюро утвердило «план проведения по всей стране кампании по изъятию церковных ценностей»⁴⁶⁶. Во исполнение «плана» М.И.Калинин шифрованной телеграммой извещал губкомы и губисполкомы, что решено изъятие ценностей закончить в европейской части к 1 мая, Сибири — ко второй половине мая, последний срок для Сибири — 1 июня.

«Губкомы и губисполкомы, которые не закончат изъятие [к] указанному сроку будут привлечены к ответственности по партийной и советской линии»⁴⁶⁷. Другим циркуляром Молотов и Калинин предупреждали губкомы и губисполкомы: «неполное изъятие церковных ценностей будет рассматриваться как нерадение местных органов»⁴⁶⁸.

Возмущение верующих всюду выливалось в бунты, а кое-где в кровавые столкновения с войсками. Только за три месяца выполнения «плана» было зарегистрировано 1414 острых столкновений⁴⁶⁹. 19 марта Ленин направил «строго секретное» письмо Молотову для членов Политбюро РКП(б) в связи с оказанным сопротивлением духовенства г. Шуи изъятию церковных ценностей, которое привело к серьезному выступлению толпы возбужденных верующих против властей города. Было убито 4 и ранено 10 человек. Ленин предлагал «дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». И далее: «*Политбюро* даст детальную директиву судебным властям, тоже *устную*... чтобы процесс против шуйских мятежников был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи». «...Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять тем лучше»⁴⁷⁰.

Судебные процессы, связанные с сопротивлением изъятию церковных ценностей, состоялись в Москве, Петрограде, Шуге, Иваново-Вознесенске, Смоленске, Старой Руссе и в других городах. По обвинению в организации бунтов трибуналами было осуждено много священников к суровым наказаниям, в том числе расстрелам.

4 мая 1922 г. Политбюро постановило: «...Дать директиву Московскому трибуналу: 1) Немедленно привлечь Тихона к суду; 2) применять к попам высшую меру наказания»⁴⁷¹. 9 мая патриарх Тихон был арестован.

Обновленцы объявили о создании Высшего церковного управления, поставив его под контроль органов Советской власти, непосредственно 6-го секретного отдела ГПУ 30 октября 1922 г. руководитель отдела Б.В.Тучков (он же – заведующий 6-м отделением секретного отдела ГПУ) в своем отчете в Политбюро ЦК о проделанной работе писал: «Пять месяцев тому назад в основу нашей работы по борьбе с духовенством была поставлена задача борьбы с тихоновским реакционным духовенством и, конечно, в первую очередь с высшими иерархами, как то: митрополитами, архиепископами, епископами. Для осуществления этой задачи была образована группа, так называемая Живая церковь, состоящая преимущественно из белых попов, что дало нам возможность посорить попов с епископами... Наряду с множеством статей, воззваний, речей, в которых клеймились тихоновская и монахо-архиерейская политика, попы (живоцерковники), взяв в свои руки верховную церковную власть, приступили к удалению от управления епархиями тихоновских архиереев и замене их лояльными по отношению к Соввласти. Эта задача в течение пяти месяцев более чем наполовину выполнена... По моему мнению, недурно было бы изгнать тихоновцев из приходских советов, начав эту работу примерно так же, то есть направляя одну часть верующих на другую»⁴⁷².

На патриарха Тихона во внутренней тюрьме Лубянки оказывалось сильное давление с целью вынудить его подписать письмо в Верховный суд о признании им Советской власти, отказе от борьбы с ней. Текст письма, как установил Н.Н.Покровский, был составлен в ЦК и одобрен Политбюро⁴⁷³. Драматизм положения Тихона можно проследить по протоколам Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б) (обычно ее называли «Антирелигиозной комиссией», председатель – Ем.Ярославский). В постановляющей части протокола заседания, состоявшегося 12 июня 1923 г., записано: «Следствие по делу Тихона вести без

ограничения срока. Тихону сообщить, что по отношению к нему может быть изменена мера пресечения если: а) он сделает особое заявление, что раскаивается в совершении против Советской власти и трудящихся рабочих и крестьянских масс преступлениях и выразит теперешнее лояльное отношение к Советской власти; б) что он признает справедливым состоявшееся привлечение его к суду за эти преступления; в) отмежуетя открыто от всех контрреволюционных организаций» (был и еще ряд пунктов). «В случае согласия — освободить его... не запрещая ему церковной деятельности»⁴⁷⁴.

Не выдержав давления, Тихон написал заявление, адресованное в Верховный суд и воззвание к верующим. Существует мнение, что в капитуляции Тихона сыграло роль его стремление предотвратить переход всего церковного управления в руки «обновленцев». Однако для «инквизиторов» одержанная «победа» оказалась недостаточной, через неделю, 19 июня, Комиссия возвращается к этому вопросу и принимает новое постановление: «Независимо от этих двух обращений Тихон должен написать 3-е обращение к верующим, в котором, не касаясь “обновленцев”, высказать следующее: а) признание своего преступления против Соввласти и трудящихся России; б) осуждение действий Антония Храповицкого* и др.» (следуют и другие пункты)⁴⁷⁵.

Еще через неделю, 26 июня. Комиссия постановила: «Тихона из-под стражи освободить 27 июля». «Поручить ГПУ производить постепенную ликвидацию дел, связанных с изъятием ценностей, воззваниями Тихона, освобождая от наказания тех тихоновцев, которые публично заявят о своем раскаянии.

...В отношении тех церковников, которые не пожелают раскаяться в своих преступлениях, а будут продолжать

---

* А.Храповицкий — митрополит, в годы гражданской войны эмигрировал и возглавил временное высшее церковное управление Русской православной церкви за границей.

свою деятельность и впредь независимо от заявления Тихона, продолжать политику репрессий»⁴⁷⁶.

17 июля Комиссия поручила Тучкову «воздействовать на Тихона», «чтобы он дал разъяснение через газету и интервью с иностранными корреспондентами о том, что он действительно сам лично написал воззвание и заявление о своем раскаянии. Признать желательным, чтобы остальные сидящие под стражей по делу Тихона также как и он раскаялись»⁴⁷⁷. Наконец, 5 августа председатель Комиссии Е.Ярославский, редактируя протокол заседания по делу «процесса Тихона», дополнил его, написав на полях: «Суд над Тихоном теперь придаст бы ореол мученика, который с него можно целиком сорвать его дальнейшим сотрудничеством с Соввластью. Необходимо, чтобы над Тихоном продолжала висеть угроза суда»⁴⁷⁸.

Из протокола заседания Политбюро от 13 марта 1924 г.: «Признать целесообразным... прекращение дела Тихона»⁴⁷⁹.

Это и было реализовано принятым вскоре постановлением Президиума ЦИК СССР. Таковы лишь некоторые документы Комиссии ЦК и Политбюро, определявшие церковную политику Советской власти и в частности судьбу Патриарха православной церкви.

Между тем с мест в партийные и советские органы поступило множество сообщений о том что антицерковные, антирелигиозные кампании не достигают цели. Религиозность населения не только не убывала, но даже возрастала. Преследования церкви и верующих лишь усугубляли недовольство, особенно крестьянства – оно было сплошь религиозным. Да и в самой партии раздавались призывы прекратить администрирование по отношению к духовенству и верующим, как противоречащее курсу на политическую либерализацию. Все это привело к смягчению антицерковной политики партии.

Продолжу рассказ выдержками из постановлений заседаний Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б).

15 мая 1923 г. Просить ЦК дать местам указание, чтобы выборы делегатов на мусульманский съезд духовенства в Уфе 10 июня 1923 г. «стеснены, не были». Поручить ГПУ выяснить случаи нарушения существующих правил при закрытии церквей. Виновных привлекать к ответственности.

22 мая 1923 г. По вопросу о закрытии церквей, синагог и прочих молитвенных домов: «Просить Политбюро ЦК срочно разослать циркуляр всем партийным органам о приостановке закрытия церквей». «Предложить через НКЮ губисполкомам пересмотреть вопрос на предмет обратной передачи церквей верующим, если от последних имеются об этом просьбы». «Поручить Агитпропу ЦК направить в “Правду” статью по поводу осторожного подхода к закрытию церквей, мечетей, синагог и т.д.». Поручить ГПУ «дать указание Туле» о разрешении провести губернский съезд евангелистов⁴⁸⁰.

Выступая перед московским партактивом, Е.Ярославский заявил, что в новой ситуации необходимо налаживать диалог с церковью, отказаться от политики «военного коммунизма» по отношению к религии, надо перейти к «религиозному нэпу»⁴⁸¹. 6 августа 1923 г. за подписью Сталина было направлено партийным организациям «строго секретное» письмо ЦК «Об отношении к религиозным организациям». В нем обращалось внимание на нарушения рядом парторганизаций в области антирелигиозной пропаганды, в отношении к верующим и их культам вопреки программе партии и постановления XII съезда РКП(б). Приведены примеры закрытия церквей, молитвенных домов, обложения их большими штрафами, угроз ареста, что наносит «огромный вред Советской власти и партии. А потому ЦК постановляет: «Запретить закрытия церквей, молитвенных помещений, воспретить аресты “религиозного характера”». Предлагалось разъяснить членам партии, что не гонениями можно добиться успехов в борьбе с «религиозными предрассудками», а терпеливой и вдумчивой критикой их. «ЦК вместе с тем

предостерегает, чтобы такое отношение к церкви и верующим... ни в какой мере не ослабило бдительность партийных организаций в смысле тщательного наблюдения за тем, чтобы церковь и религиозные общества не обратили религию в орудие контрреволюции»⁴⁸². На заседании Оргбюро ЦК в апреле 1924 г. при обсуждении работы комсомола Сталин заявил: «Хулиганские выходки при так называемой антирелигиозной пропаганде — все это должно быть отброшено и ликвидировано немедленно как нечто порочащее знамя комсомола и совершенно недостойное звания комсомольца»⁴⁸³. 3 мая 1924 г. за подписью Секретаря ЦК А.А.Андреева направлено циркулярное письмо Центральным Комитетам Компартий союзных республик и обкомам территорий, на которых проживало мусульманское население. Предлагалось «не чинить препятствия групповому преподаванию мусульманского вероучения в мечетях детям, окончившим советскую школу первой ступени или же достигшим 14-летнего возраста — во внеучебное время»⁴⁸⁴.

Новый шаг к «религиозному энпу» был сделан XIII съездом партии. Выступая с докладом «О работе в деревне», М.И.Калинин говорил: «У нас, у партии, власть, в наших руках аппарат принуждения, этого мы не должны забывать... Постольку, поскольку выступает партия, тут нет ограничений, тут должна быть самая жестокая критика, борьба с религиозностью. Ограничений нет, бороться надо». Но тут же он добавил: не советскими административными органами, власть должна быть нейтральной, но мы, партия, мы не нейтраллисты. Мы «преследуем цель внедрить в крестьян неверие, но это неверие должно быть внедряемо другими мерами»⁴⁸⁵. Смысл выступления Калинина в решении съезда был сформулирован следующим образом: «Необходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административными, вроде закрытия церквей, мечетей, синагог, молитвенных домов, костелов и т.п. ...Особо внимательно

необходимо следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на годы и десятки лет рассчитанной работой просвещения»⁴⁸⁶.

Но и после съезда мало что изменилось. Во ВЦИК шел поток жалоб в связи с продолжавшимися преследованиями церкви. Реакцией на них было письмо М.И.Калинина в ЦК РКП(б) Сталину, сообщавшее, что на местах соответствующий циркуляр ЦК и указание ВЦИК не выполняются. «Мне кажется, — писал Калинин, — главная причина эта та, что ЦК все-таки слишком мягко относится к нарушителям партийных директив в области религиозного вопроса. Я бы хотел, чтобы Вы, тов. Сталин... дали бы от имени ЦК строгую директиву об обязательном проведении директив ЦК.

Между прочим, нарастает стремление захватить все большее количество храмов и обратно — растет сила сопротивления, нарастает раздражение широких масс верующих. Необходимо предпринять соответствующие меры»⁴⁸⁷.

Сводки ГПУ, направлявшиеся в ЦК и во ВЦИК, также полны сообщениями о недовольстве населения. Все это побудило ЦК 1 сентября 1924 г. направить в партийные организации новое циркулярное письмо, продолжавшее разъяснять, какими методами они должны вести антирелигиозную пропаганду в новых условиях: широкой разъяснительной и агитационной работой, при решительном отказе от таких административных мер, как огульное закрытие церквей, преследование крестных ходов и т.п. «Никоим образом нельзя применять такие формы массовой антирелигиозной агитации (диспуты, инсценировки и т.п.), которые резко оскорбляют и задевают чувства верующей части населения, особенно крестьян, и позволяют враждебным нам элементам эту обиду религиозного сознания направлять против нас, оформляя ее в политическое недовольство и создавая атмосферу религиозного психоза и эксцессов». Но тут же: «Разумеется, эта работа не только не исключает, но и предполагает необхо-

димось через соответствующие органы тщательно следить за поведением духовенства и враждебных нам элементов при соблюдении должной осторожности, применять меры для пресечения и предупреждения преступных попыток спекуляции на религиозных настроениях»⁴⁸⁸.

Итак, поворот к «религиозному нэпу» — составная часть проводившейся партией политики уступок, прежде всего крестьянству. Общий нэповский курс на либерализацию общественных отношений был распространен и на церковные организации. Однако, как и в других областях государственной и общественной жизни, он был непоследовательным, оставляя и предполагая возможность применения административно-репрессивных методов.

* * *

Таким образом, в первой половине 20-х годов экономическая реформа углублялась, расширялась, сопровождаясь смягчением политического режима. Были сужены полномочия репрессивного аппарата, партийно-государственной цензуры, известные «свободы» получили общественные объединения. Однако реформа не привела к радикальным переменам в политическом строе. Вынужденная осуществить некоторую либеризацию, правящая партия не отказалась от своих доктринальных идей и методов их реализации, сохранилась ее монополярная власть в государстве. Все это обусловило противоречивость самой сути новой экономической политики и ее проведения во всех областях жизни страны, а также переход к контрреформам.

Глава II.

СВЕРТЫВАНИЕ НЭПА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА. 1926–1929

1. Начало контрреформ

Вопрос о причинах ликвидации нэпа — один из наиболее дискутируемых в историографии нэповской проблематики. Он казался простым для советских авторов, которые повторяли ортодоксальные концепции Коммунистической партии, не имея возможности или не желая опираться на документы и факты, не соответствовавшие официальным партийным установкам. Получалось, что к концу 20-х годов нэп себя исчерпал, стал препятствием для развития производительных сил СССР, завел страну в экономический тупик, из которого выход был один — в ликвидации нэпа, полному огосударствлению промышленности и коллективизации сельского хозяйства. А «гениальный» Сталин, руководствуясь марксистско-ленинским учением и развивая его, вывел страну из нэповского тупика.

Реалии постсоветского времени позволили обществоведам убедиться не только в ложности многих ранее исповедуемых догм, официальных установок, но и в сложности, неоднозначности проблемы. Отсюда и возникновение «разномыслия» в ее освещении.

Как уже отмечалось, в новейшей историографии много внимания уделяется предпосылкам свертывания нэпа. Одни авторы видят их в экономике (объективном факторе), другие — в антирыночной политике партийно-государственных верхов, прежде всего Сталина (субъективном факторе). Третьи (к их числу относится и автор монографии) — в целом комплексе причин, но в первую

очередь идеолого-политических и особенно связанных с личностью Сталина. Экономические, внешнеполитические и другие, о которых будет идти речь, являлись производными от этих главных.

Допущение рыночных механизмов, приведшее к восстановлению экономики, позволило политическому режиму выстоять и даже укрепиться. Однако принципиальная несовместимость политической власти, советской политической системы с сущностью нэпа, само понимание партийно-государственным руководством нэпа как временного экономического компромисса с крестьянством и буржуазными элементами города неизбежно вели к его отторжению. Неудивительно, что и в самые благоприятные для развития нэпа годы, начиная с 1922 г. и до середины 20-х годов, поступательные шаги в проведении этой политики делались неуверенно, противоречиво, с оглядкой на пройденный этап «военного коммунизма». В литературе уже высказывалось мнение, что критической точкой для поворота к свертыванию нэпа был 1925 г. В.А.Шишкин в своей монографии подвергает сомнению эту точку зрения, хотя приводимые им конкретные факты ее скорее подтверждают, чем опровергают¹. Ряд авторов процесс свертывания нэпа рассматривают в рамках 1927–1929 гг. Думается, что правы те, которые кульминацией нэпа считают середину 20-х годов, а 1926 год определяют как поворот к его свертыванию. Поскольку в этом вопросе нет единого мнения, постараюсь обосновать эту точку зрения, а именно, что демонтаж нэпа шел с этого года, хотя большой импульс от проведения экономической реформы в 1921–1925 гг. сказывался и тогда, когда она шла по нисходящей. Этим объясняется своеобразное сочетание отдельных нэповских мер с курсом правящих партийно-государственных кругов на свертывание нэпа.

Демонтаж нэпа начался после XIV съезда ВКП(б) негласно, без официального провозглашения такого курса, более того, на партийных форумах продолжались уверения в «верности нэпу». Процесс его свертывания имел

«ползучий характер», он был вызван не вследствие того, что «ресурсы нэпа» якобы истощались. Он определялся идеологией партии, сутью которой Сталиным был объявлен марксизм-ленинизм и которым манипулировали массовым сознанием. Все партийные и государственные работники обязаны были руководствоваться им в своей работе. «Правда» в статье «Марксизм-ленинизм — наша государственная доктрина», опубликованной 11 ноября 1927 г., утверждала: Наши государственные деятели, члены Совнаркома, руководящие работники наркоматов, военных и хозяйственных ведомств, дипломатический корпус ведут работу под «марксистским углом зрения», повседневно исходят из марксистских посылок. А «марксистский угол зрения», «марксистские посылки» требовали рассматривать все явления экономической и политической жизни через «социалистические очки», т.е. соответствуют ли они социалистической перспективе — ликвидации частной собственности, товарно-денежных отношений, постулату о неэффективности мелкого производства. Партийная идеология к тому же играла роль интеллектуального орудия поддержания легитимности власти тех, кто одерживал верх во внутрипартийной борьбе. В конечном счете она служила Сталину, претендовавшему на роль единственного интерпретатора «марксизма-ленинизма», приспособлявавшему его к утверждению своей личной власти.

Если до середины 20-х годов, на этапе «восхождения» нэпа, «правила бал» экономика — в том смысле, что к ее рыночному развитию вынуждена была приспособляться политическая система с ее государственными и общественными институтами, также подвергаясь известному реформированию, то начиная с середины десятилетия, когда «задачи нэпа по восстановлению хозяйства» были как бы выполнены, инициатива переходит к государственным политическим институтам — непосредственным орудиям осуществления политико-идеологических замыслов

партии — в данном случае сводившихся к повороту нэпа вспять, наступлению против уже состоявшихся реформ.

Историография, как советская, так и в значительной своей части постсоветская, сводя причины свертывания нэпа к чисто экономическим факторам, лишала себя возможности в полной мере раскрыть его противоречия (в частности, между требованиями нормального функционирования экономики и политическими приоритетами), была как бы ангажирована на ответ: «нэп себя экономически исчерпал». Можно и нужно понять авторов: в центре всей политической жизни страны, особенно внутрипартийной борьбы были проблемы экономические. Это как бы заслоняло то, что принятие по ним решений определялось политико-идеологическими установками руководства страны, доктринальными соображениями, направленными сначала на ограничение, а затем и полное вытеснение частного производителя. Свертыванию нэпа способствовали его противоречия, во многом искусственные, вызванные идеолого-политической заданностью руководства, не дававшие нэпу возможность решать коренные проблемы города и деревни: периодические кризисы сбыта, хлебозаготовок, аграрное перенаселение, низкая товарность сельскохозяйственного производства.

Ныне некоторые историки склонны признать, что в экономическом и социальном плане потенциал нэпа не был исчерпан. Так почему же нэп вместо того, чтобы его потенциал востребовать, душили и в конце концов задушили? В работах о нэпе, в которых авторы оперируют чисто экономическими показателями и рассуждениями, абстрагируясь от политической доктринальной мотивации руководства, вразумительного ответа на этот вопрос не найти².

Как отмечалось, уже в решениях XIV съезда партии был заложен «подкоп» под нэп, хотя официально это не признавалось, более того — мало кем осознавалось. Не случайно, начиная с 1926 г. в пропаганде усиливалась критика нэпа. Тон задавал теоретический орган ЦК «Большевик», проявлявший беспокойство возникновением

«теоретического уклона в сторону буржуазной демократии среди некоторых товарищей». Так, В.Карпинский, автор статьи «Новое течение в нашей партии», полемизировал со сторонниками «расширительного» толкования избирательных прав: раз частная торговля, наемный труд разрешены, а крестьянин, кустарь и ремесленник, торгующие произведениями своего труда, перестали считаться «спекулянтами», получили ряд экономических льгот, Советская власть привлекла к сотрудничеству даже «нэпманов», взят курс на «оживление» Советов, предполагающий привлечение к активной политической деятельности более широких масс — все это должно учитываться избирательной системой. «Расширительная тенденция» избирательного права, считает автор, исходит из обычных представлений социал-демократов о демократии как пути к социализму. Исходить же надо из того, что классовая борьба при диктатуре пролетариата остается, принимая другие формы, она «поднимается на более высокую ступень». В условиях нэпа возможность эксплуатации наемного труда сохранилась. Нельзя связывать напрямую предоставление политических прав с экономическими правами. Это переход с «революционно-классовой марксистской позиции на меньшевистскую точку зрения». Нэп — это «тактический прием, означающий временное отступление с целью немедленного закрепления на новых позициях и перехода сейчас же в дальнейшее наступление новыми способами»³. Автор категорически против каких-либо уступок крестьянам и другим слоям мелкой буржуазии, так как ими воспользуется враг в целях борьбы с пролетариатом.

В другой статье, опубликованной в 1926 г. в «Правде», Карпинский давал свое толкование противоречия: по Конституции лица, пользующиеся наемным трудом, лишаются избирательных прав, а новые законодательные акты разрешают применять наемный труд. Этого противоречия, считал он, можно избежать, если сузить рамки предоставления избирательных прав: если граждане вре-

менно, в силу особых обстоятельств, прибегают к наемному труду, они не относятся к эксплуататорам (кулакам), если же систематически (посезонно или постоянно), тогда они относятся к эксплуататорам и не могут иметь избирательных прав⁴.

И на практике нэп, начиная с 1926 г. шаг за шагом сдает свои позиции вследствие целенаправленной политической линии партийного руководства: дальнейшее движение по нэповско-рыночному пути в корне противоречило его идеологической цели. Подтолкнули к этому сами положительные результаты нэпа, способствовавшие восстановлению народного хозяйства к середине 20-х годов. Сейчас уже нельзя было ограничиваться общими рассуждениями о роли нэпа в «строительстве социализма» и решениями по конкретным текущим вопросам. Восприняв в качестве партийной установки сталинское положение о «строительстве социализма в одной стране», руководство страны должно было ответить на вопрос о темпах, формах, методах этого строительства, одним словом, — как двигаться к «ставшей достижимой» цели.

Между тем в экономике, исчерпавшей внутренние «восстановительные» резервы, наметились явные сбои. Возрастали издержки производства, снижалась его эффективность, росла безработица. Критики рыночных реформ, экономических методов как бы получали дополнительные подтверждения своей правоты и поддержку в социально-психологической атмосфере страны, созданной безработицей, ростом социальных контрастов, резкой дифференциацией населения на богатых и бедных, спекуляцией, коррупцией, перебоями в снабжении.

Страна тогда оказалась на перепутьи. Сама экономика требовала или полного признания рынка, или возврата к административно-распределительной системе. В руководстве, едином в том, что целью является социализм, не было единства по вопросу о путях движения к ней. Это вызывало новые всплески внутривластной борьбы, новые дискуссии. Они не прекратились с поражением

«новой оппозиции» на XIV съезде партии. По существу столкновения продолжались по тем же вопросам, что и в дискуссии 1923 г. (накануне XIII съезда партии) и в 1925 г. (накануне и на самом XIV съезде).

Лейтмотивом выступления Троцкого в 1926 г. на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) было утверждение, что продолжается недооценка необходимости и возможности ускоренной индустриализации. Он предложил значительно увеличить объем капитальных работ, для чего требуется высшее напряжение сил и средств⁵. Так же рассуждали Л.Б.Каменев, Г.Е.Зиновьев, Г.Л.Пятаков и ряд других участников пленума.

В 1926 г. Троцкий вместе со своими вчерашними противниками Зиновьевым, Каменевым и их сторонниками выступили как Объединенная «левая» оппозиция. Официально она заявила о себе на июльском пленуме ЦК. Четкой позитивной программы у нее не было, главное в ней – критика партийного (сталинского) руководства и нэпа слева. В основе их общей «платформы» были требования Троцкого, отвергнутые в 1923 г.: преимущественное развитие промышленности, установление высоких цен на промышленные товары, высоких налогов на крестьянское хозяйство. В выступлениях Объединенной оппозиции говорилось об угрожающем темпе частнокапиталистического накопления, опасности перерождения государства, непопустительной терпимости в отношении к кулаку. Оппозиция утверждала, что вызванная к жизни городская и сельская буржуазия усилит давление на государство, добиваясь от него новых и новых уступок вплоть до денационализации промышленности.

Еще в декабре 1925 г. Троцкий, подводя итоги дискуссии с «новой оппозицией» Зиновьева и Каменева, писал: «Оселком для определения политики является отношение к промышленности», «черепашьим шагом» (имелся в виду Бухарин) строить социализм нельзя. «Непонимание вопроса темпа. Мировой рынок не ждет. И мужик не захочет ждать», «темп определяет не только

скорость движения, но и направление его». «Угрожающие ножницы между розничными ценами и оптовыми являются результатом недостаточного темпа промышленного развития». Отставая в своем развитии, государственная промышленность питает капитализм⁶. Зиновьев и Каменев⁷, став «союзниками» Троцкого, отреклись от своей прежней «платформы», перешли на его позицию, против которой они только что вели яростную борьбу. Каменев в конце 1925 г. в отношении промышленности требовал «реже шаг», в 1926 г. он уже за решительный поворот к промышленности, используя для этого крестьянское хозяйство.

Суть разногласий по вопросу о развитии промышленности сводился к «темпу». Оппозиция считала его недостаточным, требовала максимального форсирования индустриализации. Между тем, партийно-государственное руководство и до этого неизменно давало преимущества государственному («социалистическому») сектору экономики, хотя это и шло наперекор экономическому здравому смыслу. Осуществлялся искусственный рост государственно-монополизированной промышленности, что противоречило функционированию смешанной экономики, сочетанию хозяйственных укладов на основе их конкуренции, способности каждого из них к выживаемости и развитию. Широкомасштабный государственный сектор, его монопольное положение и искусственная поддержка тяжелой промышленности суживали рамки для свободного рынка, частной инициативы, они потребовали усиленной перекачки средств, прежде всего из сельского хозяйства в промышленность. К этому добавлялись огромные траты на содержание разбухшего бюрократического государственно-го аппарата. В своем последнем выступлении на пленуме ЦК и ЦКК в июле 1926 г. Ф.Э.Дзержинский признал: «Мы ведем наше хозяйство страшным образом бесхозяйственно»⁸. Возникшие в связи со всем этим экономические, социальные и политические трудности толкали к расширению административных методов управления, в

частности, государственно-плановому руководству народным хозяйством, способствовали нарастанию тенденции к свертыванию нэпа.

Баталии против Троцкого, Объединенной оппозиции по вопросам о темпах развития промышленности Сталин вел скорее в чисто политических целях. На деле шаг за шагом продвигались их требования. Не случайно 1926 г. вошел в историю как первый год индустриализации. Уже в резолюции апрельского пленума ЦК подчеркивалось, что «развитие индустрии и вообще индустриализации страны является той решающей задачей, успешное разрешение которой определяет дальнейший рост всего хозяйства в целом по пути к победе социализма»⁹.

Осенью 1926 г. XV партийная конференция выдвинула задачу в исторически кратчайший срок «нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран», форсировать производство орудий производства, всемерно развивать машиностроение¹⁰. Государственные средства перераспределялись в пользу промышленности. Были существенно увеличены вложения в капитальное строительство. Символична происшедшая перемена в отношении к строительству Днепрогэса: только что Сталин был против этого, сейчас он уже за. Проведение в жизнь основных положений контрольных цифр народного хозяйства Госплана на 1925/26 г. потребовало значительного увеличения денежной эмиссии с усилением государственного контроля над ценами¹¹. В две-три смены заработали печатные станки, в результате, по выражению наркома финансов Г.Я.Сокольникова, червонец превратился в «качающуюся валюту». Госбанк отказался от обмена советских денег на иностранную валюту. В следующем году прибегли к выпуску принудительных займов, что способствовало нарастанию инфляции.

С 1926 г. все чаще включались административные методы управления экономикой, сопровождавшиеся увеличением количества руководящих ведомств и их бюрокра-

тизацией. Началась «плановая эйфория»: планирование всего и вся объявлялось панацеей от всех экономических трудностей. С этого года все годовые хозяйственные планы окончательно утверждались в Совнарком СССР (проекты его постановлений по ним предварительно рассматривались в ЦК ВКП(б)). Вновь создавались главки по отраслям, во многом повторявшие организацию управления народным хозяйством в годы «военного коммунизма». Однако плановость не предотвратила образование народно-хозяйственных диспропорций, отразившихся на состоянии денежного обращения. В 1926 г. резко сократились валютные ресурсы, в связи с чем был запрещен вывоз червонца за границу. Это явилось началом конца конвертируемости рубля и ликвидации положительных результатов денежной реформы. В 1926 г. внешняя монополизированная торговля еще имела положительный баланс, экспорт превысил импорт. В следующем, 1927 г., расходы по импорту уже значительно превысили поступления от экспорта (945 млн. и 785 млн. рублей)¹².

Негативные процессы в экономике, интерпретируемые с идеологических позиций, как бы подтверждали мнение руководства, что рыночная экономика в России неосуществима. Эти представления получали законодательное антирыночное воплощение. Еще в конце 1925 г. в связи с медленными темпами хлебозаготовок было сильно ограничено право торговли хлебом для частных. С начала 1926 г. частники могли отправлять заготовленный ими хлеб по железным дорогам в последнюю очередь¹³. В августе-октябре 1925 г. доля частных хлебных грузов в общем количестве вагонов с зерном и мукой составляла 19,2%, за тот же период 1926 г. — 5,8, а в 1927 г. — 2,4%¹⁴. В постановлении ЦК ВКП(б) от 30 декабря 1926 г. говорилось об аренде как «отсталой форме использования земли», которую предстоит ликвидировать¹⁵.

Страх перед частным капиталом, наиболее зримым и кажущимся очевидным представителем которого был частный торговец, побуждал политическое руководство

страны постоянно его ограничивать. Созданный в 1924 г. Наркомат внутренней торговли СССР¹⁶ своей задачей считал вытеснение частника из торговли. Он вмешивался в товарооборот, направляя движение товаров в районы, не считаясь с законами рыночной выгоды. Такое отношение к частной торговле не вызывало расхождения в партийно-государственном руководстве. Одним из исключений в этом вопросе был Дзержинский, не разделявший мнение о том, что ее уже надо вытеснять. Он возмущался создаваемыми препятствиями частной торговле, считая ее необходимой для населения, особенно для крестьян. Как передает Н.Валентинов (Н.Вольский), на открытии Всесоюзного съезда местных «торгов» 1 апреля 1925 г. Дзержинский говорил, что «наша задача — полное использование частного капитала, отнюдь не ставка на его уничтожение, о чем упорно многие думают. Я против частного капитала в большом и даже среднем опте, но считаю, что без низового частного торговца нам никак сейчас обойтись нельзя... Прогрессом является каждый торговый пункт, появляющийся там, где ныне нет и признаков торговли, откуда нужно за 20-25 километров ехать для покупки фунта сахара или бутылки керосина. Наша торговая сеть до ужаса малочисленна. До войны вне городов, вне городского вида поселений, было 320 тысяч разных мест продажи, пусть самых примитивных, считая, в том числе, продажу с лотка на базарах. А теперь во многих местах ничего нет»¹⁷.

Наступление на нэпманов с целью их вытеснения из торговли и промышленности сначала велось в основном экономическими методами — путем обложения повышенными налогами. В результате частных торговых предприятий в 1926 и в первой половине 1927 г. сократилось на 18% по сравнению с 1925 г.¹⁸ Процесс вытеснения частника из торговли подхлестнуло постановление ЦО от 26 августа 1927 г. «О государственной розничной торговле», предлагавшее «при регулировании розничной торговли стремиться, прежде всего, к увеличению удель-

ного веса кооперативной и государственной розничной торговли за счет частной торговли... за счет дальнейшего вытеснения частной торговли»¹⁹. С 1926 г. шла ликвидация товарных бирж: к началу 1927 г. в стране еще функционировали 115 бирж²⁰; в течение года они свертывались повсеместно. Частник вытеснялся и чисто административными, репрессивными методами. Только предпринимателей-кожевников в 1927 г. было арестовано 2 тысячи человек²¹. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Сталин с удовлетворением констатировал падение удельного веса частника, вытеснение мелких торговцев. «Но что это значит? – вопрошал он. – Это значит, что если наша промышленность и наши торговые органы растут, то десятки тысяч мелких и средних капиталистов разоряются. Сколько лавок мелких и средних закрыто за эти годы? Тысячи»²².

1926 год – последний год абсолютного роста частного сектора и в промышленности, а с конца года он начал вытесняться вводимыми сверхналогами и всевозможными ограничениями, в том числе прекращением кредитования, снабжения дефицитными материалами. Партийно-советская печать, придерживаясь курса на шельмование частного сектора в промышленности, изо дня в день публиковала материалы о трудовых конфликтах на предприятиях, являвшихся следствием эгоизма, стяжательства предпринимателей, пытавшихся наживаться на эксплуатации рабочих. Конечно, таких фактов было немало. Но было и другое, о чем умалчивалось, а именно, что на частных предприятиях зарплаты были выше, чем на государственных, а взаимоотношения сторон чаще бесконфликтными. Об этом свидетельствуют архивные документы ВЦСПС – материалы обследований, проводившихся в 1927 г. В них сообщалось, что предприниматели, учитывая враждебность к ним власти, ее политики, сами стремились устанавливать дружеские отношения с рабочими, делая им по разным случаям подарки, чаевые, повышая зарплату. Представитель Совета профсоюзов

металлистов (Касаткин) в материале о результатах обследования приводил такой типичный случай: «Когда я беседовал с рабочими о зарплате, то выяснилось, что они имеют увеличение таковой. Тогда я сказал — “значит здорово союз нажимает на нанимателя в части повышения зарплаты” Хозяин, услышав это, негодуя заявил, что не союз нажимал, а он сам согласился повысить зарплату рабочим»²³.

Московский губернский совет профсоюзов, обобщая материалы обследований, отмечал: «частный предприниматель ведет свою политику по отношению к рабочим так, чтобы привлечь на свою сторону наиболее сознательную часть рабочих, используя для этой цели: а) дополнительные приплаты к заработку в виде наградных, обедов, завтраков и т.п., б) выдача авансов рабочим и служащим, в) кумовство, угощения и спаивание рабочих, г) стремление показать рабочим свое, якобы, желание участвовать в их просвещении (содействие в организации красных уголков, финансирование культуры)»²⁴.

Рабочие, естественно, не оставались безучастными к такой «разлагающей работе частников» — так она характеризовалась в материалах профсоюзных обследований. Приведены в них конкретные примеры. Так, рабочие текстильной фабрики Александрова (Сергиевский уезд) ходатайствовали перед соответствующими советскими органами о том, чтобы не высылали хозяина из его собственного дома. На одной из текстильных фабрик («имени Володарского», Московская губерния) рабочие без ведома фабричного комитета решили возбудить ходатайство о снижении налогов с хозяина. Был случай, когда рабочие снабжали хозяина деньгами под вексель, чтобы поправить его дела. В Сычевском уезде (Смоленская губерния) рабочие сами скрыли невыполнение нанимателем коллективного договора, на табачной фабрике рабочие из сочувствия к хозяину и для облегчения его финансового положения отказывались от части своей зарплаты. Работницы одной текстильной мастерской в

Москве на предложение о вступлении в профсоюз ответили, что они с хозяевами дружат и из-за союза с ними ссориться не хотят.

Псковский губернский совет профсоюзов на основании материалов обследований констатировал: как правило, «редко встречаются рабочие и служащие частных предприятий, отстаивающие твердо свои трудовые интересы. Очень часто авторитет хозяина среди работающих выше, чем авторитет профорганизаций — «хозяин хороший человек», говорят рабочие Захинского завода (Псков). Между тем этот «хороший человек» зарплату на руки выдает не полностью, правда, иногда выплачивает деньги вперед. Кроме того, он содействовал организации красного уголка. В результате его работы общее собрание обсуждало вопрос о сокращении прогулов». На пивном заводе Красильникова общее собрание рабочих отклонило предложение союза о повышении зарплаты и согласилось с мнением хозяина «зарплату не повышать, учитывая тяжелое положение производства»²⁵. ЦК союза металлистов в обзоре материалов обследований привел такие факты: взятие рабочими на поруки арестованного хозяина (Москва), отказ работающих от предъявления райкомом союза требований предпринимателю (Вятка), поднесение подарков хозяину (Москва), сокрытие от завкома случаев нарушения предпринимателем коллективного договора и трудового законодательства (Одесса)²⁶.

Из резюме ЦК союза металлистов: Все приведенные факты «со всей ясностью» указывают на «затемнение классового самосознания рабочих и служащих, работающих на частных предприятиях»²⁷. Дело же было в другом: рабочие перед угрозой безработицы были заинтересованы в сохранении частных предприятий, а не в их удушении, проводившемся властью в целях огосударствления. Если частная ценовая промышленность в 1925/1926 году еще выросла на 19,5%, то в следующем 1926/1927 году она сократилась на 4,2%²⁸.

Одним из элементов курса, проводимого в интересах государственной промышленности, было сокращение доступности для анализа ее деятельности. Начало этому положило постановление СНК СССР от 19 мая 1926 г. «О мерах к сокращению издания материалов и отчетов о деятельности государственных и кооперативных органов». Постановление предлагало Совнаркомам союзных республик «возложить на главные управления по делам литературы и издательств республик контроль за тем, чтобы материалы и отчеты о деятельности государственных органов издавались не иначе, как с соблюдением разрешительного порядка...»²⁹. В значительной мере такие материалы становились закрытыми.

29 июня 1927 г. ЦИК и СНК СССР приняли «Положение о государственных промышленных трестах»³⁰, которое подменяло коммерческий расчет так называемым хозяйственным расчетом. Значительно расширилась компетенция учреждений, в ведении которых состояли тресты (ВСНХ СССР и республик, наркоматы): они утверждали их производственно-финансовые планы, планы строительства, отчеты, балансы, счета прибыли и убытков, давали правлениям разрешение на сдачу и взятие в аренду производственных предприятий, устанавливали отпускные цены на продукцию трестов. Они же утверждали назначения и увольнения работников, производимые трестом. Так из самостоятельных экономических единиц тресты превращались в часть единого бюрократического централизованного механизма управления промышленностью. Отныне они действовали в соответствии с плановыми заданиями. Не прибыль, а выполнение спускаемого сверху плана становилось главной целью их экономической деятельности. Все это противоречило принципам нэпа.

Важным элементом курса на свертывание нэпа и направление основных ресурсов на развитие промышленности были внешнеполитические обстоятельства, используемые руководством для оправдания своей внутренней политики. В 1927 г. резко ухудшились отношения с

Англией из-за поддержки Советским Союзом национально-демократической революции в Китае. Англия разорвала с СССР дипломатические отношения. Возникший «призрак войны» осложнил международное положение страны, частью его были антисоветская кампания за границей, убийство полпреда П.Л.Войкова в Варшаве 7 июня 1927 г. Были опасения, что капиталистические страны могут опять создать коалицию против СССР³¹. Эти опасения разделяли в партии и «левые», и «правые», и «центристы». Все были согласны, что нужно крепить оборону, а для этого развивать военное производство, чем подтверждалась необходимость ускоренной индустриализации.

Сворачиваемые рыночные отношения оказывали соответствующее влияние на характер функционирования всего хозяйственного механизма страны, привели к затруднению товарообмена между городом и деревней, кризису снабжения. С конца 1927 г. возник товарный «голод», усилилась инфляция.

Производившееся перераспределение средств в пользу промышленности за счет сельского хозяйства вело к росту цен на промышленные товары, крестьянам они были недоступны. Промышленная продукция затоваривалась, росла безработица. С октября 1926 г. по май 1927 г. только зарегистрированных безработных увеличилось с 1070 тысяч до 1428 тысяч человек³².

В 1926 г. в политике партии был сделан поворот от середняка и «старательного хозяина» к бедняку. Началась организация «групп бедноты». Вопреки лозунгу XIV съезда партии о преодолении иждивенческих настроений бедняцкой части деревни, в 1927 г. пленумы ЦК и ЦКК (август, октябрь) ориентировали на увеличение фонда помощи бедноте из центральных и местных источников, расширение кредита, оказание ей налоговых льгот³³. Объединенная «левая» оппозиция с одобрением встретила этот поворот в политике. Правда, крестьянину было не до внутрипартийных взаимоотношений даже по вопросам, непосредственно его касавшимся. Дороговизна и

недостаток промышленных товаров тяжело сказывались на его хозяйстве, и он отвечал «хлебной стачкой», не продавал хлеб государству. В 1927 г., несмотря на неплохой урожай, произошел спад хлебозаготовок — заготовлено почти половина от 1926 года. Государству не хватало зерна для удовлетворения внутренних потребностей и для экспорта и оно было вынуждено отказываться от импорта промышленных товаров. Виновным в сокращении хлебозаготовок оказывался кулак. Между тем, стоило крестьянскому хозяйству добиться подъема, к чему были направлены принимавшиеся в рамках нэпа меры, как оно зачислялось в разряд кулацких с соответствующими последствиями: запреты на продажу кулакам сложных сельскохозяйственных машин, ограничения в кредите, сверхналоги и пр. В 1927 г. антикулацкая направленность налогового обложения деревни усилилась. На долю кулаков приходилось 25,9% суммы сельскохозяйственного налога, тогда как они давали всего 13,6% товарной продукции сельского хозяйства³⁴.

Директивы ЦК ВКП(б) от 14 и 24 декабря 1927 г. предлагали изымать денежные накопления деревни путем максимального ускорения всех платежей крестьян государству: по налогам, страхованию, семенным ссудам и т.д. Объединенная «левая» оппозиция шла еще дальше, предлагая для преодоления хлебных затруднений забирать часть хлеба у 10% крестьянских хозяйств. Руководство страны пока такие предложения отвергало. А.И.Рыков в докладе на X съезде КП(б) Украины 20 ноября 1927 г. говорил: «мы считаем совершенно недопустимым возврат к методам военного коммунизма в виде принудительного изъятия хлеба из деревни. Это нанесет величайший вред всему сельскому хозяйству, всему нашему хозяйственному строительству... Ведь принудительное изъятие хлеба — часть военного коммунизма. Став на путь военного коммунизма, мы неизбежно и в короткое время приведем рабочий класс к разрыву его союза с середняком»³⁵. Не пройдет и двух месяцев, как перешли

к принудительному изъятию у крестьян хлеба даже более жестко, чем предлагала оппозиция.

Ставившиеся рогатки заключению договоров на концессии не давали возможности развиваться этой форме хозяйственной деятельности, хотя она была выгодна как для общего подъема экономики страны, так и для работавших на концессионных предприятиях³⁶. К 1927 г. из-за границы поступило 1,6 тысяч предложений на концессии, заключено же было всего 172 договора, фактически действовали из них 1/3. Удельный вес продукции концессионных предприятий в 1927/1928 году составлял всего 0,6% общей валовой продукции³⁷.

Начавшееся свертывание нэпа сопровождалось отступлениями от уже проведенных реформ в политической системе. На выборах в 1926 г. впервые участвовало несколько больше половины (50,8%) всех избирателей³⁸. Однако, судя по резолюции июльского Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), итогами выборов он не был доволен, резолюция отмечала «неправильность сокращения числа лиц, лишенных избирательных прав, в то время как происходит некоторый рост буржуазных элементов», она потребовала усилить борьбу с «буржуазными элементами»³⁹. Партийная установка была дана — и осенью 1926 г. Президиум ВЦИК РСФСР и ЦИК СССР отменили «либеральные» инструкции о выборах в Советы от 13 октября 1925 г. и утвердили новые, расширившие категории лиц, лишаемых избирательных прав⁴⁰. Согласно директиве ЦК ВКП(б), следовало довести численность лишенных избирательных прав в среднем по стране до 3-4% взрослого сельского населения, в некоторых районах допускалось до 5-7%. В итоге избирательной кампании количество «лишенцев» увеличилось в 1927 г. по сравнению с предыдущими выборами в 1925-1926 гг. в городские Советы с 4,5% до 7,7%, в сельские — с 1,1% до 3,3%⁴¹. Наметилось падение численности граждан, участвовавших в выборах (48,4%)⁴².

Официально считалось, что процесс «оживления» Советов продолжался. В печати время от времени публиковались посвященные ему статьи. Судя по ним, хвалебная эйфория явно шла на убыль, хотя их тон был прежний. Секретные сообщения, поступавшие в ЦК ВКП(б), содержали далеко не оптимистические оценки. Так, в докладной записке инструктора Орграспредотдела ЦК М.Варейкиса от 6 декабря 1926 г. об «оживлении» сельсоветов в Костромской губернии говорилось, что их работа «представляется чрезвычайно слабой... По Костромскому уезду с момента их переизбрания в ноябре 1925 г. деятельность сельсоветов почти не изменилась, состав сельсоветов ни в чем себя в работе не проявил, даже кое в чем работа ухудшилась. В значительной части сельские Советы, как органы власти, отсутствуют — есть только председатели и секретари, собрания сельсоветов в большинстве случаев незаконны, так как присутствуют менее 2/3 членов сельсоветов, а по некоторым волостям на 70% сельсоветы не собираются. Секции советов в большинстве случаев существуют формально, на бумаге»⁴³.

Партийно-государственная власть была заинтересована в укреплении Советов — орудия проведения своей политики. Особенно это касалось усиления их контроля над сходами крестьян, которые нередко принимали нежелательные для власти резолюции. ВЦИК и СНК РСФСР 14 марта 1927 г. утвердили «Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях». Организаторами и руководителями сходов объявлялись сельские Советы. Они определяли какие вопросы выносятся на сход, время и место проведения сходов, назначали докладчиков и предлагали проекты решений. В работе сходов могли участвовать только граждане, имевшие избирательные права⁴⁴. 23 июня 1927 г. ЦИК СССР принял постановление «О правах и обязанностях местных органов Советской власти», расширявшее права Советов по административному и общему управлению⁴⁵. В 1926 и 1927 гг. увеличивались бюджеты и уточнялись сферы дея-

тельности исполкомов Советов. В конце 1927 г., когда произошел очередной хлебозаготовительный кризис, от Советов требовали искать врагов, саботажников экономических мер, кулацких антисоветских элементов и очищать от них свои аппараты. В то же время усиливался контроль за деятельностью самих Советов. Списки кандидатов в Советы составлялись партийными организациями и согласовывались в райкомах ВКП(б). Это давало возможность значительно увеличивать процент коммунистов (и комсомольцев) в составе Советов: в 1927 г. он достиг 13% в сельсоветах (председателей — 24%), в волостных и районных — 31%, в городских Советах — 70%⁴⁶.

Созыву каждого съезда Советов СССР или сессии ЦИК предшествовали пленумы ЦК, намечавшие повестки дня советских форумов и принимавшие проекты решений по основным их вопросам. Такой же порядок установился и в отношении местных Советов: каждому съезду Советов (губернскому, уездному) и сессии городского Совета предшествовали заседания соответствующего партийного комитета, определявшие их вопросы и принимаемые по ним решения. По закону Советы имели обширные права и полномочия, на деле реальной властью они не были. Возрастало значение их исполнительных комитетов, как проводников политики партии.

Современники почувствовали наметившийся отход от тех элементов либерализации режима, которые были в годы поступательного развития нэпа. Н.Валентинов (Н.Вольский), рассказывая о его работе в «торгово-промышленной газете» в качестве заместителя редактора, к 1927 году относит перемену в политической атмосфере, которые сотрудники редакции ощутили в отношении власти к специалистам. В 1924—1926 гг. в газету шел поток статей беспартийных и коммунистов с предложениями, постановкой новых вопросов. С середины 1927 г. он прекратился. «Бывали дни, когда в газету не приходила уже ни одна статья. Люди избегают высказываться»⁴⁷

Репрессии обрушивались против «классовых врагов», кулаков, нэпманов, сторонников оппозиций. По словам Троцкого, Н.К.Крупская как-то в 1927 г. ему сказала, «что если бы жив был Ленин, то, вероятно, уже сидел бы в сталинской тюрьме»⁴⁸.

«Сменовеховцы», пристально следившие за ходом реформ в СССР, во второй половине 20-х годов вынуждены были распрощаться со своими надеждами, которые они возлагали в первый период нэпа на «термидор» — перерождение Советской власти и самоликвидацию большевистского режима подобно тому, как был преодолен яacobинский режим. В 1927 г. «сменовеховец» Н.В.Устрялов писал: «Нэп был в известном смысле “фальсификацией термидора” Изменение хозяйственной политики без видоизменения политического режима было лишь — политическим ходом, и все основные уступки нэпа взяты постепенно назад. На смену “коммунизма военного” явился “коммунизм в перчатках”, который был продолжением властвования той же Коммунистической партии, преследовавшей те же свои цели, но изменившей, по соображениям целесообразности, методы их достижения»⁴⁹.

Между тем внутривластная борьба по основным вопросам государственной политики продолжалась. В мае 1927 г. Объединенная оппозиция направила в ЦК ВКП(б) документ — «Заявление 83», в котором она подвергла его резкой критике. Авторы «Заявления» особое внимание уделили вопросам, находившимся в центре полемики с «правыми», которых олицетворяли Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, М.П.Томский, поддерживаемые пока что Сталиным и большинством руководства. Осуждалась аграрная политика, проводимая «в интересах кулака»: «от лозунга «обогащайтесь», от призыва к кулаку «врастать» в социализм, руководящее ядро ЦК пришло к замалчиванию расслоения крестьянства, к преуменьшению этого расслоения, с одной стороны, и к практической ставке на крепкого крестьянина — с другой». Утверждалось: «Вся

наша партийная политика страдает от курса направо. Если подготавливаемый теперь новый удар налево, по оппозиции, будет нанесен, это окончательно развяжет руки правым, непролетарским и антипролетарским элементам, отчасти в нашей собственной партии, а главным образом — за ее пределами. Удар по левым будет иметь своим неизбежным последствием торжество устряловщины». Подлинная опасность надвигается от нэпмана и кулака «под фирмой крепкого мужика»⁵⁰.

На требовании Троцкого и Объединенной оппозиции форсировать развитие крупной промышленности документ не акцентирует внимание, все же об этом как бы мимоходом говорится: «Отставание крупной промышленности от требований, предъявляемых к ней со стороны народного хозяйства (товарный голод, высокие цены, безработица) и со стороны советской системы в целом (оборона страны) приводит к усилению капиталистических элементов в хозяйстве Советского Союза — особенно в деревне». Источником неправильной линии во внутренней политике является то, что вместо марксистского анализа действительного положения пролетарской диктатуры в СССР, партии преподносится неверная, мелкобуржуазная «теория социализма в одной стране, не имеющая ничего общего с марксизмом, ленинизмом»⁵¹.

Этапной вехой на пути свертывания нэпа принято считать XV съезд ВКП(б) (2-19 декабря 1927 г.), а из обсуждавшихся на нем вопросов и его решений важнейшими те, которые относились к сельскому хозяйству. В партийно-советской историографии он называется «съездом коллективизации». Однако это название неточно отражает содержание работы и значение съезда. Оно появилось позже как обобщение проводившейся Сталиным политики перехода к ускоренной коллективизации крестьянских хозяйств, якобы декретированной партийным съездом.

Идея коллективизации была одной из доктрин партии, как часть движения к исторической цели — социализму. Даже в конце 1927 г. сталинское руководство еще

не призывало к форсированию темпов коллективизации. В беседе с иностранными рабочими делегациями 5 ноября 1927 г. Сталин заявил: «Мы думаем осуществить коллективизм в сельском хозяйстве постепенно, мерами экономического, финансового и культурно-политического порядка. Я думаю, что наиболее интересным вопросом является вопрос о мерах экономического порядка». Что касается «всеохватывающей коллективизации» — «к этому дело еще не пришло и не скоро придет»⁵².

На XV съезде партии Сталин по вопросу о коллективизации высказался довольно осторожно: выход из тяжелого положения в сельском хозяйстве — «в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли». Решать эту задачу надо постепенно, без нажима, «в порядке показа и убеждения»⁵³. И здесь же: «Неправы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ: сказал, приложил печать и точка. Это средство легкое, но далеко не действительное. Кулака надо взять мерами экономического порядка и на основе революционной законности». Задача ликвидации кулака административными мерами пока не стоит, но нельзя исключить «применение некоторых необходимых мер против кулака»⁵⁴.

По этим вопросам были различные выступления. Если в докладах Сталина, Рыкова и выступлениях ряда других делегатов говорилось лишь о том, что задача перевода сельского хозяйства на путь коллективизации назрела, постановка ее оправдана, то Молотов, выступивший с докладом «О работе в деревне», подчеркивал необходимость более решительного наступления на кулачество и форсирования коллективизации.

Резолюция съезда «О работе в деревне» констатировала, что «в настоящий период задача преобразования и объединения мелких индивидуальных хозяйств в крупное коллективное хозяйство должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне». И тут же:

«Категорически указывая на то, что этот переход может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян, партия признает неотложным широко развернуть пропаганду необходимости и выгоды для крестьянства постепенного перехода к крупному общественному хозяйству»⁵⁵. Ни сроков, ни форм коллективизации съезд не устанавливал. Итак, в решении съезда речь шла не о форсировании перехода и принуждении к нему, а постепенности его и добровольности со стороны крестьян. И пункт директив съезда по составлению пятилетнего плана народного хозяйства — о дальнейшем вытеснении частного с рынка кооперацией и государственной торговлей сформулирован «почти» в смысле нэповской политики: оно «должно происходить в меру их действительных и организационных и материальных возможностей, так, чтобы это вытеснение не влекло за собой бреши в товаропроводящей сети и перебоев в снабжении рынка»⁵⁶.

В «Директивах» говорилось также, что «план должен исходить из основной классовой установки партии, а именно из политики опоры на бедноту, прочного союза с середняком и наступления на кулака»⁵⁷: вытеснение кулачества, но экономическими методами. И в этом пункте нет ничего нового. О необходимости борьбы с кулаком говорилось и в предыдущих партийных документах.

В то же время XV съезд ВКП(б) дал толчок к ужесточению административно-плановых методов руководства. Сталин заявил, что «партия продвинулась далеко вперед в деле планового руководства нашим хозяйственным строительством как на местах, так и в центре» и «обосновал» допустимость диктата в экономике: «Наши планы есть не планы — прогнозы, не планы — догадки, а планы — директивы, которые обязательны для руководящих органов и которые определяют направление нашего хозяйственного развития в будущем в масштабе всей страны»⁵⁸.

В резолюции по отчету ЦК ВКП(б) указывалось, что к «элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решитель-

тельного хозяйственного вытеснения» и что предпосылки для этого уже созданы⁵⁹. Однако этот пункт не согласуется с тезисами по конкретным хозяйственным вопросам и даже противоречит им.

В целом резолюции XV съезда ВКП(б), подтверждая курс XIV съезда, идут в русле продолжающегося процесса «затухания» нэпа, не нацелены на его форсирование и полное свертывание. Формально XV съезд партии еще продолжал придерживаться нэпа. Но его решения — это новый шаг к его свертыванию, хотя они не давали основания для решительного поворота к демонтажу новой экономической политики.

В заключение снова обращусь к цитированию лидера «сменовеховства» Н.В.Устрялова. Внимательный наблюдатель и аналитик процессов, происходивших в СССР во второй половине 20-х годов, он довольно точно охарактеризовал ситуацию, в которой оказалось советское руководство, вступившее на путь свертывания нэпа. «Индустриализация, — писал он, — в порядке дня. Наступление на рельсах нэпа. Между тем последний исчерпывает себя. Он имманентно нуждается в углублении, а его теснят и сокращают. Реконструкция национального хозяйства немислима без крайнего напряжения подъемной силы народа. Либо нужно продолжать и, следовательно, расширять нэп, ставя ставку на частную заинтересованность и личную предприимчивость в деле воссоздания народного хозяйства, либо приходится понуждать население к новым жертвам, взывать к его революционному долгу, перестраивать всю систему на военноподобный манер. Иначе говоря, — либо неонэп, либо решительное антибуржуазное наступление...

Наступал критический момент. Партия стояла на большом, решающем перепутье. Многое зависело от выбора: направо или налево. Так или иначе, собственно нэповский период кончался. Донимаемый заложенными в него противоречиями, он исчерпывал себя скорее, чем предусматривал его творец. И у нэпа есть свои темпы.

Политбюро, поставленное перед необходимостью выбора, отвергло правый путь, опасаясь, что он приведет в буржуазное болото. И, движимое неумолимой логикой исторического действия, оказалось вынужденным поплыть к противоположному берегу: не неонэп, а антинэп, контрнэп»⁶⁰.

Решительный поворот к «контрнэпу», форсированному свертыванию рыночных отношений и всего, что было связано с новой экономической политикой, начался в 1928 г.

2. Ужесточение режима. Репрессивный аппарат — орудие правящей партии

Процессы свертывания нэпа сопровождались ужесточением советского режима, ликвидацией еще неустоявшихся, неокрепших элементов либерализации политических институтов, политической системы в целом. Это шло по линии усиления партийной диктатуры, диктата партийных верхов в отношении внутрипартийной жизни, государственных и общественных структур, максимальной централизации управления, расширения партийно-государственного контроля над всеми сферами жизни страны и особенно гипертрофии функций карательных органов. И надо признать: курс власти на ужесточение режима оправдывал ее расчеты на обеспечение устойчивости политической системы созданием атмосферы страха, сковывавшей открытые проявления недовольства. Главным орудием проведения этого курса были репрессивные органы. Их полномочия постоянно расширялись законодательством по мере «отката» нэпа и нагнетания психоза «классовой борьбы».

Как уже отмечалось, и в первые годы нэпа население было охвачено страхом, внушаемым ВЧК-ОГПУ. Он усиливался во второй половине десятилетия с переходом к контрреформам. Это хорошо передано в донесении от

26 марта 1926 г. чехословацкой дипломатической миссии в Москве своему МИДу в Праге. Содержание документа подробно изложено в книге В.А.Шишкина. Приведу лишь несколько выдержек из него, показывающих, насколько уже в это время почти все слои советского общества были проникнуты страхом.

«Все современные подданные СССР, все жители СССР вообще, все трудящиеся всех возрастов, имеющие привилегии или нет, высшие чиновники, торговцы, врачи, военные, рабочие, безработные и т.д., пока еще психически вполне нормальные, но не имеющие дипломатических прав, живут в постоянном страхе. Страх – постоянный спутник каждого их шага. Страх окрашивает, руководит и ограничивает каждый их поступок. Страх способствует тому, что жизнь за границей представляется им сказкой. Страх учит их лжи, лицемерию и неискренности. Страх является причиной всеобщей неуверенности, глушит всякую инициативу...

Рабочие в государстве рабочих и крестьян живут под постоянным страхом быть при малейшей возможности уволенными с работы, и пометка в трудовой книжке, что был уволен со службы, закрывает для него двери любого государственного предприятия в СССР, а частное лицо такого рабочего на работу не возьмет из страха перед возможными последствиями.

Крестьянин живет в постоянной неопределенности, является ли обрабатываемая им земля его собственностью и не будет ли у него отнята, какие поступят новые дани, налоги и репрессии за их несвоевременную выплату. Солдаты и офицеры также служат не “за совесть”, а “за страх”, потому что убеждены, что за каждым их шагом следуют люди, которые сами из чувства страха не будут защищать от доноса и приятеля, и тем более готовы оболгать недруга.

Люди искусства, актеры, писатели творят под влиянием того же страха... Чего же боятся все эти граждане новой России? Если бы вы их спросили, большинство из

них, оглядываясь по сторонам, осторожно, дабы никто не слышал, ответили бы вам: ГПУ. Но эти три буквы являются лишь общей дефиницией и воплощением этого страха, который охватил и стал частью советского гражданина...»⁶¹.

Таковы впечатления иностранного наблюдателя от общественной жизни в СССР в середине 20-х годов.

Даже у части партийной верхушки возникли сомнения в оправданности слишком большой власти репрессивных органов. «Я считаю, — писал Н.И.Бухарин Ф.Э.Дзержинскому в декабре 1924 г., — что мы должны скорее переходить к более «либеральной» форме совласти: меньше репрессий, больше законности, больше обсуждений, самоуправления (под руководством партии *naturaliter*) и проч.»⁶². Реакция Дзержинского видна из его письма В.Р.Менжинскому от 24 декабря 1924 г.: «Такие настроения в руководящих кругах ЦК нам необходимо учесть и призадуматься. Было бы величайшей ошибкой политической, если бы партия по принципиальному вопросу о ГПУ сдала бы и дала бы “весну” обывателям — как линию, как политику, как декларацию. Это означало бы уступать нэпманству, обывательству, клонящемуся к отрицанию большевизма, это была бы победа троцкизма и сдача позиций. Для противодействия таким настроениям нам необходимо пересмотреть нашу практику, наши методы и устранить все то, что может питать такие настроения. Это значит мы (ГПУ) должны, может быть, стать потише, скромнее, прибегать к обыскам и арестам более осторожно, с более доказательными данными, некоторые категории арестов (нэпманство, преступления по должности) ограничить и производить под нажимом, или, при условии организации за нас общественного, партийного мнения...»⁶³.

8 марта 1925 г. Ф.Э.Дзержинский писал Г.Е.Зиновьеву: «... Для ОГПУ пришла очень тяжелая полоса. Работники смертельно устали, некоторые до истерик. А в верхушках партии известная часть начинает сомневаться

в необходимости ОГПУ (Бухарин, Сокольников, Калинин, весь НКВД)⁶⁴.

Беспокойство Дзержинского, вызванное сомнениями «известной части верхушки партии» в нужности его ведомства, было недолгим. Начавшийся поворот к свертыванию нэпа объективно потребовал не ослабления, а дальнейшего ужесточения репрессивной деятельности ОГПУ. Как бы отпала необходимость действовать ему «потиху, скромнее, более осторожно».

Большую роль в создании атмосферы страха в стране играла государственная цензура — со второй половины 20-х годов она постоянно ужесточалась, распространяясь на все виды печатных изданий. Она, по мнению Генерального секретаря, — составная часть пролетарской демократии. В беседе с иностранными рабочими делегациями 5 ноября 1927 г. Сталин сказал: «Мы никогда не брали на себя обязательства дать свободу печати всем классам, осчастливить все классы». На вопрос «почему нет свободы печати в СССР», он ответил: «О какой свободе печати вы говорите? Свобода печати для какого класса — для буржуазии или для пролетариата? Если речь идет о свободе печати для буржуазии, то ее нет у нас и не будет, пока существует диктатура пролетариата. Если же речь идет о свободе для пролетариата, то я должен сказать, что вы не найдете в мире другого государства, где бы существовала такая всесторонняя и широкая свобода печати для пролетариата, какая существует в СССР»⁶⁵. В действительности не только буржуазия, но и пролетариат были лишены возможности высказываться в печати по поводу подлинных «свобод» в стране и прежде всего потому, что могли выходить и распространяться, не подвергаясь преследованиям, только официальные издания, руководствовавшиеся большевистской идеологией и восхвалявшие политику правящей партии. Советские граждане не имели возможности знакомиться с иностранной периодикой — ее поступление в страну было заблокировано. Если же в советской печати приводились выдержки

из иностранных газет и журналов, то только благожелательные в отношении официальной политики, проводимой в СССР

Создававшаяся цензурой изоляция населения от знания и понимания происходивших политических и экономических процессов способствовала «свободе рук» правоохранительных и репрессивных органов, действовавших не только в рамках принимавшегося законодательства, но и не считаясь с ним.

Активно участвовал в репрессиях судебно-прокурорский состав органов юстиции. Значительная его часть не имела не только юридического, но и общего среднего образования. Некоторое представление о нем дают данные, приведенные на XV съезде ВКП(б) Н.В.Крыленко: из 1176 уездных помощников прокуроров РСФСР лишь 124 имели юридическое образование, 139 — неюридическое высшее, 210 — среднее, 690 — низшее, 236 — без всякого юридического стажа⁶⁶. При такой «юридической подготовке» судьям и прокурорам было доступней руководствоваться не законами, а «пролетарским самосознанием», провозглашенным судебными декретами первых лет Советской власти. Многих больше устраивало представление времен «военного коммунизма» о революционной законности, по которой при судебном разбирательстве прежде всего надо учитывать классовую принадлежность обвиняемого. К тому же это поддерживалось и партийно-государственными установками 20-х годов. Так, 26 марта 1927 г. совещание руководящих работников РКИ СССР приняло «рабочую программу обследования низовой сети судебно-следственных органов и прокуратуры», согласно которой следовало выявлять «степень усвоения ими на практике основных директив партии в отношении революционной законности и обеспечения классового подхода», придерживаются ли они «классового подхода к отдельным категориям дел»⁶⁷.

Работникам юстиции внушалось, что они не должны «буквально» придерживаться закона. Характерны выска-

ывания на XV съезде ВКП(б) по этому вопросу. Заместитель наркома РКИ СССР Н.М.Янсон заявил, что в органах юстиции защита законности иногда превращается в буквоедство. «Мы думаем, что наша законность должна быть построена так, чтобы она была связана непосредственно и в первую очередь с требованиями жизни (голос: «Правильно!»), с жизненной целесообразностью (аплодисменты)... идет орабочивание судебного аппарата не только судейского, но также прокурорского и следственного...

Сольц. И поменьше юристов.

Янсон... которые должны быть спаяны с нашими советскими юристами», профессиональный юридический уклон «не совсем полезен для дела советской юстиции, являющейся совершенно новой формой юстиции по сравнению с буржуазными»⁶⁸. Секретарь ЦКК-РКИ М.Ф.Шкирятов говорил: «Суд должен руководствоваться не только буквой закона, а нужно подходить к этому закону своим пролетарским революционным чутьем»⁶⁹

Случайный состав судейских работников сказывался не только на выносимых приговорах, но и на порядках в судах, о которых Г.К.Орджоникидзе говорил в отчете ЦКК-РКИ на XV съезде ВКП(б): «Мы попробовали познакомиться с тем, что из себя представляет наш суд. Выяснилось, что дела тянутся страшно долго, привлекают к суду очень часто необоснованно, например, в народных судах в РСФСР за 1926 г. закончено 1927776 уголовных дел. По этим делам привлечено 1906791 человек. Огромный процент этих дел — 34,6% — прекращены и 25,4% (люди) оправданы. Оправданных по суду и привлеченных по делам, которые были прекращены, по одной РСФСР 1060687, а людей все-таки вызывали, людей все-таки таскали, не подумав заранее, не разобравшись толком, надо предавать суду или не надо»⁷⁰. Об этом же читаем в материалах совещания руководящих работников РКИ СССР, состоявшемся в марте 1927 г.: за первое полугодие 1926 г. из всех прошедших все судебные инстанции осуждено

30%, прекращено и оправдано 70%, т.е. 613235 человек — это означает, что народные суды оперируют огромными массами людей невиновных, и ставится вопрос: «во что обходится государству эта холостая работа?»⁷¹.

Прокуратура считала, что она должна осуществлять только репрессивно-обвинительную функцию, а не стоять на страже соблюдения законности. Еще в августе 1925 г. помощник прокурора РСФСР направил на имя секретаря ЦК В.М.Молотова письмо, в котором доводил до сведения ЦК о своих принципиальных разногласиях со своим шефом Н.В.Крыленко, который «когда-то весьма горячо отстаивавший особое значение прокуратуры», «за последнее время обнаружил тенденцию к некоторому сужению ее задач»⁷². Суть разногласий: Крыленко недооценивает задачи прокуратуры по общему надзору за законностью, считая, что главная — судебное преследование. Эта тенденция в его деятельности особенно усилилась во второй половине 20-х годов.

Юристы публиковали статьи, в которых предлагалось отказаться от «фетишизации правовой нормы», не придерживаться «буквы закона», что может быть использовано «классовым врагом», основным лозунгом в работе судов должен быть: «минимум формы, максимум классового существа». Утверждалось, что «механическое применение буквы закона — вне сочетания с общей линией партии и правительства — превращается... в прямое нарушение революционной законности и извращение генеральной линии партии»⁷³.

В ряде выступлений юристов, делавших упор на «революционную законность», разъяснялось, что это понятие значительно шире, чем понятие «закон». Журнал «Советское государство» и революция права» в редакционной статье 1-го номера за 1930 год провозглашал: «Юридический формализм, признающий только нормы, только веления законов... столь же непригоден, как и отвлеченный аполитический экономизм, который стремится во что бы то ни стало растворить классовую борь-

бу в чисто экономических категориях»⁷⁴. П.И.Стучка в том же номере журнала констатировал: мы пережили и переживаем «стадию фетишизма закона»⁷⁵. В.Ундриевич в статье «О проекте УПК РСФСР» писал: «Если в первые годы нэпа лозунг революционной законности заострялся против неизжитых в отдельных звеньях нашего управленческого аппарата тенденций военного коммунизма», то теперь он изменяется, его центр тяжести «лежит в том, чтобы политика революционной законности была орудием наступления на капиталистические элементы в руках нашего аппарата управления и суда»⁷⁶.

Как бы обобщая практику 20-х годов, крупный русский государствовед А.И.Елистратов в учебнике административного права, изданного в 1929 г., констатировал, что «Советское административное право использует и приспособливает правовые формы к текущим потребностям строительства и администрирования, но в фетиш их не возводит. Предрассудок насчет безусловного характера прав и свобод ему чужд»⁷⁷. Таким же было отношение к правам граждан и законности всех правоохранительных и репрессивных органов.

В 1928 г. началась подготовка к переработке Уголовного процессуального Кодекса, предыдущий опять оказался слишком «либеральным», не соответствовавшим курсу на слом нэпа и обстановке его конца. 24 мая 1928 г. генеральный прокурор РСФСР Н.В.Крыленко говорил о задаче — дать в руки партии и центральной государственной власти реальную возможность управлять судами, как органами репрессии, что нельзя сделать при полной свободе «судебной совести». Он критиковал принцип УК, принятого в 1922 г., по которому основой уголовной политики и определения репрессии должно быть соответствие «меры репрессии содеянному». По его словам, «принцип аптекарского отмеривания репрессии за определенные преступления... являлся общим для буржуазных кодексов... По существу это есть не что иное, как отражение в уголовной политике идеи эквивалент-

ности товаров друг другу, свойственной обществу, основанному на товарообороте... за соответствующее преступление надлежит отпустить такую-то дозу, такую-то порцию репрессии». Система репрессий, продолжал он, — это орудие господства и принуждения в отношении другого класса, поэтому нельзя мириться ни с теорией вины и соответствующего наказания, ни с теорией исправления — «исправлять классовых врагов не имеет никакого смысла», это не увязывается с задачей советской уголовной политики, призванной защищать пролетарское государство от вредителей. Нужно вернуться, считал он, к практике первых послереволюционных лет, «когда суд решал: такого-то заключить в концентрационный лагерь до конца гражданской войны»⁷⁸. На XVI съезде ВКП(б) Н.В.Крыленко суть советских законов, как выражение воли Коммунистической партии, сформулировал в следующих словах: «Наши законы — это формы, в которые партия облекает свою волю. Все акты нашей партии за истекший период, все основные лозунги нашей партии немедленно находили отражение в советских законах. Эти законы есть не что иное, как указание партии...»⁷⁹.

Так готовилось и внедрялось в сознание работников репрессивных и правоохранительных органов юридическое обоснование необходимости и правомерности репрессий не только за совершенное преступление, но и за возможное его проявление со стороны лиц, относящихся к враждебным или классово неблагонадежным слоям населения.

С огромной быстротой множилось судебное законодательство. П.И.Стучка в 1929 г. заметил: «Мы, казалось, сожгли в 1919 г. все старые законы, а между тем довольно быстро только по одним послереволюционным законам “догнали и перегнали” такую законообильную страну как Германия». «Ирония судьбы! Думали ли мы, в самом деле, когда мы провозглашали диктатуру как “власть”, не основанную ни на каком законе, что мы будем задыхаться под грузом собственных законов?»⁸⁰. Ужесточалась мера судебных репрессий. В первые годы

нопа суды приговаривали к коротким срокам тюремного заключения — делался упор на «перевоспитание». Сначала в большинстве случаев приговаривали к одному году, затем «планка» поднималась до 5 и 10 лет. Из года в год росло число осужденных за «контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления». С 1926 г. их нарастание шло неуклонно и во все больших масштабах. По имеющимся в литературе данным, в 1926 г. таких осужденных насчитывалось 17804, в 1927 г.

26036, в 1928 г. — 33751, в 1929 г. — 56220⁸¹. О темпах наполняемости тюрем во второй половине 20-х годов можно судить по следующим цифрам: если в 1925 г. из общего числа судебных вердиктов приговоров к лишению свободы было 20,8%, то в 1926 г. — уже 39. В 1926 г. на 350 (в среднем) выбывающих в день из мест лишения свободы за отбытием срока приходилось около 970 вновь осужденных⁸². В 1927 г. по случаю 10-летия Октябрьской революции было амнистировано 60 тысяч заключенных. Однако тюрьмы стали тут же стремительно снова заполняться и к июню 1928 г. их население увеличилось почти на число амнистированных, достигнув 125,5 тысяч человек (по России, без автономных республик)⁸³. Президиум ВЦИК и СНК РСФСР 26 марта 1928 г. запретил применение краткосрочного лишения свободы и замену его другими мерами, не связанными с лишением свободы. В 1930 г. таких приговоров уже почти не было⁸⁴.

26 марта 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О карательной политике и состоянии мест заключения» указавшее, в частности, на «недостаточно обоснованное допущение в ряде случаев льгот для классово чуждых и социально опасных элементов». Постановление требовало применять «суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников — профессионалов и рецидивистов». Наркоматам внутренних дел и юстиции предложено разработать проект изменения законодательства о принудительных работах на началах: а) бесплатности, б)

хозяйственной выгоды, в) такой их организации, чтобы они представляли собой реальную силу репрессии», «ограничить льготы (зачет рабочих дней, предоставление отпусков, переводов в разряды) классово-чуждым элементам и социально-опасным преступникам»; «расширять компетенцию начальников мест заключения»⁸⁵.

Начиная с конца 1926 г., законодательство, касавшееся репрессивных органов, методично, шаг за шагом, увязывает репрессии с использованием труда заключенных для нужд народного хозяйства. Это должно было в какой-то мере компенсировать нехватку средств для начавшейся форсированной индустриализации, реализации амбициозных хозяйственных планов руководства. Постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. суд мог приговаривать к лишению свободы на срок до десяти лет, при этом отбытие наказания обязательно соединялось с выполнением работ. Суд мог присуждать к принудительным работам до одного года без лишения свободы⁸⁶. Акцент на использование принудительного труда становится важным атрибутом законодательства, касавшегося пенитенциарных учреждений. В 1928 г. общее число приговоров и постановлений, содержащих в качестве меры пресечения принудительные работы, увеличилось почти вдвое по сравнению с 1927 г. (136689), достигнув 260630⁸⁷.

В июне 1929 г. Политбюро приняло постановление об использовании труда «уголовно-заключенных». Оно было продублировано и введено в действие в качестве государственного акта постановлением СНК СССР 11 июля 1929 г. Появился термин «исправительно-трудовой лагерь» (ИТЛ) — так стали именоваться возникшие еще в годы гражданской войны концентрационные лагеря. В эти лагеря, организуемые ОГПУ, передавались все осужденные на три и более года. ОГПУ предложено «для приема этих заключенных расширить существующие и организовать новые исправительно-трудовые лагеря (на территории Ухты и других отдаленных районов) в целях колони-

зации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы»⁸⁸. Осужденные на срок до трех лет оставались в ведении НКВД союзных республик и должны были трудиться в специально созданных сельскохозяйственных и промышленных колониях.

Судебная практика начала учитывать сколько нужно заключенных для выполнения заданий по заготовке леса с учетом их возраста, здоровья и желательных для этой работы сроков заключения. Сеть лагерей стала покрывать всю страну. 7 апреля 1930 г. СНК СССР принял «Положение об исправительно-трудовых лагерях», регулировавшее их деятельность⁸⁹. В эти лагеря направлялись приговоренные судом к лишению свободы на срок не ниже трех лет и осужденные коллегией или Особым совещанием ОГПУ. Общее руководство лагерями осуществляло ОГПУ, наделенное неограниченной властью над судьбами заключенных. Началась история Гулага и связанная с ней трагедия миллионов невинных людей.

Происходившие сдвиги в сторону усиления репрессивных методов режима, в частности, сказались на изменении функций Наркомата внутренних дел. Согласно положению ВЦИК и СНК о Наркомвнуделе от 28 марта 1927 г., он перестал быть руководящим органом по отношению к местным Советам. За ним остались функции администрирования и охраны порядка и безопасности. На НКВД возлагалось «проведение исправительно-трудовой политики и осуществление социальной защиты путем организации лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей», «организация мест заключения и управление ими»⁹⁰.

Функции НКВД как бы дополняли репрессивную практику ОГПУ, масштабы которой неуклонно расширялись. После смерти Ф.Э.Дзержинского ОГПУ возглавил его заместитель В.Р.Менжинский. Тяжело больной человек, при нем большую власть приобрел Г.Г.Ягода, вместе со своим шефом усиливавший наработанный опыт ВЧК-ГПУ. При них карательная машина продолжала отлажи-

ваться и подминать под себя советские и хозяйственные структуры. Возглавив эту «машину», Менжинский опубликовал статью «О Дзержинском», в которой писал об ОГПУ «как органе осуществления воли партии»⁹¹.

Убийство советского полпреда в Польше П.Л.Войкова подхлестнуло репрессивную деятельность органов ОГПУ. Им было предписано принять решительные меры для защиты страны от иностранных шпионов, провокаторов, убийц, их монархических и белогвардейских союзников⁹². ЦИК СССР предоставил ОГПУ право рассматривать во внесудебном порядке дела о диверсиях, поджогах, порче оборудования и наказывать виновных вплоть до применения высшей меры – расстрела. Особое совещание ОГПУ, как правило, слушало дела при «закрытых дверях», без участия сторон. Утверждались заранее заготовленные работниками оперативных отделов списки и проекты приговоров. Почти неограниченные внесудебные полномочия ОГПУ были в явном противоречии с постановлением ВЦИК и СНК 1922 г. о реорганизации ВЧК в ГПУ. Этими полномочиями ОГПУ широко пользовалось, доказывая, как ранее ВЧК, решимость уничтожить всех явных и потенциальных врагов Советской власти. В начале июня 1927 г. было арестовано 20 представителей некоей монархической контрреволюционной организации во главе с князем Долгоруковым. Они обвинялись в участии в заговорах, попытках совершения террористических актов против советских руководителей. Без суда и следствия было расстреляно 20 человек⁹³. Вскоре печать сообщала о расстреле группы «террористов-белогвардейцев», затем о раскрытии «шпионской организации» бывших офицеров во главе с английским разведчиком в Ленинграде⁹⁴, а в сентябре-октябре 1927 г. закончено дело «монархистов-террористов», уличенных в связях с английской и латвийской разведками⁹⁵.

Для оправдания усиливавшихся репрессий использовался жупел «активизации внутренних и внешних врагов». В массовое сознание внедрялся синдром «осажденной кре-

ности», нагнеталась «угроза», нависшая над «завоеваниями революции» со стороны кулаков, нэпманов, «врагов народа», империалистического окружения. В связи с десятилетием ВЧК ОГПУ приказом объявляло войну всем, «кто бы не стоял на пути пролетарской революции — спекулянт, саботажник, бандит, белогвардеец, шпион, вчерашний товарищ, сегодня злейший предатель и враг»⁹⁶. Примечательно включение в этот ряд «злейших предателей и врагов» «вчерашних товарищей» — явно имелись в виду представители оппозиций, на которых все чаще обрушивалась «карающая рука» ОГПУ. Характерна реакция главы правительства А.И.Рыкова на XV съезде ВКП(б) по поводу замечания Л.Б.Каменева, что несколько оппозиционеров посажены в тюрьму: «Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить»⁹⁷. Разделяя репрессивную направленность партийно-государственной политики, Рыков не предвидел, что он и его единомышленники, вскоре превратившись в оппозиционеров, станут также увеличивать «население тюрем».

Вместе с усиливавшейся властью ОГПУ ширился политический контроль за населением со стороны партийных органов. О тенденции его направленности свидетельствует «полемика» нескольких делегатов XIV съезда ВКП(б). Член ленинградской партийной делегации пожаловался на съезде на доносительство, которое «принимает такие формы, такой характер, когда друг своему другу задушевной мысли сказать не может»⁹⁸. Ему возразил С.Гусев (член коллегии НК РКИ СССР): «Ленин нас учил когда-то, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т.е. смотреть и доносить... Я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства»⁹⁹. Этот эпизод показывает, какие в партии формировались политические нравы, становившиеся нормой в деятельности партийных организаций. В качестве примера приведу постановление совещания секретарей

волостных комитетов и партийных ячеек Мологского уезда Ярославской губернии (март 1928 г.): «партийному составу усилить бдительность за настроением масс всех прослоек», о всех подозрительных, политически неблагонадежных элементах немедленно сообщать в ГПУ и уездный партийный комитет; руководители учреждений, предприятий, партийный актив должны оказывать всемерную поддержку и содействие органу ГПУ¹⁰⁰. Политический контроль за населением, осуществлявшийся партийными органами, дополнялся системой сбора внутривластной информации, созданной ОГПУ, состоящей как из штатных, так и внештатных секретных сотрудников (т.н. «сексотов»), как правило, из членов Коммунистической партии.

Широко практиковалось прослушивание телефонных разговоров, особенно участников оппозиций. Не брезговал пользоваться этим и сам Генеральный секретарь ВКП(б). Жена Н.И. Бухарина А.М. Ларина в изданных в 1988 г. воспоминаниях писала: «Н.И. действительно знал о подслушивании разговоров на квартирах руководящих работников партии. Сталин... в нетрезвом состоянии делался болтливым, в таком состоянии, кажется, в 1927 г., точно не помню, он показал Н.И. запись разговора Зиновьева с женой. Политические темы перемежались с сугубо личными, даже интимными... По-видимому, это было не подслушивание по телефону, а подслушивание при помощи телефона. Не могу сказать, как это осуществлялось, но что говорилось в квартире Зиновьева, было записано»¹⁰¹.

15 октября 1927 г. ЦИК СССР в ознаменование десятилетия Октябрьской революции принял «Манифест», декларирующий необходимость ограничить применение смертной казни и смягчить репрессии в отношении некоторых категорий осужденных¹⁰². В связи с предстоящей на основании «Манифеста» амнистии большая группа бывших участников революционного движения в России (Вера Фигнер, Е. Фигнер-Сажина, Н. Коган-Бернштейн, Л. Дейч и др. — всего 16 человек) обратилась в Президиум ЦИК с заявлением, в котором отметила недо-

статочность предстоящей амнистии и предлагала покончить с внесудебной репрессивной практикой властей, особенно ОГПУ. Подписанты просили исключить смертную казнь «из нашего закона без всяких ограничений, тем более применение смертной казни в порядке внесудебном». «А между тем, — говорится в Заявлении, — всем известно, что смертная казнь по постановлениям ОГПУ — не редкость, и что она применяется не только к преступлениям уголовным, но и к политическим, и что производство по делам в ОГПУ происходит в порядке келейном, при котором обвиняемый видит только допрашивающего его следователя, никогда не видит своих судей и лишен возможности дать перед ними свои объяснения». Авторы Заявления высказались также по поводу высылки по политическим делам в административном порядке органами ОГПУ. Эти высылки на срок до 10-ти и более лет производятся таким образом, что положение ссылаемых становится непереносимым, «во всяком случае выходит по своей тяжести далеко за пределы того наказания, которое формально им назначается, не говоря уже о тех случаях, когда высланные направляются в такие отдаленные места крайнего севера, как Полярный круг или другие глухие места, где они самим актом высылки обрекаются на голод и даже гибель. Но, может быть, самое главное зло этой формы административной репрессии сводится к ее, можно сказать, бесконечности. Обычны случаи, что по отбытии ссылки в данном пункте, высланный пересылается в другой пункт на новый срок и, по отбытии высылки в новом месте, присуждается на новый срок»¹⁰³.

Все описанное в этом документе невольно наводит на мысль, что уже в последние годы нэпа отработывалась практика репрессий, ставшая характерной в 30-е «сталинские» годы.

В беседах с иностранными рабочими делегатами в ноябре 1927 г. на вопрос о «судебных правах ГПУ, разборе без свидетелей, без защитников, тайных арестах», Сталин

ответил: «Мы — страна, окруженная капиталистическими государствами. Внутренние враги нашей революции являются агентурой капиталистов всех стран... Воюя с внутренними врагами, мы ведем, стало быть, борьбу с контрреволюционными элементами всех стран... Мы не хотим повторять ошибок парижских коммунистов. ГПУ нужен революции, и ГПУ будет жить у нас на страх врагам пролетариата»¹⁰⁴. Постоянно существовавшая угроза СССР со стороны «капиталистического окружения» должна была объяснить и оправдать, по мнению сталинского руководства, репрессии и жестокость властей.

На Западе было известно о невыносимом положении политзаключенных в СССР. Об этом писала печать разных стран, советская же это опровергала. В 1924 г. СССР посетил американский сенатор Кинг. На вопросы о политзаключенных он получил официальный ответ, что их немного. А в 1925 г. журнал «Суд идет» утверждал: «Соловецких и других северных лагерей для «политиков» не существует»¹⁰⁵. Председатель Международного комитета Красного Креста Г.Адор обратился в сентябре 1926 г. к председателю Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР А.С.Енукидзе с просьбой предоставить возможность его уполномоченному представителю в Москве осмотреть лагеря заключенных на Соловецких островах и другие места нахождения политических заключенных. Ответ Енукидзе гласил: «Что касается лагеря на Соловках, то там в настоящее время находятся только уголовные преступники»¹⁰⁶.

Советская печать изображала жизнь на Соловках чуть ли не как «в раю». Так, в одной из статей в «Известиях» помощник прокурора Верховного Суда СССР Р.П.Катанян в статье «Как там живут?» на этот вопрос отвечал: «Очень недурно. Живут в прекрасных, с точки зрения москвичей, помещениях... В материальном положении они находятся в значительно лучших условиях, чем квартирующие на Соловках красноармейцы... Любой выходец из трудовой семьи

был бы счастлив, если бы мог получать от государства столько, сколько получают политзаключенные»¹⁰⁷.

Иначе писали о жизни политзаключенных на Соловках сами политзаключенные. 14 декабря 1926 г. группа политзаключенных Соловецкого концлагеря в письме в Президиум ЦИК просила обратить внимание «на произвол и насилие, царящие в Соловецком концлагере, в Кемии и на всех участках концлагеря... Сами и от нескольких тысяч людей, там находящихся, взываем к руководящему центру Советского государства положить предел царящему там ужасу. Недостаточно того, что ОГПУ бесконтрольно, без суда высылают туда даже в большинстве случаев невинных, в большинстве рабочих и крестьян. Бывшая царская каторга в сравнении с Соловками на 99% имела больше гуманности, справедливости и законности». И дальше о «райской» жизни заключенных: люди «влачат жалкое существование, при непосильных работах раздетые, чуть ли не голые, питаюсь падалью, так как паек выдается при непосильных работах ничтожный»; «люди мрут как мухи, т.е. умирая медленной, мучительной смертью». «Жаловаться или писать что-либо — «сохрани Аллах», подведут под искусственный побег или что-либо другое и расстреляют как собаку. Выстраивают на линейку голых и босых при 30-ти градусном морозе и держат по часу». «И если 50% оттуда возвращается, то в большинстве случаев это живые трупы. А везде и всюду говорится и пишется, что советская власть не карает, а исправляет»¹⁰⁸.

Соловки — место ссылки репрессированных — стали символом жестокости и произвола ОГПУ «Здесь власть не советская, а Соловецкая», — говорил начальник лагеря протестовавшим заключенным.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1929 г. внесло в принятые в 1924 г. основные начала уголовного законодательства изменения, направленные к еще большему ужесточению репрессий. «Мерами социальной защиты судебно-исправительного характера, — гласило постановление, — являются: а) Объявление вра-

гом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнания из пределов Союза ССР навсегда; б) лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР; в) лишение свободы в общих местах заключения; г) принудительные работы без лишения свободы; д) поражение прав; е) удаление из пределов Союза ССР на срок» и др.¹⁰⁹ К лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях приговоры предусматривали от 3 до 10 лет, в общих местах заключения — до трех лет. И в этом постановлении проявлена «забота» об обеспечении даровой рабочей силой «исправительно-трудовых лагерей».

Аппарат ОГПУ, подбираемый в соответствии политическим и идеологическим воззрениям партийных верхов, в целом был враждебно настроен к интеллигенции. Это усиливалось практикой ВКП(б) по ее дискредитации во второй половине 20-х годов в связи с общим поворотом к ужесточению политики власти. Все это сопровождалось преследованиями «инакомысля», к которому была склонна значительная часть интеллигенции. Вспомним, как XI съезд партии в 1922 г. в резолюции «профсоюзы и спецыз» предлагал относиться к специалистам. Указывая на необходимость всемерно привлекать специалистов на работу в промышленности, резолюция требовала защищать их интересы, чтобы им «жилося лучше при социализме, чем при капитализме, в отношении материальном, и в правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отношении идейном, т.е. отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы...»¹¹⁰. Эта резолюция, как и все другие партийные решения, закреплявшие в первой половине 20-х годов взаимоотношения государства и интеллигенции, признававшие ее лояльность Советской власти и необходимость привлечения ее к социалистическому строительству, оказание ей доверия и помощи — были «забыты». Беспартийные специалисты, вообще интеллигенция стали рассматриваться как явные или потенциальные враги, они

объявлялись ответственными за все, что вызывало негодование населения — бюрократизм, волокиту, грубость, проявлявшиеся в государственных учреждениях, особенно за провалы в экономике, — «буржуазные специалисты» якобы совершали вредительство в промышленности. 18 мая — 6 июня 1928 г. проходил «показательный» процесс по т.н. «шахтинскому делу». По обвинению во вредительстве и шпионаже в Шахтинском районе Донбасса была осуждена большая группа руководителей Донбасса и горных инженеров. Поднималась волна спецедействия. Последовал ряд новых подобных «дел» «спецов-вредителей», сопровождавшиеся арестами инженерно-технических работников, обвиненных во вредительстве на железных дорогах, на ленинградских кораблестроительных заводах, Брянском заводе «Красный профинтерн», в золотодобывающей промышленности.

В октябре 1929 г. начались аресты по готовившемуся «Академическому делу». Жертвами политического процесса стала большая группа известных ученых-историков, в том числе 4 академика (С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле, Н.П.Лихачев, М.К.Любавский) и 5 членов-корреспондентов АН СССР. Они обвинялись в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения Советской власти и восстановления монархии. Все обвинительные материалы были чистой фальсификацией ОГПУ¹¹¹. «Академическое дело» вписалось в общий поток репрессий против интеллигенции, специалистов, захлестнувший страну в начале 30-х годов. В 1930 г. были «разоблачены вредительские группы», «гнезда контрреволюционеров» в наркоматах финансов, труда, путей сообщения, внешней и внутренней торговли, ВСНХ СССР. Они обвинялись в попытках создать в стране голод, вызвать недовольство населения и содействовать свержению диктатуры пролетариата. 48 человек были приговорены к расстрелу¹¹². По сфабрикованному в конце 1930 года процессу Промпартии обвиняемым приписывалось создание антибольшевистской

партии из «спецов», участие в подготовке международной интервенции против СССР. Сфабрикован был и процесс по делу вымышленной «трудовой крестьянской партии» — была арестована группа специалистов-аграрников, в том числе выдающиеся ученые Н.Д.Кондратьев, А.В.Чаянов. Вскоре (июнь 1931 г.) Сталин заявил: «болезнью вредительства» была заражена наиболее квалифицированная часть интеллигенции»¹¹³. И все это — для создания «образа врага» и нагнетания в обществе психоза «классовой борьбы»¹¹⁴.

Н.Валентинов (Н.Вольский) в уже упоминавшейся его книге вспоминал: «После разгрома, в конце 1927 г., троцкистской оппозиции, ссылки многих оппозиционеров, особенно после шахтинского процесса (май-июнь 1928 г.), не только беспартийных, но и коммунистов охватывает страх: лучше молчать, чем рисковать своим положением за какую-нибудь не понравившуюся начальству статью. Мысль прячется, рот закрывается — надвигается эпоха сталинизма и сталинских пятилетних планов»¹¹⁵.

Власть проводила репрессивную политику исключительно в политических интересах правящей партии, пренебрегая интересами государства, не говоря уже о законности и справедливости. Нельзя не отметить, что такую позицию разделяли не только сталинские клеветы, но и оппозиционеры. Так, А.И.Рыков — соратник Н.И.Бухарина по «правой» оппозиции на пленуме ЦК в 1928 г. по поводу шахтинского процесса говорил: «партия должна подчинять те или иные процессы вопросам политики, а вовсе не руководствоваться абстрактными принципами наказания виновных по справедливости, к вопросу об аресте нужно подходить не только с точки зрения интересов нашей уголовной практики или принципа «справедливости», сколько с точки зрения нашей «большой политики»¹¹⁶. Между тем уже в это время готовилась почва для расправ с кадрами, не одобрявшими курс на ликвидацию нэпа, прежде всего состоявшими в «правой» оппозиции группы Бухарина — Рыкова.

В феврале 1930 г. Президиум ЦИК СССР предоставил ОГПУ право на время проведения кампании по «ликвидации кулачества» передавать свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел местным органам ОГПУ¹¹⁷, что потребовалось для ликвидации кулачества по всей стране. Председатель Верховного Трибунала при ВЦИК Н.В.Крыленко в статье «Классовая борьба путем вредительства» в феврале 1930 г. писал: «прямой классовый враг окопался в наших учреждениях, пролез в руководящие верхушки ряда промышленных главков, лицемерно пообещав принести советской власти на службу свои знания, а на деле поставив себе целью... свержение советской власти», «специалисты старого времени, плоть от плоти и кость от кости самой буржуазии... составили основную руководящую группу вредителей почти во всех отраслях промышленности»¹¹⁸. Сталин объявил: «Шахтинцы» сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены. Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом»¹¹⁹.

Целенаправленное массированное политическое воздействие на население давало нужные правящим кругам результаты. Даже многие представители интеллигенции, далекие от тайных и явных планов властей, поверили фальсификациям, надуманным обвинениям, по которым выносились суровые приговоры. Среди них оказался и М.Горький, посчитавший, что творимая жестокость «есть жестокость самозащиты народа, окруженного тайными и явными предателями, непримиримыми его врагами. Эта жестокость вызвана — и тем самым — оправдана»¹²⁰. Отсюда следовал вывод: «если враг не сдается — его истребляют».

Волна «разоблачений» продолжала подниматься, усиливаясь кампаниями борьбы против «правой» оппозиции и по ликвидации кулачества.

В такой атмосфере рецидива «красного террора» некоторые представители интеллигенции, работников государственных органов, находившиеся в служебных зарубежных командировках, стали отказываться от возвращения в СССР, оставаясь за рубежом на положении политических эмигрантов. Постановлением ЦИК СССР «невозвращенцы», как «враги рабочего класса и крестьянства», объявлялись вне закона и подлежали расстрелу¹²¹.

Ужесточение политического режима с гипертрофией функций карательных органов, сопровождавшее свертывание нэпа, как бы подготовило политическую систему СССР к заключительному аккорду демонтажа нэпа – «ликвидации кулачества как класса, остатков «эксплуататорских классов» в городе и деревне.

3. Общественные организации на этапе «контрреформ»

Инициированная Коммунистической партией с середины 20-х годов тенденция к свертыванию нэпа распространилась и на составную часть политической системы – общественные организации. Но не сразу и не прямолинейно. Как бы по инерции, партийно-государственная власть продолжала твердить о «правах», «свободах», «самоуправлении» добровольных обществ. До поры до времени законодательство не ставило особых препятствий созданию и регистрации объединений. Более того, с 1924 по 1927 г. – это время невиданного ранее бурного процесса возникновения новых таких организаций, их численность возросла с 545 до 4480¹²². Некоторые из них, особенно откровенно политизированные (МОПР, «Союз безбожников», «Долой неграмотность», «Общество содействия жертвам интервенции», «Друзья воздушного флота», «Осоавиахим» и др.), пользовались

рядом льгот, особой материальной, правовой и идеологической поддержкой партии и государства.

Однако общая тенденция к усилению государственных начал в жизни страны, к откату на донэповские позиции проявилась и в отношении к этим организациям. Расширилось использование их в качестве «передаточных механизмов» в интересах государства. Разветвлялась и усиливалась система контроля и надзора за ними¹²³. Неуклонно шел процесс их огосударствления, подчинения партийным и государственным органам. Крутой поворот к ликвидации нэпа, совершенный в 1928 году (об этом речь впереди), резко усилил этот процесс. Согласно положению ВЦИК и СНК РСФСР от 6 февраля 1928 г. «Об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли»¹²⁴, регистрации подлежали только те общественные организации, цели и задачи которых не противоречат советским законам, соответствуют общим задачам Коммунистической партии и государства. Этим обществам разрешалось осуществлять коммерческие операции, различного рода хозяйственные задачи лишь в том случае, если они «непосредственно отвечают целям общества и являются необходимыми в управлении его делами».

Типовое положение об обществах и союзах 1928 года предъявляло им требование строить свою деятельность в соответствии с планами развития народного хозяйства, а научную работу — на основе «марксистско-диалектической проработки вопросов». Уже упоминавшееся «Положение» ВЦИК и СНК РСФСР «о добровольных обществах и союзах» 1930 г. законодательно закрепило «руководство деятельностью добровольных обществ со стороны государственных органов». Главными задачами обществ объявлялись работа в государственных интересах и политико-идеологическое воздействие на население по его коммунистическому воспитанию¹²⁵. Общее руководство этими процессами осуществлял ЦК ВКП(б), особое внимание он уделял творческим союзам, ограничивая

их свободу творчества идейными и административными методами.

Как ЦК ВКП(б) подчинял себе, партийным задачам общественные организации, можно показать на примере возникновения «Общества работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР» («Орнитсо»). С инициативой его образования выступила в октябре 1927 г. группа видных ученых¹²⁶. Из самого названия предполагаемого общества видна его политическая ориентированность. Особенно это подчеркивалось в «Декларации» ученых: «Основной руководящей идеей, объединяющей нас, является сознание, что в классовом обществе научно-технические деятели не могут оставаться политически нейтральными». 25 ноября 1927 г. проект устава «Орнитсо» рассматривался на совещании представителей научных работников и ЦК Союза работников просвещения. Он был принят с рядом поправок, еще более усиливавших политическую лояльность общества, в частности, было решено включить в устав указание, что общество «создается для содействия осуществлению всех директив советского правительства по социалистическому строительству в СССР», членом отделений общества «может состоять каждый социалистически мыслящий работник... активно содействующий строительству социализма в СССР»¹²⁷.

Казалось бы политическое «лицо» общества не должно было вызвать сомнение у партийных деятелей. Тем не менее прохождение устава было долгим и тернистым. Конечно, сказывалось в этом недоверчивое отношение к интеллигенции, в том числе научной. Наконец, 13 февраля 1928 г. вопрос об «Орнитсо» оказался в повестке дня заседания Оргбюро ЦК, было постановлено создать комиссию для руководства подготовкой организационно-учредительного собрания «Орнитсо»¹²⁸. 17 февраля 1928 г. вопрос об этом обществе рассматривался на «строго секретном» совещании при Агитпропе ЦК. Обсуждались вопросы организационного собрания общества. В част-

ности, предложено «в совершенно закрытом партийном порядке» обсудить в Секции научных работников список беспартийных участников собрания, привлечь «побольше крупных имен». Определен персональный состав комиссии для выработки проекта «партийной директивы» обществу и принятия решения по ряду организационных вопросов¹²⁹.

Такое административное руководство созданием и деятельностью добровольных обществ приводило к резкому сокращению их количества, а также численности членов. Обществам, не объявлявшим о приверженности власти и ее задачам, отказывали в регистрации, многих распускали вследствие предъявляемых обвинений, некоторые сливались под предлогом дублирования.

Подчинение общественных организаций государству превращало их руководителей в чиновников, работающих аппаратными, часто бюрократическими методами. Характерно сообщение «Правды» о работе ряда организаций («Мопр», «Друзья детей», «Авиахим»). «Обзаводясь огромным наемным аппаратом, общества вели регистрацию вновь вступающих членов, собирали членские взносы путем отчисления через конторы предприятий, продавали через агентов значки, литературу, завели канцелярии, писали циркуляры и очень мало делали для того, чтобы притянуть в рабочие общества его низовые организации и рядовых членов... В низовой сети обществ по существу нет никаких выборных органов. Рядовых членов общества никогда никто ни о чем не спрашивает, за исключением членских взносов и никто никогда перед ними не отчитывается»¹³⁰. Так характеризовалась деятельность ряда обществ еще в конце 1925 г. В последующие годы она еще больше обюрокрачивалась. Все это вело к падению интереса к добровольным организациям и даже появлению у них «ликвидационных настроений», о чем писал в начале 1927 г. Секретариат Исполкома МОПР'а секретарю ЦК ВКП(б) Н.М.Швернику¹³¹.

Процессы трансформации добровольных негосударственных организаций на исходные, донэповские рубежи

более подробно рассмотрим на примерах тех из них, о которых говорилось в первой главе монографии: профсоюзов, кооперации, православной церкви.

Независимость профсоюзов становилась все более призрачной. Правящая партия требовала активизации работы по решению ее политических и хозяйственных задач. Пятнадцатая конференция ВКП(б), состоявшаяся в конце октября – начале ноября 1926 г., в резолюции о профсоюзах записала: «Рост профессиональных союзов, являющийся следствием роста пролетариата в стране, должен послужить могучим фактором укрепления пролетарской диктатуры и социалистического строительства»¹³². Здесь же отмечались недостаточное выполнение профсоюзами своих прямых обязанностей по защите экономических и бытовых нужд и интересов рабочих и недостаточно энергичная защита ими справедливых и законных требований рабочих перед государственными и хозяйственными органами. Но это лишь инерционный перепев предыдущих партийных постановлений. Наряду с этим подчеркивалась обязанность профсоюзов не только поддерживать «все разумные мероприятия хозорганов, направленные к проведению режима экономии, но и быть инициаторами конкретных предложений, направленных к проведению лозунгов партии о режиме экономии и рационализации производства»¹³³.

XV съезд ВКП(б) специальной резолюции о профсоюзах не принимал. О них идет речь в связи с ролью массовых организаций в «социалистической рационализации»: они должны вести беспощадную борьбу против извращений рационализации, волокиты и бюрократизма и стать «основными рычагами переделки нашей промышленности... должны всячески (через фабзавкомы, производственные совещания и конференции, контрольные комиссии и т.д.) помогать делу трудового воспитания пролетарских масс, организации труда на фабриках и заводах, улучшению внутренних фабрично-заводских расписаний и рационализации техники предприятий»¹³⁴.

В условиях ускоренной индустриализации шел быстрый рост численности рабочих и членов профсоюзов — в 1928 г. общее число последних достигло 10248 тысяч¹³⁵. Партийно-государственная власть стремилась, опираясь на профсоюзы, превращая их в проводников своей политики, укреплять свои позиции в рабочих массах. Занимаясь вопросами повышения производительности труда, рационализации производства, профсоюзы становились ответственными за соблюдение рабочими трудовой дисциплины, предотвращение забастовок. Контроль на предприятиях осуществляли «тройки», состоявшие из представителей профсоюзов, партии и администрации.

На деле возможности профсоюзов выполнять свои «прямые обязанности» по защите экономических и бытовых нужд и интересов рабочих были крайне ограничены. Все большее подчинение деятельности профсоюзов решению хозяйственных задач предприятий не позволяло им их выполнять. Между тем проведение в жизнь установок партии о режиме экономии, рационализации производства, особенно после перехода к форсированной индустриализации, ударило по материальному положению рабочих. Их недовольство вело, в частности, к росту забастовочного движения. Оно заметно усилилось в 1926 г. Так, на Урале за весь 1925 г. произошло всего 19 забастовок, а за 11 месяцев 1926 г. — 63¹³⁶. В 1924/25 г. различных тарифно-экономических конфликтов в регионе было зарегистрировано 550, в 1925/1926 г. их число достигло 1631¹³⁷. Недовольство оборачивалось против самих профсоюзов. На перевыборах завкома на Усть-Катавском заводе раздавались возмущенные голоса: «Профсоюз нам не нужен, он не защищает наши интересы, зачем нас собрали»¹³⁸. На перевыборном профсоюзном собрании в Володарском районе Ленинграда рабочие высказывали недовольство падением реальной зарплаты, сокращениями, дороговизной, нехваткой предметов первой необходимости, повышением квартплаты¹³⁹. Во время забастовки в апреле 1928 г. на ленинградской текстильной

фабрике «Рабочий» выдвигались требования увеличения зарплат в связи с дороговизной. Одна участница забастовки (кстати, член партии) заявила: «При старом режиме, бывало, пойдешь к хозяину, попросишь прибавки, и он даст, а у вас ничего не добьешься»¹⁴⁰.

В статье Ю.И.Кирьянова в книге «Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929 гг.» помещена составленная им таблица «Число забастовок и их участников в СССР в 1922–1928 гг.»¹⁴¹. Автор заключает: ее показатели впечатляют, они превышают показатели 1895–1904 гг., т.е. кануна революции, также 1908–1911 гг. и 1915 г. «Обращает на себя внимание и абсолютное превышение показателей по государственным предприятиям по сравнению с показателями по кооперативным, общественным и частным (и по числу выступлений, и по количеству их участников)». И далее: «В то время как в 1925 г. по числу стачек обе группы предприятий (государственные и иные) практически сравнялись по количеству стачечников, государственные... превосходили предприятия кооперативные и частные (почти в 10 раз). В результате проводимой политики властям удалось добиться значительного снижения стачечной волны, но она оставалась еще весьма значительной, прежде всего на государственных предприятиях»¹⁴².

К дальнейшему «слиянию» профсоюзов с государственными органами подтолкнул переход к планированию производства. ВЦСПС стал участвовать вместе с экономическими структурами в обсуждении экономических аспектов планов. Седьмой съезд профсоюзов (декабрь 1926 г.) основные задачи профсоюзов свел к производственной работе. Нараставший процесс огосударствления профсоюзов сопровождался усиливавшейся бюрократизацией их деятельности. На Шестом всесоюзном съезде в ноябре 1925 г. ряд делегатов с беспокойством говорили об этом. Председатель ВЦСПС М.П.Томский в своем докладе привел такие факты: два всероссийских союза за один год выпустили по 285 циркуляров,

их невозможно было выполнить, они являлись бесполезными. А ведь союзов было 23 и все они направляли циркуляры в губернские советы профсоюзов. Кроме того сами губпрофсоюзы принимали циркуляры для исполнения местными низовыми организациями, в результате «положение фабрично-заводского комитета безвыходное»¹⁴². Тема бюрократизации затрагивалась и на Восьмом съезде профсоюзов (декабрь 1928 г.).

Формально профсоюзы имели обширные права в хозяйственных вопросах: право участия в разработках планов предприятий, отраслей, влиять на кадровые назначения. На деле их возможности пользоваться этими правами были малы. Участники совещания при Орграспредотделе ЦК о работе производственных совещаний 5 июня 1928 г. говорили: «многие профработники недостаточно осведомлены в тех хозяйственных вопросах, в разрешении которых они должны участвовать», «если на союзной работе вырастет хороший работник, он сразу же переходит на хозяйственную работу»¹⁴³. Стала уже правилом решающая роль партийных организаций в назначениях («выборах») кандидатов в руководящие профсоюзные органы всех ступеней. И об этом указывалось на совещании: «Для нас не секрет, что партийная организация ставит часто человека, не считаясь с мнением профсоюзов»¹⁴⁴. В обзоре («Докладной записке») ВЦСПС «О составе руководителей профессиональных организаций» (1928 г.) отмечается: «фактически высшие союзные органы (ВЦСПС, ЦК союзов) не в состоянии влиять на подбор всего состава низших союзных органов» в связи с тем, что это дело «находится почти исключительно в руках партийных органов»¹⁴⁵. «... До сих пор вопреки данным в свое время директивам, приходится наблюдать явления снятия с работы выборных лиц и переброски, проводимые парторганами или за несколько времени до съезда или же вскоре после выборов. Во многих случаях это прodelывается без согласования с соответствующими профорганами»¹⁴⁶.

В отчетном докладе М.П.Томского на Восьмом съезде профсоюзов подчеркивалось значение их работы «для партии и для советского государства», «как передаточного механизма от партии к рабочей массе», особенно теперь, «когда в рабочий класс вливаются новые слои рабочих, еще не изведовавшие фабрику», «в период обострения классовой борьбы в городе и деревне, когда кулак пытается влиять на средние слои крестьянства и вырвать их из-под влияния организованного пролетариата... когда нэпман в городе старается поднять голову против пролетариата»¹⁴⁷.

Довольно подробно Томский говорил об отличии финансового положения профсоюзов «до нэпа» и «после нэпа», имея в виду при «военном коммунизме» и после него. «До нэпа денег у нас было сколько хотите, тогда деньги мы считали вагонами и думали, что чем больше денег мы напечатаем, тем скорее они обесценятся, тем скорее у трудящихся масс лопнет вера в этот фетиш капиталистического строя»¹⁴⁸. «При нэпе перешли к существованию на членские взносы. Я только кратко напомню о том, с каким трудом приходилось пробивать психологию профессионалистов, дабы они поняли, что существовать на членские взносы нам необходимо, что членские взносы надо считать. Тогда также говорили, что это делячество... Но мы заставили считать.

После этого наша роль среди общественных организаций стала своеобразной. Мы поставили работу. Сначала утверждали все, что бездефицитно профсоюзы не могут работать. Потом оказалось, что мы не только работаем бездефицитно, но еще денежки остаются, тогда стали строить клубы и выдавать пособия безработным.

Отношение многих добровольных организаций к нам стало несколько своеобразным. Кто не упрекает нас за недостаточную поддержку разных мероприятий? Все хотят, чтобы мы помогали всем из своих средств. Но ведь, товарищи, мы также добровольная организация... когда к нам приходят товарищи и легкомысленно говорят: “вы нам денег дайте на то, на другое и т.д.”, не забывайте,

что у нас обязанности многообразные... чего мы не обязаны делать в Советской республике. Все обязаны делать. Мы во всех отраслях государственной жизни, и со всех сторон нас бьют, там не выполнили, тут не выполнили, и все первостепенные задачи, голова кругом пойдет... Все требуют денег... От постановки финансов зависят все взаимоотношения. Когда мы вас сверху субсидировали, можно было не приходиться особенно отчитываться, все равно, вы, низовые организации, от нас получали, а теперь, когда вы нас содержите, вы иначе стали к финансовой отчетности относиться»¹⁴⁹.

Действительно, финансовое положение профсоюзов по сравнению с первыми годами нэпа существенно изменилось. С 1924 г., когда утвердилась «твердая валюта», у профсоюзов началось накопление денежных средств¹⁵⁰. Связано это было с восстановлением промышленности, регулярной выдачей зарплаты. За счет взносов почти 10 млн. членов, издательской деятельности, прибылей некоторых своих предприятий (типографии и др.) профсоюзы стали относительно «богатыми» организациями, получили возможность оказывать материальную помощь особо нуждающимся своим членам, поддерживать и даже развивать учреждения массовой культуры. Все это в немалой степени способствовало популярности профсоюзов среди определенных масс трудящихся. Однако вместе с увеличивавшимися доходами в профсоюзах росли и расходы — не только вследствие перечисленных причин, но и расплодившегося союзного аппарата, содержание которого требовало огромных сумм. Все это негативно отражалось на бюджете профсоюзов. Вопрос о «режиме экономии» в профсоюзных организациях не сходил с повесток дня их заседаний. Общим лозунгом стал «сокращай расходы», а на деле они продолжали расти¹⁵¹.

М.П.Томский на съезде после рассказа о достижениях отметил и «болезни» профсоюзов: недостаточное внимание к массам, «к голосу рабочих», отрыв от масс, нечуткость к их нуждам, забастовки возникают без ведома

профсоюзов. Эмоционально он говорил о такой «болезни» как растраты и воровство в профессиональных организациях. Эти явления, получившие широкое распространение при нэпе, не обошли и профсоюзы. Впервые в высших профсоюзных органах о растратах заговорили в 1924 г. Тогда 2-му пленуму ВЦСПС его Президиум представил первую сводку о растратах по наспех собранным материалам 61 города. Суммы были значительные. Директивное письмо Президиума от 18 июля 1925 г. провозглашало: «Растратчик — злейший враг профсоюзу, он может убить в рабочих веру в свою рабочую организацию, веру в самого себя»¹⁵². Растратам был объявлен «бой». Но результатов он не давал. «Где воруют?» — как бы спрашивал Томский, и отвечал: «Везде воруют в наших организациях — и в фабкомах, и в кассах взаимопомощи, и в клубах, и в уездных отделениях, в губернских, в областях — везде. Есть одна графа “нет сведений”, т.е. где-то воруют, а не знаем где. Кто ворует? К стыду нашей «корпорации», должен сказать, что на первом месте стоят председатели. Как распределяются растраты по политическим группировкам? Нужно сказать, что почти равномерно: воруют беспартийные, воруют коммунисты, воруют комсомольцы, воруют и такие, о которых нет сведений»¹⁵³.

Профсоюзы, руководимые Томским, послушно выполняли все партийные директивы, активно играли роль «помощников партии», тем не менее в 1928 г., когда он вместе с Бухариным и Рыковым (т.н. «правая оппозиция») выступил с критикой политики сталинского большинства Политбюро, его карьера как руководителя профсоюзов была обречена. К другим «грехам» Томского прибавилось обвинение его в том, что он открыл Восьмой съезд профсоюзов СССР не согласовав все вопросы с Политбюро, заодно подверглись резкой критике профсоюзы в целом — за «аполитичность», пренебрежение «новыми задачами реконструкции».

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. в своей резолюции записал, что профсоюзы

«призваны сыграть решающую роль в деле строительства социалистической промышленности, подъеме производительности труда и трудовой дисциплины, организации производственной инициативы рабочего класса и социалистического соревнования, а также классового воспитания новых слоев пролетариата, должны решительно изжить всякие остатки как цеховой замкнутости и тредьюнианства, так и бюрократического невнимания к массам, пренебрежения к задачам защиты повседневных нужд и интересов рабочего класса»¹⁵⁴. И там же Томский, Бухарин и Рыков обвиняются в том, что они «идут на опаснейшее противопоставление профсоюзов партии, ведут фактический курс на ослабление партийного руководства профдвижением, затушевывают недостатки профсоюзной работы, прикрывают тредьюнионистские тенденции и явления бюрократического закоснения в части профсоюзного аппарата, изображая борьбу партии с этими недостатками, как троцкистское «перетряхивание» профсоюзов»¹⁵⁵. Пленум снял Томского с поста председателя ВЦСПС. Вслед за ним подвергся «обновлению» аппарат ВЦСПС и ЦК союзов. Только в центральный профсоюзный аппарат было выдвинуто 250 «рабочих-ударников»¹⁵⁶.

К началу 30-х годов о «независимости» профсоюзов от партии и государства даже не вспоминали. Полное их огосударствление завершилось, и все пришло «на круги своя». Они мало отвечали сути массовых общественных организаций, призванных защищать экономические интересы рабочих. Это нашло отражение в ряде газетных публикаций того времени. «Экономическая жизнь» в своей передовице 20 октября 1928 г. писала: «Нельзя пройти мимо вопроса о состоянии, в котором ныне находятся профессиональные союзы на предприятиях. Это состояние упадка. Работа профсоюзов переживает кризис». В «Комсомольской правде» от 20 ноября в статье «Услышал ли сигнал» читаем: «Основная массовая экономическая работа, защита повседневных интересов и

нужд рабочих остановилась на мертвой точке, а по отдельным пунктам явно пошла назад... Роль профсоюзов, по-прежнему, остается крохоборческой, никакого реального, серьезного воздействия на жизнь предприятия они не оказывают». И далее: «Нарушения колдоговоров и кодекса законов о труде в Донбассе и ряде других пунктов принимают массовый характер... Профессиональные организации в подобных делах защиты законнейших прав рабочих сплошь и рядом обнаруживают слабость, сговорчивость. Основные права рабочих остаются незащищенными». И в другой статье газеты – «Наступление на 6 час. рабочий день подростков»: «Нарушаются основные положения трудового законодательства. Профорганизации молчаливо санкционируют»¹⁵⁷

Так профсоюзы оказались в том же положении, в каком они были до перехода к нэпу.

В публицистике первых лет «перестройки» 20-е годы изображались чуть ли не «золотым веком» кооперативного движения в СССР: развиваясь в условиях нэпа, кооперация «процветала» и только с переходом к коллективизации начался ее закат. Это далеко от действительности. Пика своего подъема кооперация, как и нэп в целом, достигла в середине десятилетия, хотя и до этого времени, как уже отмечалось, ее развитие шло непоследовательно, что определялось противоречивостью экономических реформ и политических процессов. Как бы то ни было, кооперация явилась одним из важнейших факторов восстановления народного хозяйства. Об этом свидетельствует ее роль в экономике страны. Так, в 1926/1927 гг. сельскохозяйственная кооперация обеспечивала промышленность хлопком на 80%, льном – 34,5, пенькой – 34,4, табаком – 65, свеклой – 90, шерстью – на 39,4%¹⁵⁸. В 1926–1927 гг. через потребительскую кооперацию проходило 53–54% розничного сельского оборота. Она играла большую роль в хлебозаготовках (23%), в реализации крестьянского хлеба (21%), в заготовке льна (20%), была основным проводником промышленных то-

варов в крестьянское хозяйство: на ее долю приходилось 40% этих товаров, приобретаемых крестьянами¹⁵⁹.

Кооперация помимо заготовок продовольствия и различных видов сырья занималась разнообразной промышленной деятельностью: мукомольной, маслобойной, кожевенной, деревообрабатывающей, мыловаренной, полиграфической и др. Доля кооперации в общем товарообороте страны составила 50,6%, одной только потребительской кооперации — 35,6%¹⁶⁰.

На кооперативном совещании при ЦК ВКП(б) 14 сентября 1926 г. были приведены сведения о наличной сети различных кооперативов и охвате ими населения. Согласно им, имелись 27438 потребительских, 38 тысяч сельскохозяйственных, кредитных и 7400 промысловых кооперативных обществ. Потребительская кооперация¹⁶¹ объединяла 4 млн. членов в городах и 5 млн. хозяйств в деревнях, сельскохозяйственная — 5800 хозяйств в сельских местностях, кустарно-промысловая — 400 тысяч хозяйств кустарей¹⁶². Всего потребительскими обществами было охвачено свыше 15 млн. человек¹⁶³, в сельскохозяйственных кооперативах всех видов состояла в 1926 г. почти четверть всех крестьянских хозяйств¹⁶⁴.

Советские верхи продолжали рассматривать кооперацию в качестве инструмента вытеснения частного и механизма по осуществлению заготовительных, снабженческих и распределительных функций во взаимоотношениях с населением. Они всячески поощряли развитие кооперативной сети, и в этом деле достигали немалых результатов: на 1 октября 1927 г. по СССР общее число сельскохозяйственных кооперативов достигло 79340 с 10088, 3 млн пайщиков¹⁶⁵. Однако изначально рассматриваемая как инструмент государственной политики, кооперация не имела шансов стать строем «цивилизованных кооператоров», самостоятельным хозяйственным укладом. Во взаимоотношениях кооперации и государственной промышленности устанавливалось «плановое начало». Вместе с расширением сети кооперации и

ростом розничного товарооборота размножался ее аппарат и увеличивались расходы на его содержание. В 1926 г. Дзержинский писал, что в кооперации заложены социалистические элементы, но они осуществимы не такой кооперацией, «которая растрчивает деньги и которая ослеплена чиновниками и колоссальным количеством служащих, поедающих все средства»¹⁶⁶.

В условиях начавшегося затухания нэпа все больше обнаруживалась несовместимость рыночных, хозрасчетных методов деятельности кооперации с антинэповской (при сохранении нэповских лозунгов) политикой. Со стороны властей то и дело раздавалась критика кооперации, высказывались сомнения в ее подлинной «социалистичности». В письме В.В.Куйбышеву Ф.Э.Дзержинский 3 июля 1926 г. писал: «Наша кооперация — спрягаем и склоняем о ее социализме, а она вся на помочах, лупит потребителя, лупит промышленность, не дает серьезно поставить и разрешать вопрос о частнике, который все растет и растет, все накапливает. Кооперация отвергает мои меры против спекуляции и планового снабжения частника, чтобы он, удешевив свои цены, не заставил то же сделать и кооперацию»¹⁶⁷

С 1926 г. государство начало определять для кооперации заготовительные и продажные цены, нормы капиталовложений. Усиливается партийный диктат в отношении различных сторон функционирования кооперации. Так, принятое ЦК ВКП(б) 19 августа 1926 г. Постановление по сельскохозяйственной кооперации обязывало партийные организации, связанные с работой в деревне, «со всем вниманием следить за социальным составом кооперации и ее кадров, за изменением ее состава и в особенности за хозяйственным удельным весом различных слоев крестьянства в работе кооперации и за динамикой этого удельного веса в целях регулирования этих процессов в соответствии с задачей партии в деревне»¹⁶⁸. Наркомат внутренней торговли с 1926 г. стал ограничивать хозяйственную инициативу и хозяйственную само-

стоятельность снабженческо-сбытовых органов сельскохозяйственной кооперации. В 1927 г. начали исключать из кооперативов лишенных избирательных прав. Дефицитные товары отпускались только своим членам. (Товарный голод создавал определенную заинтересованность в членстве). Закон лишал кулаков права выступать учредителями потребительских обществ, избирать и быть избранными в их органы управления.

Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюз) в июне 1927 г. был преобразован во Всероссийский снабженческо-производственный центр, его задача — организация снабжения крестьянских хозяйств орудиями и другими средствами производства. Для общего руководства деятельностью сельскохозяйственных обществ был создан Всесоюзный союз союзов этих кооперативов. Политический смысл организации их центральных ведомств сформулирован в официальном статистическом органе: «В современных условиях союзы кооперативов являются аппаратом, который призван руководить работой первичных кооперативов, направляя их работу в сторону социалистического производства и распределения»¹⁶⁹. Расширилось государственное вмешательство в деятельность всех форм кооперации, усиливался контроль государства над нею, государственные органы определяли заготовительные и продажные цены, взаимоотношения с потребителями, нормы капиталовложений, накладных расходов и т.д. Кооперация нуждалась в финансовой подпитке властей, что способствовало потере ею даже относительной самостоятельности. Заместитель председателя сельскохозяйственной кооперации Г.Н.Каминский на XV съезде ВКП(б) говорил об установившейся практике регулирования кооперации, при которой методы административного порядка преобладают над методами организационно-экономическими. «Нужно больше учитывать то далеко не формальное обстоятельство, что сельскохозяйственное кооперирование есть кооперирование добровольное. Механическое распростране-

ние на сельскохозяйственную кооперацию тех же методов регулирования, какие применяются в отношении госорганов, не всегда может дать желательные результаты»¹⁷⁰.

Курс на полное подчинение кооперации государству негативно влиял на ее деятельность. Уже с лета 1926 г. замедлился рост товарности кооперативов, их предприятия теряли инициативу, способность заинтересовать население.

На XV съезде ВКП(б) в адрес кооперации шел поток славословия. В резолюции «О работе в деревне» говорится, что кооперация «является наилучшей формой экономического массового объединения крестьянства, развития его самостоятельности и инициативы, формой его хозяйственного и культурно-политического перевоспитания», но тут же особо подчеркивается ее роль по «вовлечению в русло общесоциалистического строительства» и что характерной чертой оппозиции является «неверие в возможность вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию»¹⁷¹. Появляется и новый момент: «усиление планового воздействия на производственный процесс через кооперацию»¹⁷².

В целом же и в вопросе о кооперации съезд открыто не выходил за рамки признания нэповских отношений. Но почти сразу после съезда и вопреки его решениям начался прямой и неприкрытый переход к административным мерам в отношении кооперации. В 1928 г. кооперация получает государственные задания по хлебозаготовкам, директивно осуществляется неэквивалентный обмен между государственными и кооперативными организациями. Широко развернувшейся в 1927–1928 гг. контрактации придан планово-директивный характер. С переходом к карточной системе снабжения населения кооперация играет роль государственного механизма по ее реализации. Шло наступление на последние элементы кооперативной самостоятельности, в частности, перерабатывающие кооперативные предприятия передавались государственным трестам.

Требование ВКП(б) осуществлять «классовый подход» при назначении руководящих кадров всех видов кооперации вело к непрерывному «регулированию» ее социального состава, постоянным проверкам их деятельности комиссиями ЦК партии, ЦКК РКИ, Наркомфина, местных партийных и государственных органов. Уже «забыты» партийные указания, дававшиеся в первой половине 20-х годов, об ограждении кооперации от административного вмешательства в ее оперативную деятельность. Для конца 20-х годов характерна статья заместителя наркома РКИ Н.Н.Яковлева, в которой утверждалось: работа кооперации должна быть так перестроена, чтобы «государственные интересы были целиком и полностью обеспечены», раздающиеся крики о нарушениях добровольности, самостоятельности и самодеятельности кооперации, кооперативных прав, о вмешательстве в работу кооперации надо отбросить, наоборот, надо юридически закрепить такое вмешательство местных органов, для чего необходимо пересмотреть кооперативные уставы и зафиксировать в них обязанность кооперативов выполнять партийные и государственные директивы¹⁷³.

Во второй половине 20-х годов усиливаются процессы перетряхивания кооперативных кадров. Мощный толчок им дало постановление ЦК ВКП(б) от 12 ноября 1928 г. «Об итогах проверки состава работников потребительской и сельскохозяйственной кооперации в сырьевых и хлебозаготовительных районах». Директива ЦК гласила: «Провести предстоящие перевыборы кооперативных органов под лозунгом массовой проверки кадров и очищения выборных органов от классово чуждых, неспособных и бюрократических элементов... принять срочные меры к замене подлежащих снятию работников с представлением к 1 апреля 1929 г. доклада в ЦК о проделанной работе»¹⁷⁴. Смещались с руководящих постов последние еще остававшиеся опытные работники, вместо них приходили «партназначенцы», не имевшие ни опыта,

ни элементарных знаний, необходимых для управления этими объединениями.

В деле объединения крестьян в колхозы особая роль отводилась сельскохозяйственной кооперации, что предусматривалось постановлением ЦК от 27 июня 1929 г. «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» и постановлением ЦИК и СНК СССР от 18 сентября «О сельскохозяйственной кооперации и ее работе»¹⁷⁵.

По существу от кооперативных принципов к концу десятилетия мало что осталось. Приближался конец этих общественно-экономических объединений. Они были подчинены государству в организационном, финансовом отношении и беспрекословно выполняли его директивы.

Кооперация как компонент рыночного хозяйства с присущими ей принципами организации и деятельности оказалась несовместимой с насаждавшимся «социалистическим» общественным строем. Доктринальная сущность проводимой политики и административные методы достижения ее целей обрекали кооперацию на ликвидацию и той доли самостоятельности, которую она достигла к середине 20-х годов. Ее новые коммунистические верхи последовательно проводили курс на полный разрыв кооперации с нэпом. Центросоюз в докладе Совнаркому 26 ноября 1930 г. так сформулировал свою задачу: «От торговли к плановому социалистическому распределению, от торгово-коммерческой точки зрения на роль и задачи потребкооперации к народно-хозяйственной — вот что должно стать основной постановкой потребкооперации сегодня», «отход кооперации от рыночных методов работы... к социалистическому распределению»¹⁷⁶. Эти задачи органически вписались в сталинскую коллективизацию, которая была объявлена реализацией ленинского плана кооперирования всего населения¹⁷⁷

Тот же путь свертывания прошел и «религиозный нэп». Явный поворот на этот путь произошел в 1927 г. Вступивший в управление Русской Православной Церковью после смерти патриарха Тихона (1925 г.) митрополит

Нижегородский Сергей (Страгородский), поддерживаемый большинством архиереев, относился лояльно к Советской власти. Часть архиереев не могла ему простить то, что он в начале 20-х годов участвовал в обновленчестве. Некоторые из них, высказывавшиеся за избрание патриархом после Тихона открытого противника Советской власти, находившегося в ссылке митрополита Кирилла (Смирнова), были арестованы. Впрочем этого не избежал и лояльный Сергей — в декабре 1926 г. он также был арестован, но в марте 1927 г. освобожден и при поддержке властей вступил в управление Русской Православной Церковью. Стремясь сохранить ее легальность и выживаемость в условиях враждебности к ней режима, он с группой архиереев («сергианцы») в июле 1927 г. опубликовал «Послание к пастырям и пастве», в котором провозглашалась лояльность церкви к власти. Они учитывали при этом политическую обстановку в стране: усиливавшееся наступление режима против кулаков и нэпманов, на очереди была церковь, власти считали ее пособницей эксплуататоров¹⁷⁸. У иерархов были основания для опасения. В беседе с первой американской рабочей делегацией (9 сентября 1927 г.) Сталин заявил, что партия не может быть нейтральной и в отношении «реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс. Подавили ли мы реакционное духовенство? Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано»¹⁷⁹.

Ранее, 7 февраля 1927 г., руководитель Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК ВКП(б) (обычно она называлась проще: «Антирелигиозная комиссия») Е.Ярославский основал Союз воинствующих безбожников. По примеру возглавляемой им Антирелигиозной комиссии соответствующие комиссии имелись при губкомах партии. В протоколе совещания Ярославской губернской комиссии «по борьбе с реакционным духовенством и сектантством» от 14 мая 1927 г. читаем: «Работа органов проводится по разложе-

нию религиозных организаций в больших размерах, однако религиозность увеличивается, она была бы еще больше, если бы не было работы учреждения, поэтому нужно работу по разложению религиозных организаций вести и в будущем, но в то же время не давать возможности развиваться обновленческому движению. Нам очень важно знать факты, компрометирующие попов. Эти факты нужно использовать в докладах и печати... усилив борьбу с церковью и попами, нужно усилить работу по ослаблению и разложению сектантства, которое заметно развивается...»¹⁸⁰.

22 ноября 1927 г. в «Правде» Е.Ярославский опубликовал статью «Не ослаблять борьбы с влиянием религии», в ней он по существу призвал покончить с «религиозным нэпом», приверженцем которого он был на предыдущем этапе нэпа. «Решения XIII съезда партии, — писал он, — были во многих организациях поняты, как стремление партии ликвидировать антирелигиозную пропаганду»; «ослабление антирелигиозной пропаганды, несомненно, дало в руки мелкобуржуазной стихии могущественное орудие влияния на крестьянские массы»; «религиозные организации стали средоточием политически реакционных элементов, которые под прикрытием церковных советов, пытаются оказать влияние на всю общественную жизнь деревни, а кое-где и трудовых слоев города». Автор вопрошает: «Терпима ли дальнейшая связь с религиозным культом хотя бы одного члена партии? Терпимо ли исполнение религиозных обрядов хотя бы одним членом партии? Терпимо ли такое ликвидаторское отношение к вопросам антирелигиозной пропаганды, какое наблюдается в отдельных областях?». Необходимость усиления антирелигиозной пропаганды автор связывает и обосновывает, в частности, задачами дальнейшего «планового хозяйственного строительства» и требованием программы партии «полного отмирания религиозных предрассудков». Вскоре на XV съезде ВКП(б) Сталин

заметил: «У нас имеется еще такой минус, как ослабление антирелигиозной борьбы»¹⁸¹.

С начала 1928 г. кампания борьбы властей с «классовыми врагами» направляется против религиозных организаций, их объявляют «кулацко-нэпманской агентурой», срывающей вместе с кулаками хлебозаготовки. В апреле 1928 г. на собрании актива московской организации ВКП(б) Сталин призвал связать борьбу с религией с наступлением на кулака. «Получалось, — говорил он, — в известной степени такая же комбинация (конечно, с соответствующими оговорками), какая имела место в 1921 году, когда партия во главе с Лениным, ввиду голода в стране, поставила вопрос об изъятии ценностей из церкви на предмет приобретения хлеба для голодающих районов, построив на этом широчайшую антирелигиозную кампанию, и когда попы, уцепившись за ценности, выступили на деле против голодающих масс и тем самым вызвали озлобление масс против церкви вообще, против религиозных предрассудков в частности, против попов и их руководителей в особенности... Дело в том, чтобы связать широкую антирелигиозную кампанию с борьбой за кровные интересы народных масс и повести ее таким образом, чтобы она, эта кампания, была понятна для масс, чтобы она, эта кампания, была поддержана массами»¹⁸². Можно лишь удивляться «откровению» Сталина, будто бы в 1921 г. озлобление масс было направлено «против церкви вообще, против религиозных предрассудков в частности». Ведь большинство участников собрания, слушавших доклад Сталина, хорошо помнили, что дело обстояло как раз наоборот, озлобление масс вызвали не действия служителей церкви, а советской власти, не посчитавшейся с религиозными чувствами верующих. Сейчас, в конце 20-х годов, ситуация повторялась. «Массы» антирелигиозную кампанию не поддерживали и не могли поддерживать. Религиозные общества объединяли большинство населения страны.

По данным их регистраций в НКВД, на 1 января 1929 г. на территории РСФСР без автономных республик они имелись в 4302 городах и 31988 сельских местностях¹⁸³. Большинство населения, особенно крестьяне, было глубоко религиозно. В деревне в это время 75% браков заключались в церкви, детям давались имена по христианскому календарю. И рабочие в массе своей оставались верующими. В постановлении ЦК профсоюза текстильщиков, принятом 22 сентября 1928 г., говорилось о фактах постройки церквей на фабриках при участии рабочих, о сборе ими для этой цели денег, об их участии в торжествах по случаю подъема колоколов на звонницах¹⁸⁷.

С начала 1928 г. почти на каждом заседании Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК ВКП(б) вопросы ставились и решались исключительно в плане борьбы с церковью, ущемления ее прав и возможностей оказывать влияние на население. Сошлюсь лишь на постановления отдельных заседаний.

15 февраля 1928 г. Составить циркуляр для утверждения ЦК ВКП(б), в котором «должно быть указано, что антирелигиозные диспуты разрешаются только в том случае, если с нашей стороны выступают докладчиками или оппонентами вполне подготовленные и сильные антирелигиозники».

28 февраля. Переработать проект постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «в сторону ограничения преподавания мусульманского вероучения».

13 июня. Сократить вдвое список издающейся религиозной литературы, «признать дальнейшую ликвидацию монастырей необходимой в целях антирелигиозной пропаганды»; «Признать необходимым сокращение количества религиозных съездов.

Разрешать проведение не чаще одного раза в три года».

27 июля. Внести в инструкцию НКВД по проведению декрета об отделении церкви от государства пункт о запрещении религиозным организациям устройства детских площадок и экскурсий, а также об исключении из инструк-

ции пункта, которым дети допускаются к участию в религиозных хорах вместе с взрослыми.

21 июля. Поручить ОГПУ и НКВД принять меры к тому, чтобы духовенством не совершались браки, записи актов рождения и похорон без предварительной регистрации в ЗАГСе¹⁸⁵.

В конце 1928 г. и начале 1929 г. резко усиливается антирелигиозная пропаганда, кампания закрытия церквей, приходов, монастырей. В январе 1929 г. ЦК ВКП(б) направил партийным организациям письмо «О мерах по усилению антирелигиозной работы», в котором утверждалось, что духовенство и активно верующие занимаются мобилизацией реакционных и малосознательных элементов в целях «контрнаступления на мероприятия Советской власти и компартию». Религиозные объединения всех конфессий объявлялись контрреволюционными организациями. Предлагалось обратить на это внимание НКВД и ОГПУ. (Впрочем, различного рода секты — духоборы, молокане, баптисты и др — не преследовались, власти надеялись их использовать в борьбе с канонической церковью). Особенно усердствовала «Комсомольская правда», призывавшая вести «открытое наступление на религию», она в самых грубых формах оскорбляла чувства верующих.

Наступление на церковь стало составной частью осуществлявшегося «великого перелома». 8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях»¹⁸⁶, усиливавшее контроль государства над ними: религиозные объединения не пользовались правами юридического лица; им воспрещалось создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, оказывать денежную и другие виды материальной помощи верующим, они должны были ликвидировать созданные ими богодельни, им воспрещалось проводить экскурсии, специальные детские, юношеские и женские собрания по изучению библии, организовывать рукодельческие и иные кружки, открывать библиотеки, читальни, — и все это, чтобы не оказывать религиозного воздействия

на население. Во всех государственных, общественных, кооперативных и частных учреждениях и предприятиях воспрещалось совершать религиозные обряды, церемонии культа и помещать предметы культа. Четырнадцатый съезд Советов РСФСР в мае 1929 г. изменил статью Конституции, признававшую «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды». Отныне она гарантировала лишь свободу религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды»¹⁸⁷, но не религиозной пропаганды.

Озлобление крестьян против антицерковной политики власти еще больше затрудняло хлебозаготовки и она временами вынуждена была с этим считаться. Об этом откровенно говорилось в постановлении Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) от 18 мая 1929 г. «Ввиду того, что в ряде районов на почве закрытия молитвенных зданий происходили эксцессы (верующие оказывали сопротивление), которые (эксцессы) между прочим, имели весьма отрицательное влияние на успешность хлебозаготовок, признать необходимым в местностях, где идут хлебозаготовки, не допускать никаких осложнений с крестьянством на почве закрытия молитвенных зданий. Там же, где молитвенное здание закрыть без эксцессов невозможно, закрытие не производить и никакой кампании за закрытие церквей не поднимать». Далее отмечалось, что соответствующие указания местным партийным организациям по этому вопросу ЦК ВКП(б) уже сделал, надо, чтобы по своим линиям эти указания местам дали ОГПУ и Центральный совет безбожников¹⁸⁸.

Робкие голоса против крайностей антирелигиозного экстремизма раздавались на Втором Всесоюзном съезде безбожников (июнь 1929 г.)¹⁸⁹. Председатель ВЦИК и ЦИК СССР М.И.Калинин призывал в борьбе с религиозными предрассудками осторожно прибегать к административным методам воздействия, нельзя забывать о массах трудящихся, являющихся верующими. В таком же духе выступил Н.И.Бухарин. Однако влияния на решения съезда они не оказали. В обращении «ко всем трудящимся»

съезд заявил: «Для нас борьба на антирелигиозном фронте есть только один из видов классово-политической борьбы, которую ведут трудящиеся против капитала»¹⁹⁰. Тогда же (в июне) ЦК ВКП(б) направил на места инструктивное письмо «Основные задачи и методы чистки и проверки национальных организаций», рекомендовавшее «настойчиво добиваться полного отказа от религиозно-бытовых предрассудков»¹⁹¹. Наступление против церкви и верующих продолжало ужесточаться.

10 августа 1929 г. Антирелигиозная комиссия постановила: «Предложить Союзу безбожников срочно разработать план проведения по всему Союзу в течение ближайших месяцев серьезного и всестороннего обследования всех бывших монастырей и выяснить, как они использованы, можно ли улучшить использование в целях превращения их в очаги советской культуры, в образцовые колхозы, мастерские, детдома, санатории, рабочие жилища и т.п.»¹⁹².

4 ноября 1929 г. Антирелигиозная комиссия приняла постановление о колокольном звоне. Оно гласило: «1. Запретить совершенно так называемый трезвон или звон во все колокола. 2. Разрешить постановлением местных органов власти звон в маленькие колокола установленного веса и в установленные часы по просьбе религиозных организаций. При сокращении колокольного звона колокола должны быть сняты и переданы в соответствующие государственные учреждения для использования в хозяйственных целях»¹⁹³.

Законодательными мерами церковная жизнь ограничивалась богослужениями в храмах. Служители культов и их семьи лишались гражданских прав, продовольственных карточек, коммунальных квартир, как «лишенцев» их облагали повышенными налогами.

Антирелигиозный экстремизм шел под лозунгами полного отказа от «религиозного дурмана», «отправить религию на свалку истории».

К концу 20-х годов все добровольные объединения трудящихся по существу были огосударствлены, поставлены под жесткий контроль государственных органов. Они потеряли качества и характер общественных организаций. Их функции защиты профессиональных, групповых интересов граждан были «вытеснены» функциями советского государства по «мобилизации народа на строительство социализма».

4. От диктатуры партии — к диктатуре Сталина

За годы нэпа диктатура Коммунистической партии трансформировалась в единоличную диктатуру Генерального секретаря партии Сталина. Как это произошло? Почему Сталину удалось установить свою безграничную власть над партией и страной. Впервые на эти вопросы попытался ответить Л.Д.Троцкий. По его словам, в конце 20-х годов его не раз об этом спрашивали. Отвечал он на них в написанной в 1929 г. автобиографии. По его мнению, после Ленина Россия переживала процесс термидорианского перерождения. Чем дальше в прошлое уходил Октябрь, тем сильнее большевистская правящая верхушка проникалась «новой психологией», характеризующейся потерей нравственности, самодовольством, неприкрытым мещанством¹⁹⁴. В этой атмосфере «революционеры-аскеты», к которым он себя причислял, оказались как бы в изоляции. Сталин же был инструментом термидорианского процесса, он был его выразителем. Троцкий рассказал о беседе в 1925 г. со своим заместителем по Наркомату обороны Э.М.Склянским. В ответ на его вопрос «Что такое Сталин?», он сказал: «Сталин — это наиболее выдающаяся посредственность нашей партии». Далее Склянский говорил: «поражаешься тому, как за последний период во всех

областях выпирает наверх золотая середина, самодовольная посредственность. И все это находит в Сталине своего вождя. Откуда это?». Объяснение Троцкого: «Это реакция после великого социального и психологического напряжения первых лет революции. Победоносная контрреволюция может иметь своих больших людей. Но первая ступень ее, термидор, нуждается в посредственностях, которые не видят дальше своего носа»¹⁹⁵.

Во время беседы со своим другом И.Н.Смирновым весной 1924 г. Троцкий, по его словам, предсказал, что Сталин будет диктатором Советского Союза. Смирнов возразил: «Но он же посредственность, серое ничтожество», на что Троцкий ответил: «Посредственность — да, ничтожество — нет». Историческая диалектика уже подхватила его своим крючком и будет его поднимать вверх, он нужен им всем — бюрократам, выскочкам, пройдохам, «всем тем, которые прут из почвы, унавоженной революцией». Он способен возглавить их. Он готов возглавить их, у него есть заслуженная репутация старого революционера. Он даст этим самым прикрытие в глазах страны. У него есть воля и смелость. Он не побоится опереться на них и двинуть их против партии. Он уже начал эту работу. Он подбирает вокруг себя пройдох партии.. если все пойдет автоматически дальше, как идет теперь, то Сталин автоматически станет диктатором»¹⁹⁶. Как бы продолжая размышлять о субъективных и объективных обстоятельствах, приведших к абсолютной власти Сталина, Троцкий в книге о нем позже писал: «Те черты, которые проходят через всю жизнь Сталина: упорство характера, хитрость, узость кругозора, беспощадность в отношении к противникам — позволили ему стать сперва полусознательным, затем сознательным орудием новой советской аристократии, и они побудили эту аристократию увидеть, признать в Сталине своего вождя». Все, что ныне стало известно о жизни, личностных качествах и методах борьбы за власть «Генерального секретаря», позволяет во многом согласиться с его непримиримым про-

тивником, в частности с тем, что Сталин был выразителем процесса перерождения партии, стал орудием «новой советской аристократии», признавшей в нем «своего вождя». Но вряд ли можно согласиться с тем, что его возвышение происходило автоматически, а его «посредственность» этому способствовала. Он несомненно обладал немалыми способностями, особенно вести политическую борьбу, прозорливо видеть и использовать слабости своих противников. Нет, «посредственность» — это слово не подходит для характеристики Сталина. Скорее, он был человеком весьма одаренным, но одаренность его была в области криминальной, политических манипуляций и интригантства.

Тот же вопрос: почему Сталину удалось установить свою диктатуру над партией и страной? — задают и пытаются на него ответить авторы монографий, статей, диссертаций, посвященных истории СССР и непосредственно «гениальному вождю народов», как долгие годы было принято называть Сталина. При его жизни историография поднимала его до поднебесной высоты, после смерти в течение ряда лет старалась, по возможности, обойти молчанием, в постсоветское время изображала в качестве главного и единственного виновника всех бед страны. Да, слишком противоречивы эта личность и связанные с ней политические, экономические и духовные процессы в жизни советского общества. Дать им однозначные оценки, видимо, невозможно. Трудно избежать элементов субъективизма, политических пристрастий. Допускаю, что они присутствуют и в этом труде. Впрочем, в нем не ставится задача дать всесторонний анализ и характеристику личности Сталина и его политической деятельности. Подобные попытки сделаны авторами политических биографий Сталина. Их много. Сошлюсь только на одну из фундаментальных — объемную монографию Д.А.Волкогонова¹⁹⁸. Моя задача — скромнее: проследить путь, приведший Сталина на вершину единоличной власти и тем самым показать обстоятельства субъективного и объективного характера, способствовавшие его возвышению.

Несомненно, смертельная болезнь Ленина, а вскоре уход его из жизни стали тем моментом, когда вопрос о том, кто его заменит в роли главы партии и государства, перешел для Сталина из области «подспудных» действий в область прямой и активной борьбы за «престолонаследие». До этого, кроме непосредственных ее участников, мало кто видел в лице Генсека реального претендента на эту роль. В этом отношении представляет интерес мнение видного российского историка Н.А.Рожкова, отбывавшего ссылку в Пскове. После получения известия о смерти Ленина, он направил в местную газету «Псковский набат» воспоминания о нем (они не были напечатаны). В целом высоко оценив его значение для России, он вопрошал: «Кто займет место Ленина? Очевидно, возместить потерю никто не может. Все совлавыри сравнительно бездарные люди и односторонние. Есть между ними хорошие военные, теоретики, чиновники, но государственных людей нет. Единственный человек, который может заменить Ленина, это Бухарин, но у него нет ленинского авторитета и закаленности, он больше ученый, чем администратор. Зиновьев просто жалкая копия Ленина. Троцкого не допустят. Впрочем, нового главу России выдвинет не то или другое постановление, но обстоятельства, которые еще учесть нельзя...»¹⁹⁹. Итак, Сталин в качестве возможной кандидатуры на «престол» даже не упоминается. Между тем он изо дня в день «работал» по созданию нужных ему «обстоятельств».

Как уже отмечалось, в возвышении Сталина большую роль сыграл партийный аппарат — центральный и местный. Используя его, он манипулировал сотнями тысяч членов партии. Повсюду были расставлены его кадры, опиравшиеся на репрессивные органы. Тщательным отбором делегатов на съезды и конференции ВКП(б) обеспечивалось большинство. Сталин превратился в символ «большинства», что явилось одним из «секретов» его побед на пути к власти. Малейшее несогласие с «большинством» квалифицировалось как нарушение партийной

дисциплины и посягательство на «святое святых» — единство партии. Роль партийного аппарата в своем возвышении Сталин сам признавал. В 1937 г. в узком кругу своих приближенных он говорил: «Известно, что Троцкий после Ленина был самым популярным в нашей стране. Популярны были Бухарин, Зиновьев, Рыков, Томский. Нас мало знали, меня, Молотова, Ворошилова, Калинина. Тогда мы были практиками во времена Ленина, его сотрудниками. Но нас поддержали средние кадры, разъясняли наши позиции массам. А Троцкий не обращал на эти кадры никакого внимания. Главное в этих средних кадрах. Генералы ничего не могут сделать без хорошего офицерства»²⁰⁰.

Имея в своих руках партийный аппарат, Сталин смог подчинить себе основные партийные массы и превратить их в свою опору. Этому способствовало само состояние партии, культурный и психологический уровень ее членов, поверивших Сталину и поддержавших его. Известная социальная база у него была и в определенных слоях населения, массовое архаическое сознание которых тяготело к «отцу-вождю». К тому же значительная часть населения с трудом мирилась с нэпом, который воспринимался ею как возвращение к обществу, в котором господствует эксплуатация человека человеком, социальная несправедливость, безработица. Было много сторонников всеислия административной власти, убежденных в том, что оно в интересах социалистического строительства. Они переживали ностальгию по «героическому периоду революции». Разрушение рыночных отношений, проводимое политикой Сталина, создавало ему известную опору и в этой части народа и благоприятные условия для осуществления его планов.

Большую роль в победном шествии Сталина к единоличной власти играл жупел «троцкизма», созданный им и его союзниками. О том, как он возник и был ими использован, Троцкий вспоминал в конце 20-х годов. В октябре 1926 г. в Москве состоялось совещание членов

Объединенной оппозиции, на котором некоторые присутствовавшие, в прошлом состоявшие в «новой оппозиции», недоумевали: «почему так резко переменялась позиция в вопросе о троцкизме и создается блок с ним?». М.М.Лашевич в резкой форме отвечал: «Да что вы валите с больной головы на здоровую? Ведь мы же сами выдумали этот “троцкизм” во время борьбы против Троцкого». Зиновьев по существу это подтвердил: «Ведь надо же понять то, что было. А была борьба за власть. Все искусство состояло в том, чтобы связать старые разногласия с новыми вопросами. Для этого и был выдвинут “троцкизм”».

21 ноября 1927 г. Троцкий обратился к некоторым участникам того совещания с просьбой вспомнить о проходивших тогда беседах. Е.А.Преображенский ответил: «Подтверждаю... относительно всего плана борьбы с “неотроцкизмом” Собрание происходило у Каменева, близко к дате 16 октября 1926 г., до или после, не помню». Г.Л.Пятаков: «Я не помню текста речей. Смысл же помню хорошо: троцкизм был выдуман для того, чтобы подменить действительные разногласия мнимыми, взятыми из прошлого..., искусственно гальванизированными в вышеуказанных целях». К.Б.Радек: «Присутствовал при разговоре с Каменевым о том, что Л.Б. расскажет на пленуме ЦК, как они (то есть Каменев и Зиновьев) совместно со Сталиным решили использовать старые разногласия Л.Д. (Троцкого) с Лениным, чтобы не допустить после смерти Ленина т.Троцкого к руководству партией. Кроме того, много раз слышал из уст и Зиновьева и Каменева о том, как они “изобретали” троцкизм, как актуальный лозунг». Х.Г.Раковский: в собраниях не участвовал, так как находился в Париже, но «полностью осведомлен, что аргумент с “троцкизмом” и “перманентной революцией” был притянут за волосы исключительно с целью дискредитировать оппозиции 1923 г.»²⁰¹.

Среди причин, способствовавших победе Сталина над его внутрипартийными противниками, были и моменты интеллектуального характера. Не без основания глава

чехословацкой дипломатической миссии И.Гирс в 1927 г. писал в своих донесениях: «Оппозиция состоит главным образом из интеллектуалов, которые по своему духовному уровню возвышаются над остальной массой членства партии, и это вызывает по отношению к ним определенное недоверие. Сила сталинской позиции состоит в том, что он является представителем численно превосходящей части партии, т.е. интеллектуально посредственных людей. Это — антагонизм между интеллигенцией и широким членством полуинтеллигентов в партийном и общем смысле»²⁰².

Итак, движение к единоличной диктатуре Сталина было предопределено многими обстоятельствами, в той или иной степени они отражены в историографии²⁰³. И все же при всей их и особенно партийного аппарата огромной роли в создании «великого вождя», главное, ключевое значение в этом имел характер советской однопартийной политической системы, в которой был заложен принцип вождизма, и продуктом которой был сам партийный и государственный аппарат. Диктатура партии с совмещением (вернее, с подменой) государственной власти, с крайней ее централизацией и концентрацией на самом верху, при жесткой партийной дисциплине и неукоснительным выполнением постановлений, исходящих от ЦК партии — все это создавало благоприятные предпосылки для сосредоточения власти в руках одного лица.

Выделенное в марте 1919 г. из состава ЦК Политбюро в качестве высшей коллегиальной структуры партии, призванной решать наиболее важные принципиальные политические вопросы, уже вскоре стало директивным всеобъемлющим органом партии, а фактически и государства. Стоило в нем нарушить коллегиальность в пользу одного члена Политбюро, как в его руках могла сосредоточиться огромная власть. Это уже произошло при Ленине, но его первенство в Политбюро, а тем самым и его власть, основывались на безраздельном авторитете среди правящей группы, а не на официальных первых постах — их в партии у Ленина и не было.

Иначе случилось со Сталиным. Ключевые официальные посты в партии обеспечили ему возможность использовать государство, его репрессивные, административные, агитационно-пропагандистские органы для собственного возвышения. Оказавшись Генеральным секретарем партии, он стал настойчиво и методически оттеснять на второй план всех своих конкурентов по борьбе за руководство партией. Не сразу это поняли его соратники. Они проигнорировали предостережение смертельно больного Ленина, его рекомендацию сместить Сталина с поста Генсека: «Тов. Сталин, — писал он, — сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»²⁰⁴. Позиции Сталина еще более укрепились. В осуществлении его стремления к власти немалую роль сыграли личные качества Сталина, на которые, в частности, Ленин указал в «политическом завещании»: его грубость, нетерпимость, нелояльность к товарищам, капризность. Вопрос о личных качествах Сталина «может показаться ничтожной мелочью», но в конкретной ситуации это такая мелочь, которая может получить решающее значение»²⁰⁵. В политической борьбе за лидерство способности к интригам, лицемерию, популизму всегда играли большую роль. Сталин в этом отношении был большим мастером²⁰⁶. Его манеры выступлений, речей, примитивизм доводов, аргументов вполне соответствовали уровню образованности партии: они были доходчивы, доступны пониманию слушателей, не требовали самостоятельного осмысления происходящего. Теоретические споры с оппозиционерами в «высших партийных кругах» для рядовых малообразованных партийцев были далеки от реальной жизни, казались надуманными. Взять хотя бы вопрос о возможности построения социализма в одной стране: правота Сталина, конечно же, бесспорна, для чего же совершалась революция?

Центральный партийный аппарат — Оргбюро, Секретариат ЦК — Сталин подчинил себе довольно быстро.

Сложнее было с Политбюро, которое состояло из наиболее видных и влиятельных руководителей партии. К тому же после смерти Ленина председательствование в нем было за Каменевым. Что касается члена Политбюро Троцкого, то исход борьбы с ним в 1925 г. был предрешен. В январе он освобожден от обязанностей председателя Реввоенсовета и от должности Наркома по военным делам. В письме Пленуму ЦК в середине 1925 г. он по существу капитулировал, заявив, что готов занять любой пост по указанию партии, готов принять любой контроль над собой. Хотя он еще оставался членом Политбюро, на деле же оказался в изоляции. На очереди были Зиновьев и Каменев, ставшие оппозиционерами. В письме Молотову, Рыкову, Бухарину из Сочи 25 июня 1925 г. Сталин обосновал необходимость вывода Зиновьева из Политбюро: «Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии... группа Зиновьева является сейчас наиболее вредной... Не только Лашевича²⁰⁷ нужно вывести из ЦК, но и Зиновьева нужно вывести из Политбюро... Возможно, что после этого Зиновьев подаст в отставку по ИККИ. Мы должны ее принять. Уверяю вас, что в партии и в стране пройдет это дело без малейших осложнений»²⁰⁸. Еще более уверенно чувствовал себя Сталин во время борьбы с Объединенной оппозицией. 15 июня 1926 г. он писал Молотову и Бухарину: «Хозяйственные дела меня не пугают. Рыков справится с ними. На хозяйственных вопросах ничего, ровно ничего, не выиграют оппозиционеры...»²⁰⁹.

Уже к середине 20-х годов Сталин набрал столь большую политическую силу, что это вызвало беспокойство его соратников. В 1925 г. Каменев предложил назначить Сталина председателем Реввоенсовета (после смещения в январе 1925 г. Троцкого) в расчете, что таким образом партия освободится от непомерной над ней его власти. Сталин, разумеется, от такой «перестановки» отказался. На XIV съезде ВКП(б) Каменев, критикуя Сталина, за-

явил: «Мы против того, чтобы создавать теорию “вождя”, мы против того, чтобы делать “вождя”, я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнять роли объединителя большевистского штаба»²¹⁰. Однако большинство съезда поддержало Генсека, «новая оппозиция» потерпела поражение. В ответ на критику К.Е.Ворошилов сказал: «Товарищ Сталин является — я это утверждаю, — главным членом Политбюро... его предложения чаще проходят, чем чьи-либо другие. Причем предложения эти принимаются единогласно»²¹¹. Это соответствовало действительности. Запоздалые попытки противников Сталина хотя бы ослабить его власть или предотвратить еще большее ее усиление были обречены на провал.

Даже среди сторонников Генсека, противников оппозиции некоторые стали проявлять беспокойство, не идет ли дело к диктатуре. В этом отношении представляет интерес письмо Ф.Э.Дзержинского В.В.Куйбышеву от 3 июля 1926 г. В нем он резко критиковал недостатки управления, избегая обвинять в них руководство ЦК, что явилось бы поддержкой Объединенной оппозиции, возглавленной Троцким. «Как же мне, однако, быть? — вопрошал он в письме, и выражал опасение, что если так пойдет дальше, «страна тогда найдет своего диктатора-похоронщика революции, какие бы красные перья ни были на его костюме. Все почти диктаторы — бывшие красные — Муссолини, Пилсудский»²¹². Кого он мог иметь в виду? К этому времени Сталин уже одержал победу над «левой» оппозицией Троцкого, затем — над «новой оппозицией», близился разгром Объединенной «левой» Троцкого-Зиновьева-Каменева. Эти победы упрочили позиции Генерального секретаря не только как главы партии, но и государства, в котором командные посты занимали «его люди»: К.Е.Ворошилов — Нарком обороны, В.Р.Менжинский — председатель ОГПУ, В.В.Куйбышев — председатель ВСНХ, Г.К.Орджоникидзе — Нарком РКИ и зам. председателя Совнаркома, А.И.Микоян — Нарком внешней и внутренней торговли.

Уверенность Сталина в своей «непогрешимости» и в возможность реализации своих амбициозных устремлений подкреплялась его контролем над международным коммунистическим движением, которым он манипулировал. Коминтерн стал орудием его влияния на международной арене. В 1929 г. Клара Цеткин писала о Коминтерне, что он превратился «в мертвый механизм, который, с одной стороны, проглатывает приказы на русском языке, и, с другой, выдает их на различных языках, механизм, превративший огромное всемирно-историческое знание и содержание русской революции в правила Пиквикского клуба»²¹³. «Ореол» руководителя всемирного масштаба увеличивал вес его авторитета в самой ВКП(б).

До конца 1927 г. члены Политбюро Рыков, Бухарин, Томский, ставшие вскоре оппозиционерами, безоговорочно были на стороне Сталина. На X съезде КП(б) Украины 20 ноября 1927 г. Рыков возмущался, что в ряде документов Объединенной оппозиции допускаются выражения: «Диктатор Сталин», «сталинские методы», «Сталин предпринял» и т.д. «Все это является злостной и гнусной клеветой на всю партию и на тов.Сталина», в Политбюро «ни один вопрос, ни одним членом Политбюро не решается единолично... Коллегиальность мы теперь развили, пожалуй, чрезмерно»²¹⁴. Рыков, поддерживая Сталина, явно «кривил душой».

В 1928 г. Сталин сформулирует тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, ставший его важным аргументом необходимости подавления всех, кто в чем-то не согласен с политикой партии, отождествляемой с его, сталинской политикой. Жупел врага использовался им для запугивания несогласных и получения поддержки партийных масс: «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать, товарищи, ни на одну минуту», — предупредил он в апреле 1928 г. на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК²¹⁵. Вскоре удары Сталина обрушатся на так называемую «правую оппозицию» Бухарина-Рыкова-

Томского, оказавшейся последним политическим препятствием на его пути. Неизбежность ее поражения, победа над ней Сталина были обусловлены самой политической системой страны, противоречившей нэпу, который отстаивали оппозиционеры. Заложенные в ней авторитарно-административные методы руководства отторгли нэп, требовавший иных, экономических методов. Однако «правые» не покушались на эту систему, в создании которой участвовали. Они оставались приверженцами лежавших в ее основе партийных доктрин о «диктатуре пролетариата», однопартийности и главенствующей роли Коммунистической партии, непримиримой классовой борьбе и монопольной государственной собственности.

Такие неординарные политические деятели как Бухарин, Рыков, Томский не могли не видеть и не понимать, что политическая система неуклонно эволюционировала к всевластию партийной бюрократии и личной диктатуре, но «загипнотизированные» установками о подчинении партийной дисциплине, «большинству», «генеральной линии» партии (символом же «большинства» и «генеральной линии» уже стал И.В.Сталин), они ни на один элемент политической системы не покушались и в отстаивании нэпа, критике Сталина были непоследовательны, проявляли слабость и готовность к капитуляции. Все это ударило по самим оппозиционерам, использовалось против них же.

Были ли серьезные, принципиальные расхождения у Сталина с «правой» оппозицией? Были, и главное из них: «правые» за эволюционное, медленное движение крестьянской России к социализму, Сталин — за ускоренное, что требовало чрезвычайных насильственных мер по отношению к крестьянам. Позиция Бухарина в этом вопросе была со всей определенностью выражена в его статье «Ленинизм и строительный период пролетарской революции», опубликованной в 1927 г. «В обществе переходного периода развитие его в высшую форму есть эволюционный процесс», — говорилось в статье. В это время основная линия движения «есть линия на сужение и в

конечном счете на отмирание противоречий», хотя не исключает отдельных полос обострения классовых антагонизмов; в переходный период «основной тип развития есть тип эволюционного развития», «осторожная переделка нашего общества, общества пролетарской диктатуры, наши "реформы", наше "строительство" суть не что иное, как продолжение — в новых формах — великой пролетарской революции. И, наоборот, радикальная ломка, уничтожение нашего государства, линия на обострение противоречий и на взрыв общества в наших условиях есть линия контрреволюции²¹⁶. Тогда, в 1927 г., эти высказывания Бухарина были Сталиным как бы «не замечены». Другое дело в 1928 г., когда Генсек выступил с «теоретическим» положением об «обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму» — оно отвергло возможность «эволюционного» пути.

При всей своей, с точки зрения «правых», абсурдности новая «теория» Сталина имела глубокий смысл: она оправдывала политику чрезвычайных мер, давала широким партийным и беспартийным массам «понятное» объяснение причин всех трудностей, должно было убеждать в правильности политики партии, как бы подводила к осуществлению «великого перелома». К тому же она могла восприниматься как развитие «учения» марксизма о классовой борьбе, тем более, что большевики неизменно считали: классовая борьба будет продолжаться долго. На этот счет споров не было. Сам Бухарин, сразу же выступивший с критикой сталинской теории, за несколько лет до того на XIV съезде ВКП(б) заметил, что классовая борьба в ближайший период будет обостряться²¹⁷. А в феврале 1926 г. в докладе на Чрезвычайной ленинградской губернской конференции он говорил: «В общем и целом у нас классовая борьба будет отмирать, но это не значит, что на определенный промежуток времени она не будет обостряться — наша задача на этой определенной стадии надлежащим образом вести себя в этой обостренной классовой борьбе»²¹⁸.

Эту же мысль он повторил в сентябре 1928 г. в «Заметках экономиста»: «В переходный период (переходный от капитализма к социализму) классы еще остаются и классовая борьба временами даже обостряется»²¹⁹.

Внешне выглядит так, что расхождения «правых» со Сталиным по этому вопросу могли быть сближены путем компромисса, так как стратегическая цель у них была одна — социализм. Казалось бы, и по вопросу о коллективизации расхождения не столь уж непримиримы. На Восьмом съезде профсоюзов А.И.Рыков говорил: «Мы должны ускорить обобществление сельского хозяйства, но для преодоления трудностей, для предотвращения кризиса, мы одновременно должны всячески содействовать развитию и индивидуального середнячко-бедняцкого крестьянского хозяйства, в то же время борясь и усиливая борьбу с капиталистически эксплуататорскими элементами»²²⁰. Однако Сталин компромисса не хотел, добываясь во внутрипартийной борьбе главной своей задачи — сокрушения последней оппозиции его политике, его личным амбициозным планам. В 1927 г., когда Бухарин был еще в союзе со Сталиным против Троцкого, Каменева и Зиновьева, он заявил: «Если оппозиция попытается вызвать "катастрофу", партия и мокрого места от нее не оставит»²²¹. Вряд ли он тогда предполагал, что неволью предсказывает судьбу и своей группы. Она неудержимо приближалась. Дорогу ей расчищали процессы над «вредителями», кампании по раскрытию и обезвреживанию «контрреволюционных» групп «национал-уклонистов» (на Украине, в Белоруссии, Башкирии, Татарии, Крыму) и др.

До поры до времени разногласия Сталина с Бухариным и его группой не приобрели открытый конфронтационный характер. Он вынужден был считаться с тем, что эта группа имела поддержку в партии. Три ее члена — Бухарин, Рыков и Томский — вошли в состав Политбюро, избранного после XV съезда партии, Рыков был председателем Совнаркома, Томский — председателем проф-

союзов, сам Бухарин возглавлял редколлегию «Правды», был председателем Коминтерна. К тому же эта группа поддерживала Сталина в борьбе с оппозициями Троцкого, Зиновьева — Каменева.

Мирным отношениям с группой «правых» положил конец разразившийся на рубеже 1927—1928 годов острый экономический кризис: были сорваны государственные заготовки зерна, резко упал его экспорт, начались перебои в снабжении хлебом городского населения, что вынудило ввести в ряде городов продовольственные карточки. Кризис потребовал ответа на вопросы: кто в нем виноват и как из него выйти? Позиции основных участников начавшихся дискуссий довольно подробно освещены в российской и зарубежной литературе. Поэтому не претендуя на полноту, коснусь их постольку, поскольку это необходимо для раскрытия роли этих драматических событий в утверждении господства Генерального секретаря.

Сталин, как это было и в прошлых заготовительных кризисах, основными их виновниками считал кулаков, не сдававших зерно, спекулировавших им, главный же его метод «борьбы за хлеб» — тот же, которым добывался хлеб в годы гражданской войны: реквизиции, конфискации, запрещение свободно торговать им, насильственный товарообмен. Для предотвращения продовольственных кризисов — ускорение темпов коллективизации и индустриализации. Политбюро поддерживало Сталина. Оппозиция же отстаивала курс определенный XV съездом партии: она — против чрезвычайных мер по отношению к крестьянам. В принципе, как уже отмечалось, и «правые» были за коллективизацию, но без форсирования, они тоже за наступление на кулака, но не административными, а экономическими методами.

Острые дискуссии о причинах хлебозаготовительного кризиса на апрельском и особенно на июльском (1928 г.) пленумах ЦК проходили с альтернативных позиций. Бухарин и его сторонники видели эти причины в несовершенстве механизма хозяйствования, в перекосе ценовой

политики, предлагали экономические методы выхода из кризиса. По Сталину, причиной кризиса являлся «кулацкий саботаж», а для преодоления кризиса нужны меры беспощадного подавления врагов, прежде всего кулаков. На июльском пленуме он возвестил свою «теорию» обострения классовой борьбы: «... по мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться», а Советская власть будет проводить политику подавления их сопротивления²²².

В арсенале «оружия» Сталина против Бухарина была ставшая известной тайная встреча Бухарина с опальным Каменевым в июле 1928 г. На эту встречу его привели неуверенность в своем положении, развернувшаяся травля его, желание просить Каменева не включаться в кампанию травли. Бухарин якобы в разговоре сказал: «Сталин знает одно средство — месть, и в то же время всаживает нож в спину», «партия и государство слились — вот беда», «Сталина ничего не интересует, кроме сохранения власти». Сталин использовал эту встречу для обвинения Бухарина²²³ в грубейшем нарушении партийной дисциплины и попытке создания фракции, антипартийного блока, чтобы изменить генеральную линию партии.

Хорошо зная, как готовились резолюции партийных форумов и роль в их принятии Сталина, Бухарин, конечно, понимал, что его опровержения и критика не повлияют на решение состоявшегося в июле пленума ЦК. В нем констатировалось, что главной задачей внутрипартийной политики в настоящих условиях должно быть полное преодоление правого уклона и примиренческого отношения к нему. Бухарин был снят с постов редактора «Правды» и председателя Коминтерна, Томский с поста председателя ВЦСПС. Против группы Бухарина была развернута масштабная пропаганда: фальсификациями, обвинениями в антиленинизме она изображала «правых» как врагов социализма, приверженцев капитализма.

«Правые» продолжали отстаивать свои взгляды, критиковали форсирование индустриализации за счет обнищания крестьян и снижение уровня жизни рабочих. Критический пафос опубликованной в сентябре статьи Бухарина «Заметки экономиста» направлен против Троцкого, но читателям нетрудно было понять, что имеется в виду политика, проводимая Сталиным, хотя его имени в статье нет. В ней отвергается курс на развитие индустрии за счет крестьянского хозяйства. Наивно полагать, писал он, будто «максимум годовой перекачки из крестьянского хозяйства в индустрию обеспечивает максимальный темп развития индустрии вообще... Наивысший длительно темп получится при таком сочетании, когда индустрия подымается на быстро растущем сельском хозяйстве. Именно тогда и индустрия дает рекордные цифры своего развития. Но это предполагает возможность быстрого реального накопления в сельском хозяйстве»²²⁴. Статья направлена против прожектерства и волюнтаризма в планировании, нарушения пропорций между промышленностью и сельским хозяйством.

В феврале 1929 г. Сталин так оценил статью: «Для нас, для большинства членов Политбюро, во всяком случае не подлежало сомнению, что “Заметки экономиста” являются антипартийной эклектической статьей, рассчитанной на замедление темпа развития индустрии и изменение нашей политики в деревне...»²²⁵

Между тем хлебозаготовительная кампания 1928–1929 гг. проходила с теми же трудностями и была также неэффективна, как и предыдущая. Радикальный выход из повторяющихся кризисов Сталин видел в форсировании индустриализации и ликвидации неподконтрольной государству «мелкобуржуазной стихии», в коллективизации сельского хозяйства. При этом он рассчитывал на поддержку социальных низов деревни и идеологическую обработку населения. По существу сталинское Политбюро осуществляло программу Троцкого, «левой оппозиции», подвергшейся разгрому как антиленинская. Троцкий и

его сторонники приветствовали борьбу Сталина против «правой опасности», полагая, что она ведется с позиции их «платформы», но считали ее недостаточной. Так, находившиеся уже в ссылке И.Т.Смилга, К.Б.Радек и А.Г.Белобородов 29 марта 1929 г. в «Тезисах по текущему моменту»²²⁶, анализируя события, последовавшие после XV съезда партии, писали о кризисе центристской политики Сталина, выразившемся, в частности, в том, что центристам пришлось принять «идейный багаж оппозиции». Критикуя непоследовательность и противоречивость «левого курса» сталинского руководства, они вместе с тем считали в этом курсе шагом вперед борьбу с кулаком, ориентацию на строительство колхозов, совхозов²²⁷

Вскоре, однако, часть членов оппозиции — Преображенский, Радек, Смилга — перешли на сторону сталинского большинства. 10 июня 1929 г. они сделали покаянное заявление об отречении от оппозиции: «Мы упустили из виду, как показал нам опыт, что политика ЦК была и остается ленинской. Поэтому прав был XV съезд партии, осудив за такую установку нашу платформу». Они просили принять их обратно в партию²²⁸.

В феврале 1929 г. на объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК ВКП(б) Сталин впервые назвал имена группы «правых»: Бухарин, Рыков, Томский. Он заявил, будто бы только сейчас партии стало известно о существовании такой группы и что она свою платформу противопоставляет политике партии, требует снижения темпов развития индустрии, свертывания строительства совхозов и колхозов, полной свободы частной торговли, отказа от регулирующей роли государства в области торговли, она за свободное развитие капиталистических элементов города и деревни, обвиняет партию в политике «военно-феодальной эксплуатации крестьянства»²²⁹. Обвинив членов группы в «преступлениях», «грубо нарушающих постановления ЦК и явным образом формирующих новую оппортунистическую платформу против партии», Сталин при этом сказал, что большинство ЦК в отноше-

нии группы бухаринцев ведет себя «слишком либерально и терпимо», «ограничивается попытками убедить их остаться на своих постах, разоблачая, конечно, попутно их непартийные, а порой прямо антипартийные установки»²³⁰. В этой тираде слово «преступления» прозвучало не случайно, оно предвосхищало неминуемые расправы.

На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК в апреле 1929 г. «правым» и конкретно Бухарину были предъявлены обвинения в недооценке индустриализации, «недооценке кулака» и ставке на него, в авторстве «теории мирного вращающегося кулака в социализм», ревизии ленинизма в крестьянском вопросе. Опровергая эти обвинения, Бухарин, Рыков и Томский, со своей стороны, критиковали Сталина и его единомышленников за грубые политические и теоретические ошибки, нарушения ленинских норм партийной жизни, чрезвычайщину, фактический отказ от нэпа. Бухарин настаивал на том, что «теория мирного вращающегося кулака в социализм» не его, ему ее приписывают без основания, он тоже за колхозы, индустриализацию, борьбу против кулака, но против системы чрезвычайщины, «теории обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму». По этой «странной» теории выходит, «что чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костьми»²³¹.

Главный прием Сталина в «полемике» с Бухариным, как до этого с другими оппозиционерами, — он защищает ленинизм, он обвиняет своих оппонентов в ревизии, извращении ленинизма. Как уже отмечалось, под флагом Ленина выступали все оппозиции, но доводы Сталина, содержавшие передежки высказываний политических противников, грубости, воспринимались партийцами как свидетельство его уверенности в своей правоте. Генсеку удавалось убеждать их в том, что именно он «верный уче-

ник», непоколебимый последователь, продолжатель дела Ленина и «законный» его преемник.

В литературе ставится вопрос — был ли Сталин последовательным ленинцем? На этот счет имеются два противоположных мнения. По одному — Сталин прямой продолжатель «дела Ленина», а сталинизм — продолжение ленинизма, его развитие. Согласно другому — это измена ленинизму, разрыв с ним. Думается, правы те, которые придерживаются первого мнения. В решении всех политических, хозяйственных и теоретических вопросов логика Сталина «ленинская». Это давало ему возможность в спорах с оппозициями приводить обширные цитаты из ленинских работ, опираться на его мнения. Прибегая к ленинским высказываниям, он их «развивал», приспособляя к политической и экономической ситуации и собственным задачам²³². В конечном счете, популярность в партии он приобрел как «самый верный» последователь и продолжатель дела Ленина. Это также один из «секретов» его победы над оппозицией.

В отличие от многих своих оппонентов, Сталин не относился к ленинским идеям как догматик. Он брал их суть, сам истолковывал и в препарированном виде превращал в лозунговые, доступные для «масс» схемы — догмы. Мастер приготовления «острых блюд», он всех несогласных с его схемами обвинял в отступничестве от Ленина, ленинизма, а в скором будущем — в переходе в лагерь «врагов народа».

На пленуме ЦК ВКП(б) 12 ноября 1929 г. Бухарин, Рыков и Томский выступили с заявлением: они против грабительской индустриализации за счет крестьянства, против применяемых методов коллективизации, против авантюризма во внешней политике²³³. В резолюции пленума заявление Бухарина, Рыкова и Томского названо «документом, враждебным партии». Пленум постановил «Бухарина, как застрельщика и руководителя правых уклонистов, вывести из состава Политбюро; предупредить Рыкова и Томского, а также Угарова, не отмежевавшегося

от правых уклонистов и примиренчества с ними, что в случае малейшей попытки с их стороны продолжить борьбу против линии и решений ЦКК и ЦК ВКП(б), партия не замедлит применить к ним соответствующие организационные меры»²³⁴.

Рыков, Томский и Угаров заявили пленуму, что остаются при своих взглядах, но подчиняются большинству, Бухарин же не признал решение пленума, но затем подал заявление в Политбюро о подчинении большинству ЦК. В июле 1930 г. Томский исключен из Политбюро, в декабре — Рыков.

«Правые» капитулировали. На XVI съезде ВКП(б) (июнь 1930 г.) они каялись в своих ошибках, пели Сталину дифирамбы, искали прощения своих политических прегрешений. Томский говорил: Это либералы «могут отделять личность от политика, а у нас никак так не выходит, если у тебя дрянная политика, то сам ты дряннейший человек, а если политика у тебя прекрасная, то и ты — прекрасный человек. Политик хороший — хороший товарищ, политик плохой — плохой товарищ»²³⁵. Вскоре, вслед за самобичеванием вплоть до признания себя «дрянейшими политиками» и «дрянейшими людьми», началось и славословие Сталину. На XVII съезде ВКП(б) Бухарин заявил: «Ясно, что т.Сталин был целиком прав, когда разгромил, блестяще применяя марксо-ленинскую диалектику, целый ряд теоретических предпосылок правого уклона, формулированных прежде всего мною... Так называемую теорию равновесия, теорию организованного капитализма, теорию вращающегося капиталистического элемента в социализм, теорию затухания классовой борьбы и теорию товарооборота и рынка как решающего и основного пути переделки крестьянского хозяйства; ясно что он был прав, одновременно разгромив соответствующие, вытекающие из этих теоретических установок попытки известной фракционности, задушив в корне правую оппозицию»²³⁶. Однако все эти «признания» и славосло-

вия Сталину не предотвратили дальнейшую трагическую судьбу «правых».

Обычно авторы, размышляя по поводу признания Бухариным абсолютной «правильности» сталинских «теорий» и ошибочности собственных, объясняют это его чувством самосохранения. Думается, не только этим вызваны признания. Как бы то ни было, к этому времени «генеральная линия» победила, страна приблизилась к «социализму» в большевистском, в том числе и «правых» оппозиционеров, его понимании. Как тут было не убедиться в ошибочности собственных теорий.

Разгром «правой оппозиции» явился последним звеном в цепи установления казенно-бюрократического единомыслия и поочередного устранения авторитетных в партии политических конкурентов. Поражение “правых” способствовало расчистке пути к “великому перелому” – к сплошной коллективизации и было по существу завершающим моментом в утверждении диктатуры Сталина. Вряд ли можно согласиться с мнением, что единовластия он добился к середине 30-х годов»²³⁷ Нет, это им было достигнуто на переломе 20-30-х годов, а последующие несколько лет – время укрепления его единовластия и утверждения мифа о «гениальности, непогрешимости, мудрого вождя».

* * *

21 декабря 1929 г. Сталин праздновал свое пятидесятилетие. Это был триумф его восхождения к высшей власти. В беспрецедентном потоке восхваления «вождя» участвовали его приближенные: Ворошилов, Калинин, Микоян, Молотов, Орджоникидзе, Куйбышев и др. Газеты тех дней переполнены статьями, приветственными телеграммами. Так, «Известия» 23 декабря опубликовали длинный список таких приветствий различных организаций. Здесь же об организации в честь 50-летия Сталина «красных обозов с хлебом»,

вступлении рабочих в ВКП(б). В газетных статьях Сталин — «мудрый», «великий», «гениальный». Всех превзошел акын Казахстана Джамбул: «Сталин — глубже океана, выше Гималаев, ярче солнца. Он — учитель Вселенной!».

В корреспонденции о XVI съезде партии американский журналист Луи Фишер писал: «Добрый товарищ мог бы посоветовать Сталину прекратить оргию личного восхваления Сталина, которой позволено залить страну... Ежедневно сотни тысяч телеграмм, переполненных супервосточными комплиментами: «Ты величайший Вождь», «вернейший ученик Ленина» и т.п., направляются в его адрес. Его именем названы три города, бесчисленное количество деревень, колхозов, школ, заводов и учреждений... Если Сталин и не ответствен за это, он во всяком случае это терпит. Он мог бы это прекратить одним нажатием кнопки»²³⁸. Сталин «кнопку» не нажал, волна восхваления отвечала его неумной жажде единоличной власти. Добившись ее, он окончательно утвердил себя в роли единственного толкователя и продолжателя ленинизма, преемника Ленина, культ которого в 20-е годы он больше всех создавал, прокладывая тем самым дорогу собственному культу.

5. Финал нэпа

Когда было покончено с нэпом? Советская историография на этот вопрос отвечала: к середине 30-х годов. Эта датировка исходила из партийной установки, согласно которой к концу второй пятилетки переходный период от капитализма к социализму закончился, цель нэпа — построение социализма — была достигнута, и в нэпе не было нужды. Обычно эта версия связывалась с принятием Конституции 1936 г. и докладом Сталина по поводу этого события, его заявлением: «Мы имеем теперь последний период

нэпа, конец нэпа, период полной ликвидации капитализма во всех сферах народного хозяйства»²³⁹.

В западной литературе концом нэпа считался 1929 год, когда начался переход к сплошной коллективизации и «ликвидации кулачества как класса». В советской же только после начала «перестройки» и первых проблесков гласности ставилась под сомнение сталинская версия о том, что конец нэпа пришелся на середину 30-х годов. В 1987 г. М.П.Ким предложил датировать его 1927 годом, так как XV съезд ВКП(б) взял курс на коллективизацию²⁴⁰. Эта дата затем встречалась в работах и некоторых других авторов.

В.П.Данилов – один из первых, кто обосновал, что 1928 г. был временем перехода к фронтальному слому нэпа, а в 1929 г. с новой экономической политикой было покончено²⁴¹. Прежде чем вернуться к этому вопросу, хочу напомнить, что с момента введения нэпа во все последующие годы политика партии и государства исходила из признания временного характера допуска рыночных отношений, частного предпринимательства, смешанной экономики, «эксплуататорских классов». Конечная цель нэпа (социализм) в принципе обрекала его на изживание. Это шло от ленинской концепции этой политики, которую проводил Сталин. 27 декабря 1929 г. в речи на конференции аграрников-марксистов Сталин заявил: «Если мы придерживаемся нэпа, то потому, что она служит делу социализма. А когда она перестанет служить делу социализма, мы ее отбросим к черту»²⁴². Посчитав, что нэп перестал служить социализму, сталинское руководство и отбросило его «к черту». Другое дело, какими методами оно сворачивало его. Можно утверждать, что именно в этом отход Сталина от Ленина по проблеме нэпа. По Ленину, с переходом к социализму нэп себя изживет, это эволюционный процесс. Но к концу 20-х годов социализма не было, хотя вскоре он был провозглашен. Нэп «себя не изжил», и Сталин, вопреки Ленину, совершает «переход» к нему насильственным, «революционным» путем. В этом вопросе «последовательным ленинцем» был не он, а его

оппонент, Бухарин, выступавший против немедленного свертывания нэпа.

Как ни парадоксально это может показаться, но по существу, бухаринское видение конца нэпа, перехода новой экономической политики в «чисто социалистическую» повторяло схему, изложенную Троцким на XII съезде РКП(б): «...наши успехи на основе новой экономической политики, автоматически приближают ее ликвидацию, ее замену новейшей экономической политикой, которая будет социалистической политикой. В этом смысле мы можем с полным правом сказать, что успехи нашего государственного хозяйства будут означать ряд побед наших над новой экономической политикой при помощи ее же собственных методов»²⁴³. И здесь ставка на эволюцию, автоматическое перерастание нэпа в социализм с той разницей, что Троцкий говорил о народном хозяйстве в целом, а Бухарин имел в виду частное крестьянское хозяйство.

В январе 1929 г. в речи «Политическое завещание Ленина» Бухарин повторил мысль, изложенную им еще в 1925 г. в брошюре «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз»: на основе кооперации возможно придти к социализму, не применяя насилия против крестьянства, «в общей сети кооперативных организаций мы будем иметь и кулацкие ячейки, быть может, иногда и чисто кулацкие, и бедняцкие, и середняцкие, и ячейки смешанного типа», все они будут вращаться в «систему наших общегосударственных органов и становящихся таким путем звеньями единой цепи социалистического хозяйства»²⁴⁴. Это так называемая бухаринская теория «врастания» в социализм. На XVI съезде ВКП(б) Сталин говорил о сущности «правого оппортунизма», возглавляемого Бухариным, Рыковым и Томским: в отличие от троцкистов они признают возможность построения социализма в СССР, но их признание формальное, ибо «не хотят признавать тех путей и средств борьбы, без которых невозможно построить социализм». «Они думают, что социализм можно построить втихомолку, са-

мотеком, без классовой борьбы, без наступления на капиталистические элементы. Они думают, что капиталистические элементы либо сами отомрут незаметно, либо будут вращаться в социализм. А так как таких чудес не бывает, то выходит, что правые уклонисты скатываются на деле на точку зрения отрицания возможности построения социализма в нашей стране»²⁴⁵.

Сталинское руководство до поры до времени не ориентировалось на какую-то определенную или даже примерную дату отмены нэпа, хотя то, что дело идет к этому, осознавалось многими. В то же время считалось, что этот процесс будет довольно длительным. Об имевшихся на этот счет предположениях можно судить по редакционной статье майского (1927 г.) номера журнала «Плановое хозяйство»: в ней мимоходом, как бы о чем-то само собой разумеющемся, сказано, что страна в условиях нэпа «просуществует еще не одно пятилетие, если их не изменит мировая революция. Даже в 1928 г. на предупреждение «правых»: «отменять нэп рано», Сталин и его единомышленники отвечали: «никто и не собирается его отменить». Может быть, они действительно не собирались это сделать в ближайшее время. Во всяком случае нет прямых свидетельств, что это замышлялось, и оговаривалось. Наоборот, постоянно подчеркивалась приверженность нэпу, декларировалась верность Ленину, начавшему проводить его в жизнь. Однако сложившаяся с начала 1928 г. экономическая и политическая ситуация в стране подтолкнула руководство форсировать переход к «конечной цели». Для выхода из очередного кризиса хлебозаготовок было два пути: или дальнейшее «отступление» (нэповский), удовлетворяя требования зажиточных крестьян повысить цены на хлеб, или ускоренное наступление против остатков нэпа, в частности, отказывая крестьянам в праве распоряжаться по своему усмотрению излишками сельскохозяйственной продукции, оставшимися после уплаты налогов, принуждая их к продаже

зерна по низким государственным ценам. Был избран второй путь.

Прошло всего две недели после XV съезда ВКП(б), высказавшегося за нажим на кулака экономическими методами. Но Сталин совершает резкий поворот от его же доклада на съезде. Приехав в Сибирь, он потребовал от местных работников применять против кулаков чрезвычайные меры, «развернуть во всю, не жалея сил и средств, строительство колхозов и совхозов» (его «сибирские доклады» впервые были опубликованы в 1949 году).

Он принуждал партийные органы максимально ужесточать меры к «саботажникам» сдачи зерна, с участием ОГПУ арестовывать их и предавать суду²⁴⁶.

Руководство ВСНХ рассчитывало несколько улучшить положение, направив в деревню больше промтоваров. В приказе по ВСНХ СССР, отданном 7 января 1928 г. за подписью заместителя председателя Г.С.Рухимовича, указывалось, что «одной из основных причин слабого развертывания заготовительной кампании является недостаточное снабжение деревни промтоварами». Главным управлением ВСНХ предлагалось «принять все меры к немедленному устранению перебоев в производстве»²⁴⁷. Но немедленно увеличить выпуск этих товаров было невозможно по ряду причин, в частности из-за нехватки технического сырья, так как резко снизились его заготовки (кожи, льна, маслосемян и др.).

Чтобы поднять заготовки зерна повышением заготовительных цен, нужны были огромные деньги, и в ЦК ВКП(б) возникла идея мобилизовать денежные накопления крестьян, не афишируя, что они пойдут на закупки хлеба, так как это еще больше взвинтило бы цены. 8 января ЦК дал директиву: «Немедленно организовать во всех газетах ряд энергичных кампаний, содействующих максимальному привлечению в каналы государственно-кооперативного обращения денежных накоплений крестьянского населения, не связывая эти кампании с делом хлебозаготовок». Некоторые газеты в нарушение ди-

рективы опубликовали статьи, в которых указывали, что взыскание платежей, причитающихся с крестьян (по налогам, страхованию, недоимкам), составлявших примерно 150-160 млн. рублей, необходимо для срочного проведения хлебозаготовок. В ЦК это расценили как «выдача военной тайны». Заведующий отделом печати ЦК в записке в Секретариат ЦК 14 января писал:

«Как бы мы назвали того, кто задолго до нашего наступления, вздумал бы, не только напечатать во всех газетах наш стратегический план, диспозицию, смысл и направление наших ударов, но еще вздумал бы агитировать наших врагов, говоря им: видите, какой замечательный план — сдавайтесь! Это было бы даже не предательство, а исторически изумительная глупость!»²⁴⁸. Как бы то ни было, рассчитывать на быстрое осуществление планов получения нужных денег нельзя было. Не будучи способным найти решение в рамках нэповской политики, сталинское руководство ответило на «кулацкий саботаж» хорошо усвоенными в годы «военного коммунизма» мерами — насильственным изъятием зерна у крестьян. Зимой и весной 1928 г. в деревнях повсюду чинили произвол, конфискуя «излишки» хлеба. Протестовавшие крестьяне привлекались к суду по суровым статьям Уголовного кодекса. Это был поворот в отношении государства с крестьянством назад к временам, когда крестьяне не имели права распоряжаться излишками продовольствия.

По деревням распространялись слухи о возврате «военного коммунизма», об отмене нэпа. В связи с этим Сталин в обращении ко всем организациям ВКП(б) 13 февраля 1928 г. писал: «Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продрозверстку, раскулачивание и т.д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба. Нэп есть основа нашей экономической политики, и остается таковой на длительный исторический период. Нэп означает товарооборот и допущение капитализма при условии, что государство оставляет за собой право и возможность ре-

гулировать торговлю с точки зрения диктатуры пролетариата»²⁴⁹. Это «разъяснение» крестьянам ничего не разъясняло. О политике партии они судили по ее делам. Ширилось их недовольство. «Злые языки» расшифровывали аббревиатуру ВКП(б): «Второе крепостное право большевиков». Характерно признание секретаря Томского окружного комитета Ляпина на состоявшемся 3-7 марта 1928 г. пленуме Сибирского краевого комитета ВКП(б): «У нас в Томском округе было такое явление, когда отдельные деревни шли против нас общим фронтом. Такого явления мы не знали уже несколько лет, — сейчас, в начале хлебозаготовительной кампании, мы столкнулись в некоторых местах с таким общим фронтом крестьян, настроенных против партии и советской власти»²⁵⁰.

На переход сталинского руководства к чрезвычайным мерам в отношении крестьянства меньшевистский «Социалистический вестник» 6 марта 1928 г. откликнулся статьей «Антинэп». Практика последних недель, — говорилось в ней, — представляет сплошную антикрестьянскую реакцию русского коммунизма, — реакцию, которую многие считали совершенно невозможной после семи лет нэпа. Конфискация запасов, аресты состоятельных крестьян, массовые судебные процессы, многолетние тюремные заключения, выселение из своих районов — на все это не решались и не мог решиться вновь коммунизм с того самого дня, как Ленин провозгласил свободу торговли, отмену принудительной сдачи хлеба и ориентацию на союз с крестьянством»²⁵¹.

Официально ЦК ВКП(б) подтверждал, что «партия продолжает придерживаться курса нэпа»²⁵², но «правые» понимали, что дело идет к его полному свертыванию. На июльском пленуме ЦК М.П.Томский так сформулировал суть расхождений по этому вопросу: «Здесь все за нэп, но от некоторых речей веет таким душком, хорошо, если бы этот нэп был без нэпманов, без кулаков и без концессионеров. Вот это был бы прекрасный нэп. Но такого

нэпа в природе нет, приходится брать тот, который нам дал Владимир Ильич»²⁵³.

Пленум как бы учел критику и некоторые предложения оппозиционеров. В его резолюции говорилось о добровольности объединения мелких индивидуальных крестьянских хозяйств, что они «значительное время будут еще базой зернового хозяйства», о решительной борьбе «как с теми элементами, которые являются выражением буржуазных тенденций в нашей стране и пытаются обойти решения XV съезда развивать дальше наступление на кулачество», так и с теми элементами, которые «стремятся придать чрезвычайным и временным мерам характер постоянного или длительного курса и тем поставить под угрозу дело союза рабочих и основных масс крестьянства», пленум отмечает «контрреволюционную болтовню об отмене нэпа с требованием отмены ограничений прав кулачества», отклоняет «линию отступления от решений XV съезда и, продолжая (отнюдь не методами так называемого «раскулачивания») наступление на кулака, пленум ЦК заявляет, что нэп является такой политикой пролетарского государства, которая экономически и политически вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики» (Ленин)²⁵⁴.

Казалось, что Сталин, манипулировавший решениями пленума, пошел на уступки, компромисс с оппозицией. Троцкий, находившийся в ссылке в Алма-Ате, меньшевистский «Социалистический вестник» даже расценили их как поражение Сталина. В действительности это был только маневр, желания компромисса у Сталина не было. Как уже говорилось, его целью было убрать со своего пути политических оппонентов, имевших свое мнение по вопросам, приобретавшим принципиальный характер, и добиться полного разгрома «правых» — последнего препятствия на его пути.

Продолжая тактику маневрирования, Сталин сразу после окончания июльского пленума ЦК выступил с речью на активе ленинградской организации ВКП(б), в которой требовал немедленной ликвидации «практики обхода дворов,

незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности», «всех и всяких рецидивов продрозверстки и каких бы то ни было попыток закрытия базаров»²⁵⁵. Но все это, как говорится, «на публику». Его речь была тут же опубликована. В августе 1928 г. ЦИК СССР принял постановление об амнистии в отношении тех, кто с введением «чрезвычайщины» был осужден по 107 статье Уголовного кодекса (спекуляция).

Между тем делалось все для форсирования свертывания нэпа, чему были подчинены так называемая «революционная законность» и все государственные законодательные акты 1928-1929 годов. В 1928 г. было введено индивидуальное обложение сельскохозяйственными налогами, позволявшее взимать их с зажиточных крестьян в размерах, в несколько раз превышавших установленные законом о сельхозналоге. Чтобы заинтересовать бедноту в поиске запрятого зерна, ей за низкую цену выдавалось 25% конфискованного. Усилился нажим на крестьян с целью «развития колхозного движения». В результате численность объединенных в колхозах крестьянских хозяйств в 1928 г. увеличилась в два раза — с 14832 до 33258²⁵⁶. Наносились удары по частному предпринимательству, оно вытеснялось путем усиленного налогообложения. Частникам были закрыты банковские кредиты, на транспорте для них устанавливались дискриминационные тарифы, реквизировались и закрывались частные мельницы. Аннулировались многие договоры о сдаче концессий. В 1928 г. прекращена аренда предприятий. Упразднялись хозяйственные органы, через которые осуществлялось взаимодействие государственного и частного секторов. Синдикаты из хозяйственных расчетных органов оптовой торговли превращались в ведомственные подразделения промышленности, а синдикатская торговля заменялась распределением ресурсов сверху по фондам и нарядам как при «военном коммунизме». (В 1929 г. синдикаты ликвидированы законодательно).

В результате целенаправленных мер частный сектор значительно сузился. Частная промышленность в 1928 г. сократилась на 15,9%, в том числе крупная на 10,9% и мелкая на 17,3%. Особенно резко сократилась частная торговля — на 32,3%, оптовая же на 44,6%, розничная на 30,7%²⁵⁷.

Принятие оптимального варианта пятилетнего плана также приближало конец нэпа. Заложенные в нем перенапряженность и дефициты неизбежно вели к усилению административно-распределительных методов хозяйствования. Восстанавливалась жестко централизованная система управления промышленностью. Декрет о трестах 1927 г., суживая их полномочия и рыночные возможности, еще не предreshал их ликвидацию. Это было сделано в 1929 г. Тезисы ЦКК и РКИ о реорганизации управления промышленностью, опубликованные 13 августа 1929 г., лишали тресты оперативно-коммерческих функций²⁵⁸. Постановление же ЦК ВКП(б) от 5 декабря того же года вообще исключает тресты в решающих отраслях союзной промышленности. Там же, где они пока сохранялись, им предлагалось сосредоточить свою работу на вопросах «технического руководства, рационализации, реконструкции», функции сбыта и снабжения у них изымались. Предприятия теряли и ту относительную самостоятельность, которую они имели в первые годы нэпа. Был нанесен удар по системе хозрасчета. Предприятия ориентировались не на получение прибыли, а на выполнение плановых заданий. Ресурсы и оплата труда подлежали регламентации главков²⁵⁹. К началу 30-х годов в основном была восстановлена централизованная система управления промышленностью, характерная для «военного коммунизма». Все это ударяло по рыночным отношениям. Были разрушены результаты денежной реформы. Червонец превратился в «приложение» к карточкам и фондам. Прорехи в народном хозяйстве затыкались при помощи печатного станка. Это привело к быстрому росту цен. И как следствие этих процессов резкое снижение жизненного уровня населения в городе и деревне. Среди интеллигенции можно бы-

ло услышать: «Нет ни хлеба, ни мяса, ни товаров. Если верно, что социализм — учет, значит, мы в социалистическом обществе. У нас все дают по карточкам. Провались в преисподнюю такой социализм»²⁶⁰.

Крайнее насилие над экономикой сочеталось с ударами по нэпу по линии политической. Расширился круг «лишенцев». Лишенных избирательных прав в СССР по сравнению с 1927 г. увеличилось на следующих выборах (1929 г.) в сельской местности с 3,6% до 4,1%, в городах — с 7,7% до 8,6%²⁶¹. Если раньше лишение избирательных прав напрямую не было связано с ухудшением материального положения «лишенцев» и многие из них не придавали этому особого значения («мы и так на собрания не ходим»), то в конце 20-х годов ситуация изменилась: они лишались хлебного пайка, снимались с учета на биржах труда, их увольняли с государственной службы.

«Земельный кодекс» 1922 г. узаконил общинное землепользование. В 1928 г. начался слом общины как формы самоуправления в деревне. 15 декабря ЦИК СССР утвердил «Общие начала землепользования и землеустройства», согласно которым правом решающего голоса пользуются те члены земельного общества, которые имеют право избирать в Советы. Всей деятельностью земельного общества руководит сельский Совет, он имеет право отменять решения общества, если они противоречат интересам бедноты и задачам коллективизации²⁶². (Окончательно с общиной было покончено с проведением сплошной коллективизации — согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 30 июля 1930 г. о ликвидации земельных обществ в районах, где колхозы объединяли не менее 75% крестьянских хозяйств)²⁶³. В условиях обострившейся политической ситуации, чрезвычайных экономических мер выборы в Советы могли выплеснуть наружу недовольство населения, и руководство откладывает их проведение. С декабря 1927 г. они были перенесены на апрель 1928, затем на осень 1928 г., наконец — на январь-апрель 1929 г.

Таким образом, уже в 1928 г. были сделаны решающие шаги к «великому перелому», в подготовке его. Здесь — начало чрезвычайщины в деревне, появление сталинского тезиса об «обострении классово́й борьбы по мере продвижения к социализму», формирование образа «врага», подкреплявшееся шахтинским процессом, развенчание последней, бухаринской, оппозиции курсу на ликвидацию нэпа, мобилизация аппарата партии на поддержку этого курса.

К сожалению, нет еще исследований, которые дали бы анализ общественных сил в городе и деревне, составлявших социальную базу «контрнэпа» (впрочем, как и защитников нэпа). Несомненно, такая имела́сь. Априори можно указать на пролетарские слои, недовольные оживлением капитализма и связанный с ним рост нищенства, проституции, а также появлением прослойки богатых, «эксплуататоров», в деревне это была беднота, видевшая в кулачестве, чуждую ей экономическую силу, да и середняки, недовольные расгущими налогами и администрированием властей. Однако этот вопрос требует специального изучения.

Готовя «великий перелом», сталинское руководство опиралось на репрессивный аппарат и на поддержку широких партийных масс, идеологически охваченных масштабной пропагандистско-агитационной обработкой, направленной к сохранению «революционного нетерпения», внушению веры в то, что партии известны пути и методы преодоления всех трудностей в движении к цели — социализму. Все это подкреплялось сталинской концепцией «социализма в одной отдельно взятой стране». Способствовали этому и внешние обстоятельства. Разразившийся в 1929 г. экономический кризис в капиталистических странах как бы подтверждал предсказания марксистов о неизбежности гибели капиталистической системы вследствие ее противоречий и замены ее социалистической системой. К тому же крах надежд на европейскую революцию и враждебность капиталистического окружения СССР служили убедительным доводом пропа-

ганды, что для защиты страны необходима модернизация ее на основе ускоренной индустриализации, планирования, перехода к общественному хозяйству в городе и деревне. Давящее чувство внешней угрозы, ультиматумы, исходившие из-за рубежа, рождали у широких масс населения желание любой ценой создать какие-то гарантии безопасности. Все это использовалось властью для получения поддержки одних и нейтрализации других.

В 1929 г., по словам Сталина, в стране произошла «революция сверху». Переход к этой «революции» для него вполне логичен, так как соответствовал его убеждению в том, что реформизм после Октября (имелся в виду нэп) – вынужденная необходимость «сойти временно с пути революционной перестройки существующих порядков на путь постепенного их преобразования», «обходных движений», чтобы разложить непролетарские классы, «собраться с силами и подготовить условия для нового наступления»²⁶⁴. Такие условия, по его мнению, созрели.

С начала 1929 г. «наступление» усилилось, развивалось по нарастающей. Свертывались первичные формы кооперации, контрактация. Мерами «кнута и пряника» добивались вступления крестьян в колхозы. По официальным данным, на 1 июня 1929 г. в колхозы и товарищества по совместной обработке земли были объединены 3,9% крестьянских хозяйств²⁶⁵. Нарком торговли А.И.Микоян, выступая на пленуме МК ВКП(б) в июне 1929 г., говорил о трудностях хлебозаготовок, как факторе подстегивавшем коллективизацию: «Я боюсь, что мое заявление будет сочтено еретическим, но убежден, что если бы не было хлебных затруднений, вопрос о мощных колхозах, машинно-тракторных станциях не был именно сейчас поставлен такой мощью, размахом и широтой. Конечно, когда-нибудь мы пришли бы к этой задаче неизбежно, но тут вопрос времени, если бы хлеб был в изобилии, мы не ставили бы перед собой теперь так широко проблемы колхозного и совхозного строительства»²⁶⁶.

Почему А.И.Микоян «боялся», что его заявление «будет сочтено еретическим»? Видимо, потому, что в партийных решениях и в официальной пропаганде упор делался на готовность страны к осуществлению «большого скачка» — доктринальной идеи партии о максимальном обобществлении. Еще шире применялись чрезвычайные меры. Газеты призывали: «В атаку против классового врага!». «Осадить кулака!». «Крепче ударим по кулаку и церковнику!». Удары все сильнее обрушивались на мелких собственников. К каким это приводило результатам, видно из письма М.Шолохова из станицы Вешенской 29 июля 1929 г. сотруднице издательства «Московский рабочий»: «... А вы бы поглядели, что творится у нас в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже малоимущего. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится. И как следствие умело проведенного нажима на кулака является факт (чудовищный факт!) появление на территории соседнего округа оформившихся политических банд»²⁶⁷.

Репрессии обрушивались и против «городских спекулянтов». 15 августа 1929 г. Политбюро приняло постановление «О хлебозаготовках», в основе которого было предложение Сталина: «1) дать немедленно директиву органам ГПУ открыть *немедля* репрессии в отношении городских спекулянтов хлебных продуктов... чтобы держатели хлеба почувствовали *теперь же* (в начале хлебозаготовительной кампании), что надежда на спекулянтов плоха, что хлеб можно сдавать без скандала (и без ущерба) лишь государственным и кооперативным организациям, 2) дать *немедля* директиву руководящим верхушкам кооперации, Союзхлеба, ОГПУ и судебных органов выявлять и *немедленно* предавать суду (с немедленным отрешением от должности) всех уличенных в конкуренции хлебозаготовителей, как безусловно чуждых и нэпманских элементов...

3) установить наблюдения за колхозами (через колхоз-центр, парторганизации, ОГПУ) с тем, чтобы уличенных в задержке хлебных излишков или продаже их на сторону *руководителей* колхозов *немедля* отрешать от должности и предавать суду за обман государства и вредительство»²⁶⁸.

7 ноября 1929 г. появилась статья Сталина «Год великого перелома», объявившая о переходе к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. А 17 ноября пленум ЦК ВКП(б) в своем решении заявил о том, что «решительный успех политики наступления на капиталистические элементы обеспечен и что дело построения социализма в стране пролетарской диктатуры может быть проведено в исторически минимальные сроки»²⁶⁹. Если введение нэпа — это компромисс между государственным сектором народного хозяйства и частным, то переход к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества означал открытый отказ от компромисса, от политики нэпа. Вскоре, 27 декабря, Сталин заявит: «Вопрос стоит так: *либо назад* — к капитализму, *либо вперед* — к социализму. Никакого третьего пути нет и не может быть»²⁷⁰. Характерная черта работы партии за последний год состоит в том, что «мы, как партия, как Советская власть», «развернули наступление по всему фронту против капиталистических элементов деревни». «Что это значит?» — задает он вопрос и отвечает: «Это значит, что от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике *ликвидации* кулачества, как класса. Это значит, что мы проделали и продолжаем проделывать один их решающих поворотов во всей нашей политике»²⁷¹.

Началась величайшая трагедия российского крестьянства. Вместе с коллективизацией, ликвидацией единоличных крестьянских хозяйств шла ликвидация частного предпринимательства в городе, мелкая частная торговля загонялась в подполье, ужесточалась система управления всем народным хозяйством.

К новым, а по существу старым, донэповским, общественно-экономическим отношениям «подстраивалась» политическая система. Репрессивные органы, не считаясь даже с имевшимися урезанными законами, обрушивали удары против всех, кто не проявлял лояльность к проводимой государственной антинэповской политике. Робкие высказывания отдельных юристов о соблюдении гражданских прав тут же квалифицировались как попытки защиты «классового врага». 9 ноября 1929 г. Л.М.Каганович, выступая в Институте советского строительства и права, заявил: «Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие «правового государства» к советскому государству, то это значит, что он идет на поводу у буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве»²⁷². Постановление Президиума ЦИК СССР от 3 февраля 1930 г. «Основные положения об организации сельских Советов в Союзе СССР» превращало их в органы борьбы за проведение коллективизации крестьянских хозяйств. Их основной задачей становилось «руководство социалистическим переустройством сельского хозяйства путем организации колхозов и других кооперативных объединений»²⁷³. Принимается серия законодательных актов, направленных на укрепление государственной и трудовой дисциплины. Самый жестокий из них — постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности» (7 августа 1932 г.). В конце 1932 г. введена система внутренних паспортов, ограничившая свободу передвижения граждан, облегчившая контроль за ними. Колхозники паспортов не получали, они оказались «прикрепленными к земле».

Утверждая одно за другим антинэповские постановления, члены Политбюро открыто не отвергали нэп. Он ими был ликвидирован под аккомпанимент славословий о при-

верженности ему. Летом 1930 г. на XVI съезде партии Сталин говорил: «Переходя в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, «свободный» товарооборот еще остается, — но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развертывая последующую ее стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа»²⁷⁴.

Подобные аргументы приводились и в последующие годы, вплоть до середины 30-х годов, когда Сталин официально провозгласил «конец нэпа». Однако сохранявшиеся до этого времени «осколки нэпа» (выражение В.П.Данилова) к этой политике отношение не имели. В известной мере частная торговля, товарно-денежные отношения, мелкие частные предприятия существовали и при «военном коммунизме». Нэп же — это проводимая государством политика сочетания государственного и частного секторов хозяйства, их сосуществования, юридического признания капиталистических элементов. После 1929 г. такой политики уже не было. Наоборот, государственная политика была направлена на то, чтобы добить «осколки нэпа».

Итак, к концу 1929 г. с нэпом было покончено. В связи с десятилетним его «юбилеем» «Социалистический вестник» в 1931 г. писал: «Всего 10 лет тому назад прорвалась в жизнь революционной страны стихия нэпа, опрокидывая рогатки “военного коммунизма” и вынося на своем гребне новые идеи, новые понятия, новых людей... Всего 10 лет прошло с тех пор, — и кто узнает в нынешней России, России “генеральной линии” недавнюю Россию нэпа? Где лозунги, слова, идеи, понятия, чувства и настроения нэпа? Где люди, рядом с Лениным проводившие его? Как будто новый шквал пронесся над страной, снова перевернув вверх дном и разметав в беспорядке все, что началось, нашло уже прочное место в рамках опиравшейся на нэп системы»²⁷⁵.

Ссылаясь на сохранившиеся после 1929 г. элементы частной торговли и мелкие частные предприятия некоторые авторы ввели понятие «неонэп» применительно к

первой половине 30-х годов. Придерживавшийся этого понятия В.З.Роговин в книге «Сталинский неонэп» сформулировал отличия нэпа 20-х годов от сталинского неонэпа. В первом случае «либерализация экономической жизни в условиях нэпа сопровождалась сознательным сдерживанием роста социального неравенства и резким уменьшением политической репрессии по сравнению с годами гражданской войны», во втором — сталинский «неонэп» «сочетал ослабление административно-командных рычагов в управлении экономикой с усилением социальной дифференциации и непрерывным нагнетанием политических репрессий ради подавления всякой оппозиционности и критики в партии и стране, ради закрепления господствующей роли бюрократии и режима личной власти»²⁷⁶.

Приведенный отрывок из книги автора — свидетельство искусственности понятия «неонэп». Не учитывается, что нэп 20-х годов как бы состоит из двух периодов: в первом, до середины десятилетия, действительно происходила либерализация экономической и политической жизни по сравнению с годами гражданской войны, во второй же половине 20-х годов идет свертывание нэпа и нарастание процессов, получивших полный расцвет в 30-е годы. В это время формируются экономические, политические и психологические условия для появления режима «сталинщины». С нэпом режим 30-х годов ничего общего уже не имел, а потому термин «неонэп» несостоятелен.

Была ли альтернатива ликвидации нэпа? Одна сторона этого вопроса — изжил ли себя нэп экономически? Повторю, что на этот вопрос советская историография отвечала утвердительно: к концу 20-х годов нэп себя исчерпал, стал источником перманентных продовольственных кризисов и наметившегося застоя экономики, возникла объективная необходимость коллективизации, так как мелкотоварное крестьянское хозяйство не имело возможности для развития. Это мнение шло от Сталина и служило объяснению необходимости насильственных

методов проведения коллективизации: «устойчивость» крестьянского хозяйства и крестьянских традиций могли быть сломаны только насильем. Об ошибочности такого понимания «революции сверху» писатель Фазиль Искандер как-то сказал лаконично, но очень точно: «Коллективизация была проведена не из ложно понятой экономической целесообразности, как это принято думать, а потому что крестьянство оставалось крестьянством, не поддавалось идеологизации». «И его сокрушили. Все, что было дальше, хорошо известно»²⁷⁷

Другая сторона вопроса — была ли альтернатива сталинскому пути «движения к социализму», т.е. без слома нэпа в конце 20-х годов, продолжая эту политику, как предлагали Бухарин и его единомышленники. Американский ученый С.Козн в своем известном труде «Бухарин. Политическая биография. 1888—1938», впервые изданном в 70-х годах, придерживается мнения, что «платформа правых» могла быть реальной альтернативой, открывала дорогу эволюционному переходу к социализму. Этот взгляд разделяют и некоторые российские авторы²⁷⁸. Можно ли с этим согласиться?

Верно, конечно, что Бухарин, выступая против сворачивания нэпа, критикуя сталинское положение об «обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму», требуя идти на уступки крестьянству и отвергая методы насилия по отношению к нему, — предлагал эволюционный, следовательно, альтернативный (сталинскому) путь к социализму. Правда, под жесткими обвинениями в отступлении от «ленинских основ» он по понятным политическим мотивам это отрицал. Но суть его позиции не вызвала сомнения: он против немедленного отказа от нэпа, за продолжение этой политики. Другое дело, была ли «бухаринская альтернатива» реальной, имела ли она шансы быть осуществленной. Можно утверждать однозначно: никаких шансов у нее не было. После XIV съезда партии, тем более к концу 20-х годов соотношение политических сил в руководстве партии (а следо-

вательно, и страны) было полностью в пользу сталинского большинства. Что «бухаринская альтернатива» была обречена на поражение В.П.Данилов констатировал еще в 1988 г. в книге «Историки спорят»²⁷⁹. Здесь же он высказал полное согласие с С.Коэном о том, что, как он пишет, «политика, связанная с именем Н.И.Бухарина, была последовательным применением и развитием принципов ленинского нэпа, что в борьбе политических решений того времени она отличалась наибольшей теоретической продуманностью и цельностью, попыткой построения общей модели экономического, социального и политического развития советского общества по пути социализма»²⁸⁰. В теории это выглядит так. Однако при этом не учитывается, что «бухаринская альтернатива» была обречена на поражение не только вследствие политической изоляции «правых», по существу в ее основе — утопическая идея, что через развитие товарно-денежных отношений, свободы рынка, предпринимательства, смешанной экономики возможно прийти к социализму, обществу в корне отрицающему все эти экономические категории (как это виделось марксистам — коммунистам). Ныне, когда мы освободились от прежних стереотипов и можем незамутненным взглядом наблюдать за общечеловеческим развитием, становится все очевидней, что дальнейшее движение по пути нэпа привело бы не к социализму, а к капитализму. Неизбежность этого практически демонстрирует Китай, который под руководством его коммунистической партии, под знаменем и лозунгами социализма идет не туда, куда его «направляют». «Китайский нэп» не предотвратил движение страны, хотя и своеобразно, с «китайской спецификой» по общемировому направлению развития.

По большому счету, вопрос не в том, была ли альтернатива насильственному (сталинскому) пути к социализму, а в том, была ли альтернатива нэпу, как политике, целью которой был социализм. Ответ видится такой: альтернативой ему мог быть не нэп, запрограммированный на социализм, а своего рода «антинэп», ведущий к нормальной рыночной

экономике, функционирующей в условиях демократической политической системы, в которой экономика и политика не являлись бы монополией партийно-государственной власти.

В конце 20-х годов казавшаяся близость завершения «переходного периода от капитализма к социализму» выдвигала вопрос о связи нэпа с «военным коммунизмом». Экономическая и политическая системы страны приобрели черты, которые ассоциировались с политикой, проводившейся в годы гражданской войны, были для нее характерны. В обстановке свертывания нэпа зримей становились возрождавшиеся элементы «военного коммунизма», базировавшиеся на представлениях о том, что при социализме не будет товарного хозяйства, частной собственности, товарно-денежных отношений. Политическое руководство и его идеологизированные пропагандисты продолжали мыслить в рамках этих представлений, а на возникавшие вопросы (об организации социалистического хозяйства, перспективах товарно-денежных отношений, классовых взаимоотношениях и пр.) искали ответы, отталкиваясь от практики, опыта «военного коммунизма». Получило распространение утверждение, что государство свои взаимоотношения с крестьянами, превращавшимися в колхозников, «будет строить в формальных рамках денежных сделок», а в дальнейшем эти взаимоотношения будут «приближаться к форме непосредственного продуктообмена города и деревни»²⁸¹. Некоторые авторы писали, что в новых условиях деньги перестают играть свою роль: это уже не деньги, а расчетные знаки²⁸². Высказывались предположения о неизбежности или необходимости возврата к политике «военного коммунизма», которая понималась как «непосредственное строительство социализма»²⁸³. Возросший интерес к «военному коммунизму» побудил редакцию газеты «Правда» летом 1928 г. поместить на ее страницах статьи, в которых эта проблема заняла важное место²⁸⁴. В одной из них (14 июня), посвященной «переходному периоду от капитализма к социализму»²⁸⁵, Е.Варга утверждал, что «во всех новых случаях пролетарской диктатуры, возникающих изолированно от

СССР, военный коммунизм будет правилом, а нэп — исключением». Автор полагал, что на первой стадии диктатуры пролетариата хозяйство страны обязательно выйдет «далеко за пределы целесообразного и приблизится к полному военному коммунизму», под которым он понимал отсутствие частной собственности, в том числе крестьянской. По его мнению, «военный коммунизм» — возможная политика непосредственного перехода от капитализма к социализму, а нэп — один из способов «позднейшего перехода к социализму». Некоторые авторы предлагали уже на «данной стадии строительства социализма» переходить к продуктообмену и отмиранию денег. Лишь в 1932 г. сталинское руководство, осознав абсурдность таких предложений, заявило на XVI конференции ВКП(б) об «антибольшевистском характере» «левой фразы» о переходе к продуктообмену и об отмирании денег уже на данной стадии строительства социализма²⁸⁶.

Идеологические представления и практика «военного коммунизма» продолжали влиять на государственную политику и в последующие советские годы. Об их «генетической связи» с «военным коммунизмом» свидетельствовали «ликвидация кулачества как класса», ликвидация частного сектора в деревне и городе, частной торговли, так называемая «революционная законность», проявлявшаяся в беззакониях ВЧК-ОГПУ-КГБ, «научные» взгляды об отмене закона стоимости в экономике, о товарно-денежных отношениях в СССР, как отношениях «особого рода».

Все это позволяет констатировать, что «социализм», пришедший на смену рыночным отношениям 20-х годов, воспринял больше от «военного коммунизма», чем от нэпа, оказавшегося нежизнеспособным в условиях советской политической системы, являвшейся механизмом реализации идеологических устремлений правящей партии. Противоречия между нэповской экономикой и политической системой неизбежно должны были привести к тому, что случилось — отмене нэпа.

Глава III.

БЮРОКРАТИЯ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

1. Номенклатура: практика выдвижения, состав

Взаимодействие нэповской экономики и политической системы в конечном счете определялось кадрами партийного и государственного аппарата. Их идеологические воззрения, профессиональные качества, культурно-образовательный уровень, общественная психология являлись важными факторами, оказывавшими существенное влияние на характер, методы реализации политики правящих «верхов». Понимание этой политики, преломляемое через субъективное восприятие руководящих кадров, т.н. «номенклатуры», «ответственных работников», во многом определяло практическое ее осуществление. Здесь была не только прямая, но и обратная связь: кадры являлись непосредственными исполнителями партийно-государственной политики и с ними «верхи» не могли не считаться.

Переход к нэпу был осуществлен с кадрами, сложившимися в годы гражданской войны и «военного коммунизма»¹. Им трудно было отрешиться от усвоенных «военно-коммунистической» идеологии, психологии и методов чрезвычайщины, что влияло на их деятельность в новых условиях, тормозило развитие рыночных отношений и препятствовало либерализации политической системы советского государства. Все это нельзя не учитывать при анализе причин противоречий и непоследовательности новой экономической политики, особенностей деятельности государственных и общественных институтов. Вот почему представляется необходимым рассмот-

реть хотя бы некоторые основные вопросы, относящиеся к руководящим кадрам советского государственного аппарата 20-х годов.

* * *

С переходом к нэпу проблема подбора руководящих государственных кадров должна была решаться по-новому. В годы гражданской войны основными методами их выдвижения были мобилизации и прямые назначения, даже не считаясь с общеобразовательным уровнем, профессиональной подготовкой и опытом руководителей, их деятельность направлялась приказами, командованием. В новых экономических условиях усложнившаяся работа государственных, особенно хозяйственных, органов более настоятельно требовала от руководителей определенных знаний, умения разбираться в рыночной обстановке, приспособляться к ней, действуя не только и не столько приказами, сколько владея экономическими рычагами.

В отличие от партийных документов предшествующего периода, в которых по вопросу о подборе руководящих кадров неизменно на первое место ставились членство в Коммунистической партии и социальное (пролетарское) происхождение, X съезд РКП(б) в своей резолюции подчеркивал, что при назначении персонала на высшие административно-технические должности должны учитываться: «а) Действительный технический стаж и научная подготовка; б) личные способности... для выполнения возлагаемых на него руководящих обязанностей; в) социальное положение в прошлом; г) отношение к Советской власти, проверенное на опыте советского строительства»². Итак, здесь профессиональная подготовка и способности с обычно занимаемого в партийных документах последнего места передвинуты на первое. Но на практике превалировали прежние подходы и стереотипы в подборе руководящих кадров. Партия не сумела

их преодолеть, что также сказалось на непоследовательности реформ. Она не только не отказалась от присвоенного ею после прихода к власти права решать все кадровые вопросы, но даже усиливала свою роль в этом, причем в собственных интересах.

Властно-управленческую иерархию возглавляли руководители, получившие название «номенклатура». Латинское слово «номенклатура» в политическом его значении обозначает перечень лиц, занимающих наиболее важные должности, кандидатуры на которые рекомендовались и утверждались партийными комитетами (губком, обком, ЦК партии). Освобождались с должности лица, входившие в номенклатуру, также только с согласия или решением соответствующей партийной инстанции. Эта система назначения и освобождения руководящих работников относилась как к партийному, так и к советскому государственному аппарату.

М.С.Восленский, написавший большую монографию, в которой всесторонне исследовал политические и экономические обстоятельства появления и роль номенклатуры в СССР, ее классовую и властную суть, показал принципиальную разницу между управляющим слоем буржуазного общества и «нового класса» — номенклатурой: «Буржуазия руководит в первую очередь именно экономикой, непосредственно материальным производством, а уже на этой основе играет роль и в политике. Так пролегал исторический путь буржуазии от ремесла и торговли, от бесправия третьего сословия к власти.

Иначе проходит исторический путь номенклатуры. Он ведет от захвата государственной власти к господству и в сфере производства. Номенклатура осуществляет в первую очередь именно политическое руководство обществом, а руководство материальным производством является для нее уже второй задачей. Политическое управление — наиболее существенная функция номенклатуры»³.

Возникновению феномена номенклатуры способствовала централизация партийно-государственного управле-

ния, при которой все назначения на руководящие должности производились сверху вниз, более высокий партийный (а также и государственный) орган распоряжался кадрами нижестоящих по иерархии ведомств, возвышая их и освобождая с работы, перемещая с одного места на другое. В дальнейшем номенклатура превратилась в профессионально-управленческую группу, распоряжавшуюся якобы общенародной (государственной) собственностью в своих корпоративных интересах.

Зарождение номенклатуры началось вскоре после прихода большевиков к власти. Уже на начальном ее этапе назначения и перемещения руководящих работников производились решениями ЦК, в губерниях – губкомами партии. С весны 1919 г. непосредственно кадрами ведали Оргбюро ЦК и функционировавший под его руководством Учетнораспределительный отдел ЦК. Согласно указаниям ЦК (август 1920 г.), в отделе учитывались следующие категории работников наркоматов: наркомы, их заместители и члены коллегий, заведующие отделами и подотделами и «прочие ответственные работники». Анкеты со сведениями о них и характеристики направлялись в ЦК⁴. В Учетнораспределительный отдел ЦК губкомы посылали анкеты с характеристиками местных ответственных работников: членов, кандидатов в члены и заведующих отделами губкома; членов и кандидатов в члены губисполкома; заведующих отделами и наиболее важными подотделами губисполкома; членов и кандидатов в члены президиума губсовнархоза и заведующих его важнейшими отделами; членов и кандидатов в члены президиума губернского совета профессиональных союзов и заведующих его отделами; губернских военных комиссаров, их заместителей и начальников политотделов; «прочих ответственных работников губернского масштаба» по определению губкомов⁵. В начале февраля 1921 г. этот список был дополнен, в него вошли также губернский продовольственный комиссар и члены коллегии губпродкома, председатель и члены коллегии президиу-

ма губсоюза, председатель и члены коллегии губернской ЧК, редакторы губернских газет, управляющие заводов и председатели заводских комитетов профсоюзов⁶. Таковы первоначальные категории номенклатуры центральных и местных партийных и государственных ведомств. По «номенклатурному принципу» подбирались работники на ключевые посты и в общественных организациях (профсоюзов, кооперации).

В годы нэпа номенклатурный принцип назначений руководящих кадров партийного и государственного аппаратов получил развитие и «партийно-законодательное» закрепление⁷. Он стал одной из особенностей советской политической системы.

12 декабря 1922 г. секретарь ЦК В.М.Молотов направил циркулярное письмо губкомам (обкомам) с требованием наладить учет ответственных работников уездов (районов). Их учетные листки направить в Учраспредотдел ЦК, ежемесячно сообщать в Учраспредотдел о всех изменениях в работе этих кадров⁸.

На XII съезде РКП(б) Сталин говорил: «Доселе дело велось так, что дела Учраспреда ограничивались учетом и распределением товарищей по укомам, губкомам и обкомам. Дальше этого Учраспред, попросту говоря, не совал носа». «Теперь...когда работа ушла вглубь, когда мы держим курс на специализацию, когда необходимо каждого работника изучить по косточкам...Учраспред уже не может заниматься в рамках укомов и губкомов». И там же: «ясно, что руководящая роль партии должна выразиться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты ставились люди, способные понять наши директивы, способные провести их честно»⁹. Резолюция съезда мотивировала расширение полномочий Учраспреда тем, что ему «надлежит теперь сыграть в порядке правильного распределения сил особо большую роль для обеспечения за партией действительного руководства во всех без исключения областях управления»¹⁰.

Постановление Оргбюро ЦК от 12 ноября 1923 г., в котором впервые появился термин «номенклатура», сопровождалось двумя списками номенклатурных должностей. Первый список — номенклатура № 1 — включал 4000 должностей, на которые назначения производились только ЦК РКП(б). По второму списку — номенклатура № 2 — ведомства сами назначали на должности с предварительного уведомления об этом ЦК и согласования с Учетнораспределительным отделом ЦК¹¹

В архивном деле Учраспредотдела имеется список должностей центральных и местных учреждений, по которым назначения и смещения, перемещения в начале 1924 г. производились постановлениями ЦК РКП(б). Приведу сведения о количестве таких должностей лишь в части наркоматов: в ВСНХ — 550, Наркомфине и Госбанке — 90, Наркомвнуторге — 60, НКПС — 80, Наркомземе — 54, НКВД — 118, Наркомюсте — 124, Наркомвнешторге — 123, Наркоминделе — 130¹².

В течение 1924 г. учетнораспределительные аппараты создавались во всех центральных учреждениях. Общее руководство ими осуществлял Учетнораспределительный отдел ЦК партии.

31 января 1924 г. ЦК направил руководителям трестов и объединений распоряжение (как обычно, секретное) представить в Учраспредотдел списки членов и кандидатов правлений, заведующих отделов, списки директоров и управляющих заводами, их заместителей, а также их автобиографии и учетные материалы¹³. Так, под контролем Учраспредотдела ЦК оказались почти все административно-управленческие кадры, начиная с предприятий и кончая центральными ведомствами. Суть этого процесса заключалась в создании кадрового управленческого костяка государства, преданного партийному руководству. Учраспредотдел, указывая на качества, которыми должны обладать руководящие работники, в 1924 г. писал: «Кадры партработников, распределяемых партийными организациями, бесприкословно выполняющих предписания партии, кадры

дисциплинированных товарищей, сознающих необходимость этих назначений, составляют остов системы»¹⁴.

При назначении на номенклатурные должности центральных партийных, государственных и профсоюзных управленческих аппаратов, как правило, учитывались революционные биографии кандидатов и характеристики, которые им давались губкомами партии. Эта формальная практика далеко не всегда себя оправдывала. В 1923 г. Учраспред признавал: «...Больше половины характеристик для практических целей мало пригодны или вовсе непригодны. Из 3120 характеристик губкомов только 1404 составлены так, что их можно более или менее использовать для суждений о данных работниках». Приведен пример такой характеристики: «Хороший организатор и агитатор. В партии состоит сравнительно недавно и в этом отношении еще не успел себя проявить. Энергичен и выдержан. Зарекомендовал себя с лучшей стороны». Следует комментарий: Здесь в трех строках нагромождены противоречия: «хороший организатор», хотя «не успел себя проявить», «но зарекомендовал себя с лучшей стороны»¹⁵. Нередко характеристики определялись личными отношениями: плохому работнику или нежелательному по другим причинам давалась хорошая характеристика, чтобы выдвинуть его «вверх» и тем самым от него избавиться, или, наоборот, хорошему работнику давали отрицательную характеристику вследствие его плохих взаимоотношений с начальником.

Учраспредотдел ЦК не был в состоянии оценить качества тысяч кандидатов на должности. Их назначения часто носили случайный характер. Время от времени списки номенклатурных должностей пересматривались, в частности, с целью их сокращения. Какая-то часть сокращалась, но вследствие появления все новых учреждений приходилось вводить новые номенклатурные должности. В результате добиться общего сокращения численности «номенклатурщиков» не удавалось.

Одним из методов замещения номенклатурных должностей были перемещения их работников с одного руководящего места на другое, из центральных учреждений в губернские и наоборот. Попав в номенклатурную «обойму», такой руководитель-коммунист в дальнейшем был, как тогда говорили, «непотопляем». Он становился как бы «руководителем-универсалом», способным возглавить любую отрасль как хозяйства, так и административного управления. Появилась «специальность» — «руководящий номенклатурный работник». Для этого не требовалось ни соответствующего образования, ни опыта и способностей. Это и позволяло «перебрасывать» руководящих работников из одной отрасли в другую. О масштабах «перебросок» некоторое представление дают такие цифры. Только за 4 месяца 1924 г. были направлены в Наркомат внутренней торговли 47 работников, Наркомат внешней торговли 85, Наркомат иностранных дел 39, в кредитно-финансовые органы 51, всего на хозяйственную работу 271 человек, в порядке перемещения из центральных ведомств (в том числе ВЦИК, НКПС, НКЮ, ГПУ и др.) взято 45 человек, но этим наркоматам было дано 156 работников¹⁶.

В течение лишь одного года (с XII по XIII съезды партии) в распоряжение центральных учреждений направлено 1744 руководящих работников, из них 1127(65%) с мест. Из 2825 работников, посланных в губернии и уезды, 2051 (74%) были руководителями местных учреждений, 26% — центральных¹⁷. По данным, приведенным Сталиным на XIII съезде партии, в 1923 г. на учете в ЦК (Учраспреде) состояло 5 тысяч ответственных работников, в 1924 г. — 15 тысяч, распределено 4 тысячи¹⁸ (по списку № 1 числилось 3500 человек и по списку № 2 — 1500).

Передвижки руководящих работников с должности на должность, из центра в губернии, из учреждения в учреждение вели к текучести кадров, снижали ответственность за работу, так как руководители чувствовали себя как бы временными работниками. Многие из них числились в

правлениях других организаций, участвовали в десятках комиссий. В связи с этим Т.Сапронов в письме Сталину писал: «Спрашивается, как возможно товарищу справиться со всей кучей взвалившей на себя обязанностей и какая работа в качественном отношении от того получается». «Как правило, они никакой работы в этих организациях не ведут, ограничиваясь подписыванием протоколов»¹⁹.

Система назначенства, плодившая безответственность, тем не менее, устраивала руководство партии, так как она была под ее контролем, способствовала укреплению ее власти, прежде всего Сталина. «Перебрасываемые» подразделялись на группы: местные руководители, выдвинутые непосредственно ЦК РКП(б) и направлявшиеся на ответственную работу в центральные ведомства; направленные с центральной руководящей работы на местную, «переброшенные» решениями ЦК с руководящей губернской работы на такую же, но в другие губернии, местные работники, выдвигавшиеся Центральным Комитетом на более высокие губернские должности (секретарями губкомов, председателями губисполкомов, губернских СНХ); были случаи, когда руководители перемещались в другие центральные ведомства или другие губернии как участники склок, с целью ликвидации групповщины.

Все номенклатурные работники, попадавшие в список № 1, утверждались Оргбюро или Политбюро. По списку № 2 работники перемещались (командировались) на работу Учраспредотделом ЦК с санкции одного из секретарей ЦК²⁰.

В письме членам ЦК и ЦКК 8 октября 1923 г. Троцкий писал: «При назначениях, смещениях, перемещениях члены партии оценивались прежде всего под тем углом зрения, в какой мере они могут содействовать или противодействовать поддержанию того внутрипартийного режима, который — негласно или официально, но тем более действительно — проводится через Оргбюро и Секретариат ЦК»²¹. А М.М.Лашевич, выступая в июле 1926 г. на нелегальном собрании оппозиционно настроенных

рабочих-партийцев, так характеризовал систему подбора руководящих кадров, существовавшую в правящей партии: «Назначенство в скрытой и открытой формах сверху лонизу, подбор “верных” людей, верных интересам данной руководящей группы, — грозит подменить мнение партии только мнением “проверенных” лиц. Система “подмачивания” заслуженных партийных работников, но не удобных руководящему большинству, опорочивание, ссылки, смещения, запугивания, застрашивание — все это стало будничным явлением в нашей партийной практике... Отсюда — прислужничество, чиновничество, дутые “вожди”, беззащитная ложь»²².

С целью усиления учетно-распределительного ведомства Сталин в 1924 г. слил Учраспредотдел с Оргинструкторским отделом ЦК и образовал Орграспредотдел во главе с Л.М.Кагановичем. Со временем этот отдел стал важнейшим в составе ЦК. Впрочем, кадрами занимался сам Сталин, что стало частью механизма его власти. С середины 20-х годов он вел картотеку руководящих работников партии и государства. Острословы его называли тогда «Товарищ Картотеков» (в Орграспредотделе были заведены досье и на оппозиционеров). Перед назначением Орграспредотдел запрашивал ОГПУ о возможности представления кандидата на утверждение.

Не только номенклатурные должности были в ведении ЦК. Стремясь охватить своим контролем всех более или менее ответственных работников государственного аппарата, особенно центрального, ЦК партии создал такую ситуацию, когда наркомы и даже сам глава правительства не решались производить назначения самостоятельно и предпочитали обращаться в ЦК с просьбами о присылке работников. Так, 30 мая 1924 г. председатель Совнаркома А.И.Рыков направил в Орграспредотдел Л.М.Кагановичу письмо с просьбой прислать на ответственную работу в Совнаркоме 4 человек²³. 17 июля 1924 г. он обратился в Оргбюро ЦК с просьбой определить кандидатуру помощника управляющего делами СНК Н.П.Горбунова и заместите-

ля секретаря СНК Л.А.Фотиевой в связи с их перегруженностью работой²⁴.

О значении, которое придавалось кадровым проблемам, свидетельствует их место в работе Секретариата ЦК и Оргбюро ЦК. Так, с апреля 1923 г. по апрель 1924 г. они составляли 40% всех вопросов, рассмотренных ими (3052 из 8994)²⁵. В надежности номенклатуры партийное руководство видело надежность партийного и государственного аппарата и политической системы в целом. Об этом на заседании Оргбюро 18 января 1927 г. говорил председательствовавший секретарь ЦК В.М.Молотов: «Не наблюдается ли стремление ведомств вырваться из-под влияния партии, стремление распределения проводить самостоятельно?». «Держит ли партия аппарат, руководит ли партия всеми винтами, в которых заинтересована? Не вырываются ли ведомства — какие бы то ни было: профсоюзы, кооперативы, не вырываются ли из-под рук? Первый вопрос, конечно, о главных ведомствах, они у нас крепко держатся или нет? Поставлен ли этот вопрос? Я считаю, что это — важный вопрос, даже коренной вопрос. Эта идея вложена в номенклатуру...»²⁶.

16 ноября 1925 г. Оргбюро ЦК приняло постановление «О порядке подбора и назначения работников». В отношении 1-й и 2-й номенклатур порядок остался прежний. В дополнение к номенклатуре № 1 добавлен список выборных должностей, работники которых утверждались специальными комиссиями, выделяемыми ЦК для «проведения соответствующих съездов и собраний». Подбор и назначения на ответственные должности, не входившие в списки № 1 и № 2 внутри аппаратов центральных учреждений, производились по спискам, установленным каждым ведомством по согласованию с Орграспредотделом ЦК с ежемесячным извещением Орграспредотдела о состоявшихся назначениях (это ведомственная номенклатура № 3). Губкомам, крайкомам и ЦК национальных компартий предлагалось выработать номенклатуру должностей местных органов, назначения на ко-

торые производятся по согласованию с партийными органами и утверждению ими. Орграспредотделу предложено сократить количество учитываемых им работников²⁷

В приложении к постановлению Оргбюро ЦК даны списки должностей 1-й и 2-й номенклатуры центральных ведомств — по номенклатуре № 1 — 1870 должностей, по номенклатуре № 2 — 1875. Итого 3545²⁸. В дополнение к списку № 1 приложили список номенклатур выборных органов центральных учреждений: ЦК ВЛКСМ, ЦИК СССР, ВЦИК РСФСР, ВЦСПС, Центросоюз, Сельскосоюз и др. — в них 1590 должностей²⁹. Всего же в приложениях 79 списков руководящих должностей всех центральных и местных административных, правоохранительных, хозяйственных, внешнеполитических и иных управленческих структур³⁰. Это своего рода «табели о рангах».

В 1926 г. появляется новшество в порядке утверждения 1-й номенклатуры. Так, по 1-й номенклатуре Центросоюза председатель, заместитель председателя и председатель Совета Центросоюза утверждались Политбюро, а члены правления (считавшиеся также 1-й номенклатурой, но рангом пониже) — Оргбюро ЦК³¹. Также и по 1-й номенклатуре Сельскосоюза: председатель правления, его заместитель и председатель совета утверждались Политбюро, а члены правления — Оргбюро³². Через Орграспредотдел проводились все передвижки номенклатуры ЦК. О напряженности этой работы говорят цифры, характеризующие текучесть кадров ответственной вершущи партии и государства. По данным записки к порядку дня Оргбюро ЦК от 4 апреля 1927 г., за 3 года (1924—1926 гг.) сменили свои должности свыше 85% всех работников, 36% номенклатуры на 1 октября 1926 г. имели стаж последней должности меньше одного года. Среди руководящего состава и ответственных работников ряда центральных учреждений (ВСНХ РСФСР и СССР, правлений трестов, кооперативных центров и др.) в 1926 г. сменили должности от 40 до 60%, директоров фабрик и заводов свыше 50%, из работников 1-й и 2-й

номенклатуры ЦК по промышленным отраслям 45% были на последней должности меньше одного года (по советским отраслям – 27%). На 3/4 текучесть происходила за счет перемещений одного и того же круга людей номенклатуры верхних звеньев госаппарата³³.

В каждом наркомате создавался свой учраспред, подчинявшийся Орграспредотделу ЦК. Ведомственная номенклатура была многочисленна. Так, в Наркомате промышленности и торговли таких должностей было 198, Наркомате иностранных дел – 113, Труда – 93, НКПС – 182³⁴. Наркомы и коллегии наркоматов могли производить перемещения, назначения на должности только с санкции партийных органов. Перед назначением на должность ведомственный Учраспред ставил об этом в известность Орграспредотдел ЦК, последний запрашивал ОГПУ, нет ли у него возражений против назначения кандидата на должность. После согласования в партийной инстанции соответствующее ведомство оформляло решение о назначении в «советском порядке».

Номенклатурный принцип был и в основе назначений на местные должности. «Инструкция о формах согласования назначений и перемещений руководящих работников местных учреждений», разработанная Орграспредотделом ЦК³⁵, установила три категории местной номенклатуры. По списку № 1 руководящие кадры утверждались только ЦК партии, по списку № 2 – назначались и смешались с предварительного (за 7 дней) согласия Орграспредотдела, по списку № 3 проходила остальная ведомственная номенклатура. Для нее требовалось согласование с Орграспредотделом и ежемесячное уведомление ЦК о состоявшихся назначениях. При подборе руководителей губернских и уездных организаций центральные инстанции придерживались правила – выдвигать их не из местных, чтобы они не «засиживались», чтобы не было с их стороны склонности к «сепаратизму», «непослушанию». Смена одних работников другими не вела к улучшению аппарата. В значительной степени это

объяснялось самой практикой подбора кадров Орграспредом ЦК и для местных партийных и государственных учреждений. Претендентов на руководящие посты среди коммунистов было множество. Не получая по разным причинам желаемого назначения на местах, они устремлялись в ЦК, в его Орграспредотдел. Из архивных материалов этого органа следует, что только за один 1926 г. его посетило 26 тысяч желающих «распределиться» через ЦК, а за период с XII съезда партии до 1 января 1927 г. в Орграспредотделе по этому делу побывало до 70 тысяч человек (при 100 тысяч посещениях). Из них 26 тысяч получили путевки на занятие должности «ответственного работника»³⁶.

В докладной записке помощника заведующего Орграспредотделом ЦК от 31 мая 1927 г. читаем: «Большой приток людей в Орграспред ЦК объясняется, с одной стороны, имеющейся безработицей среди членов партии и слабой постановкой распределительной работы на местах... Кроме того, у многих членов партии создалось определенное впечатление, что партийные органы обязаны представлять работу членам партии. Из числа посещающих можно констатировать, что имеются постоянные посетители Орграспреда, которые изо дня в день сидят в приемной и ищут более ответственной работы»³⁷. По свидетельству доклада заместителя заведующего отдела (Богомолова) от 1 октября 1927 г., из состава Тульского губернского актива за два года сменили должности 80% работников. Средняя длительность ответственных работников-коммунистов в определенной должности составляла 10–14 месяцев³⁸.

Из «Записки к докладу о постановке распределительной работы на местах», представленной 4 апреля 1927 г. к порядку дня Оргбюро ЦК, видно, что огромные потребности в руководящих работниках местных партийных, советских и хозяйственных учреждений губкомы удовлетворяли за счет выдвижения рядовых коммунистов. Так, в 1926 г. 90% всех распределенных Владимирским губкомом по различным учреждениям были рядовыми

работниками. Тульский губком за год распределил 3486 человек, или 30% состава партийной организации, из них 68% рядовые работники. Через Смоленский губком за год прошло 46% рядовых работников и «волостного масштаба», через Ярославский губком — соответственно 75%, через Курский — 77%³⁹. Можно себе представить, как при такой массовости назначений «изучались» деловые качества назначенцев.

В «Записке» отмечается, что распределительная практика способствовала формированию у членов партии психологии всезнайства, понижала ответственность за выполняемую работу. Приведены некоторые примеры назначений. Один из них — коммунист за 3 года получил в ЦК 6 путевок на местную работу, и каждый раз — подъемные, более 7-8 месяцев никогда не сидел на определенной работе, ничему не научился, а в январе 1927 г. он явился в Орграспредотдел ЦК с требованием седьмой путевки. Другой пример: за три года коммунист получил 7 путевок на работу, переменял 10 городов, только сумма подъемных составила 4000 рублей⁴⁰.

Представляет интерес записка в Орграспредотдел ЦК от 18 октября 1927 г. заведующего Учраспреда ВСНХ СССР (А.И.Крылова) о проделанной работе за июль-сентябрь 1927 г. В ней — характеристика кадрового состава ответственных работников средних звеньев центрального и периферийного аппарата трестов, синдикатов и акционерных обществ. Прежде всего отмечается высокая текучесть ответственных работников средних звеньев: в текстильной промышленности в 1925 г. она составила 45%, в 1926 г. — 36%; в металлической промышленности соответственно 34 и 30%, в электротехнической — от 21 до 42%. Причины текучести: неудовлетворенность работой — 34,4%, «переброски» с места на место — 17-20%, подавление инициативы со стороны руководства — 10-12%, отсутствие перспективы в связи со слабостью продвижения по должности — 8-10%, неудовлетворенность зарплатой — 2-3%⁴¹.

«Записка» констатирует, что распределительная работа ведомственного Учраспреда (в данном случае ВСНХ СССР) ведется в значительной мере формально, руководители хозяйственных органов с ним мало считаются. В основном проработка вопросов о назначениях на должность ведется в трестах, синдикатах, в главных управлениях, «а Учраспреду материалы присылают только для оформления. Время от времени, от случая к случаю, если не помешает этому главное управление и руководство треста, синдиката, Учраспред занимается 1 и 2 номенклатурой (ведомственной — Е.Г.). Твердой инициативы в подборе работников 1 и 2 номенклатуры у Учраспреда нет». Далее сообщается, что директора крупных предприятий, входящие во 2-ю номенклатуру, назначение которых должно производиться после предварительного согласования с Учраспредом, «фактически самостоятельно назначаются и смещаются руководителями трестов с последующим извещением ВСНХ СССР (пост фактум)». Также и на должности 3-й номенклатуры: «в практике работы» назначения производятся самостоятельно руководителями трестов и синдикатов⁴². Приводятся примеры «обхода» Учраспреда, однако при этом в «записке» отмечается, что назначения согласовывались с Московским комитетом партии. И в заключение: «При такой запутанной и кустарной системе взаимоотношений задания Орграспредотдела ЦК выполняются целыми неделями и месяцами, а иногда и не выполняются»⁴³. Подобные отступления от партийных инструкций в основном происходили при назначениях ответственных работников местных хозяйственных отраслей. Несмотря на такие факты главная задача номенклатурной системы достигалась: через ее кадры обеспечивалось выполнение всех решений высшего руководства партии, передававшихся по команде всем инстанциям партийной иерархии — от верхних до нижних. В письмо в ЦК осенью 1923 г. Троцкий писал: «Партия живет на два этажа: в верхнем ре-

шают, в нижнем — только узнают о решениях»⁴⁴. Стоит только добавить: и выполняют.

Став вершителем судеб партийного и государственного аппарата, особенно со второй половины 20-х годов, Сталин методически проводил курс на изменение персонального состава номенклатуры, в первую очередь ее верхнего слоя. Во многом этому способствовала борьба с оппозициями, в ходе которой он исключал из руководства своих соперников-противников, а также людей, в преданности которых не был убежден. Они снижались по должности, перемещались на менее ответственные посты, или вовсе освобождались от работы, причем немотивированно. Так, например, было с Каменевым, оказавшимся оппозиционером. В январе 1926 г. он снят с поста заместителя председателя Совнаркома СССР и назначен наркомом внутренней торговли СССР. Целесообразности в этом назначении никакой не было. «Я дела не знаю», — писал он в ЦК. Но и на этом посту его не оставляют в покое, травят, оскорбляют. Вскоре отправляют полпредом в Италию. А в ноябре 1927 г. снят и с этой должности.

Освобождаемые с высших постов, как правило, были людьми из «ленинской гвардии», по тому времени с высоким образованием (высшим и средним), значительная их часть вышла из среды интеллигенции. Сталин же, выдвигая людей на руководящие должности, делал ставку на тех, чья преданность ему была хорошо известна. Вот почему важнейшие партийные и государственные посты стали занимать малообразованные, малокультурные руководители, такие, как Л.М.Каганович, К.Е.Ворошилов, готовые поддержать и восхвалять любые предложения Сталина. В качестве иллюстрации может служить уровень образования членов правительства, снижавшийся в 20-х годах. Если в начале десятилетия высшее образование имели 8 наркомов⁴⁵, то в 1929 г. только 3⁴⁶.

При всех отличиях номенклатурных работников друг от друга по социальному происхождению, уровню образования, интеллекта и другим личностным качествам —

они нивелировались партийно-политическим, идеологическим единомыслием. Сложился стандартизированный тип советского руководителя со стереотипным безапелляционным сознанием, одномерным классовым подходом к личности. Немалую роль в этом играл постулат «диктатуры пролетариата», трактуемый прежде всего как подавление всех ее противников, инакомыслящих. Изгнание из органов власти и управления оппозиции – представителей небольшевистских партий, а затем внутренней оппозиции способствовало бесконтрольности «вождей», проникавшихся убеждением, что им все дозволено. Терялись общечеловеческие представления о нравственности и законности. Характерно признание Ленина, сделанное в мае 1922 г.: «Нет сомнения, что мы живем в море беззаконности»⁴⁷.

Революция, гражданская война и последовавшие годы «классовой борьбы» вывели на поверхность государственной власти людей, которые в своем большинстве по своей культуре и своему менталитету отражали уровень развития основной массы населения страны. Они легко воспринимали простые идеи о «прекрасном коммунистическом будущем» и становились ревностными исполнителями большевистской политики.

Формальные анкетные критерии для занятия властно-управленческих должностей позволяли «приобщиться к власти» людям бездарным, карьеристам, с криминальными наклонностями. Это открывало простор для злоупотреблений. Но и большинство «партийной гвардии», в прошлом бескорыстно посвятившей себя революции, без каких-либо расчетов на получение в будущем благ и почестей, оказавшись у власти, стали приверженцами методов приказов. Монополия на власть и идеологию сказывалась на их характерах, нравственном облике, стирала притягательные черты тех, у кого они были. «Яд власти» продолжал формировать представления ее «носителей» о собственной предназначенности и роли в строительстве нового мира. Отсюда – уверенность в своей «непогрешимости» и политической оправданности примене-

ния ими любых средств для достижения цели. Это было неизбежно, поскольку их благие намерения и цели не могли быть реализованы демократическими методами. Отсюда и деформирование самих личностей, даже по своей натуре наиболее честных и демократичных.

Правящая бюрократия жаждала должностей и связанных с ними власти и привилегий. Номенклатурный слой был самым привилегированным в советском обществе. Кроме стремления приобщиться к рычагам власти, к участию в реализации идеологических постулатов партии и личных амбиций, в ряды номенклатуры манила и материальная заинтересованность. Партийное руководство уже давно «позабыло» о программном требовании равенства всех в зарплате — «не выше среднего заработка квалифицированных рабочих», с которым большевики пришли к власти. Уже в годы гражданской войны привилегии партийных и государственных верхов вызвали серьезное недовольство рядовых членов партии. Председатель Контрольной комиссии ЦК А.А.Сольц, основываясь на жалобы, поступавшие от рядовых коммунистов, по поводу «кризиса в партии» 12 февраля 1921 г. писал в «Правде», что неблагополучие в партии не только вследствие того, что на многие руководящие посты пробрались карьеристские, шкурные элементы, разлагающее влияние на многих оказывает само пребывание у власти «в эпоху диктатуры пролетариата»⁴⁸. «Отсюда бюрократизм, отсюда крайнее высокомерие, нетоварищеское отношение к рядовым членам партии и беспартийным рабочим массам, отсюда чрезвычайные злоупотребления своим привилегированным положением в деле снабжения. Выработалась и создалась коммунистическая иерархическая каста ответственных работников со своими собственными групповыми интересами... которая для себя имеет особые правила, законы, оценки, не применимые ко всем прочим». К ним, к верхам, примыкают «услужливые» товарищи, готовые для своих высоких покровителей из кожи вон лезть. «Усердие принимает иног-

да чудовищные размеры. Рассылаются сногшибательные телеграммы, поднимаются на ноги целые железнодорожные линии, чтобы комиссарское превосходительство по пути не задержалось, очищаются квартиры для достойного приема, заготовливаются и представляются специальные вагоны, поезда и автомобили, продукты и всякие другие излишества». Такие нравы «усваиваются все более и более среди верхних слоев партии, и возмущением и протестом полны все заявления товарищей в Контрольную комиссию по этому поводу»⁴⁹. Это писал не какой-нибудь оппозиционер, подвергавшийся гонениям за подобную критику, а видный функционер, стоявший на страже «непорочности» партии.

Многие из чиновно-номенклатурной бюрократии, используя свое положение в корыстных целях, не довольствовались высокими окладами и различными привилегиями. Взятничество было распространенным явлением. Печать сообщала о случаях получения «ответственными руководителями» взяток, чаще всего у т.н. «нэпманов», которые таким способом быстрее и эффективнее решали экономические задачи. Тема борьбы со взяточничеством широко обсуждалась, призывы бороться с этим злом раздавались на всех уровнях партийно-государственного руководства. Нередко устраивались судебные процессы над взяточниками. Однако реалии жизни свидетельствовали о тщетности расчетов на то, что наказаниями можно покончить со взяточничеством, питавшимся традициями российской бюрократии и экономическими условиями «нэпманского» советского государства. Оно процветало во все годы нэпа (также и во все последующие годы советской власти и перешло в постсоветское время, когда в условиях «дикого рынка» и развала хозяйства стало как бы составной частью экономических отношений). Коррупция номенклатурной бюрократии была на всех уровнях государственного управления, вызывая возмущение широких масс населения.

Конечно, не все руководители изначально рвались к особым привилегиям и наживе. Революционный романтизм, большевистская идейность и принципиальность, с которыми «старая партийная гвардия» шла на революцию и во имя ее не останавливалась перед тюрьмами, ссылками и материальными лишениями, у многих еще сохранялись известное время и после прихода к власти. Значительная часть дореволюционных партийных кадров разделяла со всеми трудящимися невзгоды гражданской войны, не поступаясь «партийной совестью» и принципами «равенства», которые провозглашали. Но время шло, и «старая партийная гвардия» не смогла выдержать «испытания властью», поддаваясь ее соблазнам. Что же говорить о послеоктябрьских большевиках, многих из которых поманила в правящую партию возможность приобщиться к власти и проистекавшим из нее выгодам.

После XI съезда РКП(б) были установлены шесть основных разрядов должностных окладов для партийных и государственных работников. По 17-му и 18-му самым высшим получали зарплату члены ЦК и ЦИК, заведующие отделами ЦК, секретари губкомов, областных бюро ЦК⁵⁰, а также руководители центральных и губернских (областных) государственных ведомств. И хотя их ставки в несколько раз превышали заработки квалифицированных рабочих, служащих, специалистов, руководство РКП(б), постоянно проявляя особую заботу о материальном благополучии этой категории номенклатурной бюрократии, периодически принимало меры по улучшению ее благосостояния. Правда, появлялись строгие указания, запрещающие при установлении специальных ставок руководителям наркоматов и учреждений превышать их максимум по всему СССР в 360 рублей. Постановление Политбюро ЦК и ЦКК от 24 апреля 1924 г. о максимуме спецставок и круге лиц, их получающих, указывало, что всякое превышение максимальной ставки рассматривается как нарушение партийной директивы, которое повлечет за собой «партийное взыскание, вплоть до исключения из пар-

тии»⁵¹. Однако находилось много способов, чтобы обойти «строгие указания». К тому же материальное благополучие номенклатуры не определялось только зарплатой.

В августе 1922 г. XII партийная конференция предусмотрела принятие мер по улучшению материального положения «активных партработников», к числу которых были отнесены руководители различных звеньев центральных и местных партийных учреждений — всего 15325 человек. Предлагалось их обеспечить в жилищном отношении (через местные исполкомы), в отношении медицинской помощи (через Наркомздрав), в отношении воспитания и образования (через Наркомпрос)⁵². Все это распространялось и на государственную номенклатуру, «вербовавшуюся» из «активных партработников». Огромные средства тратились на ее ежегодный отдых и лечение в предназначенной для нее сети санаториев и домов отдыха, функционировавших на юге и в центральных районах страны. Заведующий административно-хозяйственным отделом ВЦИК РСФСР А.Д.Метелев в отчете в 1924 г. указал, что содержание всех загородных владений, предназначенных для отдыха ответственных работников, обошлось почти в 600 тысяч рублей. «Эта цифра, — писал он, — составляет для меня предмет величайшего размышления. Мне, кажется, конечно, если правительство найдет необходимым расходовать такую цифру и в будущем году, наше дело расходовать ее возможно экономнее, но мне кажется, при нашей бедности, при тех трудностях выплаты продналога крестьянином, из которого составляется наш доходный бюджет, неперменной обязанностью коммуниста является подумать над тем, как бы эти самые расходы уменьшить... Они представляют вопиющую цифру»⁵³.

Особенно популярно было у номенклатурных чинов лечение за границей, в Германии. Их посылали даже в сопровождении родственников. И это несмотря на циркулярное письмо ЦК РКП(б), посланное в октябре 1923 г. обкомам, губкомам «О борьбе с излишествами».

Документ содержит перечисления излишеств «отдельных ответственных работников»: они «позволяют себе иметь собственные выезды со скаковыми лошадьми, играть на скачках», «квартиры, занимаемые ответственными работниками, обставлены слишком роскошно», «производятся чрезмерные расходы в ресторанах», «допускается азартная игра (тотализаторы, лото, карты и т.д.)»⁵⁴. Письмо было вызвано тем, что «излишества» «подрывают доверие к ответственным работникам, дают почву для демагогической агитации антикоммунистических групп»⁵⁵. В постановлении Президиума ЦИК и СНК СССР «О режиме экономии» (11 июля 1926 г.) говорилось, в частности, о чрезмерном использовании персональных ставок, покупке квартир и мебели для ответственных работников, «нерациональном» использовании легкового автотранспорта⁵⁶.

Номенклатура имела и судебные привилегии. В партийных документах о них говорится в связи с судебными делами коммунистов. С целью урегулирования взаимоотношений партийных и судебно-следственных органов Оргбюро ЦК РКП(б) постановлением от 31 марта 1921 г. создало комиссию (Бухарин, Дзержинский, Курский, Молотов, Соколов) для выработки по этому вопросу проекта циркулярного письма. Он был одобрен Секретариатом ЦК 3 мая⁵⁷: коммунисты могли быть преданы суду только с санкции местных партийных комитетов. 16 июня ЦК утвердил циркуляр. Однако нарком юстиции с санкции Ленина опротестовал его в Политбюро. ЦК РКП(б) вернулся к этому вопросу и по существу подтвердил свое прежнее решение. 2 августа за подписью Молотова был послан местным партийным организациям и судебно-следственным органам циркуляр со следующими указаниями: в случае ареста коммунистов судебно-следственные учреждения должны об этом немедленно извещать партийные комитеты и давать им для ознакомления само дело подследственного; они обязаны освобождать коммунистов под поручительство партийных комитетов за персональным поручительством трех членов РКП,

уполномоченных на то партийным комитетом; «Мнение комитета о направлении и судебном решении по делу есть партийная директива работников-коммунистов судебно-следственного учреждения»⁵⁸.

В середине ноября 1921 г. Ленин в записках секретарю ЦК Молотову высказался за усиление судебной ответственности коммунистов⁵⁹. Соответствующее постановление приняло Политбюро. Новый циркуляр ЦК РКП(б) всем обкомам и губкомам от 4 января 1922 г. гласил, что каждый член партии, совершивший общегражданский поступок, подлежит «суду народного суда или Ревтрибунала (по подсудности дела), на общих со всеми гражданами основаниях». Однако «общие со всеми основания» по существу тут же отрицались: «Следственные учреждения обязаны изменить меру пресечения в отношении членов РКП и освобождать от ареста с заменой его поручительством в случае представления поручительства не менее чем трех членов РКП»⁶⁰. Итак, все вернулось на круги своя. Характерно, что под партийным циркуляром стоят подписи не только секретаря ЦК Молотова, но и Наркома юстиции Д.И.Курского и председателя Верховного Трибунала Н.В.Крыленко. Тем самым циркуляр приобрел характер государственного документа. Постановление Оргбюро ЦК от 16 марта 1923 г. предусматривало особый порядок привлечения к судебной ответственности секретарей губкомов и обкомов: прежде чем дать делу ход, губернский прокурор обязан был направить материалы и свое заключение прокурору республики для согласования с ЦК⁶¹. На XII съезде РКП(б) выступивший с отчетом Центральной Контрольной комиссии М.Ф.Шкирятов признал, что эта комиссия знакомилась с судебными материалами и если видела, что «посадили товарища на скамью подсудимых не в интересах нашей партии», то центральные партийные органы обращались в соответствующий судебный орган о прекращении дела⁶². Вмешательство партийных комитетов в судопроизводство было повседневным явлением.

Пленум ЦК РКП(б) 26 апреля 1925 г. утвердил постановление «О порядке привлечения коммунистов к судебной ответственности за проступки, связанные с их работой в партийных, советских, профсоюзных, кооперативных и других общественных учреждениях». Отмечалось, что очень часты случаи, когда коммунист, совершивший уголовное преступление, за его «революционные заслуги» «освобождается от наказания, чем создается в населении впечатление ненаказуемости членов РКП(б)... Это ставит коммунистов в глазах населения в положение лиц, которым все дозволено». Постановление требовало, чтобы коммунисты за совершенные преступления наказывались на общих основаниях со всеми гражданами, а парторганизации не вмешивались в судебные и следственные дела по отношению к членам партии, парткомы и контрольные комиссии «в порядке директив» не предпринимали приговоры судебных органов. И все же и это постановление предусматривало для коммунистов изъятия из «общих оснований»: в тех случаях, когда партийные органы и ЦК придут к убеждению в невинности коммуниста и несостоятельности предъявленных ему обвинений, они могут через губком довести до сведения губернского прокурора свое мнение, губком и обком могут об этом обращаться в ЦК партии⁶³. Вмешательство «инстанций» в судопроизводство признавалось и в партийных документах последующих лет. В обращении ЦК ВКП(б) от 2 июня 1928 г. к членам партии «О самокритике» предлагалось «решительно уничтожить практику смягчения ответственности коммунистов по различным административным и судебным взысканиям»⁶⁴. Практика «смягчения» судебной ответственности коммунистов, конечно, прежде всего касалась номенклатурной бюрократии.

Усиливавшаяся обособленность номенклатуры от широких масс населения и даже от рядовых членов партии вела к ее моральной деградации. Проявлялось это, в частности, в угодничестве, раболепии перед вышестоящими, которые могли в любой момент сместить подчиненного

или поднять его выше по ступеням иерархической служебной лестницы. И наоборот — в высокомерии по отношению к тем, кто был ниже. Л.Б.Красин в 1923 г. писал, что среди руководства господствовали «всезнайство и презрение к какому-либо вообще знанию и в еще большей степени специальному умению», критерий оценки их деятельности был один: «рассуждать некогда, как делаешь, так и ладно», чувство всесильности и дозволенности, главное для таких руководителей — «роль каких-то генеральных установщиков и инструкторов, по дудке которых должны плясать все производственные органы и отдельные министерства»⁶⁵. Л.Д.Троцкий позже вспоминал: «В нравы нового правящего слоя входили настроенная моральной успокоенности, самоудовлетворенности и тривиальности... Хождение друг к другу в гости, прилежное посещение балета, коллективные выпивки, связанные с пережевыванием косточек отсутствующих»⁶⁶. Из большевика, по его словам, «освобождался мещанин». Троцкий рассказывал о разговоре в 1925 г. с А.А.Иоффе, который говорил ему: «Вы не отдаете себе полного отчета о том вырождении, которое претерпела партия. Подавляющее большинство ее, во всяком случае решающее большинство — чиновники; они гораздо больше заинтересованы в назначениях, повышениях, льготах, привилегиях, чем в вопросах социалистической теории или событиях международной революции. В нашей политике они видят дон-кихотство. Под политическим реализмом (они в парадных речах отождествляют его с ленинизмом) они понимают заботу о собственных интересах»⁶⁷. Конечно, имелись в виду не рядовые, а руководящий слой коммунистов.

И в то же время — в пропаганде, в идеологическом воспитании населения — проповедь скромности в быту, неприязнь к «мещанству», меркантильным расчетам.

Существует мнение, что вместе с партийно-бюрократической прослойкой в СССР появился новый господствующий класс. С этим трудно согласиться. Это был правящий слой партии, не имевший признаков, обра-

зующих класс. Формирование номенклатурной прослойки партийной государственной бюрократии соответствовало общей политике РКП(б) – ВКП(б), устремленной к государственному монополизму, бесконтрольности и всемогуществу. Вместе с тем она становилась и самостоятельной силой, господствующей над обществом. Как социальный слой, она накрепко связывала свои материальные интересы с государственной собственностью. Сталинская «революция сверху», приведшая к ликвидации многоукладности в экономике, к тотальному огосударствлению, укрепила и расширила власть бюрократии. Интересны взгляды Макса Вебера на проблему бюрократии. Касаясь капиталистического производства, он показал, как по мере его монополизации, картелизации неизбежно усиливается управленческое чиновничество, власть бюрократии. При социализме же, считал он, бюрократия вырастет во много крат. В этом обществе, отвергающем частную собственность, монопольным собственником средств производства становится государство. Государственный социализм по отношению к пролетариату выступает как властный предприниматель, организующий плановую экономику на бюрократических началах. «Бюрократия, составляя особую корпорацию, становится господствующей над обществом и бесконтрольной»⁶⁸. Теоретический анализ и прогноз ученого оправдывался уже в социально-экономической практике нэповской России 20-х годов.

Новая партийно-государственная бюрократия, прежде всего ее номенклатурный слой, являлась важнейшей частью советской государственной машины. Она служила руководству партии в качестве орудия подчинения государства в своих политических и идеологических интересах и в конечном счете становления всевластия Сталина. В изданной в 1937 г. книге «Преданная революция», отвечая на вопрос «Почему победил Сталин?», Троцкий писал: «Было бы наивно полагать, что неизвестный массам Сталин вдруг вышел из-за кулис, имея готовый стра-

тегический план. Нет. Прежде чем он вышел на свой путь — бюрократия нашла его... Бюрократия победила не только «левую» оппозицию. Она одержала победу над большевистской партией... Она победила всех этих врагов... не идеями и аргументами, а только благодаря собственному весу. Свинцовый зад бюрократии весил больше, чем голова революции... Вот решение загадки советского термидора»⁶⁹. И хотя в приведенных словах автора далеко не полное «решение загадки», все же известное основание для такого утверждения он имел. Раньше, в 1935 г. он назвал созданную советскую систему «бюрократическим абсолютизмом». В 90-х годах она будет названа «командно-административной».

2. Иллюзии «орабочивания» государственного аппарата

Костяк органов власти и управления должен состоять из рабочих — в этом большевики видели гарантию социалистической направленности развития пролетарского государства, преодоления бюрократических и прочих негативных тенденций в его функционировании. Они были убеждены, что рабочие будут лучше управлять государством, чем «эксплуататорские классы». Как заклинание звучало требование Ленина: «Надо, чтобы рабочие вошли во все государственные учреждения, чтобы они контролировали весь государственный аппарат... Мы должны влить в этот аппарат возможно больше рабочих и крестьян. Мы за это возьмемся, это сделаем и этим изгоним из наших учреждений бюрократизм»⁷⁰. Это сказано Лениным 9 февраля 1920 г. И в самом конце войны, в ноябре 1920 г.: «шаги к полному уничтожению бюрократизма: участие в управлении самих трудящихся»⁷¹.

Идеологический постулат: «в государстве диктатуры пролетариата управляют рабочие» не подтверждался дей-

ствительностью. Вскоре, в январе 1921 г. Ленин, вопреки прежним утверждениям, признал невозможность непосредственного управления обществом рабочим классом: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практически люди знают, что это сказки», «кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только»⁷². И тем не менее убеждение, что «орбочивание» государственного и партийного аппарата — панацея от всех бед, не покидало вождя. После перехода к нэпу, беспокоясь за сохранение единства руководства партии, он считал необходимым ввести больше рабочих и крестьян в ЦК. В так называемом «Политическом завещании» — «Письме к съезду» — Ленин 25 декабря 1922 г. изложил свой «план»: «... несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата. РКИ, которой принадлежала эта функция вначале, оказалась не в состоянии справиться с нею и может быть употреблена лишь как «придаток» или как помощница, при известных условиях, к этим членам ЦК...

В число рабочих-членов ЦК должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых и крестьян... такие рабочие, присутствуя на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читая все документы ЦК, могут составить кадр преданных сторонников советского строя, способных, во-первых, придать устойчивость самому ЦК, во-вторых, способных действительно работать над обновлением и улучшением аппарата»⁷³. Это была мертворожденная идея, и неудивительно, что «наследники» Ленина о ней никогда не вспоминали.

Какое место занимали рабочие в руководстве государственного аппарата страны после окончания гражданской войны, в начале нэпа? По данным моего исследования, на ответственной работе в наркоматах (в коллегиях и управлениях) в конце 1920 г. было от 1% до 10% рабочих,

в главках и центрах ВСНХ — 26%, в местном советском аппарате (исполкомах Советов) — волостном — 10%, уездном — 31,9%, губернском — 36,5%⁷⁴. Проведенная в июле 1921 г. перепись ответственных работников советских, хозяйственных, партийных, профсоюзных органов, армии и фабрично-заводских предприятий 45 губерний и областей охватила 14828 человек, из них 34,6% составляли бывшие рабочие фабрично-заводской и кустарной промышленности, а также небольшая часть технических работников учреждений, 16,3% — крестьяне, 29,7% — служащие и техническая интеллигенция, 13,5% — дети рабочих и крестьян, 5,9% — прочие. Лишь 3,3% всех ответственных работников имели высшее и 16,9% — среднее образование⁷⁵. Итак, всего рабочих среди ответственных работников примерно 1/3. Больше всего их приходилось на фабрично-заводские предприятия и профсоюзы, в государственном же аппарате рабочих, занимавших ответственные должности, было значительно меньше. Речь идет о низшем и среднем звеньях государственного аппарата (в отличие от высших, руководящие должности которых занимала номенклатура) огромной страны, которым требовались десятки тысяч «ответственных работников», причем прежде всего, согласно большевистскому постулату, — из рабочих. Это решало бы и задачу создания опоры партии в лице самого многочисленного командного слоя государства. Шаги в этом направлении, сделанные в годы гражданской войны, считались недостаточными. Переход же к нэпу, к рыночным отношениям, легализации частного предпринимательства предполагал укрепление «пролетарской» основы государственного аппарата. И в новых условиях, как и до этого, качества и эффективность его оценивались по социальному составу (прежде всего его рабочей прослойки), партийности руководящего персонала — «ответственных работников».

К XII съезду партии «Комиссия Куйбышева» обследовала персональный состав 293 трестов с точки зрения партийности и социальной принадлежности⁷⁶ их руково-

дителей. Всего в их правлениях было 875 человек, из них к рабочим относились 23%. В 56 центральных трестах их оказалось еще меньше — 19%⁷⁷. На самом съезде был приведен отрывок из доклада «Комиссии Куйбышева» (по данным 28 трестов) о подборе личного состава кадров трестов и предприятий. Вывод ее был далеко не оптимистичный: «значительная доля вины за тяжелое и бесхозяйственное состояние ряда трестов лежит на неумелом, бессистемном, неосторожном подборе состава правлений трестов». При существующей системе подбора кадров «и профессиональными, и хозяйственными, и партийными органами ни одна из указанных организаций не несет или, вернее, психологически не чувствует себя единственно ответственной за результаты неудачного подбора»⁷⁸. Этот вывод можно было бы отнести и к подбору кадров во все другие отрасли управления.

Согласно учтенным в ЦК партии ответственных работников (заведующие основными управлениями, отделами, подотделами и другими подразделениями центральных государственных ведомств), процент рабочих среди них поднялся с 21,4 к XII съезду до 25% к XIII съезду (крестьян — с 0,9 до 3,7%)⁷⁹. Ходом «орабочивания» руководство партии было недовольно. В отчете ЦК XIII съезду РКП(б) Сталин привел некоторые данные о «членах высших учреждений, членах коллегий, заведующих главными отделами»: рабочие «в прошлом году (т.е. в 1923 г. — Е.Г.) 19%, в этом году — 21%», при этом он добавил: «мало»⁸⁰. Критика в адрес государственного аппарата раздавалась на партийных и профсоюзных форумах, в центральной и местной печати. Путь к его улучшению виделся все тот же — в «орабочивании». В конце 1923 г. ЦКК РКП(б) предлагала добиться того, чтобы «во всех Советах и во всех советских органах» рабочим было предоставлено «не на словах, а на деле достаточно серьезное представительство»⁸¹. Вставал вопрос, какими методами привлекать рабочих в государственный аппарат и какими критериями при этом руководствовать-

ся? Уже в прошлом практиковалось выдвижение рабочих в государственный аппарат партийными организациями и коллективами предприятий. Согласно партийным уставкам, при выдвижении нужно было прежде всего учитывать производственный стаж и общественную активность кандидата. XIII съезд партии указывал: при выдвижении рабочих на государственную работу не следует принимать во внимание их неподготовленность, уровень образования. Задача не в том, чтобы сделать их специалистами государственного управления, а в том, чтобы воспитать их в партийном отношении, чтобы они «во всей своей работе проводили общую линию и находились под ее полным и прямым руководством»⁸².

Путем выдвижения рабочих в государственный аппарат предполагалось расширить прослойку верных режиму людей, укрепить его опору. Ведомствам предлагалось наметить должности, которые давали бы выдвиженцам перспективы роста, в частности, на таких работах, как ревизионная, инструкторская, инспекторская, заведование отделами в небольших учреждениях, на должностях помощников заведующих отделами⁸³. О том, как это решалось, Орграспредотдел ЦК писал в своем отчете о работе в период от XII съезда РКП(б) (апрель 1923 г.) до 1 октября 1924 г.: наблюдаются «формально-бюрократическое отношение к выдвиженцам, попытка создания для них фиктивных должностей, лишенных реального содержания, частая смена работ для выдвиженцев, не вызываемая объективной необходимостью»⁸⁴. Но приходившие в государственный аппарат рабочие не оправдывали возлагавшиеся на них надежды не только по таким причинам. Они не могли справляться с работой, требовавшей какого-то уровня образования, знаний и опыта.

Приход рабочих в государственный аппарат на руководящую работу не столько решал проблемы, сколько создавал новые, отрицательно сказывался на функционировании учреждений. Большинство выдвиженцев были малограмотными, они попадали в чуждую им аппаратную

обстановку и были непригодны для управленческой работы. Ведомства, куда направлялись рабочие, пытались их знакомить с характером учреждения и втягивать в какую-нибудь деятельность. 16 мая 1924 г. «Правда» сообщила, что Наркомат финансов СССР проводит партийные совещания, где «все, от курьера до самых ответственных работников, получают информацию о работе управления в целом, условиях работы, получают перспективу работы». В 1924 г. в аппарат Госбанка было выдвинуто 18 рабочих «от станка». Они проходили подготовку к работе через четырехмесячный институт практикантов, затем были распределены в качестве заместителей управляющих отделами банка, заведующих агентствами, контролеров, инспекторов. В мае 1925 г. заведующий Учраспредотдела правления Госбанка, докладывая в Орграспредотдел ЦК о том, как использованы выдвиненцы-практиканты, отмечал их малую пригодность для работы и считал нужным явно непригодных «изъять из аппарата Банка»⁸⁵. Вынужденные брать на работу выдвиненцев, руководители ведомств часто их использовали в качестве курьеров, сторожей, на бесперспективных несложных должностях, а при малейшей возможности увольняли. Впрочем, многие выдвиненцы, понимая свою непригодность к государственной деятельности, сами просились вернуть их на прежнюю работу по своей профессии. Но было немало и таких выдвиненцев-коммунистов, которые в обстановке шумной кампании «выдвиненчества» и «орабочивания» утверждались во мнении, что они в государственном аппарате предназначены не для конкретного дела, а быть начальниками. В упоминавшемся отчете Орграспредотдела ЦК за период с апреля 1923 г. по октябрь 1924 г. отмечалось, что среди выдвиненцев наблюдается «комиссарство», противопоставление себя, как выдвиненца, коллективу в целом⁸⁶.

Возмущаясь формально-бюрократическим характером выдвижения в госаппарат, представитель РКИ Украины В.П.Затонский на пленуме ЦКК в апреле 1928 г. говорил:

«по наряду выдвигают. Выдвигают не потому, что он этого хотел, а просто потому, что подвернулся районному рас-преду, его и послали...», а потом получается, что о нем забыли, с ним потеряли связь. «Нам сказали в одном учреждении в Харькове, что у них 52 выдвиженца. Когда мы пошли их искать, то нашли троих, и то одна из них оказалась машинисткой, которую выдвинули в заведующие машинописным бюро»⁸⁷.

В соответствии с партийным курсом на «обработку» государственного аппарата пропаганда всячески превозносила успехи на этом пути. На XIV съезде ВКП(б) В.В. Куйбышев в отчете ЦКК заявил, что выдвиженчество явилось «огромным достижением в деле улучшения нашего государственного аппарата», что десятки тысяч рабочих и крестьян вовлекаются в него⁸⁸. Это было явным преувеличением, не имело под собой реального основания. Более-менее объективный взгляд ученых, занимавшихся проблемами труда, показывал, что провозглашавшиеся «успехи» иллюзорные, что дело не в количестве выдвиженцев, а в их качестве, что без образования и опыта рабочие не в состоянии улучшить аппарат управления. А «обучить» их в короткие сроки невозможно. Поэтому возникла идея упростить государственный аппарат, чтобы управлять им могли «низы» народа. В опубликованной в 1926 г. статье директор созданного в 1925 г. Экспериментального института техники управления Е.Ф.Размирович писала, что государственное управление должно быть построено так, чтобы все его функции «от самой незначительной до самой высшей» могли уже теперь выполнять и любой рабочий от станка, и любой крестьянин от сохи. А для этого нужно упростить управленческие функции до уровня, доступного всем трудящимся «без какой бы то ни было особой подготовки и предварительной специализации»⁸⁹. Несмотря на абсурдность этой идеи, она в течение длительного времени обсуждалась в печати, на XV съезде ВКП(б) с ней выступил В.П.Затонский: он предлагал свести работу в совет-

ском управленческом аппарате к ряду несложных функций, доступных рабочим, что позволит выдвиженцу не учиться годами, а быстро овладеть предложенной ему должностью⁹⁰. В основе таких предложений – игнорирование значения «человеческого фактора» в управлении, расчеты, что упрощение государственного аппарата и функций управленцев сделает второстепенными профессиональную подготовку, знания, деловые качества.

Представляют интерес «Выводы и предложения комиссии Секретариата ЦКК ВКП(б) о выдвиженчестве», сделанные в середине 1926 г. (точной даты на документе нет). Прежде всего в них сформулирована цель выдвиженчества: а) замена рабочими (и крестьянами) чуждого партии и рабочему классу бюрократического чиновничьего элемента, б) создание новых кадров администраторов и организаторов из рабочих и крестьян, в) искоренение бюрократизма, г) обновление государственного аппарата через привлечение рабочих. Здесь же приведены некоторые итоги выдвиженчества с 1923 г. по первую четверть 1926 г.: в 1923 г. – 568 человек, в 1924 г. – 3096, в 1925 г. – 7459. Пик выдвиженчества – 1925 год. В первой четверти 1926 г. уже наметился его спад (529 человек). Состав выдвиженцев по их социальному положению: рабочих – 75%, крестьян – 10,3, служащих – 14,7 (рабочие в основном коммунисты, крестьяне – беспартийные). Большинство выдвиженцев имеют какой-то стаж низовой партийной, профсоюзной или советской работы, они выдвигались партийными организациями. Отмечалось, что в ряде случаев для них создавались фиктивные должности, например, в Наркомпросе РСФСР – должности вторых и даже третьих заместителей заведующих отделами. Как правило, зарплата (особенно квалифицированных рабочих) оказывалась ниже той, которая была ранее. Поэтому многие соглашались занимать государственные должности «в порядке партийной дисциплины». Из общего количества выдвиженцев (11647 человек) в центральные учреждения СССР и РСФСР попа-

ли лишь 244 человек (2%), основная масса направлялась в местные органы управления⁹¹.

И на местном уровне руководство учреждений всячески уклонялось от приема рабочих-выдвиженцев или при первой возможности освобождалось от них. ЦК партии, партийная печать, критикуя ход выдвиженчества, обвиняли в скрытом саботаже аппарат учреждений, специалистов, враждебных к выдвиженцам, не желающих их учить, передавать им свой опыт. Конечно, основания для подобных обвинений имелись. Но дело было не в саботаже и нежелании учить рабочих, а в надуманности самого выдвиженчества, нереальности расчетов на то, что приход рабочих в государственный аппарат избавит его от всех бед. На Восьмом съезде профсоюзов нарком РКИ Г.К.Орджоникидзе констатировал: «... отрываем рабочего от завода, бросаем в аппарат, и он не находит, где приткнуться, не знает что делать, и встречает враждебную атмосферу, получается в конце концов не выдвижение, а задвижение»⁹².

На почве замены руководителей, прежде всего беспартийных, выдвиженцами возникали коллизии. Так, в 1927 г. председатель правления Всесоюзного кожевенного синдиката (ВКС) В.Фомин обратился в Орграспредотдел ЦК ВКП(б) с жалобой: Саратовский губком партии, не согласовав с руководством синдиката, принял решение о замене 18–20% беспартийных специалистов-управленцев коммунистами. Это означало, что опытных организаторов сменяют неопытные. Поэтому высказана просьба, чтобы ЦК дал «разъяснение Саратовскому губкому на сей предмет, иначе могут разорить весь аппарат». Ходатайство не помогло, замена была проведена⁹³.

Вред массового выдвиженчества осознавали многие руководители, особенно хозяйственники. Характерно письмо Ф.Э.Дзержинскому в марте 1925 г. И.В.Косиора, работавшего председателем правления треста «Грознефть». «Публика горячится с этим делом, требует массового выдвиженчества, массовой коммунизации аппарата, а коммунизировать в таких размерах некем. Кандидаты

не подходят, надо идти медленно, понемногу. И со стороны очень ответственных работников... сыплются обвинения, что мы попали под влияние спецов, идем против коммунизации и т.д. Нас хотят коммунизировать во что бы то ни стало РКИ, ревизовавшая в Москве наше представительство, тоже ставит мне в упрек слабую коммунизацию и засилие спецов. Таким образом, обвинение, что я нахожусь под влиянием спецов идет по всей линии. А я не верю в этих кандидатов из партийных, которых мне часто дают, что они способны делать то, что им поручают. Я хлопочу и таскаю к себе коммунистов но как я буду работать с теми партийцами, которые, по-моему, не справляются с делом»⁹⁴. Содержание этого письма отражает еще одну задачу, решение которой должно было способствовать выдвиженчеству: замене беспартийных коммунистами («коммунизировать» аппараты управления).

Выдвиженчество явно себя не оправдывало, тем не менее партийное руководство от него не отказывалось, пытаясь лишь «улучшить» методы его проведения. 7 марта 1927 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О задачах партии в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат», предлагавшее перейти в выдвижении от ударных кампаний к систематической подготовке кадров из среды передовых рабочих и наиболее близких к советской власти крестьян, намеченные кандидатуры предварительно обсуждать на общих собраниях рабочих; выдвигать только на конкретную, заранее определенную работу⁹⁵. Но по инерции выдвиженчество продолжалось по-прежнему, даже предложенные постановлением ЦК «улучшения» не соблюдались, ибо руководство парторганизаций, находясь под постоянным прессингом постулата об «опоре на рабочих» и требований давать отчеты о количестве выдвигаемых, было озабочено количественными показателями, по которым «наверху» судили о его работе. По существу постановление ЦК ВКП(б) на методы выдвижения и его результаты мало повлияло.

Партийные директивы предлагали профсоюзам принимать активное участие в выдвиженчестве. Следуя им, Седьмой съезд профсоюзов СССР (конец 1926 г.) в одной из своих резолюций записал: «Выдвиженчество должно стать неотъемлемой существенной частью работы профсоюзов и войти в систему их работы». Они обязывались выдвигать из своих рядов работников в хозяйственные и советские органы⁹⁶. Интересные сведения на этот счет содержит составленный в 1928 г. документ ВЦСПС «Обзор работы профсоюзов по выдвижению рабочих и работниц на руководящую работу в советские, кооперативные и хозяйственные органы». В нем отмечается, что само понятие «выдвижение» вызывает путаницу. Для очень многих профорганизаций неясно, кого считать выдвиженцем. «Сплошь и рядом простое повышение по службе, повышение разряда и даже просто перемещение с одной работы на другую считается уже выдвижением... Местами выдвиженцами числились и старшие банщики, машинистки, зав.буфетом в клубе и т.п.». Имеются «случаи выдвижения из пом.машиниста в машиниста, из подстарших рабочих — в старшие, из делопроизводителей — в старшие делопроизводители, из курьеров — в делопроизводители, из извозчиков — в старшие конюхи и т.д.»⁹⁷ Приводится рассказ выдвиженца со ссылкой на газету «Молот» (Северный Кавказ) от 28 марта 1928 г.: его, слесаря по специальности, назначили кладовщиком овощного склада — «когда меня сделали овощником, я чувствовал себя дураком и никак не мог отличить пастернак от петрушки». И такой факт: в Москве двум выдвиженцам предложили принять магазины — «торговали и проторговались. Выдвинули из завмага в ночного дежурного»⁹⁸. В том же документе сообщается, что в ряде случаев профсоюзное руководство воспользовалось кампанией выдвиженчества для продвижения на хозяйственную и советскую работу союзных чиновников. Так, по сведениям ЦК деревообделочников, к 15 июля 1927 г. он выдвинул 53 человека, из них 28 профсоюзных работни-

ков. Однако, несмотря на проявленную им настойчивость, ВСНХ половину из них отвел, на работе осталось только 14 человек. Главной причиной отводов была неподготовленность выдвиженцев к административно-хозяйственной работе⁹⁹. В целом же участие профсоюзов в кампании выдвиженчества было чисто формальным. Об этом говорилось в многочисленных сообщениях с мест, поступавших в ВЦСПС. Довольно типичное из них в 1928 г. поступило от Уральского Совета профсоюзов: «Практическая работа по выдвижению, как правило, проводится партийными ячейками с последующим согласованием с фабзавкомом. Инициатива самих союзных органов в деле выдвижения кандидатур пока что чрезвычайно слаба». Об этом же читаем в сообщении Сибирского Совета профсоюзов: «Как общее правило, выдвижение проводится в порядке согласования секретарем ячейки или зав.предприятием с председателем ФЗК, а во многих случаях согласование производилось после факта (выдвижения), и профсоюзные организации обсуждали в порядке оформления»¹⁰⁰.

Нет итоговых данных о результатах выдвиженчества и его роли в «орабочивании» государственного аппарата в целом. Однако многочисленные и разнообразные свидетельства подтверждают, что результаты были невелики. 7 марта 1929 г. «Правда» поместила таблицу под заголовком «Позорные цифры». В ней сообщалось, что по 7 центральным ведомствам, насчитывавшим 2000 с лишним ответственных работников, за 4 года выдвинуто 130 рабочих, или 5,5%. Из них осталось только 60%. В частности, по Государственному банку из 37 выдвиженцев осталось 13, по Наркомату юстиции из 11 не осталось ни одного¹⁰¹. В феврале «Комсомольская правда» сообщала, что в Наркомате труда за 11 лет революции было выдвинуто 9 человек, из которых осталось 5¹⁰². Выдвиженцев работало в НКВД всего 4, Наркомздраве — 4, Наркомземе — 8, ВСНХ — 2, Наркомпросе — 7 человек¹⁰³. И это при том,

что из года в год их в наркоматы под давлением партийного руководства направлялось все больше.

На XVI съезде ВКП(б) Г.К.Орджоникидзе довольно реалистично оценил итоги выдвиженчества, назвав 6% выдвиженцев к общему составу кадров государственного управления «пустяковыми». «Вообще мне кажется, что оздоровить наш аппарат только одним выдвиженчеством с фабрик и заводов нам не удастся при таком громадном голоде в квалифицированной рабочей силе, который сейчас имеется. Ведь надо влить в аппарат по крайней мере две-три сотни тысяч выдвиженцев. Такое количество взять сейчас с фабрик и заводов мы не можем»¹⁰⁴. Нарком финансов РСФСР В.Я.Яковлева на съезде говорила, что работа с выдвиженцами велась бессистемно, беспорядочно, не определен характер их деятельности: одни считали, что рабочие должны отвечать за текущую работу, другие предлагали читать им лекции, третьи засадить рабочих за изучение законодательства и т.д.¹⁰⁵ Власти вынуждены были посчитаться с тем, что выдвиженчество, усугубляя нехватку квалифицированных рабочих на предприятиях, в то же время нисколько не решает задачи, которые на него возлагались. 15 марта 1931 г. Политбюро приняло постановление о полном прекращении мобилизаций рабочих от станка на нужды текущих кампаний, а тех, кто был направлен на советскую работу, немедленно вернуть на производство¹⁰⁶.

В советской историографии выдвиженчеству, как методу «орабочивания» государственного аппарата в 20-е годы, уделялось довольно много внимания. Трактовалось оно в духе постулата о решающей роли рабочих в управлении государством и соответственно — выдвиженчестве как методе вовлечения рабочих в государственный аппарат. Некритически воспринимая противоречивые факты и партийные решения, относившиеся к этому явлению, она превозносила его результаты. Обобщенная их оценка приведена в коллективном труде по истории советского рабочего класса, изданном в 1984 г.: «Как метод формиро-

вания руководящих кадров выдвиженчество стало стабильной формой, полностью выдержало испытание временем»¹⁰⁷ Нет, «испытание временем» оно не выдержало.

Несмотря на шумные кампании «выдвиженчества» и другие принимавшиеся меры по вовлечению рабочих на руководящие и прочие административные должности «орабочить» государственный аппарат не удавалось. Приведу некоторые сведения о месте рабочих в нем на конец 20-х годов. В Москве в 1929 г. в центральных учреждениях насчитывалась 31 тысяча ответственных должностей, из них только 8% замещали рабочие (92% служащие, в их составе учитывалась и интеллигенция)¹⁰⁸. Среди ответственных работников Наркомата финансов СССР их было 7%, Земледелия – 6, Внутренних дел – 8, ВСНХ – 3%. Это по всему спектру «ответственных работников». Однако, если из него выделить «высший управляющий персонал», то, по данным Отдела статистики труда ЦСУ, в союзных наркоматах рабочие составляли 20,1% его состава¹⁰⁹.

Наблюдалась закономерность: чем выше руководящие должности, от которых зависела общеполитическая направленность деятельности ведомства, тем значительнее процент рабочих их занимавших (как правило, они были коммунистами). На «ответственных» же должностях, требовавших конкретных знаний, образования и практического опыта, процент рабочих намного меньше. Так, согласно партийной переписи 1927 г., среди руководителей государственных учреждений и заведующих отделами рабочих 48,4%, а подотделами и инструкторов – 39,6%¹¹⁰. Такая закономерность прослеживается и в системе выборных органов Советов. По итогам выборов в городские Советы РСФСР в 1927 г. председателями горсоветов оказалось 40,7% рабочих, а на административно-хозяйственных должностях, где требовались известная общеобразовательная и профессиональная подготовка, их было всего 10,3%¹¹¹. Рабочих было много в составе высшего руководства наркоматов, среднее же – наиболее многочисленное звено (заведующие отделами, подотделами, их

помощники) — в основном состояло из служащих, преимущественно специалистов, рабочая прослойка здесь незначительна, например, в Наркомате земледелия она составляла в 1927 г. всего 5,4%¹¹², в аппарате Наркомата юстиции — 9,6%, в Госплане из 349 ответственных работников рабочих только 15¹¹³. В ОГПУ в 1927 г. из 83 руководящих работников центрального аппарата рабочих 42 (50%), но среди среднего звена и здесь их меньшинство — 18,4% (служащих 70,4%, крестьян 11,2%)¹¹⁴.

На XVI съезде ВКП(б) Г.К.Орджоникидзе привел данные о проценте рабочих в общем составе управленческих кадров промышленности: в высшем персонале 30—40%, в «оперативно-руководящем» 17%. Там же он признал: «Мы до сих пор, к сожалению, не имеем хорошо разработанных данных о том, из кого состоит наш аппарат, каков его социальный состав»¹¹⁵. Этим, в частности, можно объяснить существующий в источниках и литературе разноречивый статистики по этому вопросу. Как бы то ни было, рабочие занимали значительную часть ключевых постов в государственном (в том числе хозяйственном) аппарате управления, некоторые из них оказались талантливыми организаторами, как, например, назначенные в 1926 г. директором АМО И.И.Лихачев, ленинградского завода «Красный путиловец» В.Ф.Грачев. Почти все были членами партии, что играло решающую роль при их назначениях.

Одним из результатов «орабочивания» было снижение интеллектуального уровня руководящих кадров. Иначе и не могло быть, поскольку на все руководящие должности назначения производились из «обоймы» партийного «актива», между тем его образованность во второй половине 20-х годов резко снизилась, о чем свидетельствуют соответствующие данные о делегатах XIV и XVI съездов ВКП(б): с высшим образованием их численность увеличилась с 5,1% до 7,4%, зато резко возросла численность делегатов с низшим — с 66,1% до 74,7% и значительно сократилась со средним образованием — с 22,3% до 14,4%¹¹⁶.

Тенденция к снижению образовательного уровня кадров партийного и государственного руководства особенно во второй половине 20-х годов была связана и с проводившейся политикой недоверия к интеллигенции, кампанией «орабочивания» и «окрестьянивания» аппаратных структур, а в целом — с курсом на свертывание нэпа. Об этом уже говорилось в отношении правительственной верхушки — наркомов. Об этом же говорят и имеющиеся сведения о других категориях «ответственных работников» центральных и местных учреждений. Так, в Наркомате финансов в 1923 г. высшее образование имели 60,3% общего их числа, к концу 20-х годов, в 1929 г. — 31,4%, зато о низшим образованием их численность возросла о 10,3% до 29,1%. Высшее образование в 1923 г. имели 14% руководящих работников областного исполкома Урала, в 1927 г. — только 1,6%¹¹⁷

В партии время от времени высказывалось беспокойство в связи с такой тенденцией. Делегат XVI партийной конференции В.Е.Цифринович возмущался: «Сейчас, на 12-м году пролетарской революции, нечего кичиться малограмотностью, нам нужно сейчас деятельно готовить работников для нашего государственного аппарата, как активных государственных деятелей надо поставить вопрос в целом о комплектовании кадров советского аппарата и о подготовке кадров через вузы»¹¹⁸. Но такие голоса раздавались как бы наперекор партийным установкам о том, что отсутствие образовательной подготовки не должно быть препятствием для назначения на руководящие должности.

В целом уровень образования ответственных работников-коммунистов был ниже, чем беспартийных — в значительной степени вследствие того, что в их составе велика была доля рабочих. Так, в середине 20-х годов в ВСНХ ответственных работников — членов и кандидатов партии с низшим образованием было 40,4%, с высшим — 21,1%, а среди такой же категории беспартийных работников низшее образование имели всего 5,2%, а высшее —

71,8%¹¹⁹. В составе высшего руководящего персонала центрального аппарата НКПС СССР в 1929 г. из 76 работников с высшим образованием 38 человек, из них коммунистов всего 8¹²⁰. Директоров-коммунистов общегосударственных трестов с высшим образованием было 5%, со средним 15%, с начальным 80%. Другое соотношение у беспартийных директоров: соответственно 56%, 18% и 29%. Коммунистов с высшим образованием среди директоров республиканских трестов 36%, среди членов правлений беспартийных – 76%, а коммунистов – членов правлений – 14%. Коммунистов-руководителей местных трестов и их филиалов с высшим образованием 4,2%, со средним 31,2%, начальным 64,6%. Среди же беспартийных руководителей с высшим образованием 20%, средним 43,%, начальным 35,8%¹²¹.

Аппарат власти и управления, по официальной версии, был пролетарским, рабочим. На деле в основном он состоял из представителей непролетарских слоев – «советских служащих». Так, в 1924 г. на момент выборов 63,8% делегатов уездных съездов Советов и 80,5% губернских считали себя служащими¹²². Осенью 1929 г. ЦСУ СССР провело статистический учет личного состава государственного аппарата, охвативший 80 тысяч учреждений и свыше 1 млн человек. Обработка полученных данных по 9 высшим правительственным учреждениям (наркоматы, ЦИК СССР, ЦСУ и др.) дала такие сведения: рабочих и детей рабочих – 15,8% (служащих и детей служащих – 67,7%). Выводы ЦСУ: 2/3 личного состава высших правительственных служащих вербуются не из пролетарской среды; «проблема выдвижения по сути дела наркоматами не только не разрешена, но даже всерьез не поставлена». И здесь же трафаретное объяснение: к такому плачевному результату, как 1,6% выдвиженцев, привело “скрытое, но тем не менее достаточно действенное сопротивление” госаппарата»¹²³.

Служащие являлись самой большой прослойкой в государственном аппарате, между тем в общем составе наемного труда их было всего 25,8% (данные за

1927/1928 гг.)¹²⁴. Преобладающая масса служащих беспартийная: в 1928–1929 гг. 79% в ВСНХ, 90% в Наркомфине СССР, 77,6% в НКПС¹²⁵. По прежнему социальному статусу состав служащих был разнородным. Так, в Гознаке из общего количества 744 служащих (1927 г.) 239 происходили из дворян, почетных граждан, купцов, чиновников. Рабочих среди них всего 4 человека¹²⁶.

Значительная часть служащих, получившая образование еще до революции, приспособилась к советским политическим и экономическим условиям, волей-неволей приняла новый режим и добросовестно работала — кто «за страх», кто «за совесть», кто из материальной заинтересованности. Впрочем, все эти факторы нередко действовали одновременно. Работая под руководством «ответственных» они помогали им как-то преодолевать трудности, возникавшие вследствие отсутствия у них знаний, опыта, компетентности. Многие вошли и сами в число «красных специалистов», «верой и правдой» служивших властям. Тем не менее партийно-политическое руководство страны, как и в первые послеоктябрьские годы, продолжало считать эту «непролетарскую» социальную категорию общества виновной в пороках государственного аппарата, относилось к ней с недоверием и недоброжелательно. Все это нашло отражение в публикации газеты «Советская мысль» от 29 марта 1927 г.: «Не секрет, что в нашем госаппарате имеется всякой твари по паре, торговцы, управляющие, чиновники — эти люди с собой принесли нам казенный формализм, свое высокомерие, пренебрежение и презрение к массам».

«Оздоровлению» государственного аппарата, очищению его от нежелательных работников должны были способствовать периодически проводившиеся «чистки». Им подвергались и руководители, и служащие. Однако освобождавшиеся места нередко замещались людьми отнюдь не более способными выполнять управленческую работу. В циркулярном письме Наркомат РКИ РСФСР 14 января 1929 г. сообщал, что «места удаленных зани-

маются почти столь же мало способными оздоровить аппарат элементами и основная задача классового освоения аппарата не достигается»¹²⁷ Показательны итоги проведенной в 1928 г. проверки работников советских учреждений Рязани: 1139 человек, или 22% всего их состава, были признаны непригодными к работе, среди них пьяниц и других «подрывающих авторитет советской власти» — 484, виновных во взятках, растратах, преступлениях по должности — 158, связанных со спекулянтами — 122, «чуждый советской власти элемент» — 279 человек¹²⁸.

Неудовлетворенность партийно-советского руководства государственным аппаратом оставалась, и в июне 1928 г. ЦК ВКП(б) выдвинул лозунг развертывания критики и самокритики «сверху донизу и снизу доверху», «невзирая на лица» и проводить ее одновременно с выдвижением новых тысяч рабочих в государственный аппарат¹²⁹ XVI партийная конференция предложила Наркомату РКИ организовать «генеральную» чистку аппарата с привлечением профсоюзов и под контролем широких рабочих масс¹³⁰. Иллюзии, что ключом к решению проблемы кадров государственного аппарата является его «орабочивание», оставались незыблемыми, их продолжали разделять на всех уровнях партийной иерархии, причем не только те, кто стояли у «руля» партии, но и потерпевшие поражение в ходе внутривнутрипартийной борьбы. Так, в одной из речей 1928 г. ставший оппозиционером Н.И.Бухарин утверждал: Когда подавляющая масса рабочих «будет прочно сидеть у рычажков управления, тогда бюрократия и бюрократизм умрут естественной смертью»¹³¹. Немногим ранее, в ноябре 1927 г., М.П.Томский, который вскоре также станет оппозиционером, говорил: «Для того, чтобы бороться с бюрократизмом, есть один вернейший путь, который мы осуществляли, осуществляем и будем осуществлять — это орабочивание снизу доверху органов государства, наиболее широкое привлечение рабочих и крестьян к делу управления госаппаратом и промышленностью»¹³².

В годы первых пятилеток эйфория «орабочивания» не прекратилась, но она протекала в новых формах, тесно связанных с потребностями индустриализации и общим подъемом в стране образования и культуры. Для подготовки рабочих создавалась широкая сеть школ, курсов, рабфаков. В вузах (втузах) и техникумах, Промакадемии и ее филиалах получали высшее и среднее общее и специальное образование десятки тысяч рабочих, сотни тысяч их детей. Но государственный аппарат они уже пополняли не как рабочие, а как представители формирующейся советской интеллигенции.

* * *

В марте 1923 г. Ленин, остро критикуя недостатки госаппарата, главную их причину видел в кадрах. Они «недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя сделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией»¹³³. Как бы продолжая ленинскую мысль, А.В.Луначарский в 1924 г. давал такую оценку сложившейся к тому времени кадровой управленческой пирамиде: «Наверху коммунисты, неопытные в государственном строительстве, дальше преданный пролетариат, который не знает, как за дело взяться, который человек от молота и плуга, и, высунув язык, едва может сделать свою подпись, и которому надо отдуваться за все, а дальше наихудшая часть, — авантюристы, чиновники, люди, которые сюда пристали, почуяв, что жареным пахнет»¹³⁴. Эта несколько утрированная схема отражает, в основном, положение с кадрами в первые годы нэпа. В дальнейшем, к концу десятилетия, были немалые достижения в деле повышения грамотности и профессиональной подготовки

рабочих в учебных заведениях. Многие из них получали знания, необходимые для управленческой деятельности. Но, по большому счету, приведенные оценки Ленина и Луначарского во многом справедливы и для конца нэпа. А главное, действительность свидетельствовала о несостоятельности расчетов большевиков на то, что рабочие создадут «лучший государственный аппарат, без бюрократов и бюрократизма».

3. Иллюзии борьбы с бюрократизмом аппарата власти

В дореволюционных теоретических разработках большевиков не последнее место занимал тезис о том, что в пролетарском государстве будет покончено с бюрократизмом — болезнью не только дореволюционного государственного управления, но и любого «эксплуататорского» общественного строя. Не учитывалось, что государство, независимо от его социально-классового содержания, не может существовать без обслуживающей его бюрократии — чиновничества. Считалось, что именно чиновники — носители бюрократизма — главная причина бюрократизма государственного аппарата. Ленин в «Государстве и революции» писал, что, рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, заменят его новым, состоящим из рабочих и служащих, будут принимать меры к немедленному переходу к тому, «чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому никто не мог стать бюрократом»¹³⁵. Но вот старый государственный аппарат был «разбит», к управлению пришли «представители народа», и тут же стали зримы бюрократические тенденции в деятельности «рабочего» государства. Уже весной 1918 г. сам Ленин говорил об опасности бюрократизма в советском управ-

лении. Прошло немного времени и, как метастазы раковой опухоли, бюрократизм распространился на весь государственный аппарат сверху донизу. Ленин и другие большевистские вожди объясняли появление бюрократизма тем, что оказавшиеся в советских учреждениях бывшие чиновники привнесли туда бюрократизм, свойственные им канцелярскую волокиту, бесхозяйственность, формальное отношение к делу, безответственность, «заражая» этим и новые управленческие кадры из «народа». Советская историография некритически повторяла эту версию. Конечно, характерный для царского государственного аппарата бюрократизм передавался советскому и через прежних чиновников. Но главная причина стремительного роста этой болезни в советское время была в другом: в крайней централизации власти и управления, в государственном монополизме, жесткой регламентации и в административных методах работы органов управления.

Бюрократизм был неизбежным следствием всей экономической и политической советской системы. К объективным причинам прибавлялись и субъективные обстоятельства. В частности, господствовавшие в большевистской партии психология «вождизма», преклонение перед «авторитетом», неопытность и низкий уровень образования большинства работников государственного аппарата. Ко многим приложим отзыв Ленина о неких московских руководителях: «"чиновники" с пышным советским титулом, ни черта не понимающие, не знающие дела, лишь подписывающие бумажки»¹³⁶.

Несостоятельным оказалось убеждение Ленина в том, что демократический централизм, как принцип организации и функционирования государственного механизма, будет сдерживать рост бюрократизма. На деле провозглашенный демократический централизм стал осуществляться в форме бюрократического централизма.

В годы гражданской войны бюрократизм в деятельности советских структур принял чудовищные масштабы. Обеспокоенное партийно-советское руководство пыталось

вести борьбу с этим злом. Принимавшиеся «антибюрократические» меры имели административно-приказной характер. Результатов они не давали.

О происхождении и сущности советского бюрократизма в 1921 г., при переходе к нэпу, рассуждал в сборнике «Партия и союзы» А.Г.Шляпников, знавший эту болезненную проблему по своей «управленческой практике». Он писал: «Когда мы боролись за власть Советов, то противопоставляли бюрократической власти капиталистического государства Советы, как массовые органы власти пролетарской демократии, сближающие трудящиеся массы с государством. В ходе нашей борьбы мы нагромодили такое большое количество органов и так отдалили их от масс, что вынуждены ставить в порядок дня вопрос о борьбе с бюрократизмом. Под самое понятие бюрократизма мы подводим также различные понятия. Для одних бюрократизм сводится только к канцелярщине, переписке, бумажной волоките. Но это лишь одна сторона бюрократизма, которую легко победить путем внутренней организации работы аппарата. Самая опасная сторона бюрократизма заключается в фетишизме аппаратов государственной власти, в их стремлении рассматривать себя в качестве пупа земли, вокруг которого вращаются солнце, луна и прочие советские планеты. Отсюда, из такого положения вытекает и формальное отношение к делу, бездумность, ограниченность и прочее зло»¹³⁷.

Казалось бы, нэп, реформы в экономике и некоторое смягчение политического строя должны были существенно «обуздать» бюрократизм. Этого не произошло. Почва, питавшая его, оставалась: монополия государства в экономике, жестко централизованная административная система с командно-приказными методами управления. Человек в этой системе оставался беспомощным перед чиновником. Это усиливало власть бюрократии. А партийно-государственные верхи продолжали руководствоваться стереотипом: бюрократизм — тяжелый пережиток капитализма, борьба с ним — разновидность классовой борьбы.

Незадолго до смерти Ленин признал: «Наш госаппарат в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата»¹³⁸. А до этого на XI съезде партии он с горечью говорил: государственная машина «вырывается из рук»: «как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют едет не совсем так, и очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля машины»¹³⁹. Одна из основных причин неуправляемости государственной машины – бюрократизм ее функционирования. По словам Л.Д.Троцкого, во время последнего разговора с ним накануне второго приступа болезни, Ленин с тревогой говорил о состоянии государственного аппарата: «Ленин вызвал меня к себе в Кремль, говорил об ужасающем росте бюрократизма у нас в советском аппарате и о необходимости найти рычаг, чтобы как следует подойти к этому вопросу»¹⁴⁰. Поиски такого «рычага» результатов не давали и не могли дать, поскольку сама политическая система являлась благодатной почвой для бюрократизма, способствовала ему и большевистская кадровая политика. Как уже было показано, абсолютное большинство руководящих постов во всех звеньях государственного административного и хозяйственного управления занимали чиновники-коммунисты, выдвигавшиеся по принципу «лишь бы был партийный билет». Сам Ленин, ведущий «автор» этой кадровой политики, в марте 1922 г. возмущался: «Самый худший у нас внутренний враг – бюрократ, это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту он не научился бороться с волокитой, он не умеет бороться с ней, он ее прикрывает»¹⁴¹. И там же: «Мы на практическую работу для исполнения насадили коммунистов со всеми их прекрасными качествами, но для этой работы совершенно непригодных»¹⁴².

Кроме объективных обстоятельств, причин бюрократического функционирования советского государственного аппарата были и субъективные. Выше уже отмечалось, что многие работники сферы управления, сформировавшиеся как руководители в условиях «военного коммунизма», привнесли с собой в нэповские управленческие структуры усвоенные в годы гражданской войны приемы и навыки руководства. Они с трудом приспособились к рыночной экономике, игнорировали ее объективные требования. Их низкий уровень культуры не позволял им преодолевать уже сложившиеся стереотипы сознания и методов деятельности. По словам А.И.Рыкова, в наркоматах расплодился определенный род управленцев, которые как «писатели» «занимаются сочинением планов, оторванных от жизни»¹⁴³.

В борьбе с бюрократизмом приходилось уповать только на силовые методы. В начале сентября 1921 г. Ленин направил наркому юстиции Д.И.Курскому «поразительные документы» волокиты в московских и центральных учреждениях и в этой связи предложил: «поставить это дело на суд», «добиться ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием», «подтянуть судей через ЦК, чтобы карали волокиту строже», «обязательно этой осенью и зимой 1921-22 гг. поставить на суд в Москве 4-6 дел о московской волоките, подобрав случаи «поярче» и сделав из каждого суда *политическое дело*», надо «научиться *травить* за волокиту»¹⁴⁴. 17 января 1922 г. Ленин снова пишет Д.И.Курскому: «дело по борьбе с волокитой ни на йоту не сдвинулось с места Предлагаю еще раз рассмотреть вопрос и организовать борьбу с волокитой деловито, по всем правилам военного искусства»¹⁴⁵.

Возмущение Ленина бюрократизмом, всякой «сволочью, которая иногда совершает отвратительные бесчинства и безобразия, надругательства над крестьянством», даже вылилось у него в угрозу: «Тут нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно»¹⁴⁶. В борьбе с бюрократизмом он возлагал большие

надежды на ужесточение законодательства. Впрочем, он же признавал, что и законодательство — продукт бюрократического творчества. «Бюрократизм, — писал он в марте 1922 г., — потому нас и душит, что мы все еще играем в «директивы» в декретном порядке»¹⁴⁷

Природа бюрократизма руководством глубоко не раскрывалась, рассматривалась в плане узколичностного состава советских учреждений и с позиций классовой борьбы. Считалось, что борьба с бюрократизмом — ее составная часть. Отсюда происходившие шумные кампании «обличений бюрократов», замена одних другими работниками государственного аппарата, новые действовали теми же бюрократическими методами.

Еще в начальный период нэпа, 18 марта 1923 г., Ф.Э.Дзержинский (тогда нарком путей сообщения) в первоначальном наброске выступления на совещании ответственных работников советского государственного аппарата нарисовал безрадостную его картину: «надо прямо признаться, что в борьбе этой (т.е. с “чуждой” кадровой средой госаппарата. — Е.Г.) до сих пор — мы биты. Активна и победоносна другая сторона. Неудержимое раздутие штатов, возникновение все новых и новых аппаратов, чудовищная бюрократизация всякого дела — горы бумаг и сотни тысяч писак, захваты больших зданий и помещений, автомобильная эпидемия; миллионы излишеств. Это легальное кормление и пожирание государственного имущества — этой саранчой. В придачу к этому неслыханное бесстыдное взяточничество, хищения, нерадение, вопиющая бесхозяйственность, характеризующая наш т.н. «хозрасчет», преступления, перекачивающие государственное имущество в частные капиталы. В результате не только нет государственного накопления, но при нищенской заработной плате рабочим приближается к концу запас полученного нами сырья, все больше истощается основной доставшийся нам капитал и все большее бремя должно ложиться на крестьянство»¹⁴⁸.

Для борьбы с бюрократизмом и сопутствующими ему негативными явлениями создавались специальные ведомства. Особенно большие надежды возлагались на государственный контроль. До революции большевики осуждали государственный контроль над органами административно-хозяйственного управления, считая его бюрократической надстройкой, рассчитанной на еще большее усиление «стоящего над массами» аппарата власти. Но как только они овладели властью, начался пересмотр их отношения к государственному контролю. Рабочий контроль над производством и распределением себя не оправдывал. Был создан Наркомат государственного контроля, в функции которого входили контроль и надзор «над расходом и хранением народных средств», добиваться правильной отчетности всех учреждений и национализированных предприятий, «выяснение преступных злоупотреблений»¹⁴⁹. Однако видимых результатов работа государственного контроля не давала. К тому же он сам обюрокративался. Это побудило партийно-государственное руководство страны в феврале 1920 г. реорганизовать систему государственного контроля (наркомат и его местные органы) в Рабоче-Крестьянскую инспекцию (РКИ) на основе привлечения в ее аппарат рабочих и крестьян¹⁵⁰. На РКИ возлагалась обязанность наблюдать за соблюдением законности во всем государственном аппарате, вести борьбу с бюрократизмом, волокитой, бесхозяйственностью, вносить предложения по улучшению организации и деятельности учреждений.

Но создание РКИ не затрагивало корневых причин бюрократизма, в частности чрезмерную централизацию управления. Сложившаяся в годы гражданской войны крайняя централизация с переходом к нэпу была несколько ослаблена, что было связано с общей тенденцией к либерализации экономической и политической системы. Но вскоре, особенно по мере свертывания нэпа, отхода от уже проведенных реформ, она снова начала усиливаться. Тут же отмечу, что речь не идет о негативном

отношении автора к централизации как принципу. Она необходима, если осуществляется в разумных пределах, учитывает интересы центра и мест, если верхние этажи управления не подавляют инициативу нижележащих, если централизация способствует проведению единого законодательства. Нерешительные, непоследовательные экономические и политические реформы, не покончившие с государственным монополизмом, оставляли почву для возвращения к сверхцентрализованному управлению — по вертикали, как в отношении мест, так и государственной деятельности в целом.

Усиливавшаяся из года в год централизация государственного управления крайне негативно влияла на функционирование всех отраслей жизни страны. Это хорошо понимало партийное и советское руководство. Но предпринять какие-либо меры с целью приостановить или хотя бы затормозить процесс оно не было способно, ибо крайняя централизация являлась неременным атрибутом советской политической системы и условием ее существования, при котором в центре — Политбюро ЦК партии и Совнарком — были сосредоточены все нити директивного руководства огромной страной. В докладе ВСНХ Совнаркому в мае 1927 г. с беспокойством отмечалось: «централизм приобрел гипертрофированные размеры»¹⁵¹. А.И.Рыков на XVI партийной конференции в апреле 1929 г. говорил: «Местные органы до сих пор чисто справедливо жаловались на чрезмерную централизацию управления хозяйством, при которой иногда даже затрагивались конституционные права республиканских или других органов. До сих пор мы действительно грешим тем, что административно-оперативную работу в огромном государстве с населением свыше 140 млн человек, с гигантской территорией сосредоточивали на «вышке» в руках немногих центральных органов»¹⁵².

Вследствие крайней централизации управления местные органы не имели достаточных прав, чтобы решать административные и производственные вопросы. Ниже-

стоящие инстанции обязаны были чуть ли не повседневно отчитываться перед вышестоящими о текущей работе, а последние — перед стоящими над ними. Итак — до самого центра. Вверх и вниз шли пуды бумаг — циркуляры и отчеты об их исполнении. Заместитель наркома РКИ Я.А.Яковлев 12 июня 1925 г. писал в «Правде»: «Циркуляры — нечто вроде народного бедствия в настоящее время».

В результате высшие органы власти — Совнарком, СТО, ЦИК, а также наркоматы — были перегружены «делами». Повестки дня Совнаркома нередко включали до 40 вопросов на одно заседание. Все правительственные учреждения массу времени тратили на заседания, совещания, согласования, составление бесчисленных бумаг. Дела по многу месяцев не рассматривались, не решались. Наркомы были ограничены в своих полномочиях и по мельчайшим вопросам вынуждены обращаться в Совнарком и СТО.

3 июня 1926 г. Ф.Э.Дзержинский писал В.В.Куйбышеву: «Существующая система — пережиток. У нас сейчас уже есть люди, на которых можно возложить ответственность. Они сейчас утопают в согласованиях, отчетах, бумагах, комиссиях. Капиталисты, каждый из них имел свои средства и был ответственен. У нас сейчас за все отвечает СТО и П/бюро... функциональные комиссариаты с их компетенцией — это паралич жизни и жизни чиновника-бюрократа. И мы из этого паралича не вырвемся без хирургии, без смелости, без молнии»¹⁵³. Тогда же он писал председателю Совнаркома и СТО А.И. Рыкову, что вопросы, возникающие на заводе, не могут быть быстро разрешены. «Они должны пройти все стадии, все согласования и в случае разногласий дойти до СТО. Отсюда — тысячи и тысяч комиссий. При нашей системе они неизбежны, какими бы ругательствами мы ни разряжались. Отсюда — у нас хорошие работники сходят с ума и занимаются «писаниями» — для творческой работы создания ценностей нет у них времени. Отсюда — мы кормим сотни и сотни тысяч людей излишне, отсю-

да — неслыханные потери в народном хозяйстве. Отсюда — аппараты объедают рабочих и крестьян, тех, кто своим трудом создает реальные ценности; отсюда — между нами — руководителями государства и хозяйства — и между рабочим и крестьянином — стена миллионного аппарата»¹⁵⁴.

На XV съезде ВКП(б) делегат В.З.Караев говорил: «Как у нас проходит какой-нибудь хозяйственный вопрос через Совнарком? Если наркомат ставит его, то Совнарком постановляет этот вопрос на разрешение Эконосо (Экономическое совещание. — Е.Г.). Эконосо, в свою очередь, передает его в Госплан, Госплан передает секции, секция передает в подсекцию, подсекция передает специалисту, который сидит над этим вопросом две недели, а то и больше. Возвращается вопрос тем же путем: от специалиста — в подсекцию, из подсекции — в секцию, из секции — в Президиум Госплана, из президиума Госплана — в президиум Эконосо, потом в пленум Эконосо, и когда вопрос доходит до Совнаркома, то проходит примерно месяца 4-5»¹⁵⁵. На Седьмом съезде профсоюзов (декабрь 1926 г.) Орджоникидзе привел пример прохождения промфинплана треста «Севропатоки» на 1926 г. — до утверждения в ВСНХ он путешествовал по 61 инстанции¹⁵⁶. 17 декабря 1928 г. Орджоникидзе в докладе на Восьмом Всесоюзном съезде профсоюзов говорил: «Вы помните, сколько было разговоров о том, что тресты и предприятия — фабрики и заводы — являются неправильными, что надо дать им права, что без этого жить нельзя, что из-за ветхого сарая, который нужно снести, надо обращаться в Совнарком, что директор фабрики не может копейкой распорядиться и т.д. Два года назад был разработан закон казалась бы, декрет должен быть проведен в жизнь быстро и безоговорочно. Проходит год, и люди, которые должны были проводить декрет, даже не потрудились прочитать его»¹⁵⁷ И далее: «Какой смысл всех наших решений, если они не проводятся в жизнь? Какой смысл всей болтовни о борьбе с бюрократизмом, если эта борьба не будет проводиться в жизнь?»¹⁵⁸.

К волоките привыкали как к чему-то неизбежному, а потом начиналась штурмовщина. Согласования и отчетность нагромождали кучу бумаг, над которыми трудились многочисленные штаты служащих. Так, НКПС СССР посылал свою отчетность в СТО, ЦСУ, ВСНХ, ОГПУ, ЦК ВКП(б), наркоматам Труда, РКИ, военно-морскому и др. — всего 43 учреждениям. «Положение с отчетностью и статистикой прямо катастрофическое... Отчетность начинает измеряться пудами. В то же время качество ее весьма относительное», — писал Ф.Э.Дзержинский в «Правде» 23 июня 1926 г. Несколько позже, в 1928 г., на Пленуме ЦКК РКИ представитель НК РКИ Украины В.П.Затонский по этому вопросу заметил: «Возьмем нашу отчетность... Это какая-то сказочная гидра. Рубишь голову, а на место ее вырастают две... Мы жмем, а ее распирает»¹⁵⁹.

Так создавались бумажные потоки, грозившие, по словам Орджоникидзе, сказанным на Седьмом Всесоюзном съезде профсоюзов, «нас потопить». «Мы победили Деникина и Юденича, Врангеля и всякую другую контрреволюционную сволочь, а бумага нас, ей-ей, задушит»¹⁶⁰. Свою мысль он продемонстрировал наглядно, сославшись на 13 томов отчета треста «Моссукно», заявив при этом: «Мало того, что люди пишут, дуреют, тупеют, сами не понимают, что пишут, и мы не в состоянии разобраться, что в них написано... Эти 13 томов составляют 7354 страницы. В состоянии ли кто-нибудь прочесть? Разве ВСНХ в состоянии их прочесть? Конечно, нет»¹⁶¹. Еще раньше, в июне 1926 г. по существу об этом же писал глава ВСНХ Ф.Э.Дзержинский работникам своего ведомства: он твердо убежден в «непригодности в настоящее время нашей системы управления, базирующейся на всеобщем недоверии, требующей от подчиненных органов всевозможных отчетов, справок, сведений, оперирующей средними данными по тресту, обезличивающей основные наши единицы — заводы, плодящей бесконечную переписку и волокиту, губящей всякое живое дело и растрачивающей колоссальные сред-

ства и силы. Эту систему надо отбросить. Мы фактически не знаем при этой системе, что же есть на самом деле, и вместо плана, связующего всех в одном согласованном направлении и темпе, имеем хаос и стихию»¹⁶².

15 апреля 1927 г. ЦИК и СНК СССР утвердили постановление о сокращении объема и упрощении форм отчетности¹⁶³. В сентябре 1927 г. НК РКИ в докладе Совнаркому СССР сообщал о результатах работы по упрощению и сокращению отчетности. По центральным учреждениям сокращение составило от 40 до 90%¹⁶⁴. Но не надолго, вскоре отчетность снова начала расти. На Восьмом съезде профсоюзов был приведен пример того, как сами ВСНХ и РКИ, вопреки ими же принятым решениям по сокращению отчетности, раздували ее. Так, в 1927 г. Тульский завод № 1 должен был составить отчет по 18 формам, а в 1928 г., согласно указаниям ВСНХ и НК РКИ, — уже по 48 формам. Для составления отчета пришлось разрешить 50 тысяч сверхурочных часов¹⁶⁵.

Бюрократизм советского государственного аппарата тяжело отражался на жизни населения. Секретарь ЦК А.А.Андреев на совещании по работе в деревне при ЦК 21 февраля 1925 г. рассказывал о своей поездке в Сибирь, Закавказье и на Урал. Приведу выдержки из его рассказа: «Чиновничье проведение законов дополняет страшнейшая волокита советских инстанций. Вот главное зло... Наши советские и партийные работники мало обращают внимания на конкретные мелочи, которые крестьянин выдвигает, а большей частью отделиваются общими ответами. Мужик ставит конкретный вопрос, а его кроют общегосударственными и международными масштабами, отсюда неудовлетворенность»¹⁶⁶.

Вследствие, чрезмерной централизации механизма государственного управления были громоздкость, параллелизм в работе его звеньев, ведомственность и огромные расходы на его содержание. В упомянутом докладе ВСНХ Совнаркому (май 1927 г.) подчеркивалось, что бюрократизм, ослабление хозяйственной инициативы оперативных

органов, множественность инстанций, параллелизм в их работе, ослабление чувства ответственности и т.д. — все это порождение гипертрофированного централизма управления. Об этом же — в резолюции Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшегося в июле-августе 1927 г., к перечисленным элементам «бюрократического извращения государственного аппарата» добавлено «чиновничье высокомерное отношение отдельных работников аппарата к рядовому рабочему и крестьянину»¹⁶⁸.

Еще в годы гражданской войны, когда централизация управления достигла самых крайних пределов, начались поиски путей «совершенствования» аппарата, лечения его от «болезней». Поиски, как уже было отмечено, продолжались и после перехода к нэпу. С 1920 г. по инициативе Ленина стали создаваться специальные учреждения по изучению проблем «научной организации труда» (НОТ), в том числе управленческого. Решением XII партийного съезда общее руководство работой НОТ и всех учреждений в области организации труда было сосредоточено в НК РКИ СССР. 6 сентября 1923 г. ЦИК и СНК в постановлении о реорганизации НК РКИ союзных республик указали, что в своей работе по усовершенствованию государственного аппарата на началах научной организации труда РКИ не должна уклоняться в сторону академизма, стремиться к тесному слиянию теории с практическим опытом¹⁶⁹. В Наркомате РКИ СССР было создано специальное управление по улучшению государственного аппарата. Однако надежды на НОТ не оправдывались, и уже в решении XIV съезда ВКП(б) «О работе ЦКК и РКИ» обращалось внимание «на расплодившуюся так называемую нотовскую литературу, часто ничего общего не имеющую с действительной научной организацией труда, спекулирующую лишь на возбуждении в широких слоях интереса к научной организации и рационализации государственного аппарата»¹⁷⁰. Сами нотовские организации прекращали свою деятельность. Реального

влияния на усовершенствование структуры государственного аппарата они не оказывали.

Нагромождение новых и новых учреждений и разветвленность структур государственного аппарата вели к непрерывному увеличению численности их работников. Переход к нэпу и хозрасчету привел к резкому сокращению управленческих штатов предприятий и государственных учреждений, неимоверно разбухших в годы «военного коммунизма». Но вскоре штаты снова начали разбухать, особенно из-за перевода учреждений с хозрасчета на государственный бюджет, а затем в связи с разукрупнением промышленных наркоматов, превращением их в узкоспециализированные ведомства со своими иерархически возникавшими местными органами.

Журнал «Техника управления» в 1925 г. сообщал, что если в дореволюционном государственном аппарате имелось 600 наименований должностей, то сейчас их свыше 2 тысяч. Структура аппаратов управления усложнена, насчитывает многочисленные подразделения, рассчитанные лишь на то, чтобы пристроить «нужных людей», это создавало заторы прохождению бумаг, разрешению дел, усложняло контроль за исполнением и приводило к непомерному росту численности работающих¹⁷¹.

Представление о динамике роста штатов в первой половине 20-х годов дают сведения по Москве. В октябре 1922 г. была проведена перепись государственных служащих в столице, их насчитывалось 243 тысячи¹⁷². После произведенного значительного сокращения их уже в 1923 г. осталось 48 тысяч. Однако со следующего года началось быстрое увеличение их численности: в 1924 г. — 62 тысячи, в 1925 г. — 85 тысяч, в 1926 г. — 100 тысяч¹⁷³. На 1 апреля 1925 г., по данным ЦСУ СССР, в государственных учреждениях СССР работало 1854200 служащих¹⁷⁴.

Одно за другим следовали постановления партийных и государственных органов о сокращении штатов аппаратов управления. Вызывались они тем, что вслед за «выполнением» каждого постановления, за очередным со-

крашением штаты снова «распухали», количество работников превышало прежнее. Сошлюсь лишь на некоторые постановления. 13 мая 1924 г. СНК СССР поручил наркомату РКИ установить для центральных учреждений штатные расписания с тем, чтобы учреждения не выходили за пределы установленного количества работников¹⁷⁵. О результатах можно судить по письму ЦК и ЦКК ВКП(б) ко всем партийным организациям от 25 апреля 1926 г. «О борьбе за режим экономии»¹⁷⁶: в нем говорится снова о штатных излишествах и неправильном использовании государственных средств. 11 июля 1926 г. Президиум ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О режиме экономии»¹⁷⁷, требовавшее вести борьбу с расточительностью, сокращать управленческие инстанции и ликвидировать штатные излишества. Согласно решению РКИ, в 1926/1927 году сокращались штаты в наркоматах СССР: Наркомфине на 36% (из 1682 человека оставить 1070), НКПС на 40% (из 2667 оставить 1599), ВСНХ на 31% (из 2895 оставить 2000), Наркомтруде на 23% (из 1236 оставить 945 человек)¹⁷⁸. 30 августа 1927 г. Совнарком СССР принял постановление «О сокращении административно-управленческих расходов на 1927-28 годы»¹⁷⁹, в нем снова о необходимости упрощения структуры аппарата управления и сокращении штатов.

Да, сокращения проводились. О их результатах на Седьмом съезде профсоюзов в декабре 1926 г. сообщил Г.К.Орджоникидзе: в 1925/1926 г. по СССР насчитывалось 852083 должности, по бюджету 1926/1927 г. было предусмотрено 901549 – увеличение на 49166¹⁸⁰. После каждого сокращения шло увеличение штатов. Орджоникидзе констатировал: «Составлялись десятки комиссий, штаты сокращались, а после нового подсчета почти каждый раз получалось увеличение штатов»¹⁸¹.

Непрерывный рост численности служащих, что вызывалось не потребностями в них, а плохой организацией работы в учреждениях, не способствовал улучшению функционирования государственных аппаратов, более того,

не позволял создавать в учреждениях нормальную трудовую обстановку. Правительство неоднократно рассматривало вопрос о низкой трудовой дисциплине государственных служащих. Постановление СНК РСФСР от 2 августа 1928 г. отмечало ее неудовлетворительное состояние в центре и на местах и указало, что «несмотря на двукратное постановление СНК РСФСР по этому вопросу (28 августа 1926 г., 13 июля 1927 г.) существенного улучшения трудовой дисциплины, как общее правило, не наблюдается»¹⁸².

Служащие, особенно занимавшие административные должности и специалисты, находились под постоянным страхом быть уволенными, потерять работу. «Чистки» госаппарата уже в первые годы нэпа были нередки, но все же не носили массового характера. Однако нетерпение сделать госаппарат «социально чистым», т.е. свободным от «бывших», «лжеспециалистов», «чуждых Советской власти», толкало партийные верхи к использованию «чисток» в качестве своего постоянного орудия воздействия на госаппарат. В декабре 1924 г. Политбюро приняло решение «О проверке личного состава сотрудников государственных учреждений» в порядке плановой работы РКП и контрольных комиссий по улучшению государственного аппарата. Предлагалось удалять «явно негодных и вредных лиц» и заменять их знающими свое дело и добросовестными работниками. «Но огульных чисток не должно быть»¹⁸³. ЦК и ЦКК РКП(б) 17 февраля направили местным партийным организациям и контрольным комиссиям циркуляр под тем же названием. В нем отмечалось, что предпринятая местными партийными и советскими организациями чистка аппарата государственных учреждений свидетельствует о назревшей необходимости пересмотра личного состава госаппарата и об естественном стремлении к его оздоровлению и удалению из него «чуждого Советской власти и преступного элемента, оставшегося нам в наследство от бюрократически-царской России». Однако, говорилось далее, «массовая чистка... является нецелесообразной и дает нежела-

тельные результаты, дезорганизуя работу учреждений»¹⁸⁴. Тем не менее, «чистки» госаппарата превратились в кампании. Они стали одним из методов выявления «классово-чуждых элементов», «лодырей», «бюрократов». По мере сворачивания нэпа руководство целенаправленно расширяло «чистки», мотивируя это тем, что аппарат засорен «лжеспециалистами», срачивается с нэпманами. Сказывалась сталинская установка на обострение классово-борьбы и ужесточение режима по мере свертывания нэпа. В 1928 г. в связи с началом фронтального «слома» нэпа последовала серия постановлений о «чистках». Пленум ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 г. записал в своей резолюции о необходимости «коренной чистки государственного и кооперативного аппарата», «теперешний советский аппарат еще сильно пропитан элементами старого чиновничества и остатками раньше господствовавших классов, в которых еще живет ненависть к советскому строю»¹⁸⁵. 14 января 1929 г. НК РКИ РСФСР в письме своим местным органам признавал, что раньше чистки проводились кампанейски, в «ударном порядке», без должной подготовки, без продуманного продвижения сотрудников на более ответственные посты. Предлагалось чистку проводить только после серьезной подготовки¹⁸⁶. XVI партконференция в апреле 1929 г. признала необходимым вновь заострить внимание на «чистках» советского государственного аппарата¹⁸⁷, вслед за этим были приняты новые постановления партийных и государственных органов на этот счет. Создавались специальные комиссии по чистке, из комсомольцев и рабочих — отряды «легкой кавалерии» для участия в чистках. Решающим основанием для «вычистки» были не профессиональная непригодность или недобросовестность, а «непролетарское» социальное происхождение, несоответствие политическим установкам властей.

На основе решения партийной конференции ЦИК и СНК СССР 1 июня 1929 г. приняли постановление «О чистке аппарата государственных органов, кооператив-

ных и общественных организаций». Запрещалась служба лицам, деятельность которых «безусловно вредит интересам рабочего класса»¹⁸⁸. Сталин в отчете ЦК XVI съезду ВКП(б) говорил, что чистки «вызвали величайший подъем и активность рабочих масс»¹⁸⁹. Диссонансом прозвучало заявление Орджоникидзе, что чистка находится в самом начале, ее прошли 400 тысяч человек, а должны пройти свыше 2 млн¹⁹⁰. И там же: «Аппарат наш до сих пор дорог, бюрократичен, неуклюж, громоздок...»¹⁹¹.

Чистки государственного аппарата как бы вписывались в общие кампании по сокращению штатов, ликвидации штатных излишеств, удешевлению аппаратов управления. Вместе с тем сама угроза чистки являлась своего рода «смирительной рубашкой», вынуждавшей аппаратных работников покорно следовать в фарватере партийно-советской политики.

Принимавшиеся постановления по сокращению штатов выполнялись формально, как правило, сокращения производились за счет делопроизводственного и вспомогательного персонала, а основной чиновный состав учреждений мало затрагивался, он даже увеличивался. В итоге вместо сокращения аппараты и расходы по ним возрастали. К тому же советские аппараты управления дублировались партийным аппаратом, являвшимся директивным для него. Для иллюстрации конечных результатов сокращений приведу несколько цифр: если на 1 апреля 1925 г. в государственных учреждениях было занято 1854200 служащих, то к концу 1927 г., по данным доклада ЦКК РКИ, сделанном Г.К.Орджоникидзе на XV съезде ВКП(б), государственный аппарат СССР насчитывал уже 3 млн 722 тысячи человек, из них 2 млн относились к его административно-управленческой части¹⁹².

Разбухший государственный аппарат оставался для руководства страны неразрешимой проблемой. Бюрократизм его функционирования был предметом критики на партийных и советских съездах, центральной и местной печати. Этому, в частности, был посвящен помещенный

в «Правде» первый «Листок Рабоче-Крестьянской инспекции». В передовой статье газета писала: «Работа наших организаций и аппаратов должна проходить под еще более широким контролем рабочих и крестьянских масс, чем это было до сих пор. К борьбе с явлениями бесхозяйственности, разгильдяйства, с волокитой, с преступным использованием служебного положения, с высокомерно-чванским подходом к рабочему... крестьянину, к борьбе с бесконтрольностью и безответственностью в работе и т.д. — ко всему этому еще шире должны быть привлечены массы»¹⁹³. Председатель ЦКК и нарком РКИ СССР Г.К.Орджоникидзе призывал «вытаскивать разложившихся господ и бюрократов на свет божий», «не взирая на лица», «всемирно их бичевать»¹⁹⁴. Действительно, «вытаскивали» и «бичевали», но мелких управленческих «сошек», создавая видимость эффективности борьбы с бюрократизмом.

В некоторых выступлениях партийных и государственных деятелей были попытки осмыслить происхождение и суть бюрократизма в «пролетарском» государстве, не повторяя утвердившиеся постулаты на этот счет и приближаясь к реальным причинам феномена бюрократизма. Так, Н.И.Бухарин в 1928 г. писал в «Заметках экономиста»: «В порах нашего гигантского аппарата гнездятся... элементы бюрократического перерождения с их полным равнодушием к интересам масс, их быту, их жизни, их материальным и культурным интересам чиновники “чего изволите?” готовы выработать какой угодно, хотя бы сверхиндустриалистский план, чтобы завтра хихикать над нами в “узком кругу”, а послезавтра идти под руку с нашими противниками»¹⁹⁵. А В.П.Затонский, выступая на пленуме ЦКК в апреле 1928 г. с докладом о работе НК РКИ Украины по борьбе с бюрократизмом, как бы развил эту мысль. По его мнению, обычно с бюрократизмом связывается волокита, издевательство над человеком со стороны чиновника в канцелярии, приказчика в магазине, милиционера на улице. Но все это лишь

«отростки» бюрократизма. Главное же — «это самодовление аппарата. Что такое бюрократизм? Это такая система, при которой власть находится в руках бюро, т.е. чиновничьего аппарата». И далее: «Бюрократизм — все то, что свойственно такой системе, когда власть в руках более или менее оторванного от масс аппарата»¹⁹⁶. В этом определении выявлена неизбежность бюрократического функционирования государственного управления, характерного для советской политической системы, но не вскрыты корни его, гнездящиеся в самой этой системе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поворот к нэпу был осуществлен под жестким давлением всеобщего недовольства, а не в результате пересмотра политико-идеологических основ правящей Коммунистической партии («диктатура пролетариата», «руководящая роль партии», «государство – главный инструмент строительства социализма», «монополия государства в экономике»). Имелось в виду реформировать экономические отношения, не затрагивая сложившиеся в годы гражданской войны политические структуры, советскую политическую систему в целом. Считалось, что они вполне отвечают задачам нэпа: держать развитие элементов капитализма, необходимых для восстановления народного хозяйства, в границах, не опасных для стратегической цели – победе социализма, более того, уступки в экономике требуют даже ужесточения в политической сфере. Однако проведение экономической реформы вынуждало руководство партии осуществить известную «либерализацию» и в политической области, не отказываясь от своих доктринальных идей и методов их претворения в жизнь. Отсюда крайняя противоречивость 20-х годов – десятилетия новой экономической политики. Здесь борьба противоположных тенденций: в экономике – рыночной и антирыночной, в политике – к либерализации и ужесточению режима, переплетение усиливающегося партийно-государственного диктата и революционного пафоса значительных масс народа, убежденных, что строят прекрасное будущее – социалистическое общество, здесь – теоретико-идеологическая борьба по вопросам толкования ленинизма и в известной мере отход от него – становление сталинизма как продолжение ленинизма.

Историографическая традиция изучения нэпа в рамках 20-х годов нуждается в корректировке с учетом того, что этот период состоял как бы из двух этапов с различ-

ными ведущими тенденциями экономического и политического развития. Первый — 1921—1925 годы, когда экономическая реформа, при всей ее противоречивости, углублялась, сопровождалась некоторым смягчением политической системы, в частности, частичными политическими уступками крестьянству. Другое дело, как все это проводилось в жизни: с одной стороны давались «свободы», с другой — они нарушались явными беззакониями (высылки интеллигенции, окончательная ликвидация небольшевистских партий и т.д.). Возможности большевистского реформирования были ограничены идеологическими догматами, реальной властью партии, стремлением ее руководства сохранить возможно больше от «военного коммунизма». Корневая основа сложившейся в годы гражданской войны политической системы не затрагивалась. Скреплявшие ее «обручи» расслаблялись лишь настолько, насколько это не создавало опасности для социалистической направленности нэпа.

К середине 20-х годов в результате нэповских реформ сложился своеобразный экономический гибрид — сочетание директивного хозяйственного механизма с рыночной самоорганизацией. Реформы оказались перед альтернативой: будут ли они продолжены по пути либерализации, расширения рыночных основ или по пути свертывания нэпа. По мере восстановления экономики необходимость для партии компромисса государственного и частного секторов хозяйства отпадала. Политический режим выстоял, даже укрепился, и он начал более последовательно выдвигать на первый план реализацию идеологических задач партии, чему способствовала принципиальная несовместимость рынка и «социализма», советской политической системы с рыночной сущностью нэпа. Отсюда сложность его как феномена, состоящего из экономических и социально-политических процессов, реформ и контрреформ.

1926—1929 годы — второй этап нэпа, его свертывание. Взаимодействие экономических и политических реформ продолжалось, но уже в виде контрреформ. Демонтаж

нэпа начался негласно, без провозглашения такого курса. Практическими его проявлениями были меры по налоговому удушению частного сектора, лишение его правовых гарантий, максимальное в ущерб ему благоприятствование государственному сектору. При этом на всех партийных форумах провозглашалась «верность» нэпу (как бы по инерции, принимались отдельные меры «нэповского характера»). Демонтаж нэпа определялся не истощением его «экономических ресурсов», как долгое время утверждала советская историография, а тем, что движение по рыночному пути в корне противоречило социалистической перспективе партийно-государственного руководства. Можно и нужно понять авторов, объяснявших «обреченность» нэпа тем, что он экономически «себя исчерпал»: в центре всей политической жизни страны, внутрипартийной борьбы были проблемы экономические, и это заслоняло то, что свертывание нэпа проводилось в основном по доктринальным соображениям. Критики рыночных отношений получали подтверждение своей правоты в сбоях экономики, резкой дифференциации населения на бедных и богатых, росте безработицы, периодических кризисах хлебозаготовок, сбыта промышленной продукции («товарного голода»), росте цен.

Ожесточенные споры, дискуссии между конкурирующими группировками в партии по принципиальным и второстепенным вопросам все же не касались главного, в чем они были едины — общей цели — социализма. И «левые», и «правые», и «центристы» были обеспокоены тем, что, вопреки догме о преимуществах общественной собственности, частная оказывалась более эффективной и конкурентоспособной. Все сходились на том, что нэп должен быть свернут, разница была в одном: одни настаивали на резком его сворачивании (Л.Д.Троцкий, Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев), другие — на постепенном, не столь крутом (Н.И.Бухарин, А.И. Рыков, М.П.Томский).

«Затухание» нэпа сопровождалось ужесточением советского режима, ликвидацией еще неокрепших элемен-

тов либерализма. Это шло по линии усиления партийной диктатуры — диктата партийных верхов в отношении внутрипартийной жизни, государственных и общественных структур, максимальной централизации управления и особенно гипертрофии функций карательных органов, их полномочия расширялись по мере «отката» нэпа и усиления психоза «классовой борьбы». Политическая система к концу 20-х годов как бы была подготовлена к полному демонтажу нэпа. Вопреки декларациям о строительстве нового общества, воспроизводились традиционные для России государственные структуры, хотя с иным социальным содержанием.

Общей политике партийно-государственной власти, с трудом принявшей нэп с элементами либерализации и устремленной к их ликвидации, соответствовала и ее кадровая политика. Основные ее начала восходят к первым годам победившей революции: все органы власти и управления должны занимать коммунисты, возникновение номенклатурной системы расстановки кадров, «обработка» государственного аппарата, выдвижение на руководящие посты по «классовому принципу», а не с учетом профессиональных качеств. Переход к нэпу был осуществлен с кадрами, сложившимися в годы «военного коммунизма». В их практической деятельности сказывались усвоенные ими «военно-коммунистическая» идеология и психология, методы чрезвычайщины. Субъективно-личностные качества кадров управления являлись существенным элементом, определявшим противоречивость нэпа, тормозившим и даже препятствовавшим развитию рыночных отношений и либерализации политической системы. Многочисленный преимущественно малообразованный, неквалифицированный слой управленцев, действовавший бюрократическими методами, «вписался» в существовавшую политическую систему, являлся ее частью, способствуя ее эволюции к единоличной диктатуре.

Параллельно и в теснейшей связи с процессом свертывания нэпа шло восхождение Сталина к единоличной

власти. При всей огромной роли партийного аппарата в «создании» «великого вождя» движение к единоличной диктатуре было предопределено и другими обстоятельствами. Ключевую же роль в этом сыграл характер советской политической системы, в которой был заложен принцип вождизма. Аппарат сам продукт этой системы. Ее важнейший компонент — диктатура большевистской партии с совмещением (подменой) государственной власти. Крайняя централизация власти и сосредоточение ее полноты на самом верху властной пирамиды при жесткой партийной дисциплине с неукоснительным выполнением всего, что исходит от ЦК, — все это создавало благоприятные предпосылки для установления диктатуры одного лица. А дальше — личные качества Сталина и техника борьбы за власть, которой он владел.

После побед над «левыми» оппозициями на пути Сталина оказалась Бухаринская группа «правых». Она выступала против форсированного сворачивания нэпа, тогда как Сталин — за ускоренное с применением насильственных чрезвычайных мер, прежде всего по отношению к крестьянству. Руководствовался он при этом не только стремлением убрать «правых» — последнее препятствие на своем пути, как принято считать, не менее значимым в его борьбе с «правыми» было различное видение того, куда ведет и приведет нэп: Бухарин — приверженец эволюционного его развития — к социализму, Сталин — к капитализму. Он понимал: дай хотя бы относительную свободу рынку, частному сектору — и под красным знаменем социализма придем к реставрации капитализма. В этом он был прав, чему пример дает коммунистический Китай.

Имеющееся в историографии мнение о том, что предложенный Бухариным путь к социализму на основе рыночного развития страны являлся реальной альтернативой сталинскому, не учитывает иллюзорность расчетов «правых». Вопреки их социалистической устремленности, результат оказался бы противоположный. Подлинной

альтернативой сталинским планам могло быть не продолжение нэпа, его «саморазвитие», ориентированное на социализм, а «антинэп», т.е. политика, цель которой не социализм, а общество с нормальной рыночной экономикой и демократическими политическими институтами. Для этого нужна была политическая система, в которой экономика и политика не являются монополией партийно-государственной власти, подчиняющей их своей идеологии. «Правые» же не посягали на авторитарно-административную советскую политическую систему, отторгавшую ими же защищаемый нэп. Они сами оставались приверженцами лежавших в ее основе партийных доктрин. Неординарные политические деятели Бухарин, Рыков, Томский не могли не видеть, не понимать, что политическая система неуклонно эволюционировала к всевластию бюрократии и личной диктатуре, но ни на один элемент этой системы не покушались.

Сложившиеся в годы гражданской войны традиции решения всех политических, социально-экономических вопросов силовыми методами с абсолютизацией классовых принципов, стереотипы общественного сознания с тяготением к вождизму облегчали Сталину движение по пути к личной власти. Этот путь был пройден на протяжении 20-х годов (точнее, в 1922–1923 г.) Движение по нему было неразрывно связано с процессами свертывания нэпа.

В 1928 г. сделаны решающие шаги к «великому перелому», в его подготовке. Не будучи способным найти решение по обеспечению хлебозаготовок в рамках нэповской политики, сталинское руководство перешло к методам, усвоенным в годы «военного коммунизма». Здесь начало чрезвычайщины в деревне, появление сталинского тезиса об «обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму», формирование образа «врага», подкреплявшееся шахтинским процессом, развенчанием бухаринской оппозиции. В подготовке «великого перелома» сталинское руководство опиралось на репрессивный аппарат и на поддержку широких партийных масс, идео-

логически охваченных масштабной пропагандистско-агитационной обработкой, направленной к сохранению «революционного нетерпения» и внушению, что партии известны пути и методы преодоления всех трудностей в движении к социализму. Все это подкреплялось теорией «социализма в одной стране».

В главном — о цели «диктатуры пролетариата» («переход к социализму») сталинское руководство и бухаринская группа «правых» были едины. Расхождения относились к вопросам о методах достижения цели: Сталин за крутой и насильственными мерами, Бухарин — за плавный с использованием рыночных отношений. В этом вопросе — отход Сталина от Ленина, считавшего, что нэп себя изживет с переходом к социализму, что это эволюционный процесс. «Последовательным ленинцем» в этом споре был Бухарин, выступавший против немедленной отмены нэпа.

Переход к сплошной коллективизации и «ликвидации кулачества как класса» в 1929 г. — последний аккорд процесса отмены новой экономической политики. Тогда же, с разгромом «правой» оппозиции, завершилось восхождение Сталина к неограниченной личной власти. На переломе 20-х и 30-х годов установился режим тоталитаризма. Характерной чертой политической системы СССР отныне и на многие десятилетия стала диктаторская власть генеральных секретарей Коммунистической партии, опиравшаяся на разветвленный партийный аппарат, репрессивную машину и партийно-государственную идеологию.

20-е годы во многом определили последующую историю СССР. В это время, даже в период наиболее успешного развития нэпа, проявилась ограниченность возможностей большевистского реформизма, накрепко связанного теорией и практикой «диктатуры пролетариата» и монопольной властью Коммунистической партии. Реформы не привели к радикальным переменам в политическом строе, не поколебали его административно-

командные, репрессивные качества. В борьбе альтернативных путей развития: нэповского экономического и политического плюрализма и авторитарно-тоталитарного выкристаллизовался и победил второй путь.

Прокладывалась дорога к установлению единоличной диктатуры, воплощению «диктатуры пролетариата» — диктатуры партии — в диктатуре вождя. Таков ключевой вывод исследования.

Отныне сталинский режим направлял развитие СССР на основе тотального господства государственной собственности, централизованного планового управления экономикой. Поставленные им глобальные задачи по коллективизации сельского хозяйства, ускоренному осуществлению индустриализации, созданию огромной армии, разжиганию мировой революции потребовали мобилизации и концентрации в руках государства колоссальных материальных средств. В сравнительно короткие сроки Советский Союз добился феноменальных успехов в развитии промышленности, народного хозяйства в целом, науки и культуры. Но достигнуто это было дорогой ценой, включавшей трагедии миллионов раскулаченных, репрессированных, использования низкооплачиваемого труда населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ *Рыбаков А.* Роман-воспоминание // Дружба народов. 1997 № 7 С. 93.
- ² Проблеме взаимодействия, взаимовлияния экономики и политики, их зависимости от политических систем государств в зарубежной политологии, в экономических и исторических исследованиях уделяется серьезное внимание. В качестве примера, монографии: *Hirschman A.* Essajs in Trespassing. Economics to Politics and Beyond. Cambridge University Press. 1981; *Haccard S. and Kaufman R.* eds. The Politics of Econoraic ajustement. Tnfernational Constraints... Prinston University Press, 1992. Российские авторы только начинают исследовать эту проблему. См. книгу: *May В.А.* Экономика и власть. М., 1995 (о взаимовлиянии политики и экономической реформы в России).
- ³ *Поляков Ю.А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; *Генкина Э.Б.* Переход советского государства к новой экономической политике (1921–1922). М., 1954; *она же.* Государственная деятельность В.И.Ленина. 1921–1923 гг. М., 1969; *Дмитренко В.П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений. М., 1986.
- ⁴ *Попов В., Шмелев Н.* На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 284, 290.
- ⁵ *Дэвис Р.У.* Советская экономическая реформа в исторической перспективе // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.
- ⁶ *Ханин Г.* Как скончался нэп // Родина. 1989. № 7; *Голанд Ю.* Как свернули нэп // Знамя. 1988. № 10.
- ⁷ *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8; *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989.
- ⁸ *Лацис О.Р.* Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М., 1990. С. 20.
- ⁹ *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. В 2-х кн. М., 1989.
- ¹⁰ *Роговин В.* Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992.
- ¹¹ *Дмитренко В.П.* Четыре измерения нэпа // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 127.

- 12 *Киселев А.Ф., Чураков Д.О.* Бюрократия и нэп //Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1993. С. 100, 101.
- 13 *Суворова Л.Н.* За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика //Отечественная история. 1993. № 4; *Быстрова И.В.* Государство и экономика в 20-е годы: борьба идей и реальность //Отечественная история. 1993. № 3.
- 14 НЭП: приобретения и потери. М., 1994.
- 15 *Лапина С.Н., Лелюхина Н.О., Федоровская Е.С.* Государственная собственность и рынок: опыт нэпа; *Неретина Л.А.* Реорганизация государственной промышленности в 1921–1925 гг.; принципы и тенденции развития; *Исаев И.А.* НЭП: рыночная перспектива; *Дегтярев Г.П.* НЭП: идеологические тупики хозяйственной реформы.
- 16 *Симонов Н.С.* Из опыта финансово-экономической реформы 1922–1924 гг.; *Бокарев Ю.П.* Денежная политика середины 20-х годов и крушение рынка; *Горинов М.М.* Альтернатива Г.Я.Скольникова.
- 17 *Рогалина Н.Л.* Новая экономическая политика и крестьянство; *Носова Н.П.* НЭП: государство и сельское хозяйство (проблема регулирования); *Ильиных В.А.* Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях нэпа (1921–1927 гг.); *Свищев М.А.* Мелкое производство в 20-е годы.
- 18 *Лапина С.Н., Лелюхина Н.О.* Советская экономика на завершающем этапе нэпа; тенденции и перспективы развития; *Бокарев Ю.П.* Экономические преобразования в СССР во второй половине 20-х – начале 30-х годов и мировое социально-экономическое развитие; *Суворова Л.Н.* Государство и рынок в России в 1923–1928 годах; *Люттов Л.Н.* Система управления государственной промышленностью в годы нэпа; *Рогалина Н.Л.* Крестьянская экономика на исходе нэпа. (Проблема историографии и методологии).
- 19 *Симонов Н.С.* Реформы политического строя: замыслы и реальность / Вопросы истории КПСС. 1991. № 1; *он же.* Термидор, брюмер или фрюктидор? Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность //Отечественная история. 1993. № 4; *Павлова И.В.* Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы //Вопросы истории. 1998. № 11–12.
- 20 *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и советская Россия в 1917–1927 годах //Вопросы истории. 1993. № 8.
- 21 *Павлова И.В.* Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993. С. 206.
- 22 *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения. 1917–1991. М., 1994; *Файн Л.Е.* Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1994; *Кошеваров А.Н.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений советской власти и русской православной церкви. 1917–1992. СПб., 1995.

- 23 *Шишкин В.А.* Власть, политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997; *Орлов И.Б.* Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1999.
- 24 *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1938–1988. М., 1988.
- 25 *Такер Р.* Путь к власти. 1879–1929. Путь к власти. 1879–1929. М., 1991. С. 16.
- 26 *Морен Э.* О природе СССР: тоталитарный комплекс и новая империя. М., 1995. С. 200.
- 27 *Валентинов Н. (Н.Вольский).* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина – годы работы в ВСНХ во время нэпа. Воспоминания. М. 1991.
- 28 *Авторханов А.* Технология власти. Франкфурт/Майн, 1976.

Глава I

- 1 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 221, 222, 229.
- 2 Цит. по: *Голанд Ю.* Политика и экономика. (Очерки общественной борьбы 20-х годов) //Знамя. 1990. № 3. С. 134.
- 3 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 226-227
- 4 Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922. Стеногр. отчет. М., 1961. С. 306.
- 5 Там же. С. 84-85.
- 6 Правда. 1923. 24 марта. Дискуссионный листок. № 2.
- 7 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 248.
- 8 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 150-151.
- 9 Там же. С. 160.
- 10 Подробнее см.: *Поляков Ю.А.* переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.
- 11 *Карр Э.* Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. М., 1990. С. 60-61.
- 12 Двенадцатый съезд РКП(б). 17-23 апреля 1923 г. Стеногр. отчет. М., 1968. С. 677.
- 13 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 167.
- 14 Там же. С. 180.
- 15 Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 144.
- 16 Съезды Советов РСФСР и автономных республик. Сборник документов 1917–1922 гг. М., 1959. Т. 1. С. 187
- 17 СУ РСФСР. 1920. № 21. Ст. 484-485.
- 18 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 297
- 19 Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 158-160.
- 20 Съезды Советов РСФСР и автономных республик... Т. 1. С. 187
- 21 Подробнее см.: *О'Коннор Т.Э.* Инженер революции Л.Б.Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993.
- 22 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 8.

- 23 *Шишкин В.А.* Власть, политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997
- 24 *Валентинов Н. (Н.Вольский).* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время нэп. Воспоминания. М., 1991. С. 274.
- 25 *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. С. 209.
- 26 *Валентинов Н. (Н.Вольский).* Указ. соч. С. 68.
- 27 Известия ВЦИК. 1922. 25 окт.
- 28 *Бейлин Г.* Рабочий класс в частной промышленности. М., 1926. С. 76.
- 29 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 71.
- 30 Там же. Т. 45. С. 376.
- 31 Там же. С. 165.
- 32 Там же. С. 166.
- 33 Там же. Т. 44. С. 357, 398.
- 34 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 360. Л. 1.
- 35 Там же. Ф. 17 Оп. 60. Д. 139. Л. 81.
- 36 Смена вех. Сборник статей. Прага, 1922. С. 63.
- 37 Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963. С. 625-626.
- 38 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 76.
- 39 См.: *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. 1917–1923. М., 1995. С. 168.
- 40 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22425. Л. 1-3.
- 41 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 320.
- 42 *Гимпельсон Е.Г.* Указ. соч. С. 176-178.
- 43 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 826. Л. 2-3 докладной записки (в деле нет сплошной нумерации).
- 44 Там же. Л. 11 докладной записки.
- 45 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 539 (примечания).
- 46 Там же. С. 78, 79.
- 47 Социалистический вестник. 1922. 23 февр. С. 4.
- 48 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20300. Л. 2.
- 49 Там же. Д. 24617. Л. 1.
- 50 Там же. Д. 23887. Л. 83.
- 51 Цит. по: *Симонов Н.С.* Реформа политического строя: замыслы и реальность (1921–1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 51.
- 52 См.: *Рогалина Н.Л.* Новая экономическая политика и крестьянство // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 140.
- 53 *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 249, 250.
- 54 СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 71.
- 55 Съезды Советов РСФСР и автономных республик. Т. 1. С. 185.
- 56 СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 90-93.
- 57 Там же. № 72-73. Ст. 407.
- 58 Власть Советов. 1922. № 4-6. Ст. 54.
- 59 Там же. С. 16.

- 60 Одиннадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 525.
- 61 Цит. по: *Леонов С.В.* Рождение советской империи. М., 1997. С. 296.
- 62 Одиннадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 88.
- 63 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 61.
- 64 Там же. Т. 45. С. 115.
- 65 КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С.471, 472.
- 66 *Калинин М.И.* О социалистической законности. М., 1959. С. 55-56.
- 67 Ежегодник советской юстиции. 1922. № 1. С. 7.
- 68 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398, 400.
- 69 Известия ВЦИК. 1921. 5 февр.
- 70 СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
- 71 Там же. № 36. Ст. 424, 425.
- 72 При образовании СССР были учреждены Верховный суд СССР при ЦИК СССР и должность прокурора Верховного суда СССР – осуществлял надзор за законностью актов союзных органов, кроме ЦИК СССР и его Президиума.
- 73 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 186. Л. 6.
- 74 Ежегодник советской юстиции. 1923. № 51-52. С. 1190; № 44. С. 1010.
- 75 Цит. по: *Иванова Г.М.* Гулаг в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 149-150.
- 76 В.И.Ленин и ВЧК. Сборник документов, 1917–1922. М., 1987. С. 380, 381.
- 77 Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917–1921: Сборник документов. М., 1958. С. 418-420.
- 78 Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 458.
- 79 *Измозик В.С.* Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах. СПб., 1995. С. 106.
- 80 В.И.Ленин. Биографическая хроника. М., 1980. Т. 11. С. 613, 631.
- 81 Съезды Советов РСФСР и автономных республик. М., 1959. Т. 1. С. 184.
- 82 *Родионов П.Н.* Как начинался застой //Знамя. 1989. № 8. С. 207.
- 83 Последним большим процессом, организованным ВЧК, был процесс т.н. «Петроградской боевой организации» («ПБО»), по которому было арестовано свыше 200 человек и среди них крупные ученые и деятели культуры В.Н.Таганцев, М.М.Тихвинский, Д.И.Шаховский, Н.И.Лазаревский, талантливый поэт Н.Гумилев и др. Дело было явно раздуто в политических расчетах.
- 84 СУ РСФСР. 1922. № 16. Ст. 160.
- 85 Там же. № 65. Ст.844.
- 86 *Конквист Р.* Большой террор. Рига, 1990. Т. 2. С. 385.

- 87 Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Троцкий. Политический портрет. М., 1992. Книга первая. С. 23.
- 88 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 428.
- 89 *Земсков В.Н.* Заключение в 30-е годы: социально-демографические проблемы // *Отечественная история.* 1979. № 4. С. 59. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2387. Л. 64-65.
- 90 *Отечественная история.* 1992. № 6. С. 118.
- 91 Всероссийская конференция РКП(б) (4-7 августа 1922 г.). М., 1922. Бюллетень № 2. С. 80.
- 92 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.54. С.198; Т. 45. С. 31.
- 94 СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 461.
- 95 Там же. 1923. № 14. Ст.177.
- 96 Съезды РСФСР и автономных республик... Т. 1. С. 199.
- 97 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 351.
- 98 Там же. Т. 54. С. 226.
- 99 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1338. Л. 1-2.
- 100 КПСС в резолюциях... М., 1983. Т. 2. С. 593.
- 101 СУ РСФСР 1922. № 65. Ст. 844.
- 102 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2603. Л. 13-14.
- 103 Правда. 1922. 30 авг.
- 104 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18265. Л. 1-2.
- 105 В.И.Ленин и ВЧК (1917–1922); сборник документов. С. 445.
- 106 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 241, 242.
- 107 Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП(б). М., 1933. С. 78, 79.
- 108 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25915.
- 109 Там же. Оп. 2. Д. 641.
- 110 Цит. по: *Двинов Б.* От легальности к подполью (1921–1922). Стенограф. 1968. С. 73.
- 111 В.И.Ленин и ВЧК (1917–1922). С. 546.
- 112 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 50.
- 113 Там же. С. 189, 190.
- 114 Правда. 1922. 24 янв.
- 115 Одиннадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 681.
- 116 КПСС в резолюциях...Т. 2. С. 591.
- 117 РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 15. Л. 87.
- 118 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 253.
- 119 Правда. 1923. 24 марта.
- 120 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 308.
- 121 Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 317.
- 122 *Преображенский Е.А.* «Новая экономика» – опыт теоретического анализа советского хозяйства. М., 1926.
- 123 Там же. С. 99.
- 124 Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963. С. 474.
- 125 Там же. С. 293, 294.
- 126 Там же. С. 475-476.

- 127 *Валентинов Н. (Н.Вольский)*. Указ. соч. С. 27.
- 128 *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 196, 197, 198.
- 129 *Рыков А.И.* Неурожай и народное хозяйство СССР. М., 1924. С. 12-13.
- 130 Известия. 1925. 3, 21 февр.
- 131 Четырнадцатая конференция РКП(б). М., 1925. С. 85-86.
- 132 *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 7. С. 123, 126, 127
- 133 Там же. С. 153.
- 134 Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 167-168.
- 135 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д.468. Л. 23, 58, 60, 67.
- 136 Там же. Оп. 85. Д. 99. Л. 1.
- 137 СУ РСФСР. 1924. № 22. Ст. 17.
- 138 Правда. 1926. 7 апр.
- 139 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 468. Л. 24, 217
- 140 Там же. Оп. 112. Д. 762. Л. 94.
- 141 Там же. Д. 733. Л. 173.
- 142 *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 22-23.
- 143 Там же. С. 25.
- 144 Четырнадцатая конференция РКП(б). С. 9.
- 145 КПСС в резолюциях ...М., 1984. Т. 3. С. 341.
- 146 СЗ СССР. 1925. № 42. Ст. 313.
- 147 *Куйбышев В.* Задачи внутренней торговли и кооперации. М., 1924. С. 6, 7.
- 148 Местная промышленность и торговля. 1925. № 5-6. С. 116, 117
- 149 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 5. Л. 2-6.
- 150 СУ РСФСР. 1921. № 63. Ст. 462.
- 151 Там же. 1923. № 29. Ст. 336.
- 152 *Копалкин В.М.* Частная промышленность СССР М., 1927. С. 16.
- 153 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 151. Л. 76, 77.
- 154 СЗ СССР. 1924. № 20. Ст. 193.
- 155 Пополнению государственного бюджета способствовало, в частности, восстановление в августе 1925 г. государственной монополии на изготовление и продажу водки.
- 156 *Сокольников Г.Я.* Денежная реформа (1925 г.) // Финансовое оздоровление экономики. Опыт нэпа. М., 1990. С. 88.
- 157 Там же. С. 96.
- 158 СЗ СССР. 1925. № 69. Ст. 511.
- 159 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 186. Л. 14.
- 160 Там же. Л. 25.
- 161 Там же. Л. 27.
- 162 Там же. Оп. 84. Д. 837. Л. 83.
- 163 Там же. Д. 909. Л. 25.
- 164 Там же. Оп. 69. Д. 186. Л. 10.
- 165 СУ РСФСР. 1923. № 109-110. Ст. 1042-1044.
- 166 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370, 372.

- 167 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 107.
- 168 КПСС в резолюциях...Т. 3. С. 390, 397.
- 169 Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 729.
- 170 Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стеногр. отчет. М., 1963. С. 290.
- 171 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 166. Л. 11.
- 172 Там же. Оп. 112. Д. 739. Л. 196.
- 173 *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 337.
- 174 Исторический архив. 1958. № 1. С. 20-21.
- 175 *Валентинов Н. (Н.Вольский).* Указ. соч. С. 162.
- 176 Там же. С. 163.
- 177 Четырнадцатая конференция РКП(б). С. 173.
- 178 *Валентинов Н. (Н.Вольский).* Указ. соч. С. 162.
- 179 Там же. С. 200.
- 180 Там же. С. 23.
- 181 Там же. С. 25.
- 182 Там же. С. 283.
- 183 См.: История Советской Конституции (в документах). 1917–1936. М., 1957. С. 460.
- 184 Паспортная система была восстановлена в конце 1932 г.
- 185 Цит. по: *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995. С. 118.
- 186 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 722. Л. 56.
- 187 Цит. по: *Розит Д.П.* Проверка работы низового аппарата в деревне. М., 1926. С. 10.
- 188 *Голанд Ю.* Как свернули нэп //Знамя. 1988. № 10. С. 168.
- 189 Цит. по: Наше отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 187.
- 190 Цит. по: *Измозик В.С.* Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 годах. СПб., 1995. С. 94.
- 191 См.: Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. С. 176.
- 192 *Кукушкин Ю.С.* Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932). М., 1968. С. 90.
- 193 *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 192-193.
- 194 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М., 1990. Т. 4. С. 69.
- 195 *Каменев Л.Б.* Куда и как ведет советская власть крестьянство. Л., 1925. С. 40-41.
- 196 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 313.
- 197 КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 301-302.
- 198 СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 827.
- 199 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 795. Л. 8.
- 200 *Буров Я.* Деревня на переломе. (Год работы в деревне). М.-Л., 1926. С. 46, 183.
- 201 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 722. Л. 35.

- 202 *Болдырев М.Ф.* Оживление Советов. М. — Л. 1926. С. 33.
- 203 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 795. Л. 18.
- 204 Там же. Оп. 112. Д. 756. Л. 55.
- 205 Там же. Д. 755. Л. 207, 208.
- 206 Там же. Д. 729. Л. 2-3.
- 207 СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 55.
- 208 Там же. № 42. Ст. 313.
- 209 Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–31 гг. Стат. сборник. М., 1931. С. 9: По другим данным: в сельские Советы 44,7%. (*Болдырев М.Ф.* Оживление Советов. М., 1926. С. 33).
- 210 *Болдырев М.Ф.* Указ. соч. С. 33.
- 211 Четырнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1925 г. Стеногр. отчет. М., 1926. С. 66.
- 212 СЗ СССР 1925. № 35. Ст. 247
- 213 Там же. 1926. № 68. Ст. 506.
- 214 *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. С. 37, 366.
- 215 Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 184.
- 216 Итоги деятельности Советской власти в цифрах. 1917–1927 М., 1927. С. 8–9.
- 217 Известия. 1927. 26 июня, 3 июля.
- 218 Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г. М. 1926. Ч. 1. С. 72–77
- 219 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 467. Л. 305.
- 220 Там же. Оп. 112. Д. 733. Л. 154–155.
- 221 *Большаков А.М.* Деревня после Октября. М., 1925. С. 216; *Яковлев Я.* Деревня как она есть. М., 1923. С. 91–92.
- 222 Правда. 1925. 28 апр.
- 223 Цит. по: *Дестев С.И.* Крестьянство и формирование низовых властных структур деревни в 20-е годы // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М., 1993. С. 139.
- 224 *Буров Я.* Указ. соч. С. 45.
- 225 *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 185, 187
- 226 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 729. Л. 148.
- 227 Там же. Д. 707. Л. 27–29.
- 228 Там же. Л. 30–31.
- 229 Там же. Л. 37.
- 230 Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 81.
- 231 *Измолик В.С.* Указ. соч. С. 120.
- 232 Там же. С. 118.
- 233 Социалистический вестник. 1924. 1 дек. С. 9.
- 234 КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 381–384, 385, 414.
- 235 Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1926. С. 101, 120, 123.
- 236 Там же. С. 135–136.
- 237 *Сталин И.В.* Соч. Т. 8. С. 90.

- 238 КПСС в резолюциях...Т. 3. С. 431.
- 239 Социалистический вестник. 1924. 25 янв. С. 1-2.
- 240 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Иркутск, 1991. С. 476.
- 241 Г.В.Чичерин и НКВД / Публикация *В.Соколова* //Международная жизнь. 1998. № 3. С. 103, 104.
- 242 Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. С. 397.
- 243 Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 146.
- 244 По данным доклада ревизионной комиссии XIII съезду РКП(б) – Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 133.
- 245 *Зимин А.* Истоки сталинизма 1918–1923. Париж, 1984. С. 257.
- 246 Правда. 1923. 7 декаб.
- 247 Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 190.
- 248 Там же. № 1. С. 89. Наибольший процент исключенных приходился на крестьян (46% проверенных) и служащих (35%), на рабочих – наименьший (28%) – Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 272.
- 249 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С.199-200.
- 250 Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 489.
- 251 Одиннадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 392.
- 252 Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 489.
- 253 Таблица взята: *Литвак К.Б.* Партийные переписи и культурный уровень коммунистов в 20-е годы //Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 86. (Таблица по данным всесоюзной переписи на 10 января 1927 г.). Несколько иные сведения в публикации: Всесоюзная партийная перепись 1927 г. Основные итоги переписи. М., 1927. С. 56, 58 (с высшим образованием 0,8%, средним – 9,1, низшим и домашним – 90,1, неграмотных – 2,3%).
- 254 Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963. С. 529.
- 255 Там же. С. 162.
- 256 Партия в цифровом освещении. Материалы к статистике личного состава партии. М., 1925. С. 93-94.
- 257 Учет и распределение работников (к совещанию секретарей и заведующих орготделами губкомов). М., 1923. С. 17.
- 258 Правда. 1924. 8 дек.
- 259 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 733. Л. 155.
- 260 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343.
- 261 Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 202.
- 262 Одиннадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 126.
- 263 *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С.359-360.
- 264 Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 125.
- 265 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М., 1990. Т. 1. С. 22.
- 266 Цит. по: *Павлова И.В.* Сталинизм: тайна власти //Экономика и организация промышленного производства (ЭКО). Новосибирск, 1991. № 5. С. 147.
- 267 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 110. Л. 2-3.

- 268 Там же. Оп. 84. Д. 864. Л. 1.
- 269 Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 350.
- 270 Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963. С. 222, 223.
- 271 Цит. по: *Голанд Ю.* Политика и экономика // *Знамя.* 1990. № 3. С. 139.
- 272 Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 171.
- 273 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 108.
- 274 Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 533.
- 275 Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М. 1959. С. 325.
- 276 Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 402.
- 277 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.
- 278 Одиннадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 749 (Примечания).
- 279 Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 169, 170.
- 280 *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М., 1990. С. 199.
- 281 КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 156.
- 282 Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 152, 158.
- 283 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. С. 138.
- 284 Цит. по: Наше отечество. Опыт политической истории. С. 180
- 285 Так было на протяжении всех 70 лет власти Коммунистической партии. И стоило в конце 80-х годов распространить «перестройку» на партию, как она потерпела крах.
- 286 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 7.
- 287 Там же. Т. 7. С. 383.
- 288 Коммунист. 1991. № 12. С. 103, 104. На эту тему см.: *Поляков Ю.А.* 20-е годы: настроения партийного авангарда // *Вопросы истории КПСС.* 1989. № 10.
- 289 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. С. 233, 234, 236.
- 290 Большевик. 1926. № 14.
- 291 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. М., 1990. Т. 3. С. 75, 76, 77
- 292 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 102. Л. 14.
- 293 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. М., 1990. Т. 4. С. 69.
- 294 Цит. по: Власть и оппозиция. М., 1995. С. 133.
- 295 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 103. Л. 10 – «Бюллетень оппозиции». 1927. 5 нояб.
- 296 Троцкий выслан в Алма-Ату, Зиновьев и Каменев – в Калугу.
- 297 *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 351.
- 298 Не все «левые» оппозиционеры прекратили борьбу против политического курса партийного руководства. Отдельные группы троцкистов и «децистов» продолжали действовать нелегально. См.: *Гусев А.В.* Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // *Отечественная история.* 1996. № 1.

- 299 Правда. 1928. 27 янв.
- 300 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 513.
- 301 Приложение к книге Троцкого «Преданная революция сегодня». (М., 1990. С. 61).
- 302 Письмо Х.Г. Раковского о причинах перерождения партии и государственного аппарата (Приложение к книге Троцкого «Преданная революция сегодня». С. 53).
- 303 Там же. С. 57, 60.
- 304 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 108.
- 305 Одиннадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 525.
- 306 Правда. 1923. 14 апр.
- 307 Там же. 24 марта (Дискуссионный листок № 2).
- 308 Там же. 15 апр.
- 309 Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 142-143.
- 310 Там же. С. 53, 228, 229.
- 311 *Зиновьев Г.Е.* Ленинизм. Л., 1925. С. 76.
- 312 Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 158.
- 313 *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 197-205.
- 314 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927 Т. 1. С. 47
- 315 КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 73.
- 316 Правда. 1923. 27 апр.
- 317 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 258.
- 318 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 404; Т. 2. С. 166; Т. 43. С. 42.
- 319 КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 95.
- 320 Власть и реформы... С. 690; *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 18.
- 321 *Сталин И.В.* Соч. Т. 8. С. 59.
- 322 Там же. Т. 7. С. 344.
- 323 Стенографический отчет первой ленинградской областной конференции ВКП(б). 15-19 ноября 1927 г. Л., 1929. С. 19.
- 324 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 185. Л. 15.
- 325 Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат к XIV съезду РКП(б). М.-Л., 1926. С. 273, 298.
- 326 Там же. С. 273.
- 327 *Бажанов В.А.* Восхождение к абсолютной власти (большевики и советское государство в 20-е годы). Минск, 1995. С. 185, 186.
- 328 Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат к XIV съезду РКП(б). С. 37.
- 329 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 753. Л. 8.
- 330 *Муругов И., Колесников А.* Аппарат низовых советских органов по материалам обследования НК РКП РСФСР. 1925 г. М.-Л., 1926. С. 18.
- 331 *Клиф Т.* Государственный капитализм в России. М., 1991. С. 100.
- 332 Шестнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1930. С. 312.

- 333 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г. Стеногр. отчет. М., 1961. Ч. 1. С. 442.
- 334 Шестнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. С. 316.
- 335 Цит. по: *Лотов Л.Н.* Государственная промышленность в годы нэпа (1921–1929). Саратов, 1996. С. 152.
- 336 Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 493.
- 337 Коммунист. 1991. № 12. С. 103.
- 338 *Бажанов В.А.* Указ. соч. С. 177.
- 339 Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат к XIV съезду РКП(б). С. 38.
- 340 Цит. по: Родина. 1990. № 7. С. 85.
- 341 Источник. 1995. № 6. С. 103-104.
- 342 Правда. 1923. 15 нояб.
- 343 *Извозик В.С.* Указ. соч. С. 142.
- 344 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 467. Л. 308; Оп. 68. Д. 33. Л. 48.
- 345 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 54. Л. 3.
- 346 Там же. Л. 7.
- 347 Там же. Ф. 393. Оп. 1. Д. 43. – Отчеты НКВД ЦК РКП(б) о деятельности в августе-декабре 1922 г.
- 348 Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 73.
- 349 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 726. Л. 1.
- 350 Шестнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1930. С. 341.
- 351 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 471. Л. 18, 36.
- 352 Там же. Д. 721. Л. 13. В 1928 г. Секретариат рассмотрел вопрос о разрешении М.Горькому на время пребывания в СССР получать белогвардейские газеты. Его просьбу пришлось удовлетворить – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 866. Л. 64.
- 353 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 607.
- 354 Там же. Оп. 113. Д. 866. Л. 18, 20.
- 355 Там же. Л. 44.
- 356 Четырнадцатая конференция РКП(б). Стен. отчет. С. 206.
- 357 Цит. по: *Соколов В. Г.В. Чичерин и НКВД // Международная жизнь.* 1998. № 3. С. 104.
- 358 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 10.
- 359 Четырнадцатая конференция РКП(б). Стеногр. отчет. С. 39.
- 360 *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 169.
- 361 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 80, 86, 116.
- 362 Источник. 1995. № 6. С. 107.
- 363 В те годы не было четкой классификации общественных организаций. Это понятие распространялось как на мелкие (союзы, клубы и т.д.), так и массовые объединения.
- 364 Цит. по: *Брэдли Д.* Добровольные общества в Советской России 1917–1932 гг. // Вестник Московского Университета. История. Серия 8. 1994. № 4. С. 37.
- 365 Массовой общественной организацией был и комсомол. Однако в работе он не рассматривается, так как являлся лишь под-

- собной частью Коммунистической партии, действовавшей под ее непосредственным руководством.
- 366 СУ РСФСР. 1922 № 40. Ст. 477.
- 367 Там же. № 49. Ст. 622. После образования СССР в мае 1924 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление, по которому проекты о создании союзных обществ утверждались в СНК СССР, а регистрация обществ и надзор за ними осуществляли соответствующие наркоматы союзных республик – СЗ СССР 1924. № 63. Ст. 626.
- 368 СУ РСФСР. 1922. № 49. Ст. 623; Известия ВЦИК. 1922. 12 авг.
- 369 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 589.
- 370 Там же. С. 593.
- 371 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 729. Л. 44-45.
- 372 Там же. Оп. 68. Д. 32. Л. 33.
- 373 Там же. Оп. 85. Д. 44. Л. 225-227.
- 374 *Томский М.П.* Современное положение российских профессиональных союзов. М., 1923. С.7
- 375 *Киселев А.Ф.* Профсоюзы и советское государство. (Дискуссии 1917–1920 гг.). М., 1991; *Филатов А.Н.* Партийное руководство профсоюзами СССР в 20-е – начале 30-х годов. Историография проблемы. Казань, 1989.
- 376 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 59. С. 262; Т. 40. С. 255; Т. 41. С. 31.
- 377 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 345, 346.
- 378 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 55. Л. 27-29.
- 379 Там же. Л. 26.
- 380 *Розенберг В.* Формы и способы рабочего протеста в России, 1918–1929 гг. // Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. М., 1998. С. 12-13.
- 381 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 471.
- 382 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 342, 344, 347, 350.
- 383 Бюллетень 2-го Пленума ВЦСПС. М., 1922. С. 4-5.
- 384 Вестник труда (орган ВЦСПС). 1922. № 1 (16). С. 4, 67, 10.
- 385 Одиннадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 239.
- 386 Там же. С. 246.
- 387 Там же. С. 527-528.
- 388 Пятый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 17-22 сентября 1922 г. Стеногр. отчет. М., 1922. С. 530.
- 389 Там же. С. 276.
- 390 Там же. С. 131.
- 391 СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.
- 392 *Рыков А.И.* Статьи и речи. М., 1927. Т. 1. С. 358.
- 393 Вестник труда. 1922. № 7 (22). С. 17.
- 394 *Томский М.П.* Современное положение российских профессиональных союзов. С. 7.
- 395 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 7. Д. 1-а. Л. 16.
- 396 Там же. Оп. 1. Д. 211. Л. 3; Д. 222. Л. 4.

- 397 Партийные, профессиональные и кооперативные органы и аппарат к XIV съезду РКП(б). С. 22, 23.
- 398 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 381. Л. 114, 115, 116.
- 399 Труд. 1925. 13 и 28 нояб.
- 400 Четырнадцатая конференция РКП(б). С. 8.
- 401 КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 447.
- 402 *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации // Избранные произведения. М., 1989. С. 290.
- 403 СУ РСФСР. 1930. № 44. Ст. 527; История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. С. 768.
- 404 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 64.
- 405 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 372.
- 406 СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 150.
- 407 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 225–226.
- 408 Различные социалистические партии занимали еще крепкие позиции в сельскохозяйственной и промышленной кооперации. Так, на Всероссийском съезде сельскохозяйственной кооперации в августе 1921 г. из 84 делегатов с решающим голосом было 32 правых эсера, 3 народных социалиста, 1 левый эсер и только 2 коммуниста – *Гусев К.В.* От мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции. М., 1975. С. 350.
- 409 СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 150; № 47. Ст. 230.
- 410 Там же. № 53. Ст. 322.
- 411 Там же. № 59. Ст. 403; № 61. Ст. 434; № 72. Ст. 570.
- 412 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 469.
- 413 РГАЭ. Ф. 484. Оп. 7. Д. 65. Л. 19.
- 414 Кооперация о самой себе. Предварительные итоги анкеты организационного управления к IV сессии Совета Центросоюза. М., 1921. С. 5.
- 415 РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 165. Л. 11–12.
- 416 Там же. Д. 199. Л. 17–19, 22.
- 417 Кооперативно-колхозное строительство в СССР 1917–1922. Документы и материалы. М., 1990. С. 335.
- 418 Союз потребителей. 1922. № 6. С. 7.
- 419 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 54.
- 420 Там же. С. 510 (примечания).
- 421 Союз потребителей. 1924. № 5. С. 6.
- 422 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369, 373, 376.
- 423 СЗ СССР. 1924. № 17. Ст. 173.
- 424 Союз потребителей. 1924. № 5. С. 26; *Кремнев Г.* Развитие кооперации. Л., 1928. С. 163.
- 425 История социалистической экономики СССР М., 1977. Т. 3. С. 340.
- 426 Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 417–423.
- 427 КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 233, 237.
- 428 Там же. С. 430.
- 429 Союз потребителей. 1924. № 5. С. 26.

- 430 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 563. Л. 1, 210.
- 431 Там же. Л. 176.
- 432 СЗ СССР. 1924. № 3. Ст. 36.
- 433 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 563. Л. 179.
- 434 Там же. Оп. 84. Д. 845. Л. 86.
- 435 Там же. Оп. 112. Д. 563. Л. 266.
- 436 Там же. Л. 267.
- 437 Известия ЦК РКП(б). 1925. № 25-26. С. 6; № 27. С. 5.
- 438 Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат к XIV съезду РКП(б). С. 184.
- 439 СУ РСФСР. 1925. № 36. Ст. 262.
- 440 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 265. Л. 2.
- 441 «Сельскосоюз» – единый центр сельскохозяйственной кооперации, восстановлен декретом СНК 16 августа 1921 г. Бюллетень Сельскосоюза. 1921. № 1.
- 442 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 865. Л. 4.
- 443 Там же. Л. 5.
- 444 Там же. Л. 9.
- 445 Четырнадцатая конференция РКП(б). С. 85, 87.
- 446 Там же. С. 94.
- 447 Там же. С. 91.
- 448 Там же. С. 130.
- 449 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 736. Л. 68.
- 450 Там же. Д. 735. Л. 25.
- 451 Там же. Д. 737. Л. 115.
- 452 Там же. Д. 738. Л. 304.
- 453 Там же. Л. 304 об.
- 454 Там же. Д. 739. Л. 180-181.
- 455 Там же. Оп. 85. Д. 5. Л. 9.
- 456 Там же. Оп. 112. Д. 737. Л. 110. Данные из доклада А.Шейнмана в заседании «Кооперативного совещания» 28 июля 1925 г.
- 457 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 17. Д. 7. Л. 2.
- 458 Подробно об этом см.: *Файн Л.Е.* Потребительская кооперация и потребительский рынок в первой половине 20-х годов // Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории. Иваново, 1977. Вып 2.
- 459 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 25.
- 460 СУ РСФСР. 1922. № 19. Ст. 217.
- 461 Помгол – Всероссийский комитет помощи голодающим. Декретом ВЦИК от 21 июня 1921 г. наделен полномочиями по сбору и распределению средств и продуктов. Вскоре началась кампания за прекращение его деятельности, так как якобы ряд членов Помгола используют его в антисоветских целях. В конце 1922 г. вместе с группой деятелей науки и культуры активисты Помгола высланы за границу (Источник. Документы русской истории. 1925. № 5. С. 53).
- 462 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 13.

- 463 Там же. Л. 10.
- 464 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 4559. Л. 89.
- 465 Там же. Д. 59. Л. 20.
- 466 Там же. Оп.2. Д. 48. Л. 18.
- 467 Там же. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 59. Л. 26.
- 468 Там же. Л. 18.
- 469 Правда. 1922. 17 нояб.
- 470 Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191, 192, 193.
- 471 Источник. 1995. № 3. С. 116.
- 472 Цит. по: *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 45–46.
- 473 *Покровский Н.Н.* Время публиковать источники // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 1. С. 18.
- 474 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а, Л. 10.
- 475 Там же. Л. 12.
- 476 Там же. Л. 14.
- 477 Там же. Л. 19.
- 478 Там же. Л. 24.
- 479 Источник. 1995. № 3. С. 130.
- 480 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 3, 5, 6.
- 481 Цит. по: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 264.
- 482 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 467. Л. 250–252.
- 483 *В.И. Ленин и И.В. Сталин.* О молодежи. М., 1936. С. 173.
- 484 РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 84. Д. 467. Л. 315.
- 485 Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 450.
- 486 КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 249.
- 487 Цит. по: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск, 1997. С. 448.
- 488 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 728. Л. 64, 65.

Глава II

- ¹ *Шишкин В.А.* Власть, политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997. С. 288, 289 292 и др.
- ² Как пример, приведу статью *М.А. Свищева* «Мелкое производство в 20-е годы». Абстрагируясь от государственной политики, автор видит причину свертывания нэпа в особенностях мелкого хозяйства, в недостаточной заинтересованности большинства хозяйств в развитии товарно-денежных отношений, слабости рыночных начал в деревне. В конечном счете, причины чисто экономические. См.: Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 184.
- ³ Большевик. 1926. № 13. С. 28, 31.
- ⁴ Правда. 1926. 29 апр.

- 5 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. М., 1990. Т. 1. С. 208, 214.
- 6 Там же. С. 159.
- 7 5 августа 1926 г. Политбюро освободило Каменева от работы в Наркомате торговли и назначило наркомом внешней и внутренней торговли А. Микояна.
- 8 Известия. 1926. 1 авг.
- 9 КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 4.
- 10 Там же. С. 72, 82.
- 11 См.: *Бокарев Ю.П.* Денежная политика середины 20-х годов и крушение рынка // *Нэп: приобретения и потери.* М., 1994.
- 12 Финансовая газета. 1998. 21 апр. Чтобы хотя бы частично восполнить нехватку бюджетных средств, правительство пустило с молотка на торгах «Кристи» уникальные произведения искусства, исторические драгоценности второй половины XVIII века, принадлежавшие дому Романовых.
- 13 Правда. 1926. 1 апр.
- 14 *Ильиных В.А.* Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях нэпа (1921–1927 гг.). // *Нэп: Приобретения и потери.* С. 173.
- 15 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 122.
- 16 СЗ СССР 1924. № 62. Ст. 619. Такие же комиссариаты создавались в союзных республиках.
- 17 *Валентинов Н. (Н. Вольский).* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина – годы работы в ВСНХ во время нэпа. Воспоминания. М., 1991. С. 170.
- 18 *Голанд Ю.М.* Эффект чрезвычайных мер. Кризисы 1925–1928 гг. // *Эко.* 1990. № 2. С. 147.
- 19 СЗ СССР 1927. № 53. Ст. 547.
- 20 Бюллетень ЦК ВКП(б) и НК РКИ СССР и РСФСР. 1927 № 8. С. 7.
- 21 *Щетинов С.А.* Режим личной власти Сталина: к истории формирования М., 1989. С. 33.
- 22 *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 317.
- 23 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 63. Л. 4 об.
- 24 Там же. Л. 5.
- 25 Там же.
- 26 Там же. Л. 6.
- 27 Там же.
- 28 *Кржижановский Г.М.* Десять лет хозяйственного строительства СССР 1917–1927. М., 1928. С. 103.
- 29 СЗ СССР. 1926. № 37. Ст. 278.
- 30 Там же. 1927. № 39. Ст. 391. 392.
- 31 Подробнее см.: *Нежинский Л.Н.* Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов // *История СССР.* 1990. № 6; *Симонов Н.С.* Крепить оборону страны Советов. («Военная тре-

- вога» 27 года и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3.
- 32 Правда. 1927. 7 июня.
- 33 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 192-193, 227
- 34 История крестьянства СССР М. 1986. Т. 1. С. 357
- 35 Правда. 1927. 25 нояб.
- 36 По данным ЦСУ, с 1 марта 1926 г. по 1 марта 1927 г. зарплата в концессиональной промышленности была выше, чем в государственной на 22,6% – ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 63. Л. 9.
- 37 От капитализма к социализму. Основные проблемы переходного периода СССР. 1917–1937 гг. М., 1981. Т. 1. С. 280.
- 38 Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. М., 1927. Вып. 1. С. 121.
- 39 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 37, 42.
- 40 СУ РСФСР 1926. № 66. Ст. 78; Правда. 1926. 2 окт.
- 41 Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. М. 1927. Вып. 1. С. 121; Известия. 1927. 26 июня, 3 июля.
- 42 Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1927 г М., 1928. С. 9.
- 43 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 75. Л. 108-109.
- 44 СУ РСФСР 1927. № 51. Ст. 333.
- 45 СЗ СССР. 1927. № 16. Ст. 48.
- 46 Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927. М., 1927. С. 14-15.
- 47 *Валентинов Н. (Н.Вольский)*. Указ. соч. С. 343.
- 48 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Иркутск, 1991. С. 457
- 49 Цит. по: *Симонов Н.С.* Термидор, брюмер или фрюктидор? Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. 1993. № 4. С. 5.
- 50 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. М., 1990. Т. 3. С. 64, 67.
- 51 Там же. С. 63.
- 52 *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 221, 225.
- 53 Там же. С. 305.
- 54 Там же. С. 311-312.
- 55 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 299.
- 56 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927: Стеногр. отчет. М., 1961. Ч. 2. С. 1449.
- 57 Там же.
- 58 *Сталин И.В.* Соч. Т.10. С.326, 327.
- 59 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. Ч. 2. С. 1432.
- 60 *Устрялов Н.В.* На новом этапе. Шанхай, 1930. С. 7-8.
- 61 Цит. по: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 309-310.
- 62 Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1988. № II. С. 42-43.
- 63 Цит. по: Большевицкое руководство. Переписка 1912–1927 М., 1996. С. 297.
- 64 Там же. С. 298.

- 65 *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 209-210.
- 66 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. Ч. 1. С. 578.
- 67 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 438. Л. 2, 3, 4.
- 68 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. Ч. 1. С. 527.
- 69 Там же. С. 593.
- 70 Там же. С. 451-452.
- 71 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 438. Л. 68.
- 72 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 837. Л. 82.
- 73 Советское государство и революция права. 1930. № 2. С. 150.
- 74 Там же. № 1. С. 5.
- 75 Там же. С. 98.
- 76 Там же. С. 105.
- 77 *Елистратов А.И.* Административное право. М.-Л., 1929. С. 24.
- 78 *Крыленко Н.В.* Принципы переработки УК РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 641-643.
- 79 Шестнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М.-Л., 1930. С. 351.
- 80 *Стучка П.И.* Революционная кодификация // Революция и право. 1929. № 5. С. 12-13.
- 81 *Земсков В.Н.* Заключение в 30-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 59.
- 82 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 438. Л. 105, 115.
- 83 Административный вестник. 1929. № 3. С. 40, 41.
- 84 Советское государство и революция права. 1930. № 2. С. 157.
- 85 Сборник нормативных актов по советскому исправительному трудовому праву. М., 1959. С. 202-206.
- 86 СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
- 87 Административный вестник. 1929. № 8. С. 37.
- 88 Экономика Гулага и ее роль в развитии страны, 30-е годы. Сборник документов. М., 1998. С. 19-20.
- 89 СЗ СССР 1930. № 22. С. 248.
- 90 СУ РСФСР. 1927. № 47. Ст. 315.
- 91 Правда. 1926. 20 июля.
- 92 Известия. 1927. 9 июня.
- 93 Правда. 1927. 10 июня.
- 94 Там же. 10 июля.
- 95 Там же. 23 сент., 25 окт.
- 96 Там же. 18 дек.
- 97 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. Ч. 1. С. 291.
- 98 Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1926. С. 570.
- 99 Там же. С. 600-601.
- 100 См.: *Дегтев С.И.* Крестьянство и формирование низовых властных структур деревни в 20-е годы // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М., 1993. С. 139.

- 101 Ларина А.М. Незабываемое // Знамя. 1988. № 11. С. 120.
- 102 Известия. 1927. 16 окт.
- 103 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 94. Л. 8-9.
- 104 Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 237.
- 105 Цит. по публикации: Бакалейник М.А., Роговая Л.А. Три письма о Соловецком лагере 1926 г. // Отечественные архивы. 1992. № 6.
- 106 Там же. С. 87, 88.
- 107 Известия. 1924. 7 окт.
- 108 Продолжение публикации: Бакалейник М.А., Роговая Л.А. Отечественные архивы. 1996. № 6. С. 88-89.
- 109 СЗ СССР. 1929. № 72. Ст. 686.
- 110 КПСС в резолюциях... М., 1983. Т. 2. С. 490.
- 111 См.: Академическое дело. 1929–1931. (Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ). СПб., 1993; Переченок Ф.Ф. «Дело академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы. Репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995; и др.
- 112 Известия. 1930. 29 дек.
- 113 Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 69.
- 114 В марте 1931 г. состоялся процесс меньшевиков, обвинявшихся во вредительстве.
- 115 Валентинов Н. (Н.Вольский). Указ. соч. С. 393.
- 116 Цит. по: Правда. 1988. 3 окт.
- 117 Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 81.
- 118 Известия. 1930. 13 и 14 февр.
- 119 Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 14.
- 120 Известия. 1930. 15 нояб.
- 121 Там же. 1929. 22 нояб.
- 122 Ильина И.Н. Общественные организации РСФСР в 20-е годы. Автореф. канд. дисс. М., 1996. С. 18.
- 123 Положение ВЦИК и СНК РСФСР о Наркомате Внутренних дел РСФСР от 27 марта 1927 г. среди его разнообразных «пределов ведения» предусматривало проведение в жизнь законов, регулирующих организацию и деятельность обществ и союзов, утверждение их уставов, регистрацию обществ и союзов с районом действий, выходящих за пределы одной области (губернии) или имеющих общереспубликанское значение – СУ РСФСР. 1927. № 47. С. 315.
- 124 СУ РСФСР. 1928. № 22. Ст. 157.
- 125 Там же. 1930. № 44. Ст. 527. «Положения о добровольных обществах и союзах» 1932 года объявляло их общей задачей «активное участие в социалистическом строительстве Союза ССР» – СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331.
- 126 Известия. 1927. 15 окт.
- 127 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 866. Л. 31.
- 128 Там же. Л. 23.

- 129 Там же. Л. 25, 26.
- 130 Правда. 1925. 1 нояб.
- 131 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 45. Л. 15.
- 132 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 88-89.
- 133 Там же. С. 91.
- 134 Там же. С. 290.
- 135 Восьмой Всесоюзный съезд профсоюзов СССР. Стеногр. отчет. М., 1928. Бюллетень № 4. С. 3.
- 136 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 2. Л. 63.
- 137 Там же. Л. 64.
- 138 Там же. Л. 65.
- 139 Там же. Л. 66.
- 140 *Русакова М.Ю., Кирьянов Ю.И.* Материалы фонда ЦК профсоюза за текстильной промышленностью. // Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929. М., 1998. С. 125.
- 141 *Кирьянов Ю.И.* Литература о трудовых конфликтах // Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929 гг. М., 1998. С. 23. Число забастовок: в 1922 г. – 431, в 1923 г. – 144, в 1924 г. – 223, в 1925 г. – 196, в 1926 г. – 337, в 1927 г. – 396, в 1928 г. (первая половина) – 90.
- 142 Шестой Всесоюзный съезд профессиональных союзов СССР. Стеногр. отчет. М., 1925. С. VI-VII.
- 143 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 12. Д. 816. Л. 48, 53.
- 144 Там же. Л. 50.
- 145 Там же. Д. 155. Л. 1.
- 146 Там же. Л. 3.
- 147 Восьмой Всесоюзный съезд профессиональных союзов. Стеногр. отчет. Бюллетень № 2. С. 13.
- 148 Там же. Бюллетень № 10. С. 20.
- 149 Там же. С. 21.
- 150 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 539. Л. 3.
- 151 Там же. Л. 34.
- 152 Там же. Л. 19-20.
- 153 Восьмой Всесоюзный съезд профессиональных союзов. Стеногр. отчет. Бюллетень № 4. С. 11.
- 154 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 433.
- 155 Там же. С. 434.
- 156 История СССР. М., 1967. Т. VIII. С. 606.
- 157 Комсомольская правда. 1928. 7 дек.
- 158 *Кузнецова Т.* Советская кооперация в 20-60-е годы: по пути свергывания // Кооперация. Страницы истории. М., 1991. Вып. II. С. 169.
- 159 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 133. Л. 72.
- 160 *Кремнев Г.* Развитие кооперации. Л., 1928. С. 161.
- 161 Председатель Центросоюза Хинчук в 1926 г. направлен на дипломатическую работу, его преемником собранием уполномо-

- ченных Центросоюза избран И.Е.Любимов, вскоре после него А.Е.Бадаев (до 1930 г.).
- 162 Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. Документы и материалы. М., 1991. С. 197.
- 163 *Кремнев Г.* Указ. соч. С. 163, 164.
- 164 Кооперативно-колхозное строительство в СССР 1923–1927 С. 211.
- 165 Сеть сельскохозяйственной кооперации СССР. Сборник статей и материалов. М., 1929. С. 8.
- 166 *Дзержинский Ф.Э.* Избр. произв. М., 1957. Т. 2. С. 293-294
- 167 Цит. по: Коммунист. 1989. № 8. С. 87-88.
- 168 Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957 Т. 1. С. 597, 598.
- 169 Статистическое обозрение. 1928. № 6. С. 75.
- 170 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. Ч. 2. С. 1369.
- 171 Там же. С. 1459.
- 172 Там же. С. 1460.
- 173 *Яковлев А.И.* На кооперативные темы // Сельскохозяйственная кооперация. 1928. № 5. С. 48-51.
- 174 Правда. 1928. 15 нояб.
- 175 Подробно см.: *Файн Л.Е.* Отечественная кооперация. Исторический опыт. Иваново, 1994. С. 240-242.
- 176 Цит. по: *Файн Л.Е.* Потребительская кооперация и потребительский рынок в первой половине 20-х годов // Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории. Вып. 2. Иваново, 1997. С. 177.
- 177 Коллективизация сделала ненужной сложившуюся систему сельскохозяйственной кооперации. Ее низовая сеть свертывалась. Постановлением Наркомата земледелия СССР «О реорганизации системы сельскохозяйственной кооперации» от 1 февраля 1931 г. Союз союзов и местные союзы (республиканские, краевые и областные) ликвидировались – СЗ СССР. 1931. № 16. Ст. 151.
- 178 Подробнее см.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991.
- 179 *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 133.
- 180 Цит. по: *Ваганова И.В.* Религия, образование, печать по рассекреченным документам Госархива Ярославской области (1926–1928 гг.) // Советские архивы. 1990. № 6. С. 62.
- 181 *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 324.
- 182 Там же. Т. 11. С. 50.
- 183 Административный вестник. 1929. № 5. С. 61.
- 184 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 12. Д. 645. Л. 8.
- 185 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 4, 6, 14, 15, 17, 19.
- 186 СУ РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.
- 187 Там же. № 47-48. Ст. 495.
- 188 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 33.
- 189 С этого съезда Союз безбожников стал называться Союзом воинствующих безбожников СССР.

- 190 Антирелигиозник. 1929. № 7. С. 8.
- 191 Известия ЦК РКП(б). 1929. 14 июня. С. 24.
- 192 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 41.
- 193 Там же. Л. 49. Постановление касалось городов.
- 194 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 279.
- 195 Там же. С. 488.
- 196 *Троцкий Л.Д.* Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 167.
- 197 Там же. С. 207.
- 198 *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. В 2-х кн. М., 1989.
- 199 Цит. по: *Николаев П.А.* Эпизод из псковской ссылки Н.А.Рожкова в 1923–1924 годах // Отечественная история. 1998. № 3. С. 146.
- 200 Цит. по: *Лельчук В.С.* Послесловие к книге // *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1991. С. 451.
- 201 Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 9. Февраль-март. С. 31–34.
- 202 *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 149.
- 203 См.: *Овсянников А.А.* Истоки вождизма: идеология и практика // Формирование административно-командной системы. 20–30-е годы. Сборник статей. М., 1992.
- 204 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
- 205 Там же. С. 346.
- 206 Подробно о личности Сталина см.: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1991; *Волкогонов Д.А.* Указ. соч.
- 207 До конца июля 1926 г. – зам. наркома по военным и морским делам, представитель ВВС в СТО. Приверженец Троцкого. В борьбе с Зиновьевым Сталин использовал т.н. «дело Лашевича». На нелегальном собрании руководства Объединенной оппозиции 6 июня 1926 г. М.М.Лашевич выступил с резкой критикой внутрипартийного положения и обвинениями в адрес ЦК. Июльский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) исключил его из состава ЦК и снял с поста зам. председателя Реввоенсовета.
- 208 Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 72–73.
- 209 Там же. С. 71.
- 210 Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. С. 274, 275.
- 211 Там же. С. 397.
- 212 См.: Коммунист. 1989. № 8. С. 87–88.
- 213 Цит. по: Наше отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 242.
- 214 Правда. 1927. 25 нояб.
- 215 *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 63.
- 216 *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. Путь к социализму. Новосибирск, 1990. С. 158–163.
- 217 Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. С. 151.

- 218 *Бухарин Н.И.* Избр. произв. М., 1988. С. 238.
- 219 Там же. С. 395.
- 220 Восьмой Всесоюзный съезд профессиональных союзов. Стеногр. отчет. Бюллетень. № 2. С. 27
- 221 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 4. С. 274.
- 222 *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 171.
- 223 *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 302; *Фельштинский Ю.Г.* Разговоры с Бухариным. М., 1993. С. 35.
- 224 *Бухарин Н.И.* Избр. произв. С. 399.
- 225 *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 320.
- 226 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 11. «Тезисы» были разосланы по ссыльным колониям оппозиции т.н. «большевиков-ленинцев».
- 227 Там же. Д. 111. Л. 3–4.
- 228 Правда. 1929. 13 июня.
- 229 *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 318–319.
- 230 Там же. С. 324–325.
- 231 *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. С. 263–264.
- 232 Впрочем, и лидерам оппозиций нельзя отказать в «верности» Ленину и ленинизму. Троцкий и его последователи имели все основания называть себя «большевиками-ленинцами». Они, как и группа Бухарина, также как Сталин и его приверженцы, доказывали свою правоту ленинскими цитатами. Разница была лишь в том, как они их использовали. Так, Сталин исходил из положений Ленина («год отступали, хватит» и др.), подводивших к насильственному сворачиванию нэпа, Бухарин – из положений последних статей Ленина («нэп – всерьез и надолго»), ориентированных на эволюционное развитие нэпа.
- 233 См.: Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989. С. 274–282.
- 234 КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 5. С. 49.
- 235 Шестнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. С. 147
- 236 Семнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1934. С. 125.
- 237 *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. Кн. 1. Ч. 2. С. 144.
- 238 Цит. по: *Геллер М., Некрич Д.* Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон, 1989. С. 259.
- 239 Правда. 1936. 26 нояб.
- 240 См.: Коммунист. 1987. № 12. С. 70.
- 241 *Данилов В.П.* 20-е годы: нэп и борьба альтернатив // Историки спорят. М., 1988. С. 128.
- 242 *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 171.
- 243 Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1968. С. 343
- 244 *Бухарин Н.И.* Избр. произв. С. 183.
- 245 *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 358, 359.

- 246 Подробнее см.: *Иконникова И.П., Узрватов А.П.* Сталинская репетиция наступления на крестьян // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1.
- 247 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 588. Л. 58.
- 248 Там же. Л. 117-118, 121.
- 249 *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 15-16. Впервые опубликовано в 1949 г.
- 250 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 109. Л. 6.
- 251 Социалистический вестник. 1928. 6 марта. С. 1.
- 252 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 79, 80.
- 253 Цит. по: *Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму. 1917–1929. М., 1994. С. 132.
- 254 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 352-353.
- 255 *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 211.
- 256 *Губенко М.П.* Сельскохозяйственная кооперация в начале массовой коллективизации // Исторические записки. 1963. № 74. С. 4.
- 257 Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1929 г. М., 1929. С. 8.
- 258 Правда. 1929. 13 авг.
- 259 Советское государство и революция права. 1930. № 2. С. 91-92.
- 260 Цит. по: *Власть и оппозиция.* М., 1995. С. 141.
- 261 Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1929 г. С. 39.
- 262 СЗ СССР. 1928. № 69. Ст. 642.
- 263 СУ РСФСР 1930. № 5. Ст. 621.
- 264 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 167
- 265 Колхозы в 1929 г. М., 1931. С. XIII.
- 266 Правда. 1929. 27 июня.
- 267 Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989. С. 33.
- 268 Письма *И.В.Сталина В.М.Молотову.* 1925–1936. Сборник документов. С. 142-143.
- 269 КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 17
- 270 *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 146.
- 271 Там же. С. 166.
- 272 Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 84.
- 273 СЗ СССР 1930. № 16. Ст. 172.
- 274 *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 307.
- 275 Социалистический вестник. 1931. 3 апр. С. 1.
- 276 *Роговин В.* Сталинский неонэп. М., 1994. С. 29.
- 277 *Искандер Ф.* Поэты и цари. М., 1991. С. 32.
- 278 См.: *Корицкий Э.Б.* Николай Иванович Бухарин // Пути развития: дискуссии 20-х годов. Е.А.Преображенский, Н.И.Бухарин. Л., 1990. С. 59 и др.
- 279 См.: *Историки спорят. Тринадцать бесед.* М., 1988. С. 130.
- 280 Там же.

- 281 См.: Большевик. 1930. № 5. С. 43.
 282 См.: Экономический бюллетень конъюнктурного института. 1927. № 11-12 (Статья А.Вайнштейна); Большевик. 1930. № 7-8. С. 71.
 283 Большевик. 1930. № 5. (Статья К.Розенталя).
 284 Правда. 1928. 14, 17, 24, 28 июня.
 285 Сокращенный вариант статьи, опубликованной в «Коммунистическом интернационале» (1928. № 23-24).
 286 КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 397.

Глава III

- ¹ Подробно см. мою книгу «Советские управленцы. 1917–1920 гг.» (М., 1998).
² КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 353.
³ *Восленский М.* Номенклатура. М., 1991. С. 112.
⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп.34. Д. 1. Л. 19.
⁵ Там же. Л. 45.
⁶ Там же. Л. 1.
⁷ Этому вопросу посвящена статья: *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7
⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 139. Л. 74.
⁹ *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 210, 211.
¹⁰ КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 3. С. 55.
¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 457. Л. 5.
¹² Там же. Д. 446. Л. 17-25.
¹³ Там же. Оп. 84. Д. 480. Л. 102.
¹⁴ Руководящие кадры РКП(б) и их распределение. М., 1924. С. 9.
¹⁵ Учет и распределение работников (к совещанию заведующих орготделами губкомов). М., 1923. С. 10-11.
¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 54. Л. 9-17.
¹⁷ Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М. 1963. С. 806, 87
¹⁸ *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 207-208.
¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 480. Л. 20.
²⁰ Там же. Д. 919. Л. 5-6.
²¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 169.
²² Цит. по: *Симонов Н.С.* Термидор, брюмер или фрюктидор? Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. 1993. № 4. С. 9.
²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 478. Л. 28.
²⁴ Там же. Л. 24.
²⁵ Там же. Оп. 84. Д. 651. Л. 96.

- 26 Цит. по: *Бажанов В.А.* Восхождение к абсолютной власти (большевики и советское государство в 20-е годы). Минск, 1995. С. 67.
- 27 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 459. Л. 1-2.
- 28 Там же. Л. 3-21.
- 29 Там же. Л. 23.
- 30 Там же. Л. 33-154.
- 31 Там же. Л. 1-2.
- 32 Там же. Л. 6.
- 33 Там же. Оп. 69. Д. 139. Л. 40.
- 34 *Бажанов В.А.* Указ. соч. С. 66.
- 35 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 919. Л. 5-6.
- 36 Там же. Оп. 69. Д. 139. Л. 14.
- 37 Там же. Л. 7.
- 38 Там же. Л. 16.
- 39 Там же. Л. 37.
- 40 Там же. Л. 37-38.
- 41 Там же. Д. 191. Л. 35.
- 42 Там же. Л. 52.
- 43 Там же. Л. 59.
- 44 *Троцкий Л.Д.* Новый курс. М., 1923. С. 12.
- 45 Н.Н.Крестинский, Д.И.Курский, Г.В.Чичерин, А.В.Луначарский, Л.Б.Красин, В.И.Невский, А.Н.Винокуров, Н.А.Семашко.
- 46 Г.В.Чичерин, В.П.Милютин, Г.Я.Сокольников.
- 47 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 199.
- 48 Правда. 1921. 12 февр.
- 49 Там же.
- 50 Известия ЦК РКП(б). 1922. № 8. С. 11-12.
- 51 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 434. Л. 4.
- 52 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 595-598.
- 53 Цит. по: *Павлова И.В.* Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993. С. 69.
- 54 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 467. Л. 128-129.
- 55 Там же.
- 56 СЗ СССР. 1926. № 40. Ст. 241.
- 57 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21918. Л. 1.
- 58 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 31. Д. 335. Л. 23.
- 59 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 243.
- 60 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 110. Л. 2-3.
- 61 См.: *Павлова И.В.* Указ. соч. С. 149.
- 62 Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1968. С. 243.
- 63 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 864. Л. 1-2.
- 64 КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 4. С. 340.
- 65 Правда. 1923. 14 марта.
- 66 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 1991. С. 478.
- 67 *Троцкий Л.Д.* Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 267.
- 68 *Weber M.* Weg und Person. Dokumente ausgewählt und komentirt von E.Baumgarten. Tübingen, 1984. S. 254.

- 69 *Троцкий Л.Д.* Преданная революция. Париж, 1937. С. 25-27.
- 70 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 127-128.
- 71 Ленинский сборник XXXIII. С. 337-338.
- 72 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 253.
- 73 Там же. Т. 45. С. 347-348.
- 74 См.: *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы. 1917–1920. М., 1998. С. 93, 106, 136.
- 75 Известия ЦК РКП(б). 1922. № 3 (39). С. 41.
- 76 Социальное положение определялось по последней профессии, если она не была «случайной или кратковременной».
- 77 Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 46.
- 78 Там же. С. 348.
- 79 Руководящие кадры РКП(б) и их распределение. М., 1924. С. 26, 27.
- 80 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 198.
- 81 ЦКК – РКИ в основных постановлениях партии. М.-Л., 1927. С. 82.
- 82 Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 607-608.
- 83 Правда. 1924. 8 апр.
- 84 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 54. Л. 15.
- 85 Там же. Д. 536. Л. 4, 8.
- 86 Там же. Д. 54. Л. 15.
- 87 II Пленум ЦКК созыва XV съезда ВКП(б). 2-5 апреля 1928 г. М., 1928. С. 108.
- 88 Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. С. 541.
- 89 *Размирович Е.Ф.* НОТ, РКИ и партия. К постановке вопроса о технике управления. М., 1926. С. 67.
- 90 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. С. 472.
- 91 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 133. Л. 92-95.
- 92 Восьмой съезд профсоюзов СССР. Стеногр. отчет. М., 1928. Бюллетень № 10. С. 59.
- 93 Цит. по: *Люттов Л.Н.* Государственная промышленность в годы нэпа (1921–1929). Саратов, 1996. С. 142.
- 94 Там же. С. 144-145.
- 95 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 158-159.
- 96 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 12. Д. 155. Л. 10.
- 97 Там же. Л. 18-19.
- 98 Там же. Л. 31.
- 99 Там же. Л. 13.
- 100 Там же. Л. 17.
- 101 *Пашуканис Е.Б.* Советский государственный аппарат и борьба с бюрократизмом // Строительство советского государства. Сборник статей. М., 1929. С. 44.
- 102 Там же.
- 103 *Петерс Я.* О чистке советского аппарата. М.-Л., 1929. С. 46.
- 104 Шестнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1930. С. 497.
- 105 Там же. С. 619.
- 106 Справочник партийного работника. М., 1934. Вып. VIII. С. 386.

- 107 Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937 М., 1984. Т. 2. С. 333.
- 108 *Пашуканис Е.Б.* Указ. соч. // Строительство советского государства. Сборник статей. С. 41.
- 109 *Бинеман Я., Хейнман С.* Кадры государственного и кооперативного аппарата СССР М., 1930. С. 31.
- 110 Коммунисты в составе аппаратов госучреждений и общественных организаций. Итоги всесоюзной партийной переписи 1927 г. М., 1929. С. 13.
- 111 Итоги выборов в горсоветы. 1927 год. М., 1928. С. XVIII.
- 112 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 631. Л. 6.
- 113 Там же. Л. 5, 9.
- 114 Там же. Л. 2.
- 115 Шестнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. С. 310.
- 116 Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1926. С. 810; Шестнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. С. 600.
- 117 *Бажанов В.А.* Указ. соч. С. 176; *Панов П.В.* О некоторых противоречиях нэпа: политика и экономика // Нэп: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998 С. 44.
- 118 Шестнадцатая партийная конференция ВКП(б). Апрель 1929. Стеногр. отчет. М., 1962. С. 575.
- 119 Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат к XIV съезду ВКП(б). М., 1926. С. 51.
- 120 *Бажанов В.А.* Указ. соч. С. 174.
- 121 *Люттов Л.Н.* Указ. соч. С. 129, 131, 137.
- 122 *Филимонов В.* Власть городская, власть деревенская // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М., 1993. С. 183.
- 123 Известия. 1929. 24 дек.
- 124 Советское государство и революция права. 1930. № 1. С. 71.
- 125 *Бажанов В.А.* Указ. соч. С. 185.
- 126 *Юрьев Д.* Упрощение советского аппарата и борьба с бюрократизмом. М.-Л., 1928. С. 60.
- 127 Цит. по: Рабочий класс в управлении государством (1926–1937 гг.). М., 1968. С. 145.
- 128 *Пашуканис Е.Б.* Указ. соч. С. 39.
- 129 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 339, 342; Правда. 1928. 3 июня.
- 130 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 493.
- 131 *Бухарин Н.И.* Избр. произв. С. 376.
- 132 Стенографический отчет первой ленинградской областной конференции ВКП(б). 15-19 ноября 1927 года. М. 1929. С. 19.
- 133 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 390, 391.
- 134 *Луначарский А.В.* Просвещение и революция. М., 1924. С. 665.
- 135 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 109.
- 136 Там же. Т. 53. С. 301.
- 137 *Шляпников А.Г.* О задачах рабочих союзов // Партия и профсоюзы. Пг., 1921. С. 301.
- 138 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 383.
- 139 Там же. С. 86.

- 140 *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификации. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990. С. 85.
- 141 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 15.
- 142 Там же. С. 14.
- 143 *Рыков А.И.* Избр. произв. М., 1990. С. 10.
- 144 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 164-165.
- 145 Там же. Т. 54. С. 120.
- 146 Там же. Т. 43. С. 244.
- 147 Там же. Т. 45. С. 45.
- 148 Цит. по публикации в журнале: Советское государство и право. 1990. № 9. С. 113.
- 149 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 75. Л. 62; Ф. 4085. Оп. 19. Д. 32. Л. 92.
- 150 Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 212-215.
- 151 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 9. Д. 335. Л. 2.
- 152 Шестнадцатая конференция ВКП(б). Стеногр. отчет. М.-Л. 1929. С. 12.
- 153 См.: Коммунист. 1989. № 8. С. 87.
- 154 Там же. С. 86.
- 155 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М. 1961. Ч. 1. С. 563.
- 156 Седьмой Всесоюзный съезд профсоюзов. М. 1926. Бюллетень № 8. С. 11.
- 157 Восьмой Всесоюзный съезд профсоюзов. Стеногр. отчет. М., 1928. Бюллетень № 10. С. 52.
- 158 Там же. С. 53.
- 159 Пленум ЦКК созыва XV съезда ВКП(б). 2-5 апреля 1928. М., 1928. С. 95.
- 160 Седьмой съезд профсоюзов. Стеногр. отчет. Бюллетень № 8. С. 13.
- 161 Там же. С. 9.
- 162 Цит. по: Коммунист. 1989. № 8. С. 85.
- 163 СЗ СССР. 1927. № 26. Ст. 278.
- 164 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 365. Л. 142.
- 165 Восьмой съезд профсоюзов. Стеногр. отчет. Бюллетень № 5. С. 99.
- 166 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 733. Л. 170.
- 167 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 9. Д. 335. Л. 2.
- 168 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 197.
- 169 СУ РСФСР. 1923. № 99. Ст. 989.
- 170 КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 439.
- 171 Техника управления. 1925. № 1. С. 23-24.
- 172 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 250.
- 173 *Петерс Я.* О чистке советского аппарата. М.-Л., 1926. С. 6.
- 174 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 171. Л. 14-15.
- 175 Там же. Ф. 5446. Оп. 6. Д. 1084. Л. 18.
- 176 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. М., 1957. Т. 1. С. 578-583.
- 177 СЗ СССР. 1926. № 40. Ст. 241.

- 178 *Петерс Я.* О чистке советского аппарата. С. 9.
- 179 СЗ СССР. № 53. Ст. 542.
- 180 Седьмой съезд профсоюзов. Стеногр. отчет. Бюллетень № 8. С. 5.
- 181 Там же. С. 4.
- 182 СУ РСФСР. 1928. № 104. Ст. 659.
- 183 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 480. Л. 13.
- 184 Справочник для контрольных комиссий ВКП(б) и органов РКИ. М., 1926. С. 105-106.
- 185 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 388.
- 186 Деятельность органов партийно-государственного контроля по совершенствованию госаппарата. Сборник документов. М., 1964. С. 279-281.
- 187 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 473-474.
- 188 СЗ СССР. 1929. № 35. Ст. 313.
- 189 *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 313.
- 190 Шестнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. С. 316.
- 191 Там же. С. 312.
- 192 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. Ч. 1. С. 442-443.
- 193 Правда. 1928. 15 марта.
- 194 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 18. Л. 5.
- 195 *Бухарин Н.И.* Избр. произв. С. 417-418.
- 196 II Пленум ЦКК созыва XV съезда ВКП(б). С. 94-95.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Автарханов А. 16, 403
 Адор Г. 250
 Александров 221
 Алексеев В.А. 416, 422
 Андреев А.А. 82, 84, 174, 177, 191, 192, 206, 384
 Антонов-Овсеенко В.А. 45, 126

 Бажанов В.А. 412, 426, 428, 429
 Бакалейник М.А. 420
 Бадаев А.Е. 421
 Бейлин Г. 404
 Белавин (патриарх Тихон) 201, 202, 203, 204, 274, 275
 Белобородов А.Г. 126, 200, 299
 Бердяев Н.А. 63
 Бинеман Я. 428
 Блок М. 3
 Богомолов 339
 Бокарев Ю.П. 11, 401, 402, 417
 Болдырев М.Ф. 408
 Большаков А.М. 409
 Бордюгов Г.А. 11, 401
 Брайант Луиза 66
 Брежнев Л.И. 4
 Бредли Д. 413
 Бреханов Н.П. 104
 Бухшпан Я.М. 63
 Буров Я. 109, 408, 409
 Бурцев В.Л. 62
 Бухарин Н.И. 11, 14, 16, 21, 31, 42, 43, 78, 80, 81, 98, 121, 123, 133, 135, 145, 146, 194, 215, 229, 236, 237, 248, 254, 266, 267, 280, 285, 286, 290, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 305, 306, 322, 323, 348, 371, 391, 395, 397, 398, 399, 401, 403, 406, 411, 423, 424, 425, 429, 430.
 Быстрова И.В. 12, 402

 Ваганова И.В. 422
 Вайнштейн А. 425
 Валентинов Н. (Вольский Н.) 16, 32, 33, 34, 99, 100, 101, 219, 228, 254, 403, 404, 406, 407, 417, 418, 420
 Варга Е. 324
 Вардин И.В. (Мгеладзе) 68
 Варейкис М. 227
 Васильева О.Ю. 13, 402, 416
 Вебер Макс 352, 427
 Вернадский В.И. 157
 Винокуров А.Н. 427
 Владимиров 33
 Войков П.Л. 224, 246
 Волкогонов Д.А. 11, 284, 401, 405, 422, 423, 424.
 Ворошилов К.Е. 124, 286, 291, 303, 342.
 Восленский М.С. 328, 425, 426
 Врангель П.Н. 383

 Геллер М. 424
 Генкина Э.Б. 9, 401
 Гимпельсон Е.Г. 404, 427
 Гирс И. 288
 Голанд Ю. 11, 401, 403, 408, 410, 417
 Горинев М.М. 402
 Горбачев М.С. 4
 Горбунов Н.П. 36, 63
 Горький А.М. 255, 412
 Грачев В.Ф. 367
 Губенко М.П. 425

- Гумилев Н. 405
 Гусев А.В. 411
 Гусев К.В. 414
- Дан Ф. 120
 Данилов В.П. 305, 320, 323, 424
 Двинов Б. 406
 Дегтев С.И. 409, 419
 Дегтярев Г.П. 402
 Деникин А.И. 57, 383
 Дейч Л. 248
 Джембул 304
 Дзержинский Ф.Э. 57, 58, 60, 65, 68, 70, 98, 99, 100, 104, 107, 120, 156, 161, 162, 216, 219, 236, 237, 245, 246, 270, 291, 348, 361, 378, 381, 383, 421, 422
 Дмитренко В.П. 9, 12, 401
 Долгоруков 246
 Дэвис Р.У. 10, 401
- Елистратов А.И. 241, 419
 Ельзин Б.Н. 4
 Енукидзе А.С. 250
- Завьялова К.Г. 39
 Залуцкий П.А. 43
 Затонский В.П. 358, 359, 383, 391
 Зельсков В.Н. 405, 419
 Зинин А. 409
 Зиновьев Г.Е. 37, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 108, 121, 122, 123, 125, 127, 130, 135, 136, 139, 141, 144, 145, 149, 150, 152, 159, 215, 216, 236, 248, 285, 286, 287, 290, 291, 295, 296, 395, 411, 423
- Иванова Г.М. 405
 Измолик В.С. 405, 408, 409, 412
- Иконникова И.П. 424
 Ильина И.Н. 420
 Ильиных В.А. 402, 417
 Иоффе А.А. 351
 Исаев И.А. 402
 Искандер Фазиль 322, 425
- Каганович Л.М. 110, 162, 319, 335, 342
 Калинин М.И. 50, 52, 200, 201, 206, 207, 237, 280, 286, 303, 405
 Каменев Л.Б. 11, 37, 60, 70, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 104, 108, 121, 123, 134, 141, 145, 150, 215, 216, 247, 287, 290, 291, 295, 296, 297, 395, 408, 411, 417
 Каминский Г.Н. 192, 194, 271
 Караев В.З. 382
 Карахан Л.М. 124
 Карпинский В. 213
 Карр Э. 25, 403
 Касаткин 221
 Катанян Р.П. 250
 Кэпг 250
 Кирьянов Ю.И. 262, 421
 Киселев А.С. 135
 Киселев А.Ф. 12, 401, 413
 Климский-Кутузов Д. 187
 Клиф Т. 412
 Коган-Бернштейн Н. 248
 Козлов 119
 Козлов В.А. 11, 401
 Колесников А. 412
 Колчак А.В. 42
 Кондратьев Н.Д. 254
 Конквист Р. 405
 О'Коннор Т.Э. 403
 Копалкин В.М. 407
 Коржихина Т.П. 402, 426
 Корицкий Э.Б. 425
 Косиор В.В. 130, 147
 Косиор И.В. 361

- Кошеваров А.Н. 402
 Коэн С. 14, 322, 323, 403
 Красильников 222
 Красин Л.Б. 23, 25, 30, 31, 34, 75, 104, 131, 140, 148, 149, 156, 351, 427
 Красношеков 97
 Кремнев Г. 415, 421
 Крестинский Н.Н. 427
 Кржижановский Г.М. 417
 Крупская Н.К. 130, 229
 Крыленко Н.В. 160, 238, 240, 241, 242, 255, 349, 419
 Крылов А.И. 340
 Кузнецова Т. 421
 Курский Д.И. 36, 53, 58, 70, 97, 348, 349, 377, 427
 Кускова Е.Д. 62
 Кутузов И.И. 135
- Лазаревский Н.И. 405
 Лапина С.Н. 402
 Ларин Ю. 32, 37, 76
 Ларина А.М. 248, 419
 Лацис О.Р. 11, 401
 Лашевич М.М. 287, 290, 334, 423
 Лелюхина Н.О. 402
 Лельчук В.С. 423
 Левин В.И. 12, 15, 16, 20, 21, 22, 24, 26, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 43, 44, 51, 53, 58, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 73, 74, 75, 76, 77, 80, 93, 94, 99, 104, 121, 123, 124, 125, 126, 130, 134, 135, 144, 148, 151, 163, 70, 174, 175, 177, 184, 185, 189, 190, 199, 201, 229, 247, 277, 282, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 301, 304, 306, 307, 310, 311, 320, 343, 348, 349, 353, 354, 372, 373, 374, 376, 377, 385, 399, 403, 404, 405, 406, 407, 409, 410, 411, 413, 414, 415, 416, 417, 423, 424, 427, 429, 430
- Леонов С.В. 404
 Лепешинский П.Н. 168
 Литвак К.Б. 409
 Лихачев Н.П. 253, 367
 Ломов А. 32
 Луначарский А.В. 63, 140, 156, 372, 373, 427, 429
 Любавский М.К. 253
 Любимов И.Е. 421
 Люттов Л.Н. 402, 412, 428
 Лапин 310
- Мадональд Д. 81
 Мартов Ю.О. 38, 70
 Мау В.А. 401
 Менжинский В.Р. 120, 236, 245, 246, 291
 Метелев А.Д. 347
 Микоян А.И. 291, 303, 316, 317, 417
 Милотин В.П. 32, 427
 Молотов В.М. 37, 51, 55, 68, 81, 85, 93, 112, 114, 115, 136, 153, 155, 156, 158, 162, 200, 201, 231, 240, 286, 290, 303, 30, 336, 348, 349, 423, 425
 Морен Э. 15, 403
 Муранов Н.И. 126
 Муругов И. 412
 Муссолини Б. 291
 Мясликов Г.И. 41, 42, 43, 44
- Невский В.И. 427
 Нежинский Л.Н. 418
 Некрич А. 424
 Неретина Л.А. 402
 Николаев П.А. 422
 Николаевский Б.И. 408
 Носова Н.П. 402

- Овсянников А.А. 423
 Орахелашвили М.Д. 104
 Орджоникидзе Г.К. 11, 155,
 239, 291, 303, 361, 365, 367,
 382, 383, 390, 391
 Орлов 106
 Орлов И.Б. 14
 Осинский Н. 32, 170
 Оссовский Я.А. 142
- Павлова И.В. 13, 402, 410,
 427
 Панов П.В. 428
 Пашуканис Е.Б. 428, 429
 Перченко Ф.Ф. 420
 Пилсудский Ю. 291
 Пильняк Б.А. 102
 Платонов С.Ф. 253
 Покровский Н.Н. 202, 416
 Поляков Ю.А. 9, 401, 403, 411
 Попов В. 10, 401
 Петерс Я. 428, 430
 Преображенский Е.А. 23, 27,
 32, 77, 78, 98, 125, 126, 149,
 287, 299, 406, 425
 Пятаков Г.Л. 31, 77, 108, 126,
 215, 287
- Радек К.Б. 60, 68, 135, 142,
 287, 299
 Размирович Е.Ф. 359, 428
 Раковский Х.Г. 76, 108, 146,
 287, 411
 Рид Д. 66
 Роголина Н.А. 402, 404
 Роговая Л.А. 420
 Роговин В.З. 11, 321, 401, 425
 Родионов П.Н. 405
 Рожков Н.А. 285
 Розенберг В. 413
 Розенталь К. 425
 Розит Д.П. 408
 Рудзутак Я.Э. 145, 174, 192
 Русакова М.Ю. 421
- Рухимович Г.С. 308
 Рыбаков А. 4, 401
 Рыков А.И. 17, 78, 79, 80,
 104, 105, 123, 146, 161, 178,
 195, 225, 229, 231, 247, 254,
 266, 267, 286, 290, 292, 293,
 295, 299, 300, 301, 302, 306,
 335, 377, 380, 381, 395, 398,
 406, 414, 429
 Рябинин 178
- Саврасов А.А. 58
 Сапронов Т.В. 40, 126, 143,
 145, 148, 170, 200, 334
 Свердлов В.М. 62
 Свицкерский А.И. 34
 Свищев М.А. 402, 416
 Семашко Н.А. 427
 Серебряков Л.П. 126
 Симонов Н.С. 13, 402, 404,
 418, 426
 Склянский Э.М. 282
 Смилга И.Т. 299
 Смирнов И.Н. 104, 126, 143,
 283
 Смирнов (митрополит Кирилл)
 275
 Соколов 349
 Соколов А.К. 13
 Соколов В. 409, 412
 Сокольников Г.Я. 23, 24, 25,
 27, 31, 58, 86, 89, 104, 217,
 237, 402, 407, 427
 Сольд А.А. 43, 239, 344
 Сосновский Л.С. 126
 Сталин И.В. 3, 4, 6, 7, 11, 12,
 15, 16, 23, 34, 70, 75, 77,
 78, 79, 81, 85, 94, 95, 96,
 97, 101, 108, 113, 116, 121,
 122, 123, 124, 125, 129, 130,
 131, 132, 133, 135, 138, 140,
 144, 145, 146, 150, 151, 152,
 160, 162, 163, 195, 205, 206,
 207, 209, 210, 211, 217, 220,

- 229, 230, 231, 232, 237, 248,
249, 254, 255, 275, 276, 277,
282, 283, 284, 285, 286, 287,
288, 289, 290, 291, 292, 293,
294, 295, 296, 297, 298, 299,
300, 301, 302, 303, 304, 305,
307, 308, 309, 311, 316, 317,
318, 320, 321, 330, 333, 334,
335, 342, 352, 356, 390, 396,
397, 398, 399, 401, 403, 404,
406, 409, 410, 411, 413, 414,
416, 419, 420, 422, 423, 424,
425, 426, 427, 430.
- Степун Ф. А. 63
- Старгородский (патриарх Не-
жегородской Сергий) 275
- Стуков И. Н. 32
- Стучка П. И. 241, 242, 419
- Суворова Л. Н. 12, 402
- Таганцев В. Н. 405
- Такер Р. 15, 403, 423
- Тарле Е. В. 253
- Тихвинский М. М. 405
- Томский М. П. 123, 146, 153,
173, 175, 176, 177, 229, 262,
264, 265, 266, 267, 286, 292,
293, 295, 299, 300, 301, 302,
306, 310, 351, 352, 371, 395,
398, 413, 414
- Троцкий Л. Д. 16, 32, 37, 50,
66, 76, 77, 78, 79, 80, 82,
90, 95, 96, 104, 108, 114,
120, 123, 124, 125, 133, 134,
135, 137, 138, 139, 141, 142,
144, 145, 146, 150, 170, 200,
215, 216, 217, 229, 230, 282,
283, 285, 286, 287, 290, 291,
295, 296, 297, 298, 306, 334,
351, 376, 395, 405, 408, 409,
410, 411, 417, 418, 422, 423,
424, 427, 429
- Тружан Г. А. 424
- Тучков Б. В. 202, 204
- Угаров 301, 302
- Угланов Н. А. 128, 141
- Угроватов А. П. 424
- Ундриевич В. 241
- Уншлихт И. С. 99, 200
- Устрялов Н. В. 38, 229, 233,
418
- Файн Л. Е. 402, 415, 422
- Федоровская Е. С. 402
- Фельштинский Ю. Г. 423
- Фигатнер Ю. Ю. 426
- Фигнер В. Н. 248
- Фигнер-Сажина Е. 248
- Филатов А. Н. 413
- Филлимонов В. 429
- Фишер Л. 304
- Фомин В. 361
- Фотиева Л. А. 336
- Франк С. Л. 63
- Nassard S. 401
- Ханин Г. 11, 401
- Хатаевич М. М. 196
- Хейнман С. 428
- Хинчук Л. М. 188, 192, 194,
195, 421
- Hirschman A. 401
- Ходоровский И. И. 131
- Храповицкий А. 203
- Хрушев Н. С. 4
- Цеткин Клара 292
- Цифринович В. Е. 368
- Цюрупа А. Д. 34, 104
- Чаянов А. В. 182, 254, 414
- Чемберлен О. 81
- Чичерин Г. В. 104, 124, 157,
162, 163, 164, 409, 412, 427
- Чубарь В. Я. 104
- Чураков Д. О. 12, 402
- Шаховский Д. И. 405
- Шверник Н. М. 259

Шейнман А.Л. 196, 415
Шишкин В.А. 14, 32, 46, 152,
210, 235, 402, 403, 404, 411,
416, 418, 423
Шкирятов М.Ф. 239, 349
Шляпников А.Г. 32, 135, 170,
375, 429
Шмелев Н. 10, 401
Шмидт В.В. 104
Шолохов М.А. 317
Шпенглер О. 63

Щетников С.А. 417

Юденич Н.Н. 383
Юрьев Д. 429

Ягода Г.Г. 245
Яковлев 200
Яковлев Я.А. 381, 409
Яковлев А.И. 273, 422
Яковлева В.Я. 365
Янсон Н.М. 239
Ярославский Е.М. 202, 204,
205, 275, 276,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. РЕФОРМЫ В ЭКОНОМИКЕ И В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ. 1921–1925	
1. Переход к нэпу	18
2. Реформы в политической системе	39
3. Продолжение реформ	75
4. Властвующая партия	122
5. Общественные организации в условиях реформ	164
Глава II. СВЕРТЫВАНИЕ НЭПА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА. 1926–1929	
1. Начало контрреформ	209
2. Ужесточение режима. Репрессивный аппарат – ору- дие правящей партии.	234
3. Общественные организации на этапе «контрреформ»	256
4. От диктатуры партии – к диктатуре Сталина	282
5. Финал нэпа.....	304
Глава III. БЮРОКРАТИЯ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ	
1. Номенклатура: практика выдвижения, состав	326
2. Иллюзии «рабочивания» государственного аппарата.	353
3. Иллюзии борьбы с бюрократизмом аппарата власти.	373
Заключение	393
<i>Примечания</i>	401
<i>Указатель имен</i>	433

Компьютерная верстка:
Васильева Н. В., Сапрыкина Л. Г.

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
ЛР № 020768 от 15.04.98

Подписано в печать 23.05.2000 Формат 60×84¹/₁₆
Печать офсетная Бумага офсетная № 1
Печ. л. 25 Уч. изд. л. 20,61 Тир. 500 экз. Зак. 4978

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86